ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Зелье для государя

«Русский медведь» и медовая ловушка

Шелковая паутина шпионажа

Не вернувшиеся с холода

Двойной агент Джером Горсей

Л.Ю. ТАЙМАСОВА

Annotation

Европу XVI столетия с полным основанием можно было бы назвать «ярмаркой шпионажа». Тайные агенты наводнили дворы Италии, Испании, Германии, Франции, Нидерландов и Англии. Правители государств, дипломаты и частные лица даже не скрывали источников своей информации в официальной и личной переписке. В 1550-х гг. при дворе французского короля ходили слухи, что «каждая страна имеет свою сеть осведомителей за границей, кроме Англии». Однако в действительности англичане не отставали от своих соседей, а к концу XVI в. уже лидировали в искусстве шпионажа. Тайные агенты Лондона действовали во всех странах Западной Европы. За Россией Лондон следил особенно внимательно…

О британской сети осведомителей в России XVI в., о дипломатической войне Лондона и Москвы, о тайнах британской торговли и лекарского дела рассказывает книга историка Л. Таймасовой.

Людмила Таймасова
Зелье для государя. Английский шпионаж в России XVI столетия

Рецензенты: Стивен А. Грант, доктор исторических наук, Гарвардский университет; Т. Г. Леонтьева, доктор исторических наук, профессор, Тверской государственный университет.

Автор выражает сердечную признательность:

Стивену А. Гранту (Вашингтон, США), Сергею Владимировичу Карпенко (Москва, Россия) и Татьяне Геннадьевне Леонтьевой (Тверь, Россия) за всестороннее содействие, ценные советы и замечания;

Наталье Загрековой (Москва, Россия), Александру Кузьменко (Ужгород, Украина), Евгению Фоозу (Зиген, Германия) и Дмитрию Чепелю (Москва, Россия) за помощь в переводах со старонемецкого, старопольского и латыни;

сотрудникам Библиотеки Конгресса США и Британской национальной библиотеки за консультацию по вопросам поиска архивных материалов и расшифровки средневековых рукописных текстов.

Пролог

Европу XVI столетия с полным основанием можно было бы назвать «ярмаркой шпионажа». Тайные соглядатаи наводнили дворы Италии, Испании, Германии, Франции, Нидерландов и Англии. Правители государств, дипломаты и частные лица не скрывали источников своей информации в официальной и личной переписке. В 1550-х гг. при дворе французского короля ходили слухи, что «*каждая страна имеет свою сеть осведомителей за границей, кроме Англии*». Однако англичане не отставали от своих соседей. Владея разветвленной сетью осведомителей, они предпочитали не афишировать такого рода деятельность. В 1559 г. английский посол жаловался в письме к государственному секретарю на дороговизну путешествия в Аугсбург, т. к. много средств уходило на «*слуг, лошадей, одежду, отправку депеш с почтой, развлечения, официальные визиты, оплату шпионов, чаевые в гостиницах, ежедневные расходы — как обычные, так и экстраординарные*».

В странах Западной Европы услугами тайных осведомителей пользовались настолько широко, что современники по этому поводу иронизировали. О вернувшемся из Лондона в Париж в 1566 г. господине де Фоа говорили, что его дворецкий теперь получит больше времени для отдыха, *«а то бедняге приходилось почти каждое утро подниматься чуть свет, чтобы открывать двери шпионам своего хозяина»*. В 1572 г. один из английских дипломатов писал государственному секретарю: «*У королевы-матери так много шпионов за границей, что они боятся друг друга*»[1].

К концу XVI в. англичане лидировали в искусстве сбора секретных сведений. Тайные агенты Лондона действовали во всех странах Западной Европы. Так, папский нунций во Фландрии писал в 1580-х гг., что, по его мнению, английской королеве каким-то непостижимым образом удается проникать во все дела. У испанцев вызывало беспокойство, что Елизавета видит все насквозь. Испанский посол во Франции предупреждал Ватикан, что многие английские религиозные (католические) изгнанники являются шпионами. В

папской курии обсуждался неприятный вопрос, что королева Елизавета I имеет своих агентов в окружении Папы[2].

Выдающихся успехов в области шпионажа Англии удалось добиться благодаря деятельности сэра Уильяма Сесила, возглавлявшего правительство королевы Елизаветы I на протяжении полувека. Обладавший удивительной работоспособностью, феноменальной памятью и талантом прирожденного политика, он создал идеальную машину государственного аппарата, где каждый «винтик» работал согласно его воле. Через руки сэра Уильяма проходила вся иностранная корреспонденция, ни один законопроект не мог вступить в силу, не получив его одобрения. Сесил решал вопросы о назначении на должность, оформления лицензии на врачебную деятельность или освобождения преступника из-под стражи. Для него не существовало «неважных» дел. Не будет большим преувеличением сказать, что вся Англия находилось под неусыпным оком сэра Уильяма Сесила. Его «правой рукой» являлся сэр Френсис Уолсингем, которого не без основания считают «гением шпионажа». Разветвленная сеть агентов и отлаженная система сбора и передачи разведывательной информации были организованы под его непосредственным руководством.

Дипломатическая курьерская почта в XVI в. действовала на постоянной основе. Из Венеции в Брюссель письма доставлялись за 5 дней, из Брюсселя в Лондон — от 2 до 6 дней в зависимости от погодных условий. Из Рима в Венецию курьеры добирались за неделю, из Венеции в Нюрнберг — за 8 дней. Экстренные депеши доставлялись в два раза быстрее. Горячие новости ценились на вес золота. Если плата обычного курьера была чуть выше жалованья солдата, то доставка экспресс-почты оплачивалась суммой, которая могла превышать годовое жалование профессора Падуанского университета[3].

Донесения агентов содержали сведения различного характера: о военных приготовлениях и о скандалах при дворах, о тайных переговорах и о коммерческих сделках на стратегические товары, об уголовных процессах и эпидемиях. Особо важные послания зашифровывались с помощью тайнописи. В августе 1582 г. королева Елизавета I высказала недовольство послу Кобхему по поводу того, что его сообщение касательно короля Наварры не было зашифровано,

депеша вскрыта, и все подробности негоциации оказались в руках врагов. Она настойчиво рекомендовала больше не допускать таких промахов и использовать тайнопись[4].

В отделе манускриптов Британской библиотеки сохранились шифровки с приложением раскодированного текста. Важное место в таких документах отводилось сообщениям о… соли: о ее поставках в воюющие страны или о заключении коммерческих сделок на суммы в 200 000 дукатов и больше. Следует отметить, что в донесениях речь шла о «белой соли», которая в отличие от «морской» представляла собой стратегический товар, т. к. являлась исходным сырьем для производства пороха.

Для изготовления пороха требовались три компонента: калийная селитра, сера и уголь. Основу пороховой смеси составляла калийная селитра, на ее долю приходилось от 65 до 75 процентов. Природная селитра встречалась в виде залежей в Индии, Персии и Египте. Арабы называли это вещество «китайский снег», византийцы — «индийская соль».

Расход «индийской соли» был настолько велик, а стоимость так высока, что в Европе предпринимались попытки наладить добычу калийной селитры из навоза, фекалий, пищевых отбросов или трупов. Белый кристаллический налет соскабливали со стен пещер, отхожих мест и склепов. Первое сообщение о получении селитры таким способом во Франкфурте относится к 1388 г.[5] Однако длительность процесса образования кристаллов (от 3 до 5 лет) и трудоемкость извлечения готовой селитры, которое требовало до 36 промывок и выпариваний, а главное — ничтожность выхода конечного продукта (около 0,2 %)[6], заставили алхимиков обратиться к другому способу.

С древних времен алхимики знали, как можно получить «индийскую соль» искусственным путем. Для ее изготовления требовались натриевая (или кальциевая) селитра, квасцы, медный (или железный) купорос и поташ. При нагревании натриевой селитры с медным купоросом и квасцами получали азотную кислоту. Смешивая азотную кислоту и поташ (обычный белый пепел, который остается от сгоревшей древесины), изготавливали калийную селитру.

В Средние века основным источником натриевой и кальциевой селитры являлись соляные промыслы. Селитроносная порода лежит обычно на пласте поваренной соли, ее извлечение производится с

помощью кипячения и отстаивания насыщенного соляного раствора. Процесс извлечения натриевой селитры носил название «получение соли из соли» («to make salt upon salt»). Конечный продукт представлял собой белые кристаллы солоноватого вкуса, использовался как для заготовки рыбы или мяса, так и для изготовления калийной селитры.

Обладание запасами дешевой «белой соли» позволяло снизить себестоимость пороха и занять лидирующее положение среди других стран по продаже товара, столь необходимого воюющим странам. Документы свидетельствуют, что на протяжении всего XVI в. Англия боролась с неослабевающим упорством за монополию на европейском соляном рынке. Московия попала в поле зрения Англии в самом начале столетия, когда цены на соль внутри России значительно снизились. Если в 1499 г. «мех», или мешок, соли в Пскове стоил 35 денег, то в 1510 г. каргопольцы покупали товар уже в два раза дешевле{7}. Падение цен, скорее всего, было связано с открытием богатых соляных месторождений в Вычегодске и с активной предпринимательской деятельностью братьев Степана, Осипа и Владимира Федоровичей Строгановых.

Часть 1
Кафтаны «а-ля рюс»

В праздник Прощеного воскресенья, 10 февраля 1510 г., в Вестминстерском дворце состоялся бал-маскарад, на котором присутствовали все иностранные послы, находившиеся в то время в Лондоне. Король Генрих VIII появился в бальной зале в роскошном наряде турецкого паши. Его сопровождали два лорда «*в русских костюмах*»: в длиннополых кафтанах, в сапогах с загнутыми носами, в шапках из «*серого меха*» и с топориками на плечах. В отличие от белоснежных одежд телохранителей великого князя, кафтаны англичан были изготовлены из желтого шелка, отливавшего золотом царских одежд{8}.

Благодаря маскарадным костюмам короля и его приближенных в центре внимания английских аристократов и европейских дипломатов оказались две темы: мода весеннего сезона и взаимоотношения Москвы и Константинополя. Обе темы были тесно связаны между собой. Интерес иностранных послов и английских придворных к модным новинкам не был праздным. На состоявшемся в январе заседании парламента был принят к рассмотрению проект «Закона, ограничивающего ношение дорогостоящей одежды». Решение парламента могло коренным образом повлиять на международные торговые связи, отражавшие, в свою очередь, приоритеты внешней политики Англии.

Аналогичные законы вводились при королях Эдуарде IV в 1463 г. и Ричарде III в 1483 г. Акты регламентировали виды тканей, их стоимость, расцветку и покрой платья для представителей различных сословий. За нарушение королевских указов предусматривались высокие штрафы за каждый день ношения одежды, не соответствовавшей сословной принадлежности. Многие англичане были вынуждены отказаться от роскошных заграничных шелков и перейти на шерстяные ткани отечественного производства. Дешевый вид одежды они компенсировали богатством меховой оторочки. Не удивительно, что во второй половине XV в. среди английской знати большую популярность приобрел русский соболь и другие виды

пушнины. Русские меха в Лондон привозили ганзейские купцы, скупая «мягкую рухлядь» в Новгороде.

Проект «Закона», представленный Генрихом VIII в январе 1510 г., предусматривал новые ограничения. Подданным, не имевшим титула лорда, запрещалось носить одежду из золотых и серебряных шелковых тканей, из шерстяных тканей, изготовленных за пределами Англии, а также — мех соболя. Тем, кто не являлся кавалером ордена Подвязки, запрещалось носить одежду из бархата или других видов шелковых тканей голубого цвета. Подданным ниже рыцарского достоинства запрещалось шить одежду из шелка узорчатого, а также алого цвета. Бедным слоям населения с годовым доходом в 20 фунтов и ниже запрещалось носить одежду из любых видов шелковых тканей[{9}].

В деловых кругах Лондона не сомневались, что введение ограничения на импортные шелковые ткани подорвет торговлю купцов, поставлявших в Англию бархат и атлас. Падение спроса на ткани неизбежно приведет к сокращению производства дорогих шелковых тканей в Италии, Франции и Нидерландах, что, в свою очередь, пагубно скажется на доходах Ватикана, который на монопольной основе снабжал европейских ткачей квасцами для протравки тканей. Природный минерал являлся главным источником доходов папской курии. Золото, вырученное за продажу квасцов, предназначалось для организации Крестовых походов против Османской империи[{10}].

«Венедицкий» бархат

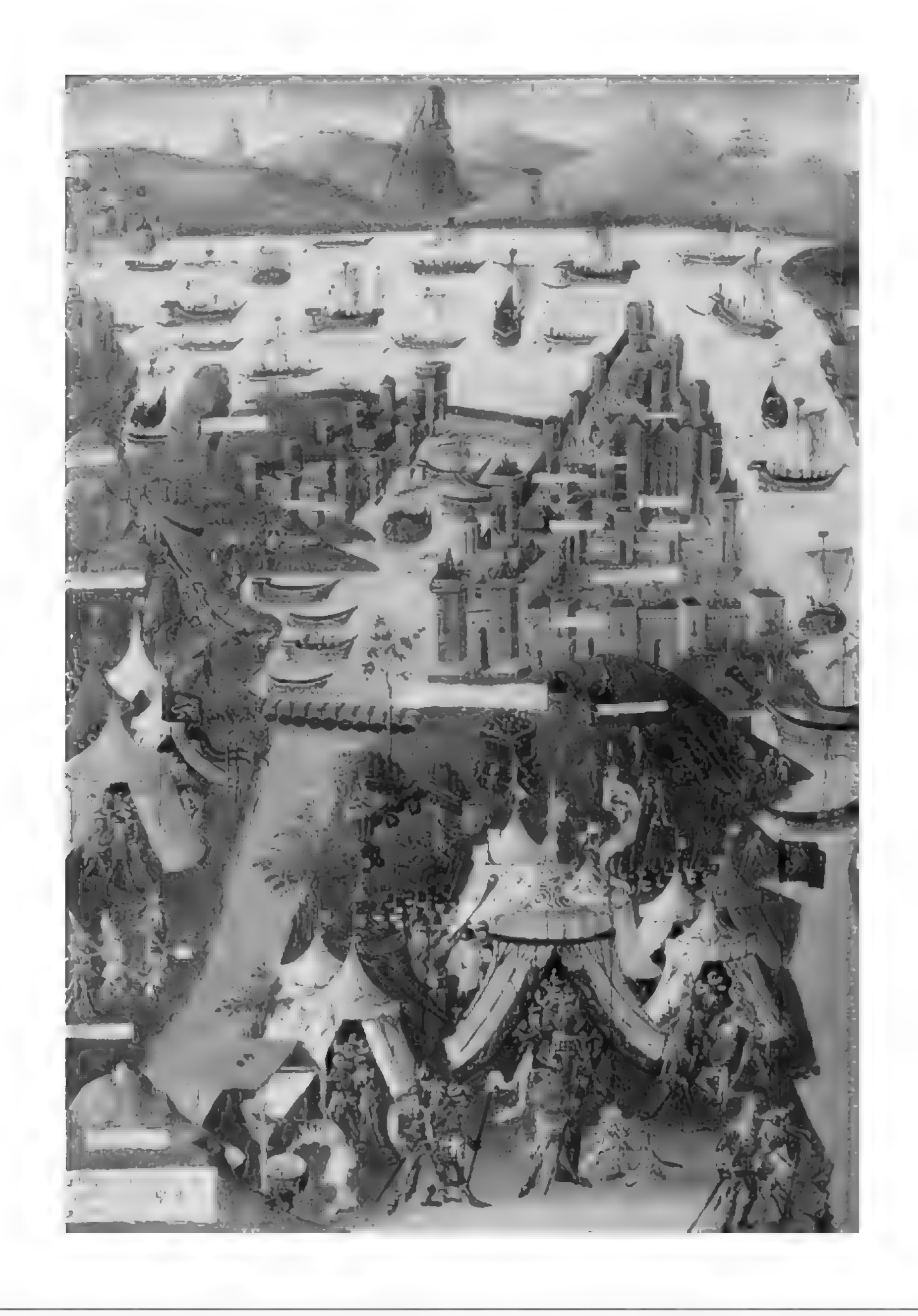
Принято считать, что итальянские квасцы использовались главным образом в красильном производстве. Однако для протравки тканей требовалось ничтожное количество сырья. Протравочный расствор изготовлялся из расчета 10 грамм квасцов на 1 литр воды[{11}]. Небольшие залежи квасцов были известны в Италии (Неаполь), Испании (Картахена), Франции (Льеж), Фландрии (Брюгге), Англии (Бристоль). Местная добыча целиком обеспечивала нужды текстильной отрасли. При этом объем ежегодной добычи и продажи итальянских квасцов исчислялся в десятках тысяч кантаров (1 кантар — около 50 кг). То колоссальное количество сырья, которое поставлялось Ватиканом на европейский рынок, свидетельствует, что его основная часть применялась в пороховом деле.

До середины XV в. крупные партии квасцов поступали из Малой Азии, Фракии, Нубии и Аравии через Константинополь, а также с Фокейских рудников, которыми владела Венеция. Расширение производства искусственной калийной селитры позволило поставщикам пороха увеличить объем выхода готового продукта, и к 1410 г. порох подешевел в два раза[{12}]. Однако искусственная селитра обладала большей гидроскопичностью. Порох слипался в комки, которые приходилось толочь, поэтому природная селитра ценилась выше. Венецианские купцы обманывали покупателей, добавляя искусственную селитру в природный минерал. В 1445 г. в Германии появился трактат с описанием метода, позволявшего определить качество селитры: «*Для испытания получаемой из Вененции селитры следует вложить в нее руку, которая по вынутии не должна быть мокра. По вкусу и посредством кристаллизации узнают, есть ли в селитре примесь соли или квасцов*».

В то же время, искусственная селитра обладала теми же свойствами, что и природная. Проблему удалось решить после того, как стали применять зернение: в пороховой порошок добавляли небольшое количество вина и протирали полученную тестообразную массу через сито. При этом оказалось, что «*два фунта пороха в зернах действуют сильнее, чем три фунта незерненого*». К середине XV в.

тайна изготовления искусственной калийной селитры из квасцов была разгадана, практически, во всех странах Европы. Порох еще больше подешевел, когда воюющие стороны стали покупать не готовую искусственную калийную селитру, а квасцы и натриевую селитру.

Повышение мощности пороховой смеси и ее удешевление позволило сделать качественный скачок в артиллерии. На полях сражений стали применяться чугунные и свинцовые ядра. Все шире использовалось ручное оружие и «эспаньоли», из которого выстреливали от 5 до 10 пуль, одна за другой. Пушки отливали на специализированных литейных заводах в Германии, Франции и Венгрии. В 1453 г. в Аугсбурге впервые была проведена экспериментальная стрельба в цель[13].



Осада Константинополя султаном Мехмедом II Завоевателем 29 мая 1453 г. Гравюра XV в.

В том же году Мехмед II завоевал Константинополь с помощью пушек, отлитых венгерскими литейщиками. За 55 дней осады было израсходовано около 55 000 фунтов пороха. Военные издержки султана быстро окупились. Захватив константинопольский рынок, султан закрыл коридор, по которому в Европу поступали дешевые квасцы. Венеция взвинтила цены на товар с Фокейских рудников. Спрос

превышал предложение, и правители христианских государств были вынуждены покупать квасцы у «неверных».

Ватикан перехватил инициативу в 1463 г., когда в местечке Тольфа, находившемся в 20 милях от Рима, Джованни де Кастро нашел обширные квасцовые залежи. Де Кастро некоторое время жил в Стамбуле, где знакомился с технологией окраски тканей. По его собственным словам, ему удалось сделать выдающееся открытие в Тольфе, когда он обратил внимание на растение, которое ему приходилось видеть в тех местностях Малой Азии, где добывались квасцы. Рядом с растением он обнаружил белый камень, кисловатый на вкус. Прокаливание породы показало, что квасцы из Тольфы обладают необходимыми качествами. В Риме сообщение де Кастро вначале было воспринято с недоверием, но затем Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини) возблагодарил Бога.

Во время аудиенции в Ватикане Джованни де Кастро произнес пламенную речь перед Папой: «*Сегодня я принес тебе победу над турками. Ежегодно они вымогали у христиан 300 000 дукатов за квасцы, которые нужны нам для прокраски тканей. Я открыл семь гор, настолько богатых веществом, которое где-либо еще на Западе встречается в ничтожных количествах и всего в нескольких местах, что мы сможем обеспечить им семь восьмых мира. И у нас достаточно воды для устройства рудников, которые дадут нам необходимые средства. Таким образом, мы сможем вернуть колоссальную прибыль, отобранную у нас Турцией, и новый источник природного богатства обеспечит тебя всем необходимым для ведения Священной войны*»[14].

Папа признал открытие месторождения величайшей победой христианства над мусульманами. Он отметил заслуги де Кастро, сказав, что тот достоин памятника на центральной площади Рима. Вскоре Джованни де Кастро скончался, не успев ничего получить, кроме славы. Все права на добычу квасцов в Тольфе достались трем компаньонам. В разработку месторождения в Тольфе генуэзские купцы вложили 20 000 дукатов, Козимо Медичи — 70 000 дукатов. Третьим партнером стал Ватикан. Папа оставил за собой право продавать квасцы в Венецию, которая лишилась Фокейских рудников, захваченных Портой в 1455 г. Он наложил анафему на «турецкие» квасцы и обнародовал буллу, в которой обязывал всех христианских

правителей использовать исключительно итальянский товар и грозил отлучением от Церкви тем торговцам, кто покупал сырье у «неверных».

Богатое месторождение «белой соли», находившееся возле Лорето, позволило папской курии полностью обеспечить собственные войска дешевым порохом. Уже в 1464 г. на рудниках в Тольфе было занято до 8000 работников. Ежегодно продажа квасцов приносила Ватикану до 100 000 дукатов чистого дохода{15}. Приличия требовали, чтобы товар, который христианские короли покупали у Папы, обращали в порох и использовали на полях сражений против других христианских королей, хотя бы на бумаге служил мирным целям — для протравки шелковых тканей.

В 1466 г. право на эксплуатацию рудников в Тольфе получил Пьеро де Медичи, правитель Флоренции и главный банкир Ватикана. За два года он добился больших успехов в монополизации добычи природного сырья и в расширении рынка сбыта. Конкуренцию с неаполитанскими рудниками удалось устранить, когда между папой Павлом II (Пьетро Барбо) и королем Фернандом I было достигнуто соглашение, согласно которому сбыт квасцов из Неаполя и Тольфы объединялся сроком на двадцать пять лет; половина доходов шла папскому двору, половина — королевскому.

К 1468 г. был положительно решен вопрос о поставках квасцов в Нидерланды. Под угрозой отлучения от Церкви герцог Бургундский Карл Смелый отменил свой указ, разрешавший купцам вывозить квасцы из любого региона мира, и обязал покупать только итальянский товар. Один кантар сырья в Тольфе обходился Медичи в 3–4 дуката, на европейском рынке цена за тот же кантар составляла 18 дукатов{16}. Некоторые сложности возникли в Англии. Генуэзские купцы основали факторию в Лондоне, однако Генрих VII остался глух к воззваниям Папы и продолжал поддерживать торговые отношения с поставщиками сырья из Малой Азии{17}.

Пьеро де Медичи. Скульптура работы Мино да Фьезоле

Торговля квасцами приносила Медичи колоссальные доходы, они по праву считались самой богатой семьей Западной Европы. Римские первосвященники, кардиналы, короли и герцоги брали в банке Медичи огромные суммы для оплаты расходов на войну. Белым пятном на карте все еще оставалась Московия, представлявшая собой богатейший рынок по сбыту стратегического сырья и предоставлению кредитов.

На Руси огнестрельное оружие стало использоваться позднее, чем в Европе. Если в середине XIV в. практически все европейские армии были оснащены пушками, то первое летописное известие о применении огнестрельных орудий в России относится к 1382 г. — при обороне Москвы от орд хана Тохтамыша[18]. Очевидно, в составе

московского войска находились западные артиллеристы, т. к русские освоили обращение с оружием семь лет спустя. Голицинская летопись сообщает, что «*лета 6897 (1389 г.) вывезли из немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумети из них стреляти*». Тогда же немцы продемонстрировали технологию изготовления пороховой смеси. Эксперимент закончился неудачей: в Москве сгорело несколько дворов «*от делания пороха*»[19]. Не удивительно, что пушки и порох являлись на Руси дорогостоящей редкостью и считались достойным подарком от иностранных правителей. В 1393 г. «*прислал магистр немецкий к великому Князю посла о мире и любви, жалуючися на Псковичь и на Литву, и приела в дарех пушку медяну, и зелие, и мастера*»[20].

Русские князья, несомненно, стремились снизить затраты на огнестрельный «наряд», покупая металл у ганзейских купцов и приглашая западных специалистов-литейщиков для обучения собственных мастеров. В 1447 г. инок Фома хвалил тверского мастера Микулу Кречетникова: «*Таков беяше той мастер, яко и среде немец не обрести такова*»[21]. Помимо артиллерии и боеприпасов важной статьей военных расходов являлся порох, а точнее — калийная селитра. При отсутствии залежей природной селитры русским на протяжении длительного времени приходилось покупать природный минерал у иностранных купцов, позднее — приглашать западных мастеров для организации селитряного дела.

Термин «селитра» появился на Руси сравнительно поздно — во второй половине XVI в. — в переписке московского правительства с англичанами. Во внутренних документах использовалось слово «ямчуг». Первые сведения о «ямчужном деле», т. е. извлечении кристаллов калийной селитры из органических остатков путем выпаривания, относятся к 1545 г. В разметном списке, составленном по случаю приготовлений к казанской кампании, указывалось количество «*пищального зелья*», или пороха, взимаемого в качестве налога в натуральном выражении либо деньгами. В грамоте говорилось: «*А которым людем зелья добыти не мочно, и Государь Великий Князь велел тем людем дати мастеров емчюжных и пищальников; а велел им варити зелье тем людем собою, а мастером им указывати*»[22]. По наблюдениям исследователей, в правительственном документе понятия «делать порох» и «варить

ямчуг» смешивались[23]. Это дает основание предположить, что и в 1540-х гг. ямчужный промысел являлся делом новым и еще не освоенным для Московии.

Отлив пушки в Москве в конце XV в. Лицевой летописный свод

Познакомившись с «огневым боем» в конце XIV столетия, московиты первоначально покупали на Западе готовый порох. Смертоносный порошок получил название «зелье» по аналогии с ядом, составленным из нескольких ингредиентов. Позднее, узнав пропорции пороховой смеси, на Руси стали приобретать ее основные составляющие — калийную селитру и серу. Скорее всего, название

«соль» для калийной селитры в русском языке было усвоено в искаженном виде из итальянского или немецкого языка (Salnitro — итал., Salpeter — нем.). При изобилии собственных соляных промыслов (на Двине, в Старой Русе, в Соли Галичской, в Неноксе, в Усолье, в Нерехте, в Ростове, в Переславле-Залесском), в XIV–XV вв. русские купцы покупали «соль» у ганзейских, астраханских и сурожских купцов.

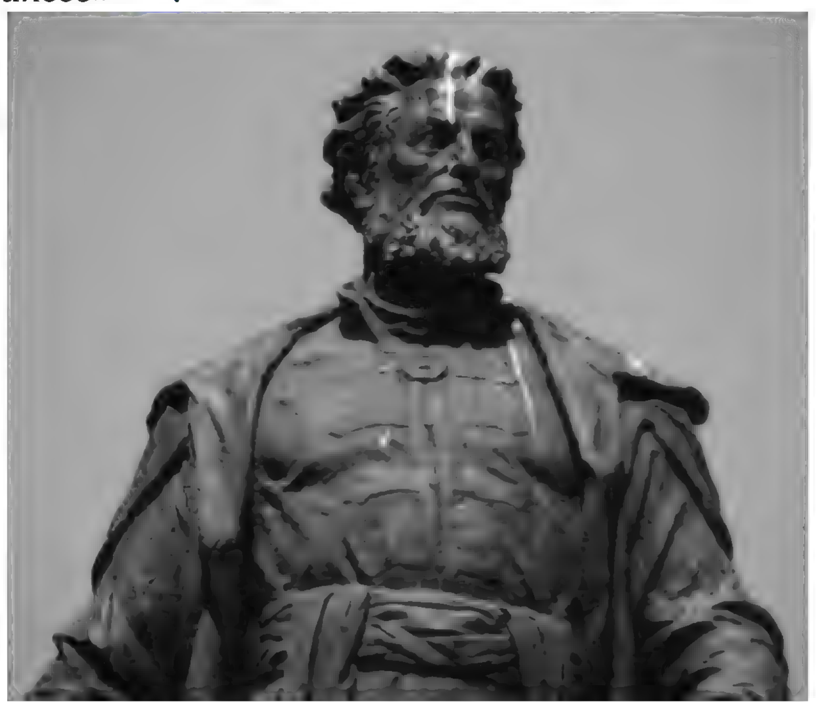
После завоевания Константинополя Османской империей цены на «соль» у сурожан и ганзейских купцов значительно выросли. В конце 1460-х гг. Москва и Тверь предприняли попытки наладить прямые поставки сырья из Азии. Летом 1467 г. Иван III одарил посла ширванского шаха богатейшими дарами: тот вез из Москвы 90 кречетов. Вместе с ним отправились в Дербент Афанасий Никитин и другие тверские и московские купцы в надежде дешево купить «*белой товар*». Однако ширваншах отказал русским, мотивируя тем, что желающих слишком много. Получив отказ, Афанасий Никитин, по совету «бусурман», отправился в Чюнере, а затем в Бедер. Но и здесь его постигло разочарование: «*Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нет ничего на нашу землю: все товар белой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошлины не дают*»[24]. Как видно из текста, «белой товар», переправлявшийся в Дербент в мешках из воловьих шкур («ачеи» — волы), не облагался торговой пошлиной в Ормузе. Привилегии в налогооблажении означали, что «белой товар» представлял собой стратегическое сырье и его поставки контролировались властями.

В тот год, когда тверич Афанасий Никитин отправился за «белым товаром» в Дербент, Иван III обратился к Риму. Возможно, мысль о сближении с Ватиканом была подсказана великому князю Жаном Батистом делла Вольпе. Вольпе, или «Иван Фрязин» — в русских источниках, с 1450-х гг. служил монетчиком при дворе Ивана III и входил в его ближайшее окружение.

Инициатива Москвы встретила поддержку в Ватикане, а также в Венеции, где находилась главная контора банка Медичи. Десятого июня 1468 г. казначей папской курии выдал 48 дукатов Николаю Джислардии и «*греку Юрию*» Траханиоту, направленным к делла Вольпе в Москву[25]. Посланники Папы прибыли с проектом брака

Ивана III и Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора Константина XI, получившей воспитание при папском дворе.

Русские источники сообщают, что на переговорах помимо матримониальных вопросов речь шла о создании антитурецкой коалиции, о привлечении Орды и совместном походе против Порты: «*Князь же венецейскый здума з бояры своими, хоте итти на турскаго царя, что въ Царьграде седить, и взявъ за собою крестияньскый град, и церковь великую Софию в мизгить учини, юже създа Устиянъ великий царь. И не можаше единъ, и восхоте Орду подняти с собою, но не знааху гражане его, куды послу доитти до Орды. И слыша, что от Руси есть путь, и нача чтити Фрязина, и дарити, и говорити, чтобы посла его взял на Русь с собою да велелъ проводити до Орды. Фрязинъ же обещася. Веземъ посла его, и прииде к великому князю, и речи все папины сказа, а посла того гостем назва, а царевну на иконе написану принесе*»[26].



Тверской купец Афанасий Никитин. Фрагмент памятника в Твери

Договоренность по всем вопросам была достигнута не позднее октября 1470 г.[27] В начале следующего года Лоренцо де Медичи

заключил с Папой контракт, согласно которому взял на себя обязательство вывезти из Тольфы 70 000 кантаров (3,5 тыс. тонн) квасцов по цене 2 дуката за кантар, т. е. на 140 000 дукатов[28]. Скорее всего, огромная партия сырья предназначалась для изготовления и последующей поставки готового пороха северному соседу.

Послы Ивана III со свадебными подарками прибыли в Рим 20 мая 1472 г. К сожалению, это знаменательное событие прошло в Риме практически незамеченным. Единственным свидетелем, который сообщил о въезде в Вечный город сватов великого князя, оказался Яков Маффей из Вольтерры, секретарь кардинала Амманати. Внимание горожан в тот момент было сосредоточено на кровавых событиях, происходивших в соседнем городе — Вольтерре, где решался вопрос о правах на разработку нового месторождения квасцов.

В 1470 г. в окрестностях тосканского города Вольтерра были обнаружены залежи квасцов. Несколько предприимчивых горожан от своего имени предложили Лоренцо де Медичи войти в долю. По истечении некоторого времени остальные жители Вольтерры поняли, что упустили большую выгоду. Они направили адвокатов во Флоренцию с требованием изъять из частных рук источник богатства, найденный на общественной территории. В самой Вольтерре горячие споры сторон о правах на рудники завершились беспорядками. Несколько богатых жителей были убиты, их дома разграблены и сожжены. Горожане потребовали от Флоренции вернуть старинные привилегии города, в противном случае отказывались подчиняться. Во Флоренции ультиматум Вольтерры вызвал негативную реакцию. Правители пригрозили ввести войска. Горожане укрепили городские стены и разослали петиции в соседние города с просьбой о помощи. Один из жителей Вольтерры, Томмазо Содерини, призывая прекратить противостояние, привел в качестве аргумента старинную тосканскую пословицу: «*Лучше бедный мир, чем богатства победы*»[29].

Вольтерра продержалась 25 дней. Правительственные войска окружили крепостные стены 16 июня 1472 г. Через два дня, не дождавшись помощи, горожане капитулировали. Солдаты разграбили дома и храмы, вырезали жителей и сожгли город. Известие об этом было воспринято во Флоренции с большим одобрением. Лавры победителя и главный трофей — месторождение квасцов — достались Лоренцо Медичи, получившему прозвище «Великолепный».

Лоренцо де Медичи. Художник Дж. Вазари

В разгар борьбы за обладание рудниками в Вольтерре, 24 мая 1472 г., по сообщению Якова Маффея, отцы церкви собрались в Ватикане на совещание по поводу прибытия послов из Московии. Проект брака был одобрен, и на следующий же день посланник великого князя был принят в «*тайной консистории*». С завершением дела невероятно торопились. Заочное обручение было назначено на 1 июня.

Накануне церемонии невесту великого князя посетили жена Лоренцо де Медичи, донна Клариче, и его придворный поэт Луиджи Пульчи. Их мнения по поводу внешности византийской принцессы разделились. Донна Клариче нашла Софью Палеолог красавицей.

Поэту она показалась «толстой» и «жирной», а в переносном значении — «источником богатства»[30]. Обыгрывая тосканскую пословицу и события в Вольтерре, он передал свои впечатления в письме к патрону следующим образом: «*Мы вошли в комнату, где на высоком помосте сидела в кресле раскрашенная кукла. На груди у нее были две огромные турецкие жемчужины, подбородок двойной, щеки толстые, все лицо блестело от жира, глаза распахнуты, как плошки, а вокруг глаз такие гряды жира и мяса, словно высокие дамбы на По. ‹…› С тех пор мне каждую ночь снятся горы масла, жира, сала, тряпок и прочая подобная гадость*»[31].

Историческая часть г. Волатерра. Современный вид

Видения Луиджи Пульчи, видимо, были наполнены предчувствием огромной прибыли, которую сулило Лоренцо Великолепному участие московского князя в войне с «неверными». Настроение итальянцев было приподнятым, все ждали великих перемен. При большом скоплении народа 1 июня из гавани Остии вышли 28 галер, нагруженных артиллерией и боеприпасами. Папа торжественно благословил полковые знамена крестоносцев в соборе Св. Петра. В тот же день состоялось заочное обручение Софьи Палеолог и Ивана III.

Невеста-сирота не осталась без приданого. Помимо подарков, по распоряжению Папы, из фонда, предназначенного для финансирования Крестовых походов и пополнявшегося за счет продажи квасцов, 20

июня 1472 г. Лоренцо де Медичи выдал 6000 дукатов. Деньги предназначались «*для известных расходов, которые она (Софья. — Л.Т.) должна сделать по случаю своего путешествия в Россию*»[32]. Выделенная сумма была потрачена, скорее всего, на закупку артиллерии, боеприпасов и пороха. Четыре дополнительные галеры получили благословение Папы, спешно прибывшего в порт верхом.

Возможно, «приданое» Софьи Палеолог явилось тем решающим фактором, который обеспечил победу русского воинства над ханом Ахматом на Оке 1 августа 1472 г. Летописные источники рассказывают о войске великого князя, отмечая необычный вид воинов в полированных латах: «*А случися тогды день солнечный: якоже море колиблющеся или яко озеро синеющися, все в голыхъ доспесех и в шеломцехъ сь аловци*». Татары были поражены экипировкой передового отряда русских. Узнав, что основные силы великого князя «*стоят*» в соседних городах, хан Ахмат отступил[33].

Нельзя сказать, чтобы отношения России с Италией носили безоблачный характер. Осенью 1473 г. в Москве разразился скандал: представитель венецианской сеньории Жан-Батист Тревизан был обвинен в интригах и тайных сношениях с татарами. Его приговорили к смертной казни. За итальянца заступился Совет Десяти. В своем послании к великому князю сеньоры просили помиловать Тревизана, т. к. его действия имели целью направить татар против общего врага христиан, для завоевания той Восточной империи, «*которая, за недостатком наследников мужского пола, составит удел князя московского в силу этого знаменитого брака*»[34]. Впервые Константинополь был объявлен вотчиной Ивана III. Безусловно, Совет Десяти действовал в полном согласии с Ватиканом. Как только в Риме получили сообщение о помиловании Тревизана, Папа направил к великому князю грамоту с предложением принять участие в Крестовом походе на Стамбул[35]. Свое предложение Ватикан подкрепил посылкой амуниции и специалистов в области фортификации и артиллерии, среди которых находился «*пушечник нарочит*» Аристотель Фиораванти[36].

Софья Палеолог. Антропологическая реконструкция

Документы умалчивают, в какую сумму обходилось наращивание военного потенциала казне Московского княжества. Надо полагать, что торговые операции приносили Риму ощутимый доход. В то же время Московия все еще оставалась вне сферы влияния итальянских ростовщиков. Не вызывает сомнений, что банк Медичи предпринимал определенные усилия для привлечения северного соседа к системе международных займов.

Осенью-зимой 1476 г. в Москве находился Амброджо Контарини, представитель венецианских торговцев оружием в Персии. За четыре месяца он удостоился чести побывать на четырех обедах у великого

князя. Во время встреч была достигнута договоренность о дальнейшем сотрудничестве с Венецией. Иван III выразил желание послужить «*светлейшей синьории*», а также заплатить долги Контарини татарам и русским. По словам венецианца, последняя аудиенция завершилась следующим образом: «*Мне была поднесена большая серебряная чаша, полная медового напитка, и было сказано, что государь приказывает мне осушить ее всю и дарует мне эту чашу. Такой обычай соблюдается только в тех случаях, когда хотят оказать высшую честь либо послу, либо кому-нибудь другому. Однако для меня оказалось затруднительным выпить такое количество — ведь там было очень много напитка! Насколько я помню, я выпил только четвертую часть, а его высочество, заметив, что я не в состоянии выпить больше, и заранее зная к тому же об этом моем свойстве, велел взять у меня чашу, которую опорожнили и пустую отдали мне*»[37].

Поскольку Иван III был осведомлен о том, что Контарини не в состоянии выпить поднесенную чашу с хмельным напитком, то, следовательно, жест великого князя носил символический смысл: под медом подразумевалось золото. Долги точно так же губительны, как слишком большая чаша меда, а ростовщичество затягивает должников в долговую яму. Точка зрения Ивана III получила отражение в его духовной грамоте, составленной в 1504 г. Своим сыновьям он завещал «*закладней не держать*»[38]. Великий князь предпочитал избегать долговых обязательств и оплачивать поставки вооружения чистым серебром.

В последующие десять лет Иван III приобрел репутацию сильного, опасного и жестокого правителя. В 1476 г. русская рать «*ходила на немцев*» *и* вернулась с богатой добычей, взяв «*много полону*». В том же году «*князь же великый изыма архиепископа Новогородскаго в Новегороде Феофила в коромоле и посла его на Москву и казну его взя, множество злата и сребра и съсоудовъ его*»[39]. В 1478 г. Новгород выплатил Москве огромную контрибуцию. Если верить сообщению Кобенцеля, великий князь вывез из разоренного города триста фур золота и серебра[40]. Тогда же Заволочье и Двинская земля были обложены данью. В 1480 г. стояние на Угре завершилось победой московитов. Дань, собиравшаяся для Орды с 1471 г., осталась в великокняжеской казне[41]. Помимо этого,

как отмечают исследователи, в Московском княжестве «*в конце XV в. резко возросли государственные подати и повинности*»[42].

Однако в 1484 г. оказалось, что великокняжеская казна пуста. Летописи указывают, что виновницей растраты являлась Софья Палеолог, которая «*много истеряла казны великого князя, кое брату (брат великой княгини Андрей Палеолог, посетил Россию в 1480 г. — Л.Т.) давала, кое племяннницу (Мария Андреевна Палеолог, жена кн. Василия Верейского. — Л.Т.) давала ‹…› и много давала*». При дознании выяснилось, что в передаче ценностей принимали участие итальянские денежных дел мастера. Великий князь «*Тодыж и Фрязи наймовал и мастеров серебряных*»[43].

Неприятности постигли итальянских «денежников» не только в России; в конце 1480-гг. Дом Медичи переживал кризис. В 1490 г. по инициативе Лоренцо Великолепного была проведена денежная реформа, которая вызвала рост цен и возмущение в народе. Савонарола с соборной кафедры обвинил Лоренцо де Медичи в разорении государства и растрате средств граждан, вложенных в городскую кассу. Кроме этого, финансовый крах постиг филиалы банка Медичи в Англии и Фландрии. Лоренцо Великолепный скончался в 7 апреля 1492 г., его приемником стал старший сын Пьеро. Наследнику не удалось поправить дела, семья Медичи была вынуждена бежать из Флоренции. Монополия на торговлю квасцами вернулась к папской курии. Избранный в августе того же года Папа Александр VI (Родриго Борджиа) пользовался в Европе репутацией «чудовища разврата» и «аптекаря сатаны».

В Московском Кремле чутко реагировали на события в Италии, добиваясь уступок на поставки стратегических металлов, селитры, серы, а также военных специалистов. В конце XV — начале XVI в. при дворе великого князя работали многие фортификаторы, «пушечники» и иные мастера. Под руководством архитекторов Петра Фрязина, Алевиза Старшего, Алевиза Нового был отстроен Кремль, возведены церкви и налажено производство пороха на «Алевизовом» пороховом дворе.

Не отставая от своих западных соседей, московиты с большим успехом перенимали опыт внешней разведки. Сбор и передача сведений из-за границы велись через платных агентов — «сходников», которые «сходились» с послами или лазутчиками для передачи

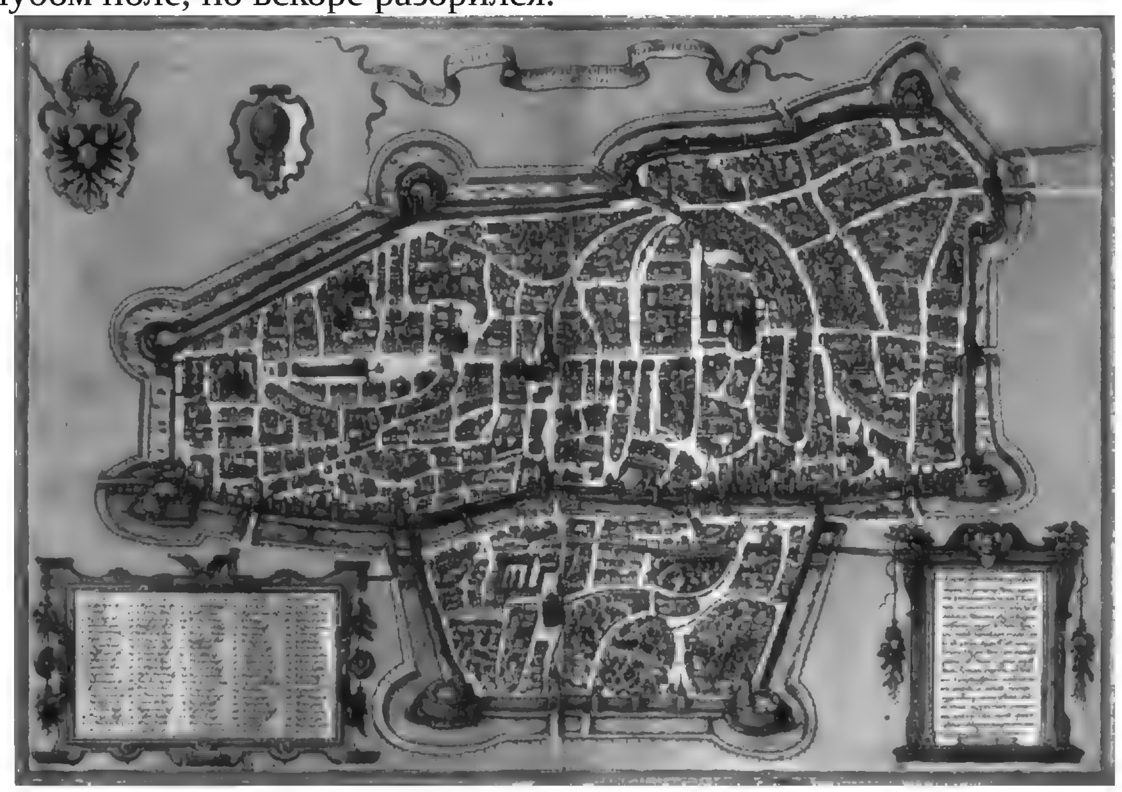
«вестей». По наблюдениям исследователей, первое упоминание о русских «сходниках» относится к 1499 г.[44], когда московскому послу, отправлявшемуся в Вильно, было рекомендовано обратиться к «*попу Федке Шестакову*» и получить от него новости различного характера, в том числе и последние городские слухи: «*каково будет слово или речь, или дело которое*»[45]. Донесения лазутчиков, несомненно, принимались во внимание при составлении «наказов» послам, отправлявшихся с дипломатическими миссиями.

Московский Кремль при Иване III. Художник А. М. Васнецов

Весной 1500 г., прослушав проповедь папы Александра VI по поводу Крестового похода, русские послы отказались участвовать в торжественной процессии в Венеции[46]. Москва продемонстрировала пренебрежение к идее завоевания Константинополя и свою готовность разорвать торговое соглашение с Ватиканом на поставку амуниции. Вызывающее поведение дипломатов объяснялось тем, что на русском рынке у итальянских монополистов появился сильный конкурент — Аугсбург.

Искусство аугсбургских ткачей

В Аугсбурге находилась головная контора Дома Фуггеров, контролировавшего рынок стратегических металлов в Западной Европе. Основу богатства семьи заложил ткач Ганс Фуггер, поселившийся в Аугсбурге в 1357 г. Продавая ткани и квасцы для протравки, к 1396 г. он стал одним из богатейших и уважаемых налогоплательщиков города. Его старший сын Андреас продолжил торговое дело. Он увеличил семейный капитал, торгуя тканями и скупая земли. Внук Ганса, Люкас, получил от императора Фредерика III дворянский герб с изображением золотого оленя на голубом поле, но вскоре разорился.



Карта Аугсбурга XVI в.

Более удачливым оказался младший сын Ганса, Якоб по прозвищу «ткач», получивший герб с изображением лилии на золотом и голубом поле. Он возглавлял гильдию ткачей и исполнял должность

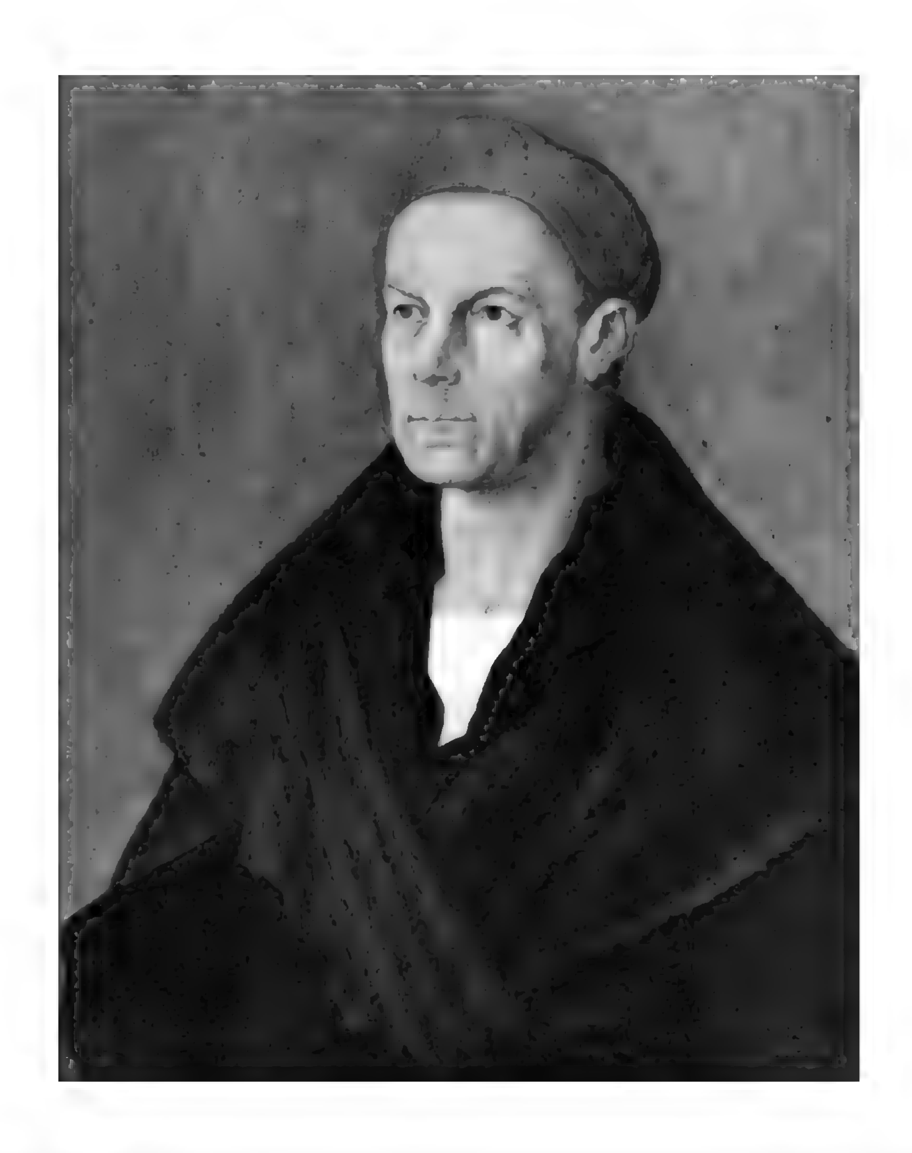
бургомистра. К 1461 г. Якоб входил в десятку самых богатых людей Аугсбурга. Но наибольшую известность приобрел сын Якоба-ткача, получивший прозвище «Якоб-богач».

Якоб-богач увеличил семейный капитал до невероятных размеров, монополизировав в Западной Европе добычу золота, серебра, меди, свинца и ртути. В 1495 г. его партнером стал Ян Турзо, которому принадлежали шахты в Северной Венгрии и Татрах. Совместно они приобрели медные рудники в Нойзоле, Госларе, Кремницах и Голлинтце. Поставки стратегических металлов велись через ганзейские города. Договор между промышленниками разграничивал сферы влияния. Фуггеры держали в своих руках торговлю металлом в странах Западной Европы и Англии. Турзо продавал металлы в землях Польской короны, в Пруссии, Великом княжестве Литовском и в Московском государстве.

Процветанию корпорации в немалой степени способствовало внедрение передовых технологий, позволявших значительно ускорить и удешевить процесс добычи руды. Так, в Словакии на четырех шахтах применялась хитроумная система колесных передач, приводившихся в движение водой. Вода подавалась из горных рек с помощью 36-километровой системы деревянных желобов и траншей.

Империя Фуггеров охватывала не только страны Европы, ее торговые агенты действовали в испанской Америке и на португальском Востоке, скупая с большой выгодой слоновую кость, золото и пряности. Не забывали они и о деле основателя Дома, поставляя льняные ткани. Однако наибольших успехов Фуггеры добились в торговле изделиями из стратегических металлов.

Военная наука в Европе развивалась стремительными шагами. Германия лидировала в производстве оружия высокого качества, быстро осваивая массовый выпуск новинок. В Данциге принимались заказы на отливку пушек. По требованию заказчика выдавалось свидетельство, что товар прошел испытания на месте литья. В 1498 г. в Лейпциге при стрельбе в цель были опробованы карабины с нарезными стволами, изобретенные Каспаром Цельнером в Вене. Дешевый порох для полевых испытаний готового оружия изготовлялся на пороховых мельницах с толчеями, которые действовали во многих местах[47]. Покупая итальянские квасцы, Фуггеры поставляли медь для артиллерии Папы.



Якоб Фуггер Богатый. Художник А. Дюрер

Другим важным источником дохода Фуггеров являлось банковское дело. С 1499 г. банк Фуггеров обслуживал Ватикан, осуществляя банковские операции в Восточной Европе. Так, в 1501 г. банк взял на себя обязательство по выплате суммы, обещанной папой Александром VI венгерскому королю Ладиславу II для Крестового похода. Девиз Дома Фуггеров в переводе с латыни означал: «Деньги — мускулы войны» («pecunia nervus bellorum»). Якоб Фуггер финансировал морские экспедиции к берегам Индии, Африки, Америки и не жалел денег на развитие науки и искусства. Фуггеры слыли добрыми католиками и примерными семьянинами. Они гордились рыжим цветом волос, который передавался по наследству,

так как, согласно семейной традиции, они брали в жены только рыжеволосых красавиц.

В Европе большую известность приобрела золотая шапочка Якоба Фуггера, сшитая по итальянской моде. Шапочка была сделана из золотой шелковой ткани, украшена жемчугом и большим розово-красным рубином овальной формы. Она представляла собой точную копию головного убора, который Карл Смелый потерял в 1475 г. в ходе сражения при Грансоне[48]. В эпоху Ренессанса в Европе была популярна пословица: «*Жди беды от лысеющих рыжеволосых людей и немцев, подражающих итальянцам*»[49]. Пословица, несомненно, имела отношение к Якобу Фуггеру — он слыл опасным человеком. Якоб-богач создал одну из первых в истории Европы частных разведслужб. Сотрудники многочисленных представительств фирмы в различных европейских странах собирали и передавали в Аугсбург информацию о политических и коммерческих делах. Донесения агентов содержали всевозможные сведения: о военных действиях в регионе и появлении на рынке больших партий какого-либо товара, о расправе с ведьмами и скандалах при королевских дворах, о природных феноменах и городских слухах[50].

В самом начале XVI столетия в европейскии придворных кругах большой популярностью пользовались слухи о частной жизни членов семей Медичи, Борджиа и Сфорца. Переписка современников поражает обилием подробностей о сексуальных извращениях, кровосмешении или убийствах с помощью тонких ядов, якобы совершенных представителями финансовой элиты Италии и римскими первосвященниками. Какая доля слухов соответствовала действительности, а какая была сфабрикована их политическими противниками, — не ясно, но на переломе XV–XVI вв. большим спросом стали пользоваться противоядия, особенно изделия из рога единорога. В Московии, несомненно, были наслышаны о коварстве итальянцев. В 1502 г. Менгли-Гирей, ходатайствуя за опального пасынка Абдыл-Летифа, прислал великому князю Ивану III перстень с обломком рога «*кагерденева, индейского зверя, коего тайная сила мешает действию всякого яда: носи его на руке и помни мою дружбу*»[51].

Удивительно, но пересуды о развратном образе жизни или изощренных убийствах обходили стороной богатейшего человека в

Риме — Агостино Чиги, банкира Папы. В 1500 г. папа Александр VI (Родриго Борджиа) передал ему монопольное право на эксплуатацию рудников в Тольфе на крайне невыгодных для Ватикана условиях. Агостино Чиги выплачивал папской курии фиксированный налог в 15 000 флоринов, остальная прибыль шла в его карман. За десять лет состояние Агостино Чиги достигло огромных размеров. Одна его вилла «Фарнезина» на берегу Тибра оценивалась в 800 000 флоринов. Те, кто удостоился приглашения побывать в палаццо, рассказывали о чудесных гобеленах, резной мебели и напольных серебряных вазах, украшавших бесчисленные комнаты дворца. Со смертью Лоренцо де Медичи он получил не только монопольное право на разработку месторождения в Тольфе, но и такое же прозвище — «Великолепный».

Агостино Чиги вкладывал крупные средства в предметы искусства, но в Европе пользовался репутацией крохобора. Рассказывали, что во время роскошных пиров, которые он устраивал на своей вилле, после каждой смены блюд в знак восхищения гости бросали в реку деньги. Говорили также, что по распоряжению Чиги рыбаки натягивали сети ниже уровня воды, чтобы собрать монеты и вернуть ему на следующее утро[52].

В отличие от Агостино Чиги, Якоб Фуггер довольствовался половиной дома в Аугсбурге (вторую половину занимал император Священной Римской империи во время своих визитов), но не жалел денег на усовершенствование литейного производства или алхимические опыты. В результате германским специалистам удалось усовершенствовать состав сплава и снизить вес пушек. Артиллерия стала такой же мобильной, как и кавалерия. Кроме того, это позволило значительно удешевить стоимость «наряда».

Москва продемонстрировала смену делового партнера в 1508 г., когда на службу к великому князю выехали из Литвы три брата — Михаил, Иван и Василий Львовичи Глинские, а также их семьи и дворовые люди. Вместе со свитой Михаила Львовича, получившего воспитание в Германии и долгое время служившего при дворе Альбрехта Саксонского, прибыл в Москву немец по фамилии Шлейниц.

Семья фон Шлейниц владела обширными землями в Саксонии, в том числе серебряными рудниками во Фрейберге. Коммерческие связи с Домом Фуггеров-Турзо приносили им немалый доход. В конце XV —

начале XVI столетия несколько представителей семьи занимали высокие посты в Католической церкви Германии. Так, Иоганн Шлейниц, епископ Мейсенский, исполнял должность легата в Польше[53]. В том же 1508 г. Василий III отправил через Михаила Глинского в Вену тайное послание к императору Священной Римской империи, в котором «*напоминал о союзе его с Иоанном и предлагал возобновить оный*»[54]. Рим потерял выгодного покупателя.

Агостино Чиги пустил в ход против германского конкурента испытанное оружие — слухи. В начале 1510-х гг. в Германии необычайную популярность приобрели легенды о «рыжих» евреях, которые отождествлялись с племенем Гог из страны Магог.

История о заточении дикого племени каннибалов Гог в стране Магог была широко известна в Европе из сочинений Иосифа Флавия, легенд об Александре Великом и текстов Ветхого Завета. Народ Гог — это могучее варварское племя, которое Александр Великий запер в «Рифейских горах». Отождествление племени Гог с десятью северными израильскими коленами, пропавшими в VII в. до н. э., произошло в европейской литературе в XII столетии. Впервые воинственные племена каннибалов названы «рыжими иудеями» в германской эпической поэме «Младший Титурель» (2-я половина XIII в.), посвященной истории королей Грааля. Легенда помещала пропавших израелитов в Индию, в страну царя Пресвитера Иоанна (Иосефа)[55]. Около 1510 г. в Аугсбурге в мастерской гравера Ганса Бургмейера был создан карикатурный портрет Якоба Фуггера в шапочке-кипе.

Слухи об иудейских корнях Якобу Фуггеру удалось замять с помощью денег. Папа Юлий II получил от аугсбургского банкира заем в 170 000 дукатов на расходы в войне против Венеции[56]. Еще 15 000 флоринов Якоб Фуггер внес в фонд города Аугсбурга для устройства приюта для неимущих ремесленников, в том числе — мастеров типографского дела[57]. Однако деньги банкира были потрачены впустую.

Летом 1511 г. когда Шлейниц отправился из Москвы в Германию для закупки вооружения и найма кнехтов[58], Риму удалось нанести серьезный удар Дому Фуггеров, подняв цены на квасцы. В августе Агостино Чиги получил разрешение от Совета Десяти на монопольную торговлю стратегическим сырьем в Венеции, ссудив

городу 20 000 дукатов. В соответствии с контрактом, он продал правителям 7000 кантаров квасцов по 18 дукатов за кантар, затем товар был перепродан на венецианском рынке через посредника по цене в 20 дукатов, установленной Чиги{59}. Стоимость пороха возросла, следом подскочили цены на артиллерию и боеприпасы германского производства.

Две кампании великого князя Василия III против польского короля Сигизмунда закончились неудачей, Смоленск взять не удалось. Для победы требовалось увеличить парк артиллерийских орудий и закупить крупную партию пороха. В оплату, скорее всего, были пущены ценности королевы Елены, сестры великого князя, вдовы короля Александра Казимировича. В книге «Елена Иоанновна, великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская» приводится выдержка из любопытного документа — «Записок ордена Миноритов». В нем говорится о загадочной пропаже ценностей покойной королевы после инвентаризации, в проведении которой принимал участие русский дьяк.

Незадолго до своей скоропостижной смерти вдовствующая королева Елена Иоанновна изъявила желание вернуться на родину и вела секретные переговоры с послами великого князя, касательно этого вопроса. Вопреки воле поляков, зимой 1512 г. она отправилась в Бреславль. Ее багаж состоял из 14 больших сундуков с золотыми и серебряными блюдами, поясами и кольцами, драгоценными камнями, а также богатыми одеждами, подбитых мехами. Побег Елены не состоялся, она умерла в Бреславле от яда 20 января 1513 г. Ее похоронили в церкви Пречистой Богоматери. В том же склепе поставили сундуки с сокровищами. Ровно год спустя, «*на праздник святой Агнессы*» (21 января 1514 г.), сундуки были вскрыты, а сокровища переписаны. Опись составляли два писца-поляка и один писец русский в присутствии нескольких панов, которые опечатывали вскрытые сундуки своими печатями. Согласно инвентаризации, общая стоимость ценностей составила около 400 000 флоринов. Вечером проголодавшихся панов угостили хорошим ужином с вином и пивом. Шесть месяцев спустя выяснилось, что из сундуков пропала большая часть сокровищ{60}. Возможно, ценности Елены Иоанновны были тайно переданы представителю Дома Фуггеров для закупки крупной партии вооружения.

Весной 1514 года в Москву от императора Священной Римской империи прибыл посол Георгий Шнитценпаумер с наказом склонить великого князя к союзу против польского короля[61]. В это же время, после длительного перерыва, в Москве началось энергичное возведение церквей итальянским архитектором. Алевиз Фрязин приступил к строительству сразу одиннадцати храмов: «*На Большом посаде Введение пречистые да Володимер Святый в Садех, да Благовещение святыя богородица в Воронцове, да в городе на своем дворе Рожество пречистые, у нея же придел святый Лазарь, да за Неглинною Леонтей, чюд[о] творець ростовский, да Петр, чюдотворець московский и всеа Русии, да на Ваганькове Благовещенье богородици, да за Черторье Алексей человек божий в Девичье монастыре, да за рекою Усекновенье честныя главы Ивана Предтечи под Бором, да на Устретенской улице Введенье пречистые. Да того же лета поставиша церковь при ее животе кирпишную Варвару святую Василей Бобр з братьею с Вепрем да со Юшком Сурвихвостовым. А всем тем церквам мастер был Алевиз Фрязин*». Помимо этого «сурожский гость» Юрий Бобынин, ведший торговлю с итальянскими городами Крыма, заложил у Фроловских ворот «*церковь кирпишную Афонасей Святый Александрейский*»[62]. В мае в Россию прибыл «*от турскаго салтана Салим Шагханди-Кирея из Царягорода посол имянем Келмалбех князь*». Между Стамбулом и Москвой были установлены дружеские отношения.

Используя конкуренцию между Домом Чиги и Домом Фуггеров в своих интересах, Россия добилась выгодных условий контракта. Новгородский наместник князь Василий Васильевич Шуйский подписал договор с купцом «*от семидесяти Ганзейских городов*» на торговлю серебром, оловом, медью, свинцом, серой и другими товарами сроком на десять лет[63]. Уже в июне 1514 г. огромная партия артиллерии и боеприпасов была доставлена покупателю, и великий князь выступил на Смоленск. По некоторым сведениям, во время осады «*московит имел перед крепостью до двух тысяч штук пищалей больших и малых, чего никогда еще ни один человек не слыхивал*»[64]. После трехдневного массированного артиллерийского обстрела ядрами, окованными свинцом, Смоленск капитулировал.

Однако через месяц русская армия потерпела поражение в сражении под Оршей. Победа досталась польско-литовскому войску

под командованием князя Константина Острожского, который впервые в Восточной Европе применил артиллерийскую засаду в полевом сражении. «*Литовцы, умышленно отступив к тому месту, где у них были спрятаны пушки, направили их против наседавших московитов и поразили задние их ряды, выстроенные в резерве, но слишком скученные, привели их в замешательство и рассеяли. Такой неожиданный боевой прием поверг московитов в ужас, ибо они считали, что в опасности находится только первый ряд, бьющийся с врагом; придя в смятение и полагая, что первые ряды уже разбиты, они обратились в бегство*»[65]. Виновным в поражении был признан князь Глинский, его заточили в темницу.

У европейских наблюдателей имелось достаточно оснований, чтобы сделать вывод о разрыве Москвы с Аугсбургом и смене приоритетов. Однако они ошиблись: Якоб Фуггер нашел компромиссный вариант — осуществлять поставки немецкого оружия через посредника, связанного долговыми обязательствами как с Римом, так и с Аугсбургом. Таким посредником стал архиепископ Альбрехт Бранденбургский. В 1514 г. он получил в банке Фуггера ссуду в 21 000 дукатов с тем, чтобы выкупить кафедру архиепископа Майнцинского.

Для выплаты долга Альбрехт добился в марте 1515 г. разрешения у папы Льва X (Джованни де Медичи) на продажу индульгенций в своей провинции. Переговоры от имени архиепископа в Риме вел представитель банка Фуггеров. Согласно окончательной договоренности, Папа получал 3000 дукатов и половину доходов от продажи индульгенций (обычно доля Ватикана составляла одну треть), другая половина оставалась в распоряжении архиепископа и предназначалась для уплаты долга банку Фуггера. Но не все шло так гладко. Условия секретного соглашения попали каким-то образом к Максимилиану I, и он приостановил действие договора. Император дал свое согласие на сделку лишь после того, как срок договора был снижен до трех лет, а ему была обещана ежегодная выплата в 1000 флоринов[66]. Войдя в долю, Максимилиан I выступил посредником в переговорах России с Польшей о заключении перемирия: «*И князь велики для цисаря с королем похотел миру, как пригоже быти, да и опасные грамоты на королевы послы велел дати*»[67].

Пока шли переговоры с императором, европейские наблюдатели отметили активный обмен послами между Москвой, Крымом и Турцией. В августе состоялось подписание союзнического договора с крымским ханом: «*И того же лета августа великого князя посол окольничей Михайло Васильевич Тучков пришел ис Крыму. А с ним к великому князю пришел от Магмед-Кирея, царя крымского, посол Янчюра-Дуван о дружбе*»[68]. К султану ездил посол В. А. Коробов, а к патриарху в «Царьград» (Стамбул) были посланы с подарками «*Василий Копыл Спячей да Иван Варавин*». В Казани побывали окольничий Михаил Тучков и оружничий Никита Карпов, «*они же шед в Казань, царя и всю землю на записех к шерти приведоша*». Весной 1517 г. в Москву от имени магистра Тевтонского ордена прибыл Дитрих фон Шонберг. Он был уполномочен вести переговоры о поставке партии оружия и наемного войска численностью в 10 000 пеших и 2000 конных солдат сроком на два года. Союзнический договор, скрепленный крестным целованием, был заключен в июле того же года[69].

У европейских наблюдателей не осталось сомнений, что в условиях мира и дружбы с Польшей, Казанским ханством и Стамбулом соглашение русского правительства с Дитрихом фон Шонбергом подразумевало перепродажу товара в третью страну. Не составляло труда догадаться, что договор предусматривал транзитные поставки европейского вооружения «неверным» через территорию России и Казанского ханства.

«Удобная транспортная» развязка находилась в самом сердце Волоцкого княжества, в глухих чащах Оковецкого леса. Здесь брали свое начало реки Ловать, Западная Двина, Днепр и Волга. Следуя их течению, можно было добраться в Рим, в Ганзу или Персию. Верховья рек соединялись волоком, по которому в старину волочили суда при переходе из одной реки в другую. Окруженный непроходимыми чащами и болотами, водный перекресток находился вдалеке от шумных торжищ: иноземные купцы предпочитали идти из «варяг в греки» через более удобный волок на реке Ламе. Истоки Двины и Ловати сходились близ города Ржева. Легкие лодки быстро и скрытно доставляли артиллерийский наряд, а отсюда его переправляли вниз по Волге к Казани. Для европеейских наблюдателей неясным оставался

вопрос, кто являлся поставщиком оружия «неверным» — Аугсбург или Ватикан, Якоб Фуггер или Агостино Чиги?

Первый взнос от продажи индульгенций поступил в казну папской курии от архиепископа Майнцинского в 1517 г.[70] Осенью того же года сведения о манипуляциях с индульгенциями стали достоянием гласности. Доказательства финансовых махинаций Ватикана оказались каким-то образом в распоряжении Мартина Лютера. Возможно, именно эти документы послужили главной причиной создания 95 тезисов, которые он прикрепил 31 октября 1517 г. к двери Виттенбергского собора. Полгода спустя в Европе разразился скандал, в центре которого находился вопрос об истоках главных транспортных путей Московского государства.

В апреле 1518 г. в Кракове состоялась пышная церемония бракосочетания польского короля Сигизмунда I и Боны Сфорца, воспитанницы миланского герцога. Переговоры о брачном союзе велись через английских посредников. Эпиталама, посвященная этому знаменательному событию, вышла в Кракове в типографии Иоанна Галлера. Одновременно Галлер издал еще одно произведение — трактат «О двух Сарматиях», автором которого являлся Матвей Меховский, личный врач и астролог польского короля[71]. Профессор Краковского университета изложил в своем труде сведения по истории, географии, обычаях и верованиях жителей Московии, а также соседствующих народов. Сочинение придворного космографа представляло собой пеструю смесь из достоверных сведений и фантастических измышлений.

Творение Меховского вызвало в Европе бурную реакцию, т. к. опровергало общепринятые научные представления об устройстве мира. Внимание образованной публики привлекли следующие смелые заявления польского профессора. Во-первых, автор отрицал существование в Московии Рифейских, Гиперборейских или каких-либо других гор. Во-вторых, Меховский утверждал, что Дон, Волга, Западная Двина и Днепр вытекают из лесистой и болотистой равнины в Рязанском княжестве, а не с вершин Рифейских гор, как было принято считать ранее. В-третьих, профессор настаивал, что Волга впадает… в Черное море[72].

Один экземпляр своей книги Меховский преподнес императору Максимилиану I[73], другой — попал в руки Якоба Фуггера и по его

просьбе был переведен на немецкий язык Леонардом фон Экком[74]. Трактат вызвал серьезное замешательство при дворе императора Священной Римской империи, в Ватикане и Аугсбурге. В июле 1518 г. Максимилиан I направил в Москву своего посла — венецианца Франческо да Колло — с наказом изучить вопрос о Рифейских горах и истоках русских рек на месте. Полгода спустя, по возвращении дипломата из России, разногласия в области географии были разрешены на публичном диспуте.

Диспут между Меховским и да Колло носил настолько принципиально важный характер, что состоялся в присутствии польского короля. Победила точка зрения имперского посла. В своем донесении императору да Колло с удовлетворением отметил, что Меховский «*признал ошибку и что был обманут — как мне подтвердил в присутствии короля Сигизмунда после моего возвращения из сих краев (России — Л.Т.), в городе Петрокове*»[75]. Да Колло, ссылаясь на мнение самих русских, доказал, что на территории Московии существуют «*Гиперборейские горы*», что истоки Дона, Западной Двины, Волги и Днепра находятся в их вершинах и что Волга впадает… в Черное море.

Из современников никто не усомнился в местоположении истоков русских рек и устья Волги, т. к. за разногласиями о географии скрывалась политика. Под Рифейскими или Гиперборейскими горами подразумевался источник стратегических металлов, который отождествлялся с рыжеволосыми Фуггерами. Меховский утверждал, что поставщиком стратегического товара врагам христианства являлся Ватикан, да Колло — что оружие немецкого производства. Феномен «реки Волги», впадающей в Черное море, содержал намек, что военная амуниция поступала из Европы в Стамбул транзитом через территорию России и Казанского ханства. Да Колло победил в диспуте, доказав, что Ватикан не имеет никакого отношения к торговле с «неверными», что поставки оружия осуществляет Якоб Фуггер.

Видимо, сведения об участии императора Священной Римской империи в сомнительном коммерческом предприятии и отчислении в его пользу 1000 флоринов также не остались в тени. Банк Фуггеров потратил колоссальную сумму, чтобы замять скандал. Максимилиан I скоропостижно скончался в январе 1519 г. Его преемником был избран Карл V Габсбург. На подкуп избирателей Дом Фуггеров выделил

сумму в 543 000 флоринов, 143 000 флоринов пришлись на долю германской семьи Вельзер, 165 000 флоринов выдали три генуэзских банка, представлявшие интересы Фуггеров. В общей сложности избиратели получили 851 000 флоринов[76]. Карл V был избран, но его коронация состоялась десять лет спустя, в 1530 г.

Впрочем, скандал обошелся дорого не только Фуггеру, но и главному банкиру Ватикана. Оплата посреднических услуг англичан в организации брака польского короля и воспитанницы миланского герцога вылилась в колоссальную сумму. Необеспеченные займы, выданные миланским и лондонским филиалами банка, привели Дом Чиги к финансовому краху. Двадцать восьмого августа 1519 г. в присутствии четырнадцати кардиналов Агостино Великолепный подписал завещание, согласно которому все имущество после уплаты долгов переходило к его несовершеннолетним детям. Папа Лев X, заверивший завещание, вошел в состав совета опекунов. В тот же день Агостино Чиги обвенчался со своей любовницей Франческой Ордеачи, по слухам, дочери бедного булочника из Венеции. Они жили в грехе восемь лет и произвели на свет четырех детей. Многих возмутило, что венчал новобрачных сам Папа[77].

Медовый месяц молодоженов завершился раньше положенного срока. В сентябре 1519 г. венецианские дожи единогласно пришли к мнению, что Агостино Чиги — лицо «*подозрительное и обманщик*», его привилегия монопольной торговли квасцами в Венеции была аннулирована[78]. Едва сообщение об этом достигло Рима, как Папа направил грамоту к Василию III. В своем письме, датированном 26 сентября 1519 г., Лев X писал: «*После того, как достоверно мы узнали, что Ваше Величество, по вдохновению Божию, вознамерились обратиться к соединению и повиновению св. Римской Церкви, с которою Вы, со всеми областями и подданными Своими, в продолжении столь долгих лет пребывали в разделении ‹…›, мы готовы соединить силы наши с Твоими могущественными силами, чтобы победить на брани врагов имени Христова, и искоренив идолослужение и суеверия, насадить во всех странах мира веру Христианскую*»[79].

Несомненно, Папа рассчитывал в скором времени заключить выгодный контракт с Московским князем. Дни Агостино Чиги были сочтены, он скончался 11 апреля 1520 г. Контроль за добычей и

продажей квасцов в Тольфе перешел в руки совета опекунов из Ватикана. Однако в Москве не торопились принимать условия католических первосвященников. Россия ожидала благоприятного момента, выбирая между Римом и Аугсбургом. Такой момент наступил три года спустя, когда Дом Фуггеров оказался в критической финансовой ситуации, и соперничество двух монополистов вступило в решающую фазу.

«Русский медведь» и медовая ловушка

Помимо потери колоссальной суммы, с помощью которой были подкуплены избиратели Карла V, корпорация Фуггера-Турзо понесла серьезные убытки в Венгрии. В своем первом завещании, составленном в 1521 г., Якоб-Богач оговаривал необходимые меры для сохранения компании в случае потери капитала, вложенного в венгерские рудники[80]. Ситуация еще больше осложнилась в 1522 г., когда на сейме императору Священной Римской империи был представлен на рассмотрение проект закона против монополистов. Проект предусматривал раздробление корпораций с капиталом более чем 50 000 гульденов и образование серии мелких компаний[81].

Положение Фуггеров было настолько шатким, что в самом Аугсбурге в 1523 г. вышли в свет несколько памфлетов о «рыжих евреях». В памфлетах говорилось о грядущей страшной угрозе: числом в 600 тысяч (библейское число), племя Гог вырвется из плена высоких гор и придет, ведомое Антихристом, чтобы завоевать Святой город. В отличие от обычных иудеев, которым со времен IV Латеранского собора (1215) запрещалось носить оружие, «рыжие» евреи, верхом и при оружии, сея на своем пути смерть и разрушение, захватят Иерусалим, после чего наступит Конец Света[82].

Спасая дело, Якоб Фуггер направил письмо к Карлу V, вежливо, но настойчиво напоминая о его долгах банку и о своих заслугах[83]. Аргументы банкира оказались достаточно вескими. Император, находившийся в то время в Испании, отложил решение по законопроекту о компаниях-монополистах. Конфликт с жителями Аугсбурга разрешился также с помощью денег. Якоб Фуггер внес 10 000 гульденов в специальный фонд, предназначенный для строительства домов для нуждающихся в жилье ремесленников, большинство из которых составляли мастера типографского дела. В том же 1523 г. в центре города были возведены 52 здания, каждое на две семьи. Комплекс домов, получивших название «Фуггерей», окружала стена, ворота запирались в 10 вечера. Плата за проживание составляла символическую сумму в 1 флорин в год. Согласно условию договора, каждый житель «Фуггерея», молодой или старый, обязан

был дважды в день, утром и вечером, произносить благодарственную молитву за основателей фонда, т. е. Фуггеров, членов их семей и их потомков[84].

Если общественное мнение в Аугсбурге вскоре склонилось в пользу Фуггеров, то в европейском масштабе деньги оказались бессильны. К немалому удивлению современников, один из легендарных «рыжих» иудеев появился в Италии собственной персоной. В феврале 1524 г. в Венецию прибыл смуглолицый карлик в пышных восточных одеждах — Давид Реубени. Он называл себя послом и главнокомандующим армии своего брата — царя Иосефа, правителя легендарной страны Хавор на Востоке, в которой проживали колена Израилевы. Реубени просил представителей еврейской общины Венеции помочь ему добиться встречи с Папой[85]. Напыщенный карлик, выдававший себя за представителя рыжих евреев, выглядел как злая карикатура на Якоба Фуггера.

Через три месяца, 25 мая 1524 г., когда слухи о посланнике Десяти Колен достигли самых отдаленных уголков Европы, папа Климент VII (Джулио Медичи) направил грамоту к великому князю с предложением вступить «*в союз теснейшего дружества и взаимного благоугождения*». Пока в Москве раздумывали над ответом, Давид Реубени въехал в Рим на белом коне. В июле он удостоился аудиенции в Ватикане. Посланец мифического цара предложил Папе заключить союз против мусульман и вооружить армию, которую он поведет на Иерусалим. Он также предлагал подписать торговый договор о ввозе из Индии в Европу восточных специй, минуя португальцев. Под категорию «специй» попадала и калийная селитра, которая использовалась в кулинарии в качестве вкусовой добавки при засолке мяса. Реубени просил у Папы рекомендательные письма к императору Священной Римской империи, французскому королю и правителю Эфиопии. Климент VII снабдил его такими письмами к португальскому королю и эфиопскому правителю. Однако в грамотах он настоятельно рекомендовал монархам удостовериться в правдивости слов посланника, прежде чем заключать с ним союз.

Давид Реубени покинул Рим весной 1525 г., разминувшись с русским послом, который прибыл в Вечный город в июне. Визит Дмитрия Герасимова был связан с тем же вопросом, который обсуждался между Папой и Давидом Реубени, — о совместной борьбе

с «неверными», о создании антитурецкой коалиции, заключении союзнического договора и поставках вооружения. Грамота Василия III, датированная апрелем, составлена в крайне осторожных выражениях: «*Но мы, по воле Божией, как и прежде сего стояли за Христианство, так и ныне стоим, и впредь волею Божией против неверных за Христианство стоять будем, как милосердный Господь в том Нам поможет. А с вами и с иными Христианскими Государями желаем быть в союзе, равно согласны и на то, чтобы послы Наши могли ходить с обеих сторон и видеть взаимное наше благосостояние*»[86].

Говоря о благосостоянии Рима, великий князь подразумевал в первую очередь, источник богатства Ватикана — месторождение квасцов в Тольфе. Благосостояние Московского государства определялось богатейшими залежами натриевой селитры, разработкой которой занимались братья Строгановы. В апреле 1517 г., согласно государевой грамоте, им были пожалованы «*дикие леса*» в Устюжском уезде. Значительное увеличение площадей под вырубки леса свидетельствует о расширении солеваренного производства. Помимо этого Строгановы получили осовобождение от уплаты податей на пятнадцать лет, а от суда наместников — бессрочно. В декабре того же года Троице-Сергиевый монастырь был освобожден от уплаты пошлин с солеварниц в Переславском уезде. Иосифо-Волоколамский монастырь добился в 1521 г. разрешения отстроить осадный двор с большими амбарами в Твери. Провоз соли из Кирилло-Белозерского монастыря в Дмитров с того же года стал осуществляться беспошлинно[87]. К 1525 г. добыча «белой соли» достигла такого уровня, что могла стать главной статьей во внешней торговле.

Окружение Папы также возлагало большие надежды на переговоры, поскольку «*могущество Римского Первосвященника должно еще боле возрасти в глазах народов, если они узнают, что не какой-нибудь вымышленный или неизвестный Царь (Иосеф. — Л.Т.), но повелитель многочисленных племен, обитающих на Северо-востоке (Василий III. — Л.Т.), в самое благоприятное для него время, обнаружил желание принять догматы нашей веры и вступить с нами в вечный союз, тогда как некоторые Германские народы (Фуггеры. — Л.Т.), превосходившие, как казалось, благочестием все другие племена, увлекшись пагубным заблуждением, в нечестии и безумии отпали не только от нашего вероисповедания, но даже и от самого Бога*»[88].

Русского посла принимали с большими почестями, ожидая выгодных предложений. Воспользовавшись языком Эзопа, Дмитрий Герасимов дал ясно понять, что Москва готова помочь Ватикану освободиться от долговых обязательств перед банком Фуггеров. По словам Павла Иовия, «*веселый и остроумный посол Димитрий рассказывал нам для смеху, как один крестьянин из соседственного с ним селения, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи в уединенном лесу, он в продолжении двух дней питался одним медом и наконец удивительным образом выведен был из сего отчаянного положения медведем, который, подобно людям, будучи лаком до меду, спустился задними лапами в то же дупло. Поселянин схватил его руками за яйца и закричал так громко, что испуганный медведь поспешно выскочил из дупла и вытащил его вместе с собою*»[89]. С легкой руки Дмитрия Герасимова и старанием Павла Иовия миф о русском медведе и медовой ловушке быстро распространился по Европе. В том же 1525 г. вышло первое издание книги Иовия о Московии; кроме того, его сочинение разошлось во многих рукописных копиях[90].

Какой именно способ взаимовыгодного сотрудничества предлагал Дмитрий Герасимов эзоповым языком, неизвестно. Мы можем предположить, что суть сделки заключалась в поставках итальянского вооружения в обмен на русскую соль. Однако Ватикан не проявил заинтересованности. Визит Герасимова завершился невероятно быстро — по истечении одного месяца — после того, как он посетил святые места, где, по словам Иовия, «*осматривал святые храмы и с изумлением любовался остатками древнего величия Рима и жалкими остовами прежних зданий*». Несомненно, страдавший «*лихорадкой от перемены климата*» русский посол посетил «хижину Богородицы» в Лорето, известную своими чудесами исцеления. Часть каменного домика в XV в. была заменена стеной, выполненной в античном стиле[91]. В соборе находилось скульптурное изображение Богородицы, спеленутой с Младенцем шелковой тканью. Обозревая достопримечательности Лорето, посол великого князя имел возможность убедиться, что Ватикан располагает большими запасами «белой соли». Вскоре после возвращения Герасимова, на Руси была создана икона «Прибавление ума», не имеющая аналогов в русской

иконографии. По мнению исследователей, прототипом для иконы послужила скульптура из Лорето[92].

Не достигнув договоренности с Ватиканом, русский посол обратился к конкуренту римских первосвященников. В июле 1525 г. Дмитрий Герасимов покинул Рим. По дороге в Москву он посетил Аугсбург, где состоялась его встреча с известным путешественником Себастьяном Каботом, находившимся в то время в Германии по приглашению Якоба Фуггера[93]. Русский дипломат познакомил мореплавателя с картой, согласно которой существовал водный путь из Европы в Китай и Индию по «Студеному морю» и далее речными дорогами через Обь и Иртыш[94]. Карта не сохранилась, но нет сомнений, что она была составлена на основании достоверных сведений, поскольку русское правительство проделало большую работу накануне отъезда Дмитрия Герасимова: 2 апреля 1525 г. Василий III принял в подданство ненцев, живущих по реке Обь[95].

Москва предложила Аугсбургу посреднические услуги в поставках на Восток германского вооружения. Предприятие сулило огромные прибыли. Якоб Фуггер взял на себя финансирование экспедиции Себастьяна Кабота, которая готовилась отправиться из Севильи на поиски сказочных богатств Китая и Эфира. Он вложил в предприятие 4600 испанских дукатов[96].

Вслед за Дмитрием Герасимовым, в сентябре того же года, через Южную Германию проследовало еще одно русское посольство, побывавшее в Испании с дипломатической миссией к императору Карлу V. В городе Тюбингене послы были приняты младшим братом императора. Они встретились с советником и личным исповедником эрцгерцога Австрийского Фердинанда I Габсбурга — Иоганном Фабри. Со слов толмача Власа Игнатьева, доктор Фабри составил для своего патрона реляцию, озаглавленную «Религия московитов, обитающих у Ледовитого океана». Из документа следовало, что Россия представляет собой сильное государство, которое располагает огромной армией и имеет на вооружении «*медные орудия, именуемые бомбардами*». Московия изобилует медом и воском, и ее население исповедует христианскую веру. В заключение Иоганн Фабри предлагал свои услуги для составления подобного документа о религии персов[97].

Эрцгерцог Фердинанд, женатый на Анне Богемской и Венгерской, несомненно, с интересом ознакомился с реляцией своего советника.

Освоение северного морского пути и установление торговли с Персией через территорию России могло принести громадную выгоду германским и венгерским поставщикам металлов и производителям оружия. Перспективы были настолько многообещающими, что Карл V получил письмо с предложением внести в законопроект о компаниях-монополистах поправку, согласно которой меры, направленные на раздробление крупных корпораций, не должны были коснуться торговли стратегическим товаром, поскольку наибольшего успеха можно добиться, «*сосредоточив сбыт металлов в руках одного, или в крайнем случае — нескольких владельцев*»[98].

Сведения о результатах русско-германских переговоров достигли Рима в 20-х числах ноября. Грамота Папы к Василию III, составленная в черновом виде 18 ноября, с обещанием «*благосклонности Святого Престола*» и «*возвышения чести и достоинства*» великого князя в случае заключения союза, осталась неотправленной[99].

Вслед за сообщением о подготовке экспедиции в северные моря за счет Дома Фуггеров Европу облетела новость о переменах в Московском Кремле: великий князь развелся с женой, прожив в браке более двадцати лет. Летопись отмечает, что еще весной 1525 г. в великокняжеской семье царили совет да любовь: «*ездил князь велики Василей с великою княгинею в объезд на Волок и в Можаеск*», молиться о чадородии. Необходимость в разводе возникла в конце ноября, причем вопрос решился в течение одних суток: «*Ноября в 28 день князь великий возложи на великую княгиню Соломаниду опалу. И ноября в 29 день великая княгини Соломания пострижена бысть в черници безплодия ради у Рожества пречистые на Рве и нареченна бысть инока Софья*»[100]. Великий князь принял решение как можно быстрее вступить во второй брак.

Если в Москве готовились к свадебным пирам, то в Аугсбурге наступили траурные дни: Якоб Фуггер тяжело заболел. К 19 декабря его состояние настолько ухудшилось, что Карл V, проезжая мимо дома банкира, приказал своим музыкантам следовать в полной тишине. В Европе затаили дыхание, ожидая политических перемен. Якоб-Богач скончался 30 декабря. Он не имел детей, и все наследство перешло к племяннику — Антону Фуггеру. Согласно результатам финансовой проверки, капитал Дома Фуггеров составил 2 000 000 флоринов[101].

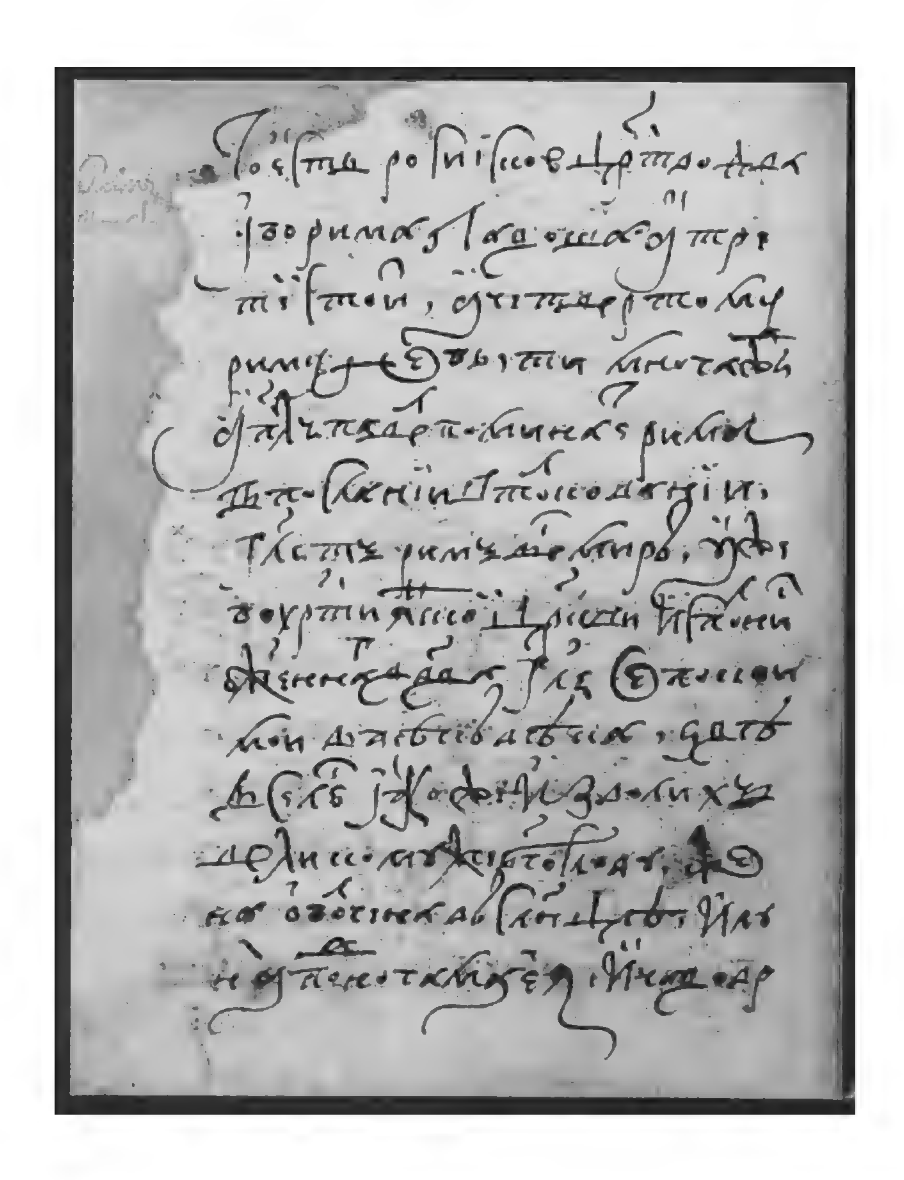
Антон Фуггер. Художник Х. Малер

Смерть Якоба Фуггера не повлияла на развитие русско-германских отношений, проект освоения «Ледовитого моря» остался в силе. В январе 1526 г. реляция Иоганна Фабри с некоторыми дополнениями была опубликована в типографии города Базеля. Внимание общественности привлекло предисловие к документу, в котором автор приводил титул Василия III, извлеченный из «*экземпляра того письма, которое божественным Карлом, королем Римским, было предназначено государю московитов»: «Светлейшему и могущественному государю господину Василию, Божьей милостью императору и повелителю всех рутенов, и великому князю Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому,*

Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому, Нижегородскому, Черниговскому, Рязанскому, Волоцкому, Ржевскому, Белевскому, Бельскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и иных, старшему брату и другу нашему дражайшему»[{102}]. Обращение к великому князю как к «старшему брату» свидетельствовало о том, что Карл V — первый среди католических государей монарх — готов был признать старшинство Василия III.

В свете событий поздней осени и зимы 1525/1526 г. достаточно красноречиво выглядит выбор невесты великого князя. Сослав Соломонию в Каргополь, Василий III женился на юной княжне Елене Васильевне Глинской. Свадьба состоялась 24 января 1526 г. Несомненно, в придворных кругах Европы обратили внимание, что теща великого князя, Анна Якшич, происходила из известного венгерского рода, состоявшего в родстве с бывшими владетельными князьями Венгрии Бранковичами: ее родная сестра Елена была замужем за князем Иваном Бранковичем[{103}].

Якшичи и Бранковичи владели серебряными, медными и свинцовыми рудниками в Венгрии и Трансильвании. Дела по продаже стратегических металлов они вели через компанию Фуггера и Турзо (внучатая племянница Анны Якшич, Барбара Црини, вышла замуж за Алека II Турзо, соединив тем самым фамилии Якшич и Турзо). Взяв в жены Елену Глинскую, Василий III неофициально признал свое партнерство с компанией Фуггеров-Турзо. В том же году в сражении при Могаке турки имели в своем распоряжении западноевпроейскую артиллерию. С большой долей вероятности можно утверждать, что «боевой наряд» из Германии был переправлен в Стамбул речными путями через территорию Московии и Крымского ханства. Как посредник, Россия получила ощутимую финансовую прибыль и политическую выгоду. В феврале 1527 г. дядя великой княгини Михаил Львович Глинский обрел свободу. Великий князь «*казну его отдал ему, и вотчиною его своим жалованьем пожаловал доволне*»[{104}].



Фрагмент послания Филофея дьяку Мунехину

В том же году в Аугсбурге получили известие, что экспедиция Себастьяна Кабота по непонятным причинам сбилась с курса и оказалась в районе Молуккских островов в Индонезии. Аудиторская проверка 1527 г. признала 4600 испанских талеров, вложенных в предприятие Кабота, «*невозместимыми затратами*»[105]. Проект освоения северного морского пути и осуществления дешевых транзитных перевозок вооружения в Персию, минуя границы западноевропейских государств, остался на бумаге, при этом «враги христианства» получили возможность получать артиллерию, отлитую германскими специалистами. Сведения об этом вызвали в Риме

неудовольствие в адрес северного соседа. Москва, в свою очередь, продемонстрировала полный разрыв с Ватиканом.

Не позднее 1528 г. из-под пера монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея вышел полемический труд, созданный по просьбе государева дьяка М. Г. Мунехина. В своем «Послании о злых днех и часех» Филофей подверг критике взгляды представителя Ватикана, врача и астролога, Николая Булева.

Из документов известно, что Николай Булев был родом из города Любека. Университетское образование, как считают, он получил в Италии, и затем служил при папском дворе, имея годовое жалование в 500 талеров. В Россию Николай Булев прибыл в 1490 г. по приглашению новгородского архиепископа Геннадия для составления пасхальных таблиц. По некоторым сообщениям, астрологу из Рима было обещано вознаграждение в размере 10 000 талеров и свободный выезд на родину. Находясь в России, Николай Булев высказывал мысль о возможном соединении Православной церкви с Римским католичеством[106].

Тридцать восемь лет спустя старец Филофей признал взгляды Николая Булева ошибочными. В своем «Послании» Филофей сформулировал концепцию «Москва — Третий Рим», которая, несомненно, отражала официальную точку зрения Кремля. Устами старца Филофея Москва ясно дала понять Западу, что идея Крестового похода на Константинополь под предлогом завоевания своего «удела», не нашла поддержки у великого князя, что притязания Московского государства значительно шире, что отныне «Москва — весь мир»: «*Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромеиское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостол Павел поминает Рима в посланиих, в толкованиих глаголет: “Рим — весь мир”*»[107].

В скором времени старец Филофей сочинил еще одно «Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде». Видимо, спохватившись, что претензии Москвы на мировое господство несколько преждевременны, автор смягчил формулировку концепции, ограничившись версией «Москва — третий Рим», и объяснив почти вынужденную

преемственность объективными обстоятельствами: «*стараго убо Рима церкви падеся неверием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсекоша двери, сиа же ныне третиаго, новаго Рима, държавнаго твоего царствиа святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вере во всей поднебесней паче солнца светится*». Старец Филофей предостерег великого князя о том, что от павшего Рима православная Церковь приняла также три греха: ересь, сребролюбие и любострастие.

Великий князь Василий III. Гравюра из венецианского издания «Записок о Московии» С. Герберштейна

Резкое осуждение греха прелюбодеяния и гомосексуализма во втором послании, возможно, было связано с теми скандальными событиями в Риме, которые широко обсуждались при европейских королевских дворах в 1527–1528 гг. Как говорили, ученик Рафаэля Джулио Романо еще в 1523 г. поссорился с папой Климентом VII из-за неуплаты гонорара и из мести расписал зал Константина в Ватикане сценами порнографического характера. Фрески были уничтожены, но другой ученик Рафаэля успел срисовать их и в 1524 г. выпустил в виде сборника гравюр под названием «Сладострастные сонеты» («Sonetti Lussuriosi»). Три года спустя вышло второе издание сборника с добавлением для каждой гравюры сонета фривольного содержания. Автор сонетов, итальянский поэт Пьетро Аретино, дал книге весьма неприличное название («La Corona di Cazza»), в котором легко угадывался намек на папскую тонзуру. В 1527 г. Папа объявил сонеты запрещенной книгой и оба тиража были уничтожены.

В то время когда Папа спасал свою репутацию, сжигая скабрезные картинки, Москва и Аугсбург с большим успехом вели торговые операции. Закупив большую партию германского вооружения, русское правительство продавало часть амуниции своим южным соседям. Передача артиллерии «неверным» осуществлялась через территорию Казанского ханства под видом трофеев, захваченных в ходе военных операций. Именно так можно расценить сообщение летописи о нелепой потере русским войском целого обоза с артиллерией под стенами Казани летом 1530 г.

По словам летописца, пушки к городу доставили речным и сухопутным путем, и «*наряду было в судех добре много*». *«И поможе бог великого князя воеводам, многих людей казанских побиша июля в 10 день и острог на Булаке взяли, и многих татар и черемису побили, да и города мало не взяли. Город стоял часы с три без людей, люди все из города выбежали, а ворота городовые все отворены стояли. И не взяли города потому, что воеводы Глинской з Вельским меж себя спор учинили о местех: которому ехати в город наперед. И по грехом в те поры туча пришла грозна, и дожщь был необычен велик. И которой был наряд, пищяли полуторные и семипядные, и сороковые, и*

затинные, привезен на телегах на обозных к городу, а из ыных было стреляти по городу, и посошные и стрельци те пищали в тот дожщь пометали. И того же дни вылезчи из города казанци, в город обоз и весь наряд взяли». Однако при великокняжеском войске оказался еще один обоз с артиллерией. Передав полуторные и семипядные пушки казанцам, «*великого князя воеводы судовые и конные стояли под городом 20 ден, били из пушек*». Оплата посреднических услуг, очевидно, происходила бартером: два года подряд — в 1530 и 1531 гг. — южные соседи приводили на продажу огромные табуны коней. Как отмечает летопись: «*Лета 7038 гости приходили с Ногаи с таваром, с коньми, а пригону было 80 000. Лета 7039 приходили гости из Ногаи с коньми а коней было 30 000*»[108]. Вооружив свою армию артиллерией, купленной у русских, хан Сахиб Гирей повернул пушки против великого князя.

В 1532 г., когда в Москву пришла весть о намерении крымского хана идти войной, Василию III пришлось закупить огромное количество артиллерийских орудий. По свидетельству Постниковского летописца, «*а наряд был великой: пушки и пищали изставляны по берегу на вылазе от Коломны и до Коширы, и до Сенкина, и до Серпохова, и до Колуги, и до Угры, добре было много, столько и не бывало*»[109]. В том же году была приобретена большая партия меди, которая целиком пошла на отливку двух гигантских колоколов: один — весом в 500 пудов, другой — 1000 пудов. Оба колокола отлил мастер Николай Оберакер из города Шпаер[110].

Тяжелая болезнь и смерть великого князя, последовавшая 3 декабря 1533 г., видимо, послужила причиной отсрочки платежа по сделке предыдущего года. Обязательство по выплате долга компании Фуггеров перешло к правительству Елены Глинской. Москва пыталась уклониться от оплаты. В августе 1534 г. по приказу Елены Глинской был посажен в «*каменную полату за дворцом*» князь Михаил Глинский. Князь скоропостижно скончался в заточении и его без почестей похоронили в домовой церкви на Неглинной «*у Микиты чюдотворца*».

Год спустя тело князя перезахоронили с честью в Троицком монастыре. Очевидно, в Кремле были вынуждены признать долг и гарантировать германской стороне его погашение. Часть долга была взыскана с ногайцев. Как отметил летописец, в 1535 г. из Ногаев вновь

приходили купцы и привели табун в 40 000 голов, «*и кони были дешевы*»[111]. Если правительство Елены Глинской намеревалось расплатиться с помощью денег, вырученных от продажи ногайских коней, то расчеты не оправдались. В то же время за два года сумма долга должна была вырасти в несколько раз за счет процентов. Великая княгиня и ее советники основательно увязли в «медовой ловушке» Дома Фуггеров.

Великая княгиня Елена Глинская. Антропологическая реконструкция

При интенсивном вывозе серебра за границу уже в последние годы правления Василия III в стране ощущалась хроническая нехватка драгоценного металла. Как отмечают летописи, монеты с пониженным содержанием серебра имели хождение «*много лет*». Несомненно, низкопробные монеты выпускались с ведома правительства, т. к. согласно завещанию Ивана III монетные дворы находились в ведении великого князя: «*А сын мой Юрьи с братьею по своим уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят, а денги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери, как было при мне. А откуп ведает сын мой Василей, а в откуп у него мои дети, Юрьи с братьею, не вступаются*»[112].

Осенью 1535 г. правительство Елены Глинской развернуло кампанию по борьбе с фальшивомонетчиками. В сентябре в столице состоялись показательные казни: «*На Москве казнили многих людей, москвич, и смольнян, и костромич, и вологжан, и ярославцев, и иных многих городов московских; а казнь была: олово лили в рот да руки секли*»[113]. Следом была проведена денежная реформа.

Исследователи вынуждены признать, что реформа Елены Глинской не привела к улучшению экономического положения в стране. Правительство законодательным порядком снизило вес денег, увеличив число монет, чеканившихся из гривенки, с 260 до 300 новгородских и с 520 до 600 московских денег. Монеты нового образца изготовлялись из серебра, перелитого из «*старых денег*». Помимо снижения стоимости денег государство увеличило налоги, введя новую пошлину. Дополнительный налог должны были платить те частные лица, которые приносили монеты для переливки. На основании величины пошлины, введенной при аналогичной ситуации в следующем столетии (в 1610 г.), исследователи предполагают, что налог составлял один золотник серебра с каждой гривенки, или чуть более 2-х процентов. Однако поборы во время реформы 1530-х гг. были значительно выше за счет того, что за четыре года обмен денег производился трижды. В 1535 г. вышел запрет на обращение старых новгородок. Через год запретили хождение старых московских денег, а в начале 1538 г. были пущены в переплавку деньги псковской и тверской чеканки. Как отметил автор Первой Псковской летописи, «*и бысть людям всем убыток в старых денгах*»[114].

Источники умалчивают, на какие цели были истрачены собранные средства, но можно с большой долей уверенности утверждать, что, введя временный налог, правительство Елены Глинской получило возможность расплатиться с долгами по векселям, выданным перед смертью Василием III. В разгар денежной реформы Елены Глинской в Европе вспомнили притчу о русском медведе и медовой ловушке. В 1537 г. в Базеле вышло второе издание книги Павла Иовия «О Московском посольстве»[115], а вслед за этим разразился скандал, подорвавший репутацию Дома Фуггеров в глазах московитов.

В начале 1538 г. в центре внимания образованных людей Европы оказались нумизматика и вопрос истоков, на этот раз — истоков письменности двенадцати языков, в первую очередь — иврита и славянского. Автором трактата, озаглавленного «Введение в алфавит двенадцати различных языков», являлся личный астролог французского короля, дипломат и коллекционер старинных манускриптов Вильгельм Постелл.

Свадьба Екатерины де Медичи и герцога Орлеанского (1533) закрепила союз Франции с Римом. Франция пошла на сближение с Османской империей. В 1534–1537 гг. Вильгельм Постелл находился в Стамбуле в качестве переводчика французского посла. Длительные дипломатические переговоры завершились заключением союзнического договора Турции с евопейскими государствами. В противовес Габсбургам и Дому Фуггеров оформилась мощная коалиция Италии, Франции, Турции и Польши. В Стамбуле Постелл собрал большую коллекцию манускриптов для королевской библиотеки. По возвращении на родину два важных события произошли в его жизни: он основал в Париже Королевский колледж и издал свой труд «Введение в алфавит двенадцати различных языков».

Трактат вызвал бурную полемику в ученых кругах. Споры завязались вокруг утверждения автора, что самаритянский алфавит предшествовал иврита. Постелл отметил, что к такому выводу он пришел на основании изучения надписи на древней монете, купленной им у евреев. К тексту в качестве иллюстрации прилагалось изображение «шекеля» — серебряной монеты, чеканившейся в Иерусалиме «*во времена Соломона*» и олицетворявшей для христиан тридцать серебреников Иуды. Поместив в книге скверно выполненное изображение шекеля, Постелл сообщил, что он заплатил две золотые

монеты за один такой серебреник, «*стоивший, на самом деле, едва ли пятую часть*» золотого[116].

Рассуждения Постелла о первичности самаритянского алфавита по сравнению с ивритом содержали ироничный подтекст. Иудеи относились к самаритянам с еще большим презрением, чем к язычникам. Библейское выражение «добрый самаритянин» во времена Нового Завета воспринималось как злая шутка. Израильтяне и самаритяне считали, что им нельзя вместе пить и есть. Талмуд учил, что «*кусок хлеба от самаритян есть то же, что кусок свинины» (Мишна. Шебиит. 8: 10)*, поэтому гипотеза Постелла о заимствовании иудеями алфавита у самаритян изначально носила фантастический характер[117].

Касаясь вопроса истоков славянского алфавита, автор утверждал, что кириллице предшествовала глаголица, изобретение которой он приписывал святому Иерониму — переводчику на латинский язык Библии, известной под названием Вульгаты. Россия впервые познакомилась с Вульгатой в 1491 г. в переводе Дмитрия Герасимова и хорватского монаха Вениамина. Перевод Вульгаты был осуществлен в Новгороде в разгар борьбы с ересью жидовствующих.

Вскоре после выхода в свет трактата Вильгельма Постелла «сребренники Иуды» стали пользоваться в Германии большой популярностью. В саксонском городе Гёрлице было налажено производство сувенирных «гёрлицких шекелей». Их продавали возле воздвигнутого там в 1481–1489 гг. подражания иерусалимскому Гробу Господню. На «гёрлицких шекелях» помещали изображение вазы вместо курильницы. Очевидно, в это время один из «сребренников Иуды» оказался в Вологде, в «*градской Дмитриевской, что на Наволоках, церкви. ‹…›. Народное предание почитает ее за один из сребренников, за которые был предан Христос*». На «вологодском» экземпляре изобажена курильница[118].

Несомненно, в Кремле получили от «сходников» сообщение о выходе в свет трактата Постелла. Если в нем содержался намек на сумму, которую правительство Елены Глинской выплатило Аугсбургу, то следует признать, что Москва заплатила по векселям в десять раз больше, чем следовало. В этой связи достаточно красноречиво выглядит внезапная смерть великой княгини, которая произошла 3 апреля 1538 г., и арест главы правительства князя Тепнева-

Оболенского. В это же время было приостановлено действие контракта, заключенного с Иваном Пересветовым, который появился в Москве ранней весной того же года с рекомендациями от короля Фердинанда I Габсбурга. По словам Пересветова, первоначально проект изготовления гусарских щитов «*по македонскому образцу*» был принят и одобрен. Ему были даны в помощь плотники и другие мастера, но вскоре его служба «*задлялося*»[119], и дело положили «под сукно».

В Аугсбурге не сидели сложа руки. Агенты Антона Фуггера сделали все, чтобы очернить первосвященников Ватикана, раздув скандал вокруг смерти молодого епископа. В сентябре 1537 г. в провинции Фано скончался двадцатичетырехлетний епископ Казимо Гери, воспитанник кардинала Эрколя Гонзага. Вскоре в Риме поползли слухи, что молодой епископ умер, не пережив душевных и физических мук после того, как подвергся сексуальному насилию со стороны герцога Пьера Луиджи Фарнезе. Герцог исполнял должность Верховного главнокомандующего вооруженных сил Ватикана и прибыл в Фано с инспекцией. Как говорили, во время ужина гостеприимный хозяин дома, следуя этикету, сказал герцогу, что готов служить ему и находится в полном его распоряжении. На следующее утро герцог пригласил к себе епископа Гери и заявил тому, что хочет удостовериться в правдивости его слов, действительно ли тот предоставляет себя в полное его распоряжение. Позвав несколько слуг, герцог связал несчастного молодого человека и под угрозой кинжала надругался над ним. Пикантность ситуации заключалась в том, что герцог Фарнезе являлся внебрачным сыном только что избранного папы Павла III (Алессандро Фарнезе).

С невероятной скоростью слухи о причине смерти епископа Казимо Гери распространились во Франции, Германии и Англии. Смерть молодого священника была воспринята в протестантских кругах с горячим возмущением, его объявили мучеником. В начале 1538 г. в Нюрнберге вышла книга, содержавшая рассказ о печальной участи епископа Гери, а в следующем году история была опубликована в Англии[120].

«Сходники» посольского приказа, несомненно, передали столь важную информацию в Москву, т. к. в скандал с воспитанником кардинала Гонзага была замешана фамилия Палеологов: Маргарита

Палеолог, герцогиня Монферратская, приходилась золовкой кардиналу Эрколю Гонзага, покровителю юного епископа[121]. Нетрудно представить, какую реакцию вызвало в Кремле сообщение из Италии. Многим было памятно «Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде» старца Филофея.

На протяжении последующих четырех десятилетий отношения Москвы и Ватикана носили прохладный характер. До 1576 г. письма римских первосвященников оставались без ответа, и ни одно посольство не было направлено в Рим. В то же время московское правительсто выразило свое неудовольствие в адрес Аугсбурга: транспортный узел в Оковецком лесу, через который осуществлялись транзитные поставки вооружения «неверным», прекратил свое существование.

В канун Троицы, 24 мая 1539 г., два вора обнаружили в Оковецком лесу у Пырошенского городища, близ города Ржева, икону древнего письма, висящую на сосне, и железный крест, прибитый к стволу другого дерева. После праздника, 26 мая, воры привели к Пырошне около 100 человек из четырех окрестных селений. Монах Стефан влез на дерево и снял икону, а как только спустился на землю, раздался раскат грома, как в бурю, и сверкнула яркая вспышка. Перепуганные крестьяне бросились врассыпную. Тут случилось первое исцеление: селянин, страдавший «расслаблением ног», выздоровел. В последующую неделю совершилось 27 исцелений.

О чудесах под Ржевом немедленно сообщили в Москву боярину И. Г. Морозову и митрополиту. Духовенство усомнилось было в правдивости донесения, но в Пырошенском городище за неделю произошло еще 150 исцелений, а затем был зафиксирован рекорд — 112 исцелений за одни сутки[122]. Власти без расследования признали икону и крест чудодейственными. Обе сосны спилили. На месте деревьев поставили два храма: один — во славу Происхождения Честных Древ Креста Господня, другой — в честь Богоматери Одигитрии, с приделом во имя святителя Николая Чудотворца. Толпы паломников и калек потянулись к Пырошне в надежде на чудо и исцеление.

Весной-летом 1540 г. в Москве построили две церкви в честь Оковецкой (Ржевской) иконы: одну — у Чертольских (позднее —

Пречистенских) ворот, где жили оружейники-иностранцы, вторую — на Поварской улице, рядом с подворьем Глинских. Оба храма, несомненно, видел Яков Немчин, приходивший в тот же год «*из Немецкие земли*» от семидесяти трех ганзейских городов[123].

Ржевская икона Божьей Матери

К середине 1540-х гг. в делах компании Антона Фуггера наметился заметный спад. В 1543 г. скончался Александр Турзо, а три года спустя его наследники вышли из дела, изъяв свою долю капитала из оборота. Аудиторская проверка показала, что на 31 декабря 1546 г. долг Габсбургов банку Фуггеров составил 2 500 000 дукатов[124]. Тирольские, венгерские и словацкие месторождения меди исчерпали свои запасы, и в 1547 г. шахты были закрыты. Разгром Шмалькальдской лиги лишил Фуггеров контроля над чешскими

серебрянными рудниками. Плененные дворяне под пытками были вынуждены подписать «*пергаменты*» о передаче своих земельных владений королю Фердинанду I Габсбургу[125]. В этой критической обстановке аугсбургские ткачи возлагали особые надежды на Московию, куда был направлен в 1546 г. представитель Союза ганзейских городов — Ганс Шлитте.

Часть 2
Русский контракт

Имя саксонского купца Ганса Шлитте часто упоминается в работах, посвященных эпохе Ивана Грозного. В отечественной историографии авторитет Николая Михайловича Карамзина утвердил стойкое мнение о нем, как о «*легкомысленном*» человеке[126]. «*Ловким, хотя и не во всем удачливом авантюристом*», неугомонным «*искателем приключений*» и «*прожектером*» считали его Форстен Г. В., Голубинский Е. Е., Щербачев Ю. Н., Вернадский Г. В., Немировский Е. Л., Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. и другие. Впрочем, некоторые историки видели в Шлитте безобидного оборотистого купца, стремившегося наладить культурные связи между Россией и Германией (Соловьев С. М., Бахрушин С. В., Кобрин В. Б. и др.). Особняком стоит работа Ивана Ивановича Полосина. Автор выдвинул версию, согласно которой немец являлся «*замаскированным агентом*» русского царя, в действиях которого отразилась «*очень гибкая, очень тонкая дипломатия Ивана IV*»[127].

Иностранные ученые также не оставили без внимания «дело Шлитте». Немецкий историк второй половины XIX века Йозеф Фидлер опубликовал ряд интересных документов из Венского архива и библиотеки Ватикана, касающихся дела Шлитте. Павел Пирлинг в своей небольшой, но емкой статье пришел к выводу, что Шлитте был не кем иным, как «*умелым интриганом*»[128]. В работах современных авторов, таких как Уолтер Кирчнер, Хью Регсдейл, Изабель де Мадариага, Ганс Шлитте упоминается вскользь, как некий исторический курьез, как неудачник и жертва расставленных властями ливонских городов бюрократических препонов, опасавшихся быстрого культурного и экономического роста России с помощью западных специалистов.

Несмотря на различную оценку, ученые единодушно отмечают, что в истории Ганса Шлитте много темного и неясного. Неясность, в первую очередь, связана с тем, что миссия Шлитте не нашла отражения в русских документах. Все сведения о его деле содержатся

в иностранных источниках, найденных в архивах Ватикана, Австрии, Дании, Любека, Данцига. Документы представляют собой дипломатическую переписку, донесения чиновников, письма самого Ганса Шлитте и его компаньонов. Их содержание указывает на то исключительное значение, которое придавалось делу в высоких правительственных сферах многих западноевропейских государств.

На протяжении тридцати пяти лет (с 1547 по 1582 г.) в дело Шлитте было втянуто невероятное количество людей, документы рассматривались на самом высоком уровне, в переписке по делу Шлитте принимали участие император Священной Римской империи, папа Римский, кардиналы Италии, короли Дании, Швеции, Франции, Венгрии и Речи Посполитой, турецкий султан, маркграф Альбрехт Гогенцоллерн Прусский, герцог Иоган Альбрехт Мекленбургский, гроссмейстер Ливонского ордена, послы и бургомистры ганзейских городов.

В документах речь шла о военно-политическом союзе России с западными державами, о соединении Православной и Католической церквей под эгидой Рима, о сумме займа, сравнимой с казной небольшого государства. При этом Россия хранила полное молчание. Мы не находим каких-либо опровержений русских послов по поводу сенсационных заявлений Шлитте, сделанных от имени царя. Более того — ни единого запроса о правомочности саксонского купца не было послано в Москву правительствами иностранных держав. Создается впечатление, что Европу не интересовала реакция России, а Россия безучастно наблюдала за суетой вокруг дела Шлитте.

Помимо этого, вызывает недоумение тот факт, что стойкое противостояние со стороны западных государств касалось исключительно миссии Шлитте. За годы царствования Ивана Грозного на русской службе побывали многие иностранцы, и процедура их найма не сопровождалась подобного рода осложнениями.

Кем же был купец Ганс Шлитте из нижнесаксонского города Гослар?

Гослар, небольшой городок в цетральной части Германии, с XI в. имел статус летней резиденции императора Священной Римской империи. Город входил в состав Ганзейского союза. Его главным богатством и предметом торговли являлись олово, медь и свинец,

которые добывались на местных рудниках. Ганс Шлитте торговал стратегическим товаром.

Дело Ганса Шлитте
Москва (июнь 1546 г. — июнь 1547 г.)

Ганс Шлитте отправился в Россию 21 июня 1546 г., имея при себе рекомендательные бумаги от прусского маркграфа Альбрехта[129]. Купец прибыл в Москву в удачное для него время: летом 1546 г. к власти пришли родственники великого князя Ивана Васильевича по материнской линии — бабка Анна Глинская и дядья Михаил и Юрий Васильевичи Глинские. Семья Глинских имела старые связи с маркграфом Альбрехтом Прусским, в войске которого служил покойный деверь княгини Анны, Михаил Львович Глинский[130].

С рекомендациями маркграфа Ганс Шлитте мог расчитывать на теплый прием и покровительство со стороны родственников великого князя, однако ему пришлось запастись терпением. Осенью-зимой 1546 г. Шлитте стал свидетелем появления в столице перебежчиков из Казани, а затем татарских послов, просивших о помощи военными силами против Сафа-Гирея[131].

Шестнадцатого января 1547 г. в Москве состоялась пышная церемония венчания на царство Ивана IV, одними из главных инициаторов которой, по мнению исследователей, являлись Глинские[132]. Накануне коронационных торжеств Михаил Глинский получил чин конюшего, а его брат — кравчего. Глинские воспользовались благоприятным моментом, и дело Шлитте было доложено государю. Однако вместо дальнейших наград фавориты неожиданно потеряли свои позиции. На свадьбе государя с Анастасией Романовой, состоявшейся 3 февраля, Глинские не упомянуты, особая честь сидеть «в материно место» была оказана тетке царя, княгине Ефросинье Старицкой[133]. С этого момента предприятие Шлитте начинают преследовать неудачи.

Саксонец не оставил каких-либо записей о своем пребывании в России, где он провел ровно год. А между тем весной-летом 1547 г. в столице произошел ряд событий, которые оставили глубокий след в памяти москвичей: три «великих» пожара, падение большого благовестника с колокольни, убийство дяди царя, Юрия Глинского,

погром его московского подворья, попытка убийства княгини Анны и князя Михаила Глинских.

Цепочку зловещих событий ограничивает весьма короткий отрезок времени в два с половиной месяца: с середины апреля по конец июня 1547 г. Все происшествия тяготели к центральной части Москвы — Соборная площадь, Китай-город, Занеглименье — районам, где традиционно селились иностранцы.

Венчание Ивана Грозного на царство 15 января 1547 г. Лицевой летописный свод

Около полудня 12 апреля загорелась москательная лавка в торговых рядах Китай-города. Огонь перекинулся на панский двор, а затем запылали другие строения внутри Китая[{134}]. Той же ночью произошел еще одни пожар, на этот раз в Чертолье[{135}]. От двух пожаров пострадали не только москвичи, но и иноземцы, проживавшие на панском дворе в Китае и в Бронной слободе в

Чертолье[136]. Среди прочих сгорела церковь в честь иконы Оковецкой (Ржевской) Борогородицы, поставленная в Чертолье в 1540 г.

Московские старожилы, должно быть, припомнили, что предыдущий пожар такой же разрушительной силы случился весной 1508 г., через несколько месяцев после того, как на службу к великому князю Василию III выехал из Литвы служить Михаил Львович Глинский с братьями. Среди ближних людей М. Л. Глинского находился немец по имени Шлейниц. По странному стечению обстоятельств, огонь занялся с малым интервалом в тех же двух точках города, разделенных рекой Неглинной и ручьем Черторыем: «*Мая 21 день, в неделю, за час до вечера загоресят на Болшом посаде, от Панского двора посад и торг выгорел до Неглимны по пушечные избы… И того же месяца 22, в понедельник, Черторья выгоре, и Благовещение на Козье Бороде*»[137]. Тридцать пять лет спустя история повторилась. Однако на этот раз дело не ограничилось одним пожаром, москвичи стали свидетелями целого ряда зловещих событий.

Через неделю, 20 апреля 1547 г., загорелась цекровь Симеона на Болвановке за Яузой[138]. Выгорели слободы гончаров и кожевников, где также издавна селились иностранцы. Не будет большой натяжкой предположить, что среди погорельцев оказался Ганс Шлитте. С просьбой о приюте он мог обратиться только к Глинским.

Правительство произвело следствие, были пойманы многие зажигальщики. Преступников пытали и «*казнили смертною казнью, главы им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали*». После второго пожара по Москве поползли слухи о появлении во многих местах загадочных «сердечников»: «*А после того (второго пожара. — Л.Т.) того же лета явились на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца*».

Не успела Москва оправиться после двух пожаров, как случилось еще одно пугающее событие: 3 июня на Соборной площади Кремля на «*древяной колоколнице*» начали звонить к вечерней, и «*отломишася уши у колокола благовесника, и паде з древеные колокольни, и не разбися*»[139]. Упал тысячепудовый очепный колокол, который отлил в декабре 1533 г. немецкий мастер Николай Оберакер.

Царь Иоанн Грозный и иерей Сильвестр во время большого московского пожара 24 июня 1547 года. Художник П. Ф. Плешанов

Получив известие о падении колокола, государь ненадолго приехал из села Острова и приказал приделать колоколу новые железные уши. Видимо, в это время митрополит Макарий беседовал с царем о Василии Блаженном. Юродивый, прославившийся предсказанием несчастий, жил совсем рядом со слободами гончаров и кожевников, сгоревших в конце апреля, — на Кулишах, в доме вдовы Стефаниды Юрловой. Одно из мест его обретания находилось в башне

кремлевских Варварских ворот, рядом с панским двором и «*в нескольких десятках шагов от Всесвятской на Кулижках церкви*»[140].

Не прошло и месяца после падения колокола, как Василий Блаженный предсказал третий, самый разрушительный московский пожар. «*Да канун того пожару пророчествова Василей блаженный: приде в манастырь той и нача вельми плакати у церкви тоя (Воздвижения Креста Господня. — Л.Т.). И наутрее загоресяа та церковь и погибе вся Москва*»[141]. Деревянный храм Воздвижения на Неглинной был поставлен в честь принесения в Москву иконы Оковецкой (Ржевской) Богородицы в том же 1540 г., что и церковь в Чертолье. Пророчество юродивого сбылось на следующий день. Во вторник, 21 июня, «*от свечи*» «*загоресяа храм Воздвижение чеснаго креста за Неглинною на Арбацкой улице на Острове… И все дворы во граде погореша, и на граде кровля градцкая, и зелье пушечное, где бе на граде, и те места розорвашеся градные стены… А на третьем часу нощи преста огненое пламя*»[142]. В числе первых сгорело подворье Глинских, находившееся на Арбате, на Никитской улице. Причиненный городу урон был столь велик, что царь вновь приехал в Москву из села Острова и обещал погорельцам льготы[143].

В четверг 23 июня государь вместе с боярами посетил в Новинском монастыре митрополита Макария, сильно пострадавшего во время пожара. На «думе» у митрополита была высказана версия, что пожары возникли после того, как некие люди кропили водой, в которой вымачивали вынутые сердца: «*Вражиим наветом начаша глаголати, яко вълхвъванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре; начаше же словеса сия глаголати духовник царя и великого князя протопоп Благовещенской Федор да боярин князь Федор Скопин Шуйской да Иван Петров Федоров*»[144].

В исторической литературе принято считать, что «вынимание сердец» представляло собой возрождение на Руси «*языческих нравов и обычаев*»[145]. Однако обвинение «сердечников» в «волховании» опиралось на библейский текст. Пророчество о великих бедах, которым предшествуют «кропление водой» и «вынимание сердец», восходит к тексту Ветхого Завета, к Книге пророка Иезекииля. В Книге говорится о возрождении Израиля и о мщении иудеев тем народам, которые их притесняли. Оружием для уничтожения обидчиков станет

воинственное племя Гог из земли Магог. Племя Гог, ведомое «*под узду*» сыном человеческим из иудеев, придет с Севера в полном вооружении, в броне и со щитами, чтобы «*произвести грабеж и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенные развалины и на народ, собранный из народов, занимающийся хозяйством и торговлею, живущий на вершине земли» (Иез. 38: 12)*.

Согласно откровению Иезекииля, знаком начала великих бедствий на Земле станет окропление водой и замена сердец у людей из избранного Богом народа иудеев: «*И окроплю вас чистою водою, — и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное» (Иез. 36: 25, 26)*. Появление в Москве «многих», вынимавших сердца и кропивших водой, являлось предзнаменованием прихода с Севера племени Гог, вслед за которым последуют опустошительные войны и наступит Конец Света — событие, которого на Руси ждали в 7000 (1472) г., а затем в 7007 (1479) г.

Несомненно, сюжеты из Книги пророчества Иезекииля пользовались популярностью в конце 1540-х гг. Так, в первой главе Книги дано подробное описание херувима: «*…отверзлись небеса, и я видел видения Божии. ‹…› И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица ‹…› Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех*». (Иез., 1: 4–24, 10: 5–22).

После пожара 1547 г. были возобновлены росписи Золотой палаты Государева дворца. По свидетельству описи, составленной в 1672 г. Никитой Клементьевым и Симоном Ушаковым, в центральной части плафона палаты был изображен четырехликий херувим: «*Лицо человечье, обвито змеиным хоботом, конец хобота к солнцу, направо лице львово, обвито хоботом, конец к солнцу, на лев сторону глава* ***змеина*** *(выделено мной. — Л.Т.), окружена хоботом, а конец хобота к тому же солнцу, с правую сторону меж крыл — глава орля, обвита хоботом, а конец хобота к тому же солнцу*»[146]. Как видим, по

прошествии ста лет, иконописец Ушаков не узнал херувима из Книги пророка Иезекииля, перепутал тельца со змеей.

Согласно той же описи, на одной из створок дверей Золотой палаты изображалось кропление водой: «*Написана жена простоволоса, а в левой руке держит, что кропило, а подпись “нечистота”*». Видимо, в 7055 (1547) г. в Москве возродились слухи о грядущем приходе Антихриста, когда кропление водой означало «*нечистоту*», то есть бесовство и ересь.

Как известно, тексты «Пророков» были включены в единый кодекс в конце 1490-х гг. в процессе создания Геннадиевской Библии. В библию вошли недостающие ветхозаветные книги, а также отрывки из комментариев Николая де Лира{147}. По мнению специалистов, перевод Вульгаты не прижился в России, известны всего три экземпляра Геннадиевской Библии. Четвертый, не сохранившийся, позднее лег в основу Острожской Библии{148}.

В кружке новгородского митрополита Геннадия над переводом Вульгаты трудился «толмач» Влас Игнатьев, приходившийся родней Стефаниде Юрловой{149}. В начале 1500-х гг. многие участники геннадиевского кружка оказались в Москве. Влас Игнатьев был взят в Посольский приказ и участвовал в посольствах ко двору императора Карла V{150}. Василий Блаженный, проживавший на подворье Стфаниды Юрловой, являлся современником событий, связанных с расследованием дела о еретиках 1504 г., важную роль в которых сыграла Геннадиевская Библия. Несомненно, неизгладимое впечатление на юродивого произвели костры, на которых сжигали еретиков.

Исследователи обратили внимание, что апрельские пожары 1547 г. происходили около полудня, с разницей в один час{151}, то есть вскоре после дневной службы. Возможно, действия «поджигальщиков» инициировались проповедями в память святых, которых поминали в те дни. Так, 12 апреля отмечается память преподобного Василия Исповедника, выступавшего за почитание икон во время иконоборческих гонений, а также память священомученика Зинона, пострадавшего во время гонений на православных со стороны покровителей арианской ереси. 20 апреля по старому стилю — память преподобного Анастасия, боровшегося с ересью акефалов.

Дело о московских пожарах 1547 г. попахивало дымом костров, на которых сжигали в 1504 г. Волка Курицина с товарищами, обвиненных в ереси жидовствующих. Той ереси, которую принес в Новгород «жид Схарий», прибывший на Русь в свите литовского князя Михаила Олельковича. События также перекликались с пожарами 1508 г., когда пострадали иностранцы, выехавшие из Литвы с Глинскими. Все эти обстоятельства не могли не насторожить московское правительство.

По распоряжению царя бояре приступили к расследованию причин возникновения пожаров: «*И царь и великий князь велел того бояром сыскати*»[152]. К сожалению, составленные в ходе «обыска» документы не сохранились в архивах. Однако в источниках получил отражение заключительный этап дознания: в воскресенье 26 июня на Соборной площади Кремля рядом с храмом Успения состоялся допрос «*черных людей». «…На пятый день после великого пожару, бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начаша въпрашати: хто зажигал Москву?»* Москвичи обвинили княгиню вместе с сыновьями и дворовыми людьми в колдовстве, будто летала сорокой и кропила улицы водой, в которой вымачивала людские сердца. *«Они же начаша глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людми вълхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела*»[153].

Опрос горожан шел полным ходом, когда к церкви Успения подъехал князь Юрий Глинский: «*А князь Юрьи Глинской тогда приехаш туто же, и как услыша про матерь и про себя такие неподобные речи, и пошел в церковь в Пречистую*»[154]. Имя князя Юрия Глинского не упомянуто среди тех бояр, которые возглавили следствие о московских пожарах[155]. Следовательно, он не принимал участия в расследовании, а прибыл к Успенскому собору в связи с другим делом. Каким именно?

В своем Первом послании к Андрею Курбскому Иван IV вспоминает, что «*тако тех изменников (бояр. — Л.Т.) наущением боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинскаго, воскричав, народ июдейским обычаем, изымав в пределе великомученика Дмитрия Селунскаго, выволокши, в соборной и апостольской церкви пречистыя богородицы против митрополичья места, безчеловечно убиша…*»[156].

Князь Юрий был схвачен в приделе Дмитрия Солунского, за алтарными преградами, куда доступ мирским людям был запрещен.

Благодаря исследованиям современных ученых известно, что три придела Успенского собора располагались не на полатях над нартексом, как было принято на Руси, а «на мосту», в алтарях храма. Один придел, Положение Вериг Апостола, находился в северном отделении жертвенника, два других — Похвалы Богородицы и Дмитрия Солунского — в южном предалтарии, в дьяконнике. Согласно описям собора, все три придела имели каменные алтарные преграды с написанными на них деисусами. В южном предалтарии, где располагались приделы Похвалы Богородицы и Дмитрия Солунского, находилась лестница, которая вела на полати сводов. Здесь размещалось тайное хранилище соборной ризницы[157].

В Продолжении хронографа редакции 1512 г. говорится, что князь Юрий Глинский был убит во время обедни «*на иже-херувимской песни*»[158]. *Херувимская песнь поется на литургиях святых Иоанна Златоуста и Василия Великого во время перенесения Святых даров с жертвенника на престол. При перенесении даров вход священнослужителя в алтарь совершается через южные ворота, а выход — через северные. Войдя через южные ворота в придел Дмитрия Солунского, священник увидел князя Юрия рядом с потайным входом в сокровищницу.*

Скорее всего, в соборной сокровищнице помимо церковных сосудов хранилась казна самих Глинских, перенесенная в связи с пожарами из менее надежного хранилища. Известно, что рядом с подворьем Глинских, в Драчах на Неглинной, находился Драчевский Николаевский монастырь. В 1547 г. он сгорел и больше не возобновлялся. В церкви Святого Николы в Драчах существовали приделы Параскевы Пятницы и Дмитрия Солунского[159]. Вероятно, ценности Глинских хранились в Драчевском монастыре, в Николаевской церкви, в приделе Дмитрия Солунского.

Весна и начало лета 1547 г. выдались жаркими и засушливыми[160]. Из опасения других пожаров ценности Глинских были перенесены из деревянной церкви Драчевского монастыря в придел Дмитрия Солунского каменного Успенского собора. Если такое предположение верно, то фраза о том, что княгиня Анна «*летала сорокой*», обретает конкретный смысл: подворье Глинских и Драчи

располагались на территории древнего урочища Кучково поле[161]. По преданию, боярина Кучку предала своим стрекотаньем сорока. Княгиня Анна после первых пожаров несколько раз посещала монастырь и изымала семейные ценности из тайника в монастырских подклетах, подобно сороке, собирающей блестящие предметы в гнездо.

Князь Юрий беспрепятственно вошел за алтарные преграды Успенского собора во время службы с определенной целью: взять из тайника ценности. Скорее всего, они предназначались для возмещения убытков Ганса Шлитте и частичной оплаты царского заказа на вооружение и военных специалистов. Присутствие князя Юрия в приделе Дмитрия Солунского присутствующие расценили как попытку ограбления храма: как и предрекалось в Книге Иезекииля — после кропления водой настал черед грабежа и сбора добычи теми, кто пришел с Севера. Убив князя Юрия и бросив тело «*на торжише, яко осуженника*»[162], горожане разгромили его подворье: «*А людей княже Юрьевых безчислено побиша и живот княжей розграбиша*». Во время погрома пострадали неизвестные люди, якобы пришедшие с Севера: «*Много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людми*»[163].

Василий Блаженный. Икона из собора Василия Блаженного

В российской историографии принято считать, что москвичи перебили случайно попавших под горячую руку «*уездных детей боярских из Северской Украины, ошибочно приняв их за людей правителя*»[164]. Однако наиболее вероятно, что на подворье Глинских были убиты лица из свиты Ганса Шлитте. Саксонцу удалось тайно покинуть Москву вместе с княгиней Анной и Михаилом Глинскими. Они направились в Ржев. В одной из летописей сообщается, что «*от тое кромолы князь Михайло Глиньской с жалования со Ржовы хоронился по монастырем…*»[165] По словам царя, они действовали по его указанию, находясь «*на огосударском жалование на Ржеве*»[166].

«Государева служба» Глинских, скорее всего, состояла в том, чтобы скрытно перепавить Шлитте за границу через волок в Оковецком лесу.

Москва взволновалась в последний раз 29 июня, в день памяти ревнителей христианской веры апостолов Петра и Павла. Толпа «*черных людей*», вооруженных «*щитами и сулицами*», явилась в царский загородный дворец в селе Воробьево «*яко же к боеви обычаи имяху, по кличю палача*». Москвичи потребовали выдать княгиню Анну и князя Михаила Глинских. Православные готовились совершить на этот раз правосудие: не «иудейским обычаем», т. е без суда и следствия, а при участии представителя властей — палача — избавить Русь от прихода Антихриста, ведущего под узду закованное в броню племя Гог.

Пророчества Василия Блаженного грядущего Конца Света вызвали всплеск религиозной истерии. Погром подворья Глинских представлял собой «крестовый поход» против «Антихриста». Видимо, религиозная подоплека дела повлияла на удивительно мягкое наказание виновных. Как сообщает летопись, «*князь же великий… обыскав, яко по повелению приидоша, и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати*»[167]. На этом беспорядки в Москве завершились. Возвращение Глинских из Ржевского уезда не сопровождалось какими-либо выступлениями москвичей. В столице больше никто не вспомнил о саксонском купце.

Вырвавшись из города, объятого пламенем инквизиционных костров, Ганс Шлитте кратчайшим путем, по Яжелбицкому тракту, добрался до литовской границы. В конце сентября — начале октября купец уже находился в Германии.

Аугсбург (сентябрь 1547 г. — январь 1548 г.)

Ганс Шлитте появился в Аугсбурге осенью 1547 г., во время заседаний рейхстага (созван 22 сентября 1547 г.)[{168}]. Время для визита было выбрано очень удачно: рейхстаг, получивший название «кровавого сейма», подводил итоги разрома Шмалькальдской лиги. В результате поражения чешские протестантские города потеряли привилегии созыва сеймов и избрания высших должностных лиц, а также обязались выплатить королю Фердинанду I Габсбургу контрибуцию в размере 81 500 талеров[{169}]. Католическая церковь торжествовала. Брат короля Фердинанда I, император Карл V находился на вершине могущества и славы. Добиваясь аудиенции, Шлитте, несомненно, действовал через графа Антона Фуггера, в аугсбургской резиденции которого обычно гостил Карл V[{170}].

Во время аудиенции Шлитте предъявил императору грамоту и письменное поручение от царя набрать «*известное число честных, искусных, высокоученых божественному священному писанию мужей, докторов прав, магистров свободных искусств (наук?) и языков, а также других искусных ремесленников*»[{171}]. Под «другими» ремесленниками подразумевались архитекторы фортификационных сооружений, а также «*литцы ружей (пушек?), пороховщики, ружейные мастера, плющильщики, ковачи (холодного оружия), панцирные мастера и т. п.*». Кроме того, речь шла о доставке в Россию «*вооружения и других припасов*» [{172}].

На первоначальном этапе миссии Шлитте сопутствовал успех. Предмет сделки не встретил возражения со стороны Карла V, о чем русские, видимо, в скором времени получили уведомление из Аугсбурга. В начале ноября 1547 г. князья Михаил Глинский и Турунтай-Пронский были замечены на литовской границе. В столице это известие восприняли как попытку бегства конюшего. По распоряжению царя на поиски беглецов «*во ржевских местех и велеких тесных и в непроходных теснотах*» был послан князь Петр Шуйский с отрядом стрельцов.

Глинский и Турунтай-Пронский вернулись в Москву 8 ноября «*тайно*», и, как сообщает Пискаревский летописец, «*хотеша… бити*

челом великому князю, что они не бегали, а поехали были молитись к Пречистой в Оковец». Беглецов посадили в застенок и учинили дознание. В расспросе Глинский ответил, что они «*от страху княжь Юрьева Глинского убийства поехали были молитися в Оковец ко Пречистой*». Царь простил вину конюшего только после заступничества митрополита Макария: «*Занеже от неразумия тот бег учинили, были обложася страхом княжь Юрьева убийства*». Таким образом, пребывание Глинского и Турунтай-Пронского на литовской границе было связано с делом о московских пожарах и с пребыванием в столице Ганса Шлитте.

Помиловав Глинского и Турунтай-Пронского, государь немедленно принял решение о первом походе на Казань: 20 ноября царь приказал собирать войска. В начале декабря полки ратников вышли из Владимира и к 26 января 1548 г. добрались до Нижнего Новгорода. По свидетельству летописца, артиллерия задержалась в пути по причине необычно теплой и дождливой погоды. Обоз подтянулся к 3 февраля, но почти весь арсенал утонул в реке во время паводка. Несмотря на потерю пушек и пищалей, государь провел еще три дня на острове Работка, «*ожидая путнаго шествия*»[173]. Государь, видимо, надеялся на подвоз вооружения от Шлитте.

Саксонец в это время все еще находился в Аугсбурге, дожидаясь заверенных императором документов. Карл V не торопился ставить свою подпись под грамотами. Из донесения Фейта Зенга видно, что Шлитте дважды докладывал императору о деле. Ему удалось получить разрешение на вывоз специалистов после того, как Карлу V и курфюстам было сделано следующее предложение: во-первых, ссудить императорскому величеству и Римской империи 74 бочки золота под небольшой процент сроком на десять лет; во-вторых, в случае войны с Турцией предоставить войско в 30 000 всадников и содержать его 5 лет за свой счет (с возмещением ему издержек в случае успешного окончания войны); в-третьих, заключить вечный мир между Россией и смежными с ней государствами[174]. Кроме того, был предложен проект соединения Православной и Католической церквей под эгидой Рима[175].

Карл V подписал две грамоты 30 и 31 января 1548 г.[176]. Первый документ представлял собой проезжую грамоту для Шлитте и нанятых им мастеров, второй (на латыни) — послание к русскому царю. Фейт

Зенг также сообщает о третьей грамоте, согласно которой Ивану IV дозволялось носить титул «*императора всея Руси*»[177].

Заручившись официальными бумагами, Ганс Шлитте нанял две группы специалистов. Одна группа людей во главе с доктором Иоганном Цегентером фон Россенек и Вольфом из Страссбурга отправилась сухим путем через Пруссию и Курляндию. Другую группу, в которой насчитывалось 123 человека, Шлитте повез через Любек и Ливонию. Из-за проволочек с документами время доставки оружия было упущено. Не дождавшись немецких специалистов и артиллерии, 5 февраля царь повернул от Нижнего Новгорода в Москву. Войска, стоявшие под Казанью, получили приказ снять осаду 10 февраля. Первый поход Ивана IV на Казань закончился неудачей из-за того, что Ганс Шлитте опоздал с выполнением контракта. Покровительствовавшие ему князья Глинские впали в немилость и потеряли какое-либо влияние при государевом дворе.

Любек (март 1548 г. — июль 1550 г.)

Саксонский купец и нанятые им специалисты прибыли в Любек ранней весной 1548 г. Здесь Шлитте намеревался зафрахтовать корабли с командой, чтобы переправиться в Ревель. Неожиданно на его пути встретились бюрократические препоны. Чиновник рижского архиепископа Иером Коммерштад уличил Шлитте в неправомочном использовании титула «посла». Коммерштад предостерег местные власти, что деятельность купца в недалеком будущем может стать источником бедствий для Ливонского ордена.

Любекский магистрат потребовал от Шлитте дополнительных документов. Саксонец составил подробный список следовавших с ним людей. Этот список до сих пор вводит в заблуждение исследователей, так как в нем перечислены в основном мастера гражданских специальностей: «*4 теолога или богослова, 4 медика, 2 юриста, 4 аптекаря, 2 оператора, 8 цирюльников, 8 подлекарей, 1 плавильщик, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменщиков, 8 столяров, 2 архитектора, 2 литейщика, 1 стекольщик, 1 бумажный мастер, 2 рудокопа, 1 человек искусный в водоводстве, 5 толмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовник для винограда, другой для хмеля, 1 пивовар, 1 денежник, 1 пробирщик, 2 повара, 1 пирожник, 1 солевар, 1 карточник, 1 ткач, 4 каретника, 1 скорняк, 1 маслобой, 1 горшечник,1 типографщик, 2 кузнеца, 1 медник, 1 коренщик, 1 певец, 1 органист, 1 шерстобой, 1 сокольник, 1 штукатур, 1 мастер для варения квасцов, другой для варения серы, 4 золотаря, 1 площильщик, 1 переплетчик, 1 портной*»[178].

Уловка саксонца не удалась — магистрат отказался дать разрешение на выезд, т. к. купец вез «*партию оружия*». Шлитте дважды подавал жалобы императору на самоуправство чиновников. Его ходатайства рассматривалось на императорском совете 17 и 20 апреля 1548 г.[179].

Помимо бумажной волокиты Шлитте столкнулся с финансовыми трудностями. Находясь в Любеке, купец занял 4600 флоринов у дворян Ганса Бланкенбурга и Манденсло на содержание нанятых специалистов. По истечении срока Шлитте не смог выплатить долг, и

по требованию магистрата его взяли под стражу. Власти отняли у него «*некоторые подлинные цесарские опасные грамоты, наказ и (другое)*»[180], что он имел при себе. Такие же неприятности постигли доктора Цегентера и Вольфа: в городе Гольдинген в Курляндии их арестовали. Нанятые люди разошлись по домам.

Попав в тюрьму, Шлитте принялся писать письма в высокие инстанции. За него хлопотали герцог Силезский, ратманы Бреславля и родственники[181]. Купец отправил несколько посланий к русскому царю и императору. В донесениях к Карлу V он жаловался на самоуправство любекского магистрата и заверял, что не его вина в том, что он не нашел в Любеке денег, которые должен был направить туда Иван IV. Эти письма возымели действие, и император распорядился освободить купца. Однако в дело вмешался Ливонский орден.

Магистр ордена Иоганн фон дер Реке провел самостоятельное расследование, в ходе которого подтвердилось, что Шлитте не имел дипломатического статуса. Купец превысил свои полномочия и вместо мастеров гражданских профессий нанял военных специалистов. Магистр потребовал лишить Шлитте полномочий и оставить в заключении. Он предупредил Карла V, что военное усиление России несет угрозу для Ливонского ордена и всех христианских государств, а предложение о воссоединении Православной и Католической церквей является выдумкой самого Шлитте. В ответном письме от 12 октября 1548 г. император сообщил фон дер Реке, что запретил кому бы то ни было нанимать и переправлять в Россию военных специалистов. Король Фердинанд I издал указ, запрещающий поставки оружия в Московское государство[182].

Тем не менее, несмотря на запрет императора и короля, большая партия оружия и боеприпасов была доставлена московитам не позднее ноября 1549 г. Артиллерийский «наряд» позволил быстро восполнить урон, понесенный в предыдущем году из-за паводка. Новые пушки предназначались для второго похода русских на Казань. Иван IV выехал из Москвы во главе войска 24 ноября 1549 г., а 14 февраля 1550 г. ратники уже стояли под стенами Казани. По крепостным башням били из пушек с величайшей меткостью, однако взять цитадель не смогли. В конце февраля государь снял осаду. Вторая кампания также закончилась неудачей. Для успеха требовалась иная тактика и более мощное оружие.

Летописи указывают точное место, где Бог «*вложи в серцы его (царя. — Л.Т.) свет благоразумия*», — на Свияжском устье. Здесь государю был предложен план, как «*тесноту бы учинити Казанской земле*». «*Царь Шиг-Алей, и великого князя бояре, и казанские князи*» одобрили план на военном совете[183]. Несмотря на поражение, государь вернулся в столицу в конце марта «*с радостным лицом*»[184], а осенью 1550 г. Россия закупила на Западе небывало крупную партию металла и пригласила специалистов-литейщиков.

В октябре на Москве был отлит гигантский колокол «Лебедь», одной меди для которого пошло «*2200 пудов*»[185]. Источники не сообщают, откуда поступил металл и как звали мастера литейного дела, однако нет сомнений, что Ганс Шлитте не принимал участия в доставке стратегического товара и специалистов в Москву. В то время он был тяжело болен.

Любек — Вена — Рим (июль 1550 г. — декабрь 1553 г.)

Ганс Шлитте обрел свободу не позднее июля 1550 г. По сообщению Фейта Зенга, он бежал из тюрьмы[186], видимо, подкупив стражу и чиновников. Не имея возможности продолжать дело, Шлитте передал свои полномочия Иоганну Штейнбергу, согласно договору от 1 августа 1550 г.[187]. Юридическую правомочность документа подтвердили два свидетеля. Одним из них являлся каноник Герберт фон Ланген из Бремена, пользовавшийся большим авторитетом в германских церковных кругах[188].

Любек. Гравюра XVII в.

Антон Фуггер, несомненно, возлагал большие надежды на деловые качества Штейнберга, так как дела компании шли не лучшим образом — бухгалтеры продолжали подсчитывать убытки. В 1550 г. пожар уничтожил фабричные постройки на ртутных шахтах Альмаден в Южной Кастилии (Испания). Сославшись на условия договора, Антон Фуггер потребовал от владевшего испанской короной Карла V возместить убытки, но тот отказался платить, и лицензия на

разработки ртути не была возобновлена[189]. Прибыль от добычи серебра значительно снизилась, так как австрийские серебряные рудники не могли конкурировать с дешевым серебром, поступавшим из Боливии.

Иоганн Штейнберг заручился сопроводительными письмами от маркграфа Прусского, нанял специалистов и заготовил партию оружия. Путь через Ливонию был закрыт, поэтому он сделал попытку переправиться через польскую границу. Штейнберг обратился к Сигизмунду Августу с просьбой разрешить проезд через польские земли от имени правителя Прусского герцогства, находившегося в вассальной зависимости от Польши.

В 1550 г. в Москву прибыл посол польского короля Станислав Едровский. Он передал Ивану IV следующее заявление Сигизмунда Августа: «*Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать*». Царь ответил следующее: «*Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравная зелья к нам привозили и пакости многия нашим людям делали: так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такия злыя дела*»[190].

Сигизмунд не дал разрешения Штейнбергу на проезд. Однако осенью 1550 г. в Москву все же была доставлена большая партия меди, а также прибыл специалист в области фортификаций. Зимой под Угличем был заготовлен строевой лес, а в марте следующего, 1551 г., в 30 верстах от Казани началось возведение Свияжской крепости, поразившее современников организацией труда и темпами строительства.

Укрепившись на господствующей высоте и перекрыв казанцам пути сообщения, русские предприняли попытку «взломать» цитадель изнутри. Подкупом им удалось переманить князей и мурз, которые «*тайно уходили*» к ставленнику Москвы Шиг-Алею[191]. С помощью интриг русские посадили в Казани Шиг-Алея, тот «*зазвал к себе многих князей и уланов лутчих казанских на пир да побил и перерезал 70 человек лутчих*»[192], однако не смог удержаться на престоле.

Тактика «троянского коня» не оправдала себя, Москве требовалось сверхмощное оружие и специалисты-подрывники.

В это время компания Фуггеров переживала серьезные неприятности на английском рынке. В марте 1551 г. немецкие купцы, торговавшие стратегическим сырьем на лондонском Стил-Ярде, лишились дипломатического иммунитета и привилегий в пошлинах, которыми пользовались на протяжении 200 лет[193]. К июню английское правительство досрочно погасило долг короля Эдуарда VI на сумму 150 000 флоринов, взятый в банке Фуггеров в предыдущем году[194]. Банкиры вернули свои деньги, но потеряли влияние при английском королевском дворе. Репутация Фуггеров серьезно пошатнулась в деловых кругах Европы, вызвав в том же году цепочку банкротств генуэзских банков, связанных финансовыми обязательстами с Домом Фуггеров.

В этих условиях вопрос успешного выполнения контракта на поставку специалистов и вооружения русскому царю приобретал первостепенное значение. Западная граница России была крепко заперта польским королем и Ливонским орденом, однако германские мастера могли воспользоваться другой дорогой — через Италию и Константинополь.

В конце лета 1551 г. у Иоганна Штейнберга появился партнер — граф Филипп фон Эберштейн, служивший в чине имперского стольника. Выбор партнера, несомненно, принадлежал Антону Фуггеру: его старший сын, Маркус, был женат на родственнице графа — Сибилле фон Эберштейн[195]. В письме к Карлу V от 4 сентября 1551 г. Штейнберг выражал от своего имени и от имени фон Эберштейна верноподданические чувства и готовность действовать на благо христианского мира. Десять дней спустя, 14 сентября, получив сообщение из Вены, папский нунций Пиетро Бертано проинформировал Рим о возрождении надежд на воссоединение Православной и Католической церквей. Осенью 1551 г. этот вопрос занимал важное место в переписке папы Юлия III (Джованни Мария Чокки дель Монте) с кардиналом Алесандром Фарнези и Гранвеллом, епископом Арасским[196].

Выход царя Ивана Грозного в поход на Казань. Из «Истории о Казанском ханстве»

В январе 1552 г. Иоганн Штейнберг и граф фон Эберштейн прибыли в Рим. Через папского нунция Бертано и герцогиню Маргариту Палеолог им удалось заручиться поддержкой кардинала Эрколя Гонзага. К делу был также привлечен кардинал Бернардо Мафей, имевший большой вес в окружении папы Юлия III. К весне вопрос о переброске специалистов в Россию через Италию и Стамбул был решен положительным образом. Кардиналы дали согласие на выдачу паспортов, а также проезжих документов ко всем правителям, через земли которых Штейнберг и его спутники будут следовать. Было решено снабдить посланников грамотой к московскому митрополиту. Сообщение об этом, вероятно, как можно скорее было передано в Москву.

В конце марта 1552 г. на торжественном заседании Думы царь объявил о своем решении идти на Казань. Войска скорым маршем добрались до Свияжска и после этого несколько месяцев томились в ожидании начала кампании. В лагере началась эпидемия заболевания, напоминавшего цингу. От безделья ратники предавались «*гнусному любострастию*». Бояре советовали царю отложить поход до зимы.

На исходе весны наконец было получено сообщение о прибытии оружия и военных специалистов. В начале июля 1552 г. Иван IV с многотысячным войском вышел в поход. Полтора месяца спустя армия расположилась станом под Казанью. «*Два дня выгружали пушки и снаряды из судов*»[197]. Осада и артиллерийский обстрел продолжались в течение пяти недель, но крепость не сдавалась. В самом начале октября под руководством «немчина Розмысла» были сделаны четыре подкопа под стенами города. В общей сложности подрывных дел мастера заложили в подкопы не менее 60 бочек пороха, то есть около 5 тонн смертоносного зелья. Второго октября неприступные стены рухнули, и после кровопролитной сечи Казань капитулировала.

Как и в предыдущий раз, представители Дома Фуггеров не имели никакого отношения к доставке артиллерии, пороха и боеприпасов, поскольку Штейнбергу и фон Эрберштейну так и не удалось покинуть Рим весной 1552 г. Несмотря на рекомендации кардиналов, Папа отклонил прошение посланцев из Аугсбурга. Причиной тому стала петиция польского короля, переданная через секретаря Альберта Крижки. Сигизмунд-Август предостерег Папу о возможных

последствиях, которые возникут в случае если Штейнберг и сопровождающие его лица будут отпущены в Россию. Папская курия приостановила дело и не дала разрешения на проезд германских мастеров и провоз товаров.

Бумажная волокита продолжалась ровно год. Весной 1553 г. графу фон Эберштейну удалось сдвинуть дело с мертвой точки. Кардиналы Фаненсис, Мафей и папская курия в течение нескольких месяцев вели оживленную переписку о «*нашем Иоганне Штейнберге*» и об условиях соединения Православной и Католической церквей. Кардинал Мафей составил меморандум, в котором, в частности, предусматривались следующие условия подчинения Москвы Риму: «*1. Великий Князь, как только он будет назван Папой царем, должен послать свои официальные грамоты с клятвой в верности и послушании Папе и Святому престолу. 2. Каждому вновь выбранному Папе в первый год понтификата царь должен по обычаю прежних князей присылать свои грамоты, чтобы в той же верности и послушании присягнуть. 3. Глава Московского царства должен избираться в наследном порядке, но подтверждение в избрании получить от Папы, который передаст ему палиум как главе государства и легату, и после подтверждения Царь сам лично или через своего уполномоченного принесет присягу верности и послушания. И из-за большой удаленности Московской провинции глава церкви передаст архиепископам палиум и подтвердит назначение других епископов от имени Папы и себя как его легата. 4. Царь и глава церкви поклянутся приложить все усилия, чтобы русская церковь с римской как с матерью всех нынешних церквей была объединена в мире по возможности быстро и спокойно. 5. Всему христианскому миру пойдет на пользу, когда Папа и другие кардиналы будут использовать свой авторитет, чтобы хранить крепкий мир с великим князем московским, королем польским, немецким орденом и сословиями Лифляндии. Совместными усилиями будет удобнее и легче направить оружие против турков и татар*»[{198}].

Обмен посланиями был прерван кончиной кардинала Бернардо Мафея (16 июля 1553 г.), но уже в сентябре Штейнберг и фон Эберштейн действовали через брата покойного — кардинала Марка Антонио Мафея. С его помощью они заручились поддержкой Джованни де Каппи, кардинала Тренийского. Де Каппи выразил

согласие оказать посильное содействие в решении вопроса и написать письма к русскому царю, императору Карлу V, королю Фердинанду I и польскому королю. Удалось ли кардиналу осуществить свое намерение — не известно, но 10 декабря 1553 г. он скончался. На этом сведения об участии Штейнберга и графа фон Эберштейна в «русском проекте» обрываются. Они, видимо, вышли из дела[199].

Сен-Жермен-ан-Лэ — Феррара (январь 1554 г. — конец 1557 г.)

После неудачи в Риме контракт, заключенный между Шлитте и Штейнбергом, потерял силу, и полномочия были возвращены Гансу Шлитте. Уже «*в день обращения Павла*», то есть 12 января 1554 г., саксонец обратился с письмом к датскому королю. Называя себя «*московским посланником*», он испрашивал у Христиана III аудиенции для некого Берварда Бернера, которому поручил обсудить вопрос, касавшийся отправления в Россию искусных ремесленников. Шлитте жаловался в письме на жителей Любека, которые закрыли ему все пути и дороги, так что он «*ни через какое место не может проехать*», и сетовал, что «*телесная немочь*», которую он приобрел «*от долгого тяжкого заключения*», все еще не позволяет ему «*путешествовать сухим путем*»[200].

В течение пяти месяцев Бервард Бернер старался выполнить поручение Шлитте, однако все усилия оказались тщетны. В письме от 27 мая 1554 г. он сообщил королю Христиану III, что неожиданно «*встретил помеху*» и перепоручил это дело своему другу Левину фон Оберх[201]. Миссия фон Оберха, по-видимому, также натолкнулась на какие-то препятствия и не была доведена до конца.

Следующие известия о деле Шлитте относятся к весне-лету 1555 г. По сообщению Фейта Зенга, саксонец отправился во Францию в сопровождении Георга Гогенауэра из Аугсбурга. Для успеха предприятия Антону Фуггеру пришлось заручиться поддержкой императора. Это обошлось банкиру в очень крупную сумму: он сжег в камине вексель Карла V на сумму, которая обеспечила победоносный поход императорских войск в Тунис. Карл V сдержал слово. Во время визита во Францию он посетил сокровищницу Генриха II и, осматривая несметные сокровища короля, отметил, что «*знаком с одним ткачом из Аугсбурга, которому ничего не стоит купить все это*»[202]. Вскоре Шлитте и его компаньон получили аудиенцию у Генриха II в Сен-Жермен-ан-Лэ. Король поставил свою подпись на трех посланиях, адресованных русскому царю, шведскому королю Густаву I Вазе и султану Сулейману II Великолепному[203].

В Париже к Шлитте и Гогенауэру присоединился Ганс Фоглер Младший, родом из Цюриха, названный Зенгом «*слугой маркграфа Альбрехта*». Ганс Фоглер Младший известен как изобретатель барабанного станка для штамповки монет. Такой станок был установлен в Цюрихе в начале 1550-х гг.[204]. Фоглер имел при себе письма от маркграфа «*к родственникам его княжеской милости*», под которыми, видимо, подразумевались Глинские. Как сообщает Фейт Зенг, в том же году Шлитте послал Гедиона Виндиша, родом из Кауфперена, с письмом к Ивану IV. Письмо, видимо, содержало уведомление о готовности Шлитте выполнить условия контракта. Удалось ли гонцу передать грамоту царю, остается неясным.

В начале 1556 г. Ганс Шлитте, Гогенауэр и Фоглер отправились из Франции в Венецию, намереваясь воспользоваться письмом французского короля к Сулейману II Великолепному и переправиться в Россию через Стамбул. В Венеции в то время был «мор», и им пришлось вернуться в Феррару. Шлитте и его спутники оказались без денег. В Ферраре они познакомились с Фейтом Зенгом, «*купцом из Нюремберга*» (Нюрнберг), и взяли у него в долг некоторую сумму.

В то время, когда Шлитте находился в Италии в крайне стесненных денежных обстоятельствах, из-под пресса анонимного германского типографа вышел документ с текстом послания Ивана IV к императору Священной Римской империи, в котором от имени царя выражалась просьба о присылке мастеровых людей в Россию. Исследователи считают, что послание было создано Гансом Шлитте в личных целях. Однако анализ текста дает основание утверждать, что документ отражал интересы Дома Фуггеров.

В послании повторялись в общих чертах условия соглашения, предложенного Карлу V во время «кровавого сейма» 1547–1548 гг. Документ предусматривал воссоединение католической и православной Церквей, гарантировал заключение Россией вечного мира со всеми христианскими соседями, «*с коронами Польской и Шведской, а также с Литвою, Ливониею и Финляндиею*». В случае войны с турецким султаном автор проекта обещал предоставить в распоряжение императора и содержать за свой счет в течение 5 лет войско в 30 000 всадников. Помимо этого, давалось обязательство передать «*прежде обещанные*» 750 000 талеров чистым золотом для помощи Священной Римской империи в войне против «неверных».

Операция передачи денег предусматривалась с соблюдением всех юридических формальностей через контору банка Фуггеров в «*Анторфе*» (Антверпене). По условию соглашения, беспроцентный заем переходил в полное распоряжение банка Фуггеров сроком на 20 лет. «*Все эти деньги должны [находиться] у господ Фуггеров, которые [могут] обращать и употреблять их себе на пользу, по своему усмотрению и желанию*», при этом 5 процентов с оборота капитала (35 700 талеров) ежегодно поступают в специальный фонд накопления средств на военные расходы. Если в течение 20 лет поход на турок не состоится, то фонд остается в собственности империи. Автор проекта охарактеризовал Антона и Иоганна Фуггеров «*самыми богатыми и благосостоятельными частными (людьми) в мире*». Выплата долга гарантировалась под залог «*недвижимого и движимого имущества названных господ Фуггеров как (прямых) должников*»[{205}].

Составитель послания был хорошо осведомлен о порядке работы головной конторы компании в Аугсбурге. Он предлагал организовать еженедельную доставку скорой почтой «писем новостей» из Московии в Аугсбург, как это делалось в других регионах Европы, где находились представительства компании[{206}]. Из текста также следует, что подателем грамоты должен был стать не Ганс Шлитте, который назван «*первым нашим посланником*», а иное лицо. Невероятно щедрые условия ссуды[{207}] свидетельствуют, что завершение сделки имело для лица, составившего документ, первостепенное значение. В то же время публикация типографским способом документа, который содержал условия секретных переговоров, свидетельствует в пользу того, что его издание было осуществлено с целью воспрепятствовать заключению подобной сделки. Видимо, публикация «послания русского царя» была осуществлена конкурентами Антона Фуггера.

В том же году в Европе вновь вспомнили басню Дмитрия Герасимова в изложении Павла Иовия. Анонимный автор «Реляции о Московии», составленной для неких высокородных итальянских читателей, в предисловии обещал рассказать «*о чудесах и ужасах, происходящих»* в России, и присоединить в конце *«краткое рассуждение о том, как, на зло Испанцам и Португальцам, вернуть торговлю пряностями в руки Итальянцев*». Выполняя обещание, автор поместил в заключительной части документа рассуждение о «*новом многочисленном народе*», который вышел из «*Каспийских гор*» и

беспокоит своих соседей яростной войной. Этот воинственный народ представлял собой «*новые иудейские племена*», некогда запертые в упомянутых горах Александром Великим.

Следом за жалобой на воинственных иудеев автор поместил уже знакомую нам басню о спасении медведем неосторожного лакомки, увязнувшего в меду. Он смягчил грубоватый юмор католического священника с учетом того, что текст мог попасть в руки особ женского пола: «*Я уже говорил вам, что в Московии в большом изобилии водятся пчелы, которые живут не только в ульях (они употребляются [и здесь]); но встречаются огромные деревья, полные меда, оставленного пчелами; и его иногда бывает так много, что он в иные годы образует [так сказать] озера. Один крестьянин упал в огромное дупло дерева, где в большом изобилии находился мед; не успел он опомниться, как погрузился в него по горло. Он кричал о помощи, но никто из путников не мог услышать его. В такой нужде крестьянин в течение двух дней питался этим медом. Наконец, он [уже] отчаялся в спасении своей жизни, как ему помог удивительный случай. К тому дереву случайно пришла за медом медведица и спустилась книзу с ногами, как обыкновенно делаем и мы. Крестьянин, ухватившись за ее [задние] лапы, начал кричать. Медведица в ужасе поспешила вылезть и [при этом] силою вытащила и его. Случай поистине любопытный и замечательный*»[208].

В изложении анонимного автора басня приобрела иной смысл: в роли спасенного теперь выступал московит, а не его сосед. У читателей непременно должен был возникнуть вопрос: кто скрывался под личиной глуповатой медведицы? Ни один из европейских правителей не выразил желания оказаться в роли спасителя «русского крестьянина». Император Карл V, сложив с себя полномочия, удалился в монастырь Святого Юста (Испания), но продолжал «выкачивать» деньги из банка Фуггеров. За полтора года — с начала 1556 г. до середины 1557 г. — Фуггеры ссудили Габсбургам такую сумму, которая превышала все предыдущие выплаты за такой же срок[209]. В 1557 г. французский король Генрих II, Карл V и его сын, испанский король Филипп II, объявили себя банкротами. Антон Фуггер провел частичную ликвидацию компании. Видимо, в связи с угрозой банкротства самого Дома Фуггеров, «русский проект» отошел на второй план.

В это время в Ферраре между Фоглером и Шлитте начались распри по поводу каких-то похищенных вещей, купленных последним «*для просвещения людей и страны*» московского царя. По словам Зенга, после одной крупной ссоры Шлитте скрылся в неизвестном направлении. При этом все бумаги — подлинники королевских грамот, копии с документов и частных писем Шлитте, адресованных Ивану IV — оказались в руках Фейта Зенга.

Дальнейшая судьба Ганса Шлитте неясна. В 1557 г. Фейт Зенг приехал из Италии в Кенингсберг и доложил о деле маркграфу Альбрехту Прусскому. Тот, пребывая в уверенности, что Шлитте находится в Московии, предложил Зенгу отправиться туда и отыскать саксонца[210]. Однако совершенно очевидно, что без проезжих документов, которые остались у Зенга, Шлитте не имел возможности добраться до русской границы. На родину он также не вернулся. Вероятно, немолодой, с подорванным в любекской тюрьме здоровьем, Ганс Шлитте скоропостижно скончался в Ферраре, а Фейт Зенг умолчал об этом.

Дело Фейта Зенга
Кенингсберг — Любек (май 1558 г. — май 1567 г.)

Фейт Зенг не упоминал о каком-либо документе, который бы официально удостоверял передачу ему полномочий на ведение дел, подобно тому как это было оформлено между Шлитте и Штейнбергом по договору от 1 августа 1550 г. Поэтому представляется вероятным, что бумаги Шлитте попали в руки Фейта Зенга не вполне честным путем.

Завладев документами, Зенг назначил Гогенауэра «*содоверенным*» лицом и предложил войти в дело Гансу Фоглеру. Тот согласился, но вскоре «*не устоял*» и покинул своих товарищей. Фоглер вернулся в Германию и возобновил работу над усовершенствованием станка по изготовлению монет. В 1568 г. он получил денежное вознаграждение за свой аппарат от короля Фердинанда I[{211}]. Как видно, Гогенауэр также отказался от дальнейшего участия в деле, его имя более не встречается в документах. Далее Фейт Зенг действовал самостоятельно.

Весной 1558 г., когда Иван IV начал военные действия против Ливонии, Зенг вновь обратился к маркграфу Прусскому со своим делом и в мае получил рекомендательные письма и пропуск к польскому королю. Маркграф дал Зенгу в сопровождение «*спутников*», вместе с которыми он благополучно перешел границу и прибыл в русскую крепость Невель. По неясным причинам «спутники» отказались ехать дальше. Зенг был вынужден вернуться в Кенингсберг и доложить о неудаче. По совету маркграфа Фейт Зенг обратился за помощью к зятю своего покровителя — герцогу Иоганну Альбрехту Мекленбургскому и передал тому для ознакомления все бумаги.

Документы пролежали без движения в канцелярии герцога Мекленбургского пять лет. Однако в конце 1563 г. вопрос обеспечения русского царя военными специалистами вновь приобрел актуальность.

В 1563 г. Иоганн Таубе, находившийся «*почти целых пять лет*» в плену в Москве, получил освобождение, был принят на службу к Ивану IV и пожалован 1000 десятинами земли, имениями в Рижском

епископстве, ежегодным жалованьем в 200 рублей, шубами и платьем. Следуя царскому приказу, в конце ноября Таубе прибыл в Дерпт и написал несколько писем своим родственникам — дяде, брату и зятю, приглашая их прибыть «*в назначенное время на Зачатие Марии (8 декабря. — Л.Т.) к Христиану фон Розену на Аа вмесье с твоими лошадьми и оружием, где я встречу вас точно в это время с подмогой вместе с господином Иоганом Дрейером, господином Томасом Шрау, Яковом Шредером и еще со многими честными людьми*»[212].

В это время в Москве с нетерпением ждали возвращения русских послов из Германии. Их путь лежал через германский город Аренсбург и через Дерпт, мимо района боевых действий: с сентября шведское войско и польские отряды магистра Ливонского ордена Готарда Кетлера вели бои за замок Лоде. Как сообщает Соломон Хеннинг, в Аренсбурге, который принадлежал герцогу Мекленбургскому, к послам «*присоединились отборные силы русских из Дерпта, Нарвы и других многих мест вплоть до [острова] Вик (Рюгена. — Л.Т.) для их безопасности*»[213]. Несомненно, вооруженные отряды наемников прибыли в Аренсбург для охраны послов благодаря посредническим услугам Иоганна Таубе.

Эти события заставили Фейта Зенга вспомнить о бумагах Шлитте. В 1564 г. он ознакомил с копиями документов своего «*сородича*» Георга Либенауера. Родственником Либенауеру приходился герцог Альбрехт фон Либенауер, женатый на сестре Максимилиана II. Через него дело было доведено до сведения императора.

В то время Максимилиан II был занят вопросом вооружения собственной армии для войны с Османской империей. Он поручил выслушать дело «*тайным консультантам*», а именно — доктору Иоганну Баптисту Веберу, занимавшему пост вице-канцлера, и барону фон Харрах[214]. Выбор консультантов был не случаен: барон фон Харрах состоял в родстве с Фуггерами. Племянник и наследник торгового капитала Антона Фуггера, Иоганн-Якоб Фуггер, был женат в первом браке на Урсуле фон Харрах[215].

Рассмотрев дело, «тайные консультанты» не нашли нужным поддержать компаньонов. Тогда Фейт Зенг и Либенауер подкрепили свое прошение авторитетом русского царя, предъявив «*фальшивые письма, в которых тот обещает не только достаточно субсидий, но и 30 000 всадников на три года для помощи императору против*

турок»[216]. Речь, очевидно, шла о документе, отпечатаном типографским способом около 1556 г. Нетрудно догадаться, что компаньонам было отказано. Дом Фуггеров потерял интерес к «русскому проекту».

За шесть лет, с 1558 г. по 1564 г., многие изменения произошли в компании Фуггеров. Сам Антон Фуггер скончался в Аугсбурге 14 сентября 1560 г. Согласно завещанию, наследство перешло не к сыновьям, а к его племяннику — Иоганну-Якобу, тот более интересовался искусством, чем коммерцией. Через несколько лет он передал дела прямым наследникам — Маркусу, Иоганну и Якобу Фуггерам. Перессорившиеся из-за наследства братья в конце концов поделили собственность. Раздробленная компания свернула активную деятельность. Банковские операции проводились лишь в Антверпене, добыча металла сосредоточилась на испанских рудниках.

Неудача не обескуражила Зенга и Либенауера, компаньоны не оставили своих попыток добиться успеха. В 1566 г. Георг Либенауер составил для герцога Мекленбургского донесение, изложив все обстоятельства дела, начиная с 1546 г. В апреле следующего года Фейт Зенг представил новый документ с перечнем предложений по «русскому проекту», а в мае, находясь в Любеке, он сообщал Георгу, что не теряет надежды на успех предприятия.

Однако хлопоты оказались напрасны. В конце августа 1567 г. канцлер Шлих ознакомился с проектом, представленным Либенауером и Фейтом, и отослал бумаги императору. Канцлер написал также письмо герцогу Иоганну Альбрехту Мекленбургскому, уведомляя его, что собирается направить жалобу Иоганну-Якобу Фуггеру о том, что Либенауер выдавал себя за посланника как Фуггера, так и императора. Из письма следует, что Георг Либенауер предложил властям взятку в виде серебряных изделий на сумму около 300 флоринов. Канцлер не проявил к его предложению интереса, поскольку его старший брат, зять императора, находился в тот момент под арестом[217]. Либенауеру было предложено добиться, чтобы просьба о найме мастеров исходила от русского царя. Не имея возможности достать подобную грамоту, компаньоны были вынуждены отступить. Фейт Зенг вернулся в родной город Нюрнберг и занялся торговлей тканями.

Нюрнберг — Гамбург — Новгород — Регенсбург (апрель 1569 г. — июль 1582 г.)

Следы Фейта Зенга появляются в Гамбурге в апреле 1569 г. Он был прислан сюда от имени магистрата города Нюрнберг. Зейт имел предписание привлечь английских торговцев сукном из лондонской гильдии купцов-путешественников, главная контора которых в то время располагалась в Гамбурге. Летом к нему присоединился Иоганн де Бойз. Вдвоем им удалось добиться успеха: в том же году английские купцы основали в Нюрнберге контору. Однако уже в следующем, 1570 г., имя Фейта Зенга, в отличие от Иоганна де Бойза, не значится в списке нюрнбергских купцов, торговавших с англичанами[{218}]. Забросив торговлю тканями, Зенг вновь начал «*усердно хлопотать*», с тем чтобы получить разрешение на поставки оружия в Россию. Этому способствовало сообщение из Нидерландов о финансовом крахе Дома Фуггеров.

В декабре 1570 г. в Антверпене объявили о своем банкротстве три генуэзских банкира — Джовани Гримальди, Педро Франческо и Педро Спинола, которые являлись негласными представителями банка Фуггеров[{219}]. Следом лавина банкротств прокатилась по мелким банкам, компаниям и частным торговцам, связанным денежными обязательствами с генуэзцами.

Фейт Зенг засучил рукава и приступил к осуществлению плана. Имея на руках ответ канцлера Шлиха, он добился от герцога Мекленбургского сопроводительного письма к русскому правительству и получил 400 талеров на путевые издержки. Летом 1571 г. Фейт Зенг нашел попутчиков — группу германских ювелиров, желавших продать Ивану IV какое-то «*хорошее ожерелье*». Все вместе они прибыли в Александровскую слободу в начале осени того же года. Дело Зенга рассматривал Андрей Яковлевич Щелкалов три месяца, с октября по декабрь. Немцу было поручено привезти какого-то доктора, но обещанные 200 рублей на расходы он не получил[{220}].

По возвращении из Москвы Фейт Зенг доложил о своих успехах герцогу Мекленбургскому. Осенью 1572 года он вновь отправился в Россию в сопровождении доктора Захария Фелинга из Эзеля. Доктор

Фелинг имел юридическое образование и дважды побывал в Москве (1562 г. и 1564 г.) в качестве посла датского короля[221].

Ранней весной 1573 г. Зенг и Фелинг прибыли в Новгород, где в это время располагалась резиденция Ивана IV. Переговоры с русским царем обнадежили Зенга: государь согласился направить императору грамоту с просьбой о присылке военных специалистов. В 1574 г. в Вену был отправлен русский посол. В последующие два года император и царь еще дважды обменивались послами, но не достигли договоренности. Затянувшиеся переговоры были прерваны кончиной императора Максимилиана II (12 октября 1576 г.). Сын и преемник императора Рудольф II не решился высказать какого-либо мнения по данному вопросу. Дело Зенга было положено в «долгий ящик».

В течение последующих четырех лет Фейт Зенг, видимо, занимался мелкой посреднической деятельностью. Осенью 1580 г. коммерческие дела привели его в город Регенсбург. Здесь он поселился в гостинице господина Бальтазара Гюбера. Фейт задолжал хозяину гостиницы крупную сумму, и тот посадил незадачливого постояльца под домашний арест.

В гостинице Фейт Зенг познакомился с Гансом Альтом Кастелем, который работал на родственника Бальтазара — Ганса Гюбера. Зенг узнал, что Кастель вместе с братьями Каспаром и Гансом-Вольфом фон Шенбергами имеет намерение поехать в Москву, с тем чтобы продать там драгоценные камни и ожерелье. Фейт Зенг посвятил Кастеля в суть дела, и тот согласился взять его в путешествие четвертым, а также заплатить за него долг хозяину гостиницы. Новые компаньоны Зенга уехали из Регенсбурга под предлогом раздобыть денег и пропали.

Хозяин гостиницы держал Фейта Зенга под домашним арестом почти восемь месяцев. «*В день святого Филиппа и Якова*», то есть 1 мая 1581 г., Бальтазар Гюбер освободил постояльца по просьбе его сына, Тобиаса. По условию соглашения, Фейт Зенг должен был уплатить долг в течение четырех лет.

За последующий год Фейт Зенг не смог улучшить свого материального положения. Не имея денег, чтобы уехать из Регенсбурга, он наделал мелких долгов и даже провел некоторое время в тюрьме, поручившись за неплатежеспособного «*капитана Георга Вольферсдорфа*». В общей сложности Зенг задолжал своим

кредиторам около 400 талеров. Ему грозила долговая яма. Надежда на благополучный исход дела затеплилась у него, когда он узнал о событиях в соседнем городе.

В Аугсбурге 3 июля 1582 г., по настоянию императора Рудольфа II, проводился сейм. На заседаниях обсуждался вопрос о военной угрозе со стороны Турции и Франции. Император настаивал на выделении денежных средств, необходимых для приведения в боеспособное состояние крепостей на восточной границе на случай войны с турками. Серьезную озабоченность у Рудольфа II также вызывала ситуация на западе, где «*Нидерланды были близки к тому, чтобы стать зависимыми от Франции*»[222].

Получив известие о тех вопросах, которые рассматривались на сейме, Фейт Зенг отправил в Аугсбург письмо, в котором попытался шантажировать императора. В своем «*простодушном донесении*» он написал, что в его руках находятся «*в хорошей сохранности*» четыре письма от французского короля «*к Турку, Московиту и королю Шведскому*». Он ставил себе в заслугу, что «*воспрепятствовал*» тому, чтобы письма были доставлены адресатам. «*Ибо, если бы Ганс Шлитте, со своей находчивой практической головой, прибыл в места, куда были назначены письма, он способствовал бы союзу между Францией, Московитом и Турком, который Римской империи пришелся бы к большому вреду*». Из донесения Фейта Зенга следовало, что только благодаря ему письма Генриха II не попали в руки Ивана IV, союз Франции, Турции и Московии не состоялся, и империя была спасена. За свою услугу Фейт Зенг просил денежного вознаграждени.

Неясно, удовлетворил ли рейсхстаг прошение Зенга, но все бумаги — в том числе и письма французского короля к царю и султану — оказались в имперском архиве. По сообщению И. И. Полосина, бумаги находились в связке под грифом «*Решенные дела*»[223]. Дальнейшая судьба Фейта Зенга неизвестна.

Неудачи Ганса Шлитте и Фейта Зенга являлись одним из звеньев в цепи событий, которые привели к краху компании Фуггеров. Начиная с 1540-х гг. убытки компании носили хронический характер: поджоги на шахтах, потеря монополии на разработку рудников в Венгрии, лишение германских купцов дипломатического иммунитета в Англии, срыв контрактов, тяжбы в имперском суде и при этом постоянное

наращивание суммы займов Габсбургам — все это подорвало мощь Дома Фуггеров.

После первой волны банкротств в 1557 г. Фуггеры потеряли интерес к контракту на поставку вооружения в Россию. Незадолго до своей смерти Антон Фуггер провел частичную ликвидацию компании и вложил крупные суммы в покупку недвижимости — замков, городов и земель. Его наследникам не удалось восстановить былую славу и богатство. К концу XVI столетия от могущественной финансовой империи осталась только земельная собственность, разоренная войнами и налогами, а также мизерный иск к императору на 615 000 флоринов под 5 процентов годовых и со сроком взыскания, оставленным на усмотрение ответчика. В 1655 г. император Фердинанд III выкупил за 15 000 гульденов библиотеку Фуггеров, считавшуюся одной из богатейших в Европе. Граф Маркард Фуггер продал библиотеку, потому что «*деньги ему были нужны больше, чем книги*»[224].

Буквально за полстолетия, с 1550-х по 1600-е гг., Фуггеры потеряли контроль за добычей стратегических металлов в Европе, продажей оружия и поставками военных специалистов. Банкротство компании Фуггеров было вызвано целым рядом причин, не последнюю роль среди которых сыграл запрет глав европейских государств на поставку вооружения и мастеров военного дела в Московское государтво. Любые попытки аугсбургских представителей выполнить обязательства перед русскими наталкивались на различные препятствия. Миссия Шлитте-Зейта потерпела крах из-за международной блокады компании Фуггеров, в то время как московиты продолжали исправно получать артиллерию, боеприпасы, калийную селитру, а также подрывников, фортификаторов, литейщиков, докторов и других специалистов. Поставки стратегических товаров осуществляли английские торговцы шерстяными тканями.

Вытесняя германских «ткачей» с русского рынка, Англия, несомненно, располагала точными сведениями о нюансах взаимоотношений Москвы и Аугсбурга. Информация такого уровня должна была исходить из источника, находившегося в непосредственной близости от царского трона. Тайный осведомитель в

Кремле появился у англичан не позднее 1546 г., накануне приезда в Москву Ганса Шлитте.

Часть 3
Шелковые нити шпионажа

Историю русско-британских как дипломатических, так и торговых отношений принято отсчитывать с 24 августа 1553 г., когда английский корабль под командованием Ричарда Ченслера бросил якорь в устье Северной Двины у монастыря Св. Николая. Указывая точную дату, исследователи опираются на сообщение Двинской летописи: «*Того же лета*, (1553 г. — *Л.Т.*), *августа в 24 день, прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судех от аглискаго короля Эдуарда посол Рыцарт, а с ним гости; а сказался, что он идет к великому государю к Москве. И царя великаго князя прикащики, холмогорские выборные головы, Филипп Родионов, Феофан Мкаров и земские судьи о приходе того англинскаго посла и гостей с Холмогор писали к царю и к великому князю к Москве и введоша корабль на зимованье в Унскую губу октября месяца*»[225]. Принято считать, что британцы случайно «открыли» Московию, направляясь на поиски северо-восточного морского пути в Китай.

Иван Грозный принимает Ричарда Ченслора. Французская гравюра

Такое мнение настолько крепко утвердилось в отечественной и зарубежной исторической науке, что иная датировка начала сношений, упомянутая в источниках, отметается как ошибочная. Так, в 1582 г. от Ивана IV к датскому королю Фредерику II была послана грамота «*с укоризною»*, где указывалось, что «*дорога морем болшим окияном к нашей вотчине к Колмогорам»* была освоена «*английской земли немцами*» за много лет, *«с сех мест* («с того времени». — *Л.Т.*) *лет за сорок*»[226], то есть, если отсчитать сорок лет с 1582 г. — в начале 1540-х гг. По мнению А. И. Андреева, грамота, составленная в последние годы правления Ивана Грозного, свидетельствует «*о плохом*

знании царскими дипломатами русского севера»[227]. Трудно согласиться с такой точкой зрения.

Помимо отечественного документа существует английский источник, который называет еще более раннюю дату активной коммерческой деятельности англичан в Московском государстве. В 1603 г. для короля Якова I был составлен обзор коммерческих связей Англии с европейскими странами. Касаясь вопроса сношений с Россией, автор донесения, сэр Уолтер Ралей, отметил, что оживленная торговля с Московией велась к тому времени уже на протяжении «*семидесяти лет*»[228], что позволяет отодвинуть точку отсчета русско-британских связей к началу 1530-х гг. У нас нет основания не доверять документу, составленному в английском правительстве для внутреннего пользования. Возможно, началу официальных коммерческих и дипломатических отношений двух стран предшествовал почти двадцатилетний период контактов на уровне частных связей.

Охота на русского соболя

Несомненно, зарождение активной торговли Англии с Россией шло через освоение рынка пушнины. В Европе, по словам Павла Иовия, русская пушнина стоила очень дорого. В 1526 г. в своей реляции он отметил, что соболя из-за возросшего спроса и «*по непомерной роскоши до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоит не менее тысячи золотых монет*». Особенно ценились соболя с проседью, которые доставлялись из Перми и Печоры и употреблялись «*для Царской одежды и для украшения нежных плеч знатных боярынь, которые умеют придать сему наряду вид живых соболей*»[229]. Говоря о женских накидках из соболей, имевших вид живого зверька, Павел Иовий, несомненно, намекал на Елену — родную сестру великого князя Ивана III, супругу польского короля Александра. Королева Елена в 1503–1504 гг. ввела в моду «*черных соболей с неотрезанными передними и задними ногами и коготками*», которых по ее просьбе присылались из Московии[230].

Западноевропейские торговцы приобретали соболей в Новгороде у купцов, скупавших меха оптом в Холмогорах. Особенно богатой считалась ярмарка на праздник Николу-зимнего (6 декабря). На холмогорскую ярмарку поступала пушнина, «рыбий» (моржовый) зуб и кожевенный товар, которые перекупщики-«русаки» выменивали у самоедов и жителей Югры на различные необходимые в хозяйстве вещи: топоры, медные котлы, ружья и т. д. Обменные операции совершались в заволжском селе Лампожня, расположенном в устье реки Мезень.

Дорога из Лампожни в Новгород была трудна и длилась несколько месяцев. Основная часть пути проходила по рекам. Вдоль побережья Белого моря добирались до Соловецкого монастыря, далее 60 миль через Онежский залив на запад до реки Овиги. На реке встречались водопады, которые преодолевали волоком. Оставив позади Онежское озеро с многочисленными островами, двигались окружным путем до местечка Повенец. Далее речными протоками добирались до Климентьевского монастыря, а от него по воде и волоком еще 160 миль до монастыря Вознесенского. От него по реке Свирь добирались до

Ладожского озера. Последний переход до Новгорода делали по реке Волхов[231]. За счет транспортных расходов стоимость пушнины в Новгороде в несколько раз превышала затраты купцов на приобретение товара у самоедов.

Ганзейские купцы, купив пушнину на новгородской ярмарке и заплатив пошлину, везли товар в портовые города Балтики. Здесь товар перегружали на корабли, которые через Зундский пролив выходили в Северное море, двигались вдоль берегов Нидерландии, пересекали Ла-Манш и входили в устье Темзы. В Лондоне русских соболей могли себе позволить носить только немногие представители высшего сословия. Такая привилегия была закреплена законодательно. Согласно королевским статутам 1463 г. и 1483 г., каждому сословию полагалось носить одежду, изготовленную из тканей определенного фасона, расцветки и стоимости.

Как уже отмечалось выше, при Генрихе VIII парламент трижды подтвердил «Закон, ограничивающий ношение дорогостоящей одежды» — в 1510 г., в 1515 г. и в 1533 г. Последний акт делал небольшую уступку, позволяя носить платье из недорогого шелка подданным с годовым доходом в 20 фунтов, но запрещал использовать золотую тесьму для нашивки орнаментов. За нарушение был предусмотрен штраф в размере 3 шиллингов 4 пенсов за каждый день ношения такой одежды[232]. Некоторое послабление было введено в 1537 г. для служащих вновь образованного элитного военного подразделения — гильдии лучников-артиллеристов. Им была пожалована привилегия носить одежду из шелка и бархата всех цветов, кроме сиреневого и алого. Для оторочки разрешалось использовать меха[233].

Мода являлась настолько важным атрибутом в жизни англичан, что обнародованный указ стал причиной беспорядков в Лондоне. Привилегии лучников-артиллеристов вызвали протест среди служащих лондонского подразделения стражников. Они устроили в столице демарш с ружейной стрельбой. Конфликт удалось разрешить мирным путем. Лондонские стражники получили такую же привилегию. Заботу по их обеспечению русскими мехами и итальянскими шелками взял на себя мэр Лондона сэр Ричард Грешем, что, впрочем, неудивительно, т. к. сэр Ричард возглавлял гильдию торговцев бархатным и шелковым товаром.

Помимо импорта шелка из Италии и специй из Турции Ричард Грешем поставлял в Англию зерно из Германии, вина из Франции, соль из Нидерландов, поташ, кожи и пушнину из городов Балтики[234]. Фактории купцов, торговавших в Прибалтийском регионе, находились в европейских городах Стоад, Эмбден и Данциг.

Сэр Ричард вел коммерческие дела совместно со своими братьями Вильямом и Джоном. Последний исполнял должность шерифа Лондона, в его ведении находились поставки амуниции для военных подразделений города. В Англии производство, хранение, транспортировка, продажа и использование частными лицами оружия и пороха регламентировались рядом королевских указов и актов. Так, при Генрихе VIII вышел закон, согласно которому запрещалось стрелять или держать в своем доме огнестрельное оружие подданным, чей годовой доход составлял меньше 100 фунтов стерлингов, под угрозой штрафа в 10 фунтов. Исключение делалось для изготовителей, купцов, служащих королевских войсковых подразделений и лиц, которые имели соответствующую лицензию. Тем, кто имел лицензию, позволялось иметь дома огнестрельное оружие не длиннее одного ярда. Владельцам пороховых мельниц и посредникам запрещалось держать на складе более 200 фунтов пороха, а частным лицам — более 50 фунтов. В Лондоне разрешалось хранить порох на складах, расположенных на берегу Темзы, ниже дока Блэкволл. Вес бочки с порохом не мог превышать 100 фунтов. При транспортировке позволялось нагружать на одну подводу 25 бочек и 200 бочек, если перевозка осуществлялась по воде. Под действие закона не подпадали королевские мельницы и склады, также были предусмотрены льготы частным лицам при поставках пороха в военное время или в случае экспорта в другие страны[235].

Международные торговые операции, связанные с оптовыми поставками вооружения, выходили за рамки обычных купеческих соглашений, т. к. могли быть расценены соседними государствами как военная помощь и вызвать осложнение в дипломатических отношениях. Вполне вероятно, что экспорт оружия осуществлялся в Европе полулегальным способом, под видом поставок различных видов тканей. Должности, которые занимали братья Грешем, позволяли им получать выгодные государственные подряды.

Получив подряд на поставки шелковых тканей и пушнины для лондонских стражников, братья Грешем развернули широкую коммерческую деятельность, обеспечив защитников столицы роскошной одеждой. Цены на русские меха вскоре настолько снизились, что не только аристократы и стражники, но и представители других сословий могли себе позволить щегольство. Пять лет спустя, в 1542 г., английское правительство было вынуждено признать, что «Закон, ограничивающий ношение дорогостоящей одежды», является мертворожденным и повсеместно нарушается, а дополняющие его акты остаются на бумаге[236]. Успех братьев Грешем был связан, скорее всего с тем, что их представителям в Данциге удалось наладить прямые контакты с поставщиками пушнины в Новгороде, минуя перекупщиков из ганзейских городов. Возможно, в этом им помогло то обстоятельство, что в 1540-х гг. в России большим спросом стали пользоваться шелковые нити для изготовления церковных покровов.

В 1530–1540-х гг. в Новгороде многие купцы знали священника Сильвестра, который вел обширную торговлю рукоделием, изделиями из серебра, книжным и иконным товаром, брал крупные подряды на поставку строительного материала, кузнечного и плотницкого дела. Среди его деловых партнеров было немало иноземных «гостей».

Годы спустя, вспоминая свою двадцатилетнюю коммерческую деятельность в Новгороде, Сильвестр писал в наставлении к сыну Анфиму: «…*Сам у кого што купливал ино ему от мене милая розласка без волокиды платежь да еще хлеб да соль сверх ино дружба в век ино всегда мимо мене непродаст и худого товару не дасть и у всего не доимет а кому што продавывал все в любовь а не в оман не полюбит хто моего товару и аз назад возму а денги отдам а о купли и о продажи ни с кем браньи тяжба не бывала ино добрые люди во всем верили и зде и иноземцы никому ни в чем не сьлыгивано не манено ни пересрочено ни в рукодельи ни в торговли ни кабалы ни записи на себя ни в чем не давывал а ложь никому ни в чем не бывала а видел еси сам какие великие сплетъки со многими людьми были да все дал Бог без вражды коньчалося*»[237].

Сильвестр пользовался уважением и влиянием не только в Новгороде, но и в Москве. В декабре 1541 г. «*промыслом*» попа Сильвестра[238] и по совету митрополита Иоасафа великий князь Иван

Васильевич освободил княгиню Ефросинью Старицкую и ее малолетнего сына, князя Владимира, из «*нятства*»[239]. Возможно, уже в то время Сильвестр поставлял в шитейную мастерскую княгини Старицкой «рукодельный товар»: бархаты и камки, шелковые нитки и золотую тесьму для изготовления церковных плащаниц, «воздухов» и покровов. Скорее всего, лучший товар он закупал у английских купцов, которые привозили в Новгород для продажи шелковые ткани и фурнитуру, попавшие под действие «Закона, ограничивающего ношение дорогостоящей одежды» и скупленные в Лондоне за бесценок. На Руси итальянские ткани стоили дорого. Цена «бурского» бархата колебалась в зависимости от качества от 40 алтын до 2 рублей за аршин, «венедицкий» гладкий бархат стоил около 1 рубля за аршин. Для изготовления одежды требовалось от 12 до 13 аршин ткани[240].

Торговля шелковыми тканями в Новгороде приносила англичанам хороший доход, однако цены на русскую пушнину оставались высоки за счет транспортных расходов и торговой пошлины. Несомненно, английские купцы были заинтересованы в том, чтобы сократить затраты и наладить прямую доставку товара на лондонские склады. Морской путь вокруг Скандинавского полуострова пусть и был связан с известным риском кораблекрушения, но позволял экономить значительные средства.

Старинные англосаксонские хроники сообщают, что такой маршрут был известен англичанам уже в конце IX в. Его описание дал побывавший при дворе короля Альфреда норманнский мореплаватель Оттар. Отправившись из своего селения, находившегося, по мнению современных ученых, в районе Тромсё в Северной Норвегии, путешественник «*поехал прямо на север вдоль берега, и в течение трех дней на всем пути оставлял он эту необитаемую землю по правую сторону [от корабля], а открытое море — по левую. И вот оказался он на севере так далеко, как заплывают только охотники на китов. Тогда он поплыл дальше прямо на север, сколько мог проплыть [под парусом] за следующие три дня. А там то ли берег сворачивал на восток, то ли море врезалось в берег — он не знал; знал он только, что ждал там северо-западного ветра и поплыл дальше на восток вдоль побережья столько, сколько смог проплыть за четыре дня. Потом он должен был ждать прямого северного ветра, потому что то ли берег сворачивал прямо на юг, то ли море врезалось в берег — он*

не знал. И поплыл он оттуда прямо на юг вдоль берега столько, сколько он смог проплыть за пять дней. И там большая река вела внутрь земли. Тогда вошли они в эту реку, но не осмелились плыть по ней, боясь нападения [со стороны местных жителей], ибо земля эта была заселена по одной стороне реки»[{241}].

По мнению исследователей, рассказ Оттара дает вполне узнаваемые ориентиры: за три первых дня путешествия на север вдоль побережья Скандинавского полуострова он достиг Нордкапа, через четыре дня плавания на восток его корабль оказался возле мыса Святой Нос на Кольском полуострове, пять дней он плыл на юг вдоль берега Белого моря, где обнаружил устье большой реки — или Варзуги, или Северной Двины.

К концу XV в. северный морской путь был хорошо известен московитам. В 1496 г. Северным морем добирался в Данию Григорий Истома, в следующем году той же дорогой возвращались из Дании послы Дмитрий Ралев и Дмитрий Зайцев. А в 1524 г. послы Василия III, князь И. И. Засекин-Ярославский и дьяк С. Б. Трофимов, следуя в Испанию морем, сделали основательный крюк и побывали в Англии[{242}]. Мореходы знали, что береговые воды Кольского полуострова не замерзают зимой из-за теплого течения (Гольфстрим) и судоходны круглый год.

К началу 1540-х гг. западноевропейские мореплаватели и путешественники достигли больших успехов в освоении северо-восточных территорий Европы. Их знания и опыт обобщил в своем труде «История северных народов» шведский ученый и дипломат Олаус Магнус. Публикации книги предшествовало издание карты, которая вышла в Венеции в 1539 г. По словам Магнуса, он потратил более двенадцать лет своей жизни на составление карты и комментариев к ней. Годы, которые он посвятил работе над картой, ученый провел «*в королевском городе Данциге*». В предисловии к комментарию ученый сообщил, что выхода «*Морской карты*» *с нетерпением ждали как в Италии, так и в других странах, и ученые получили ее с огромным удовольствием*»[{243}].

На карте показаны все страны Северной Европы, которые имели выход к Балтийскому морю; кроме того, нанесена часть Англии — Северная Ирландия и Шотландия, отмечены границы замерзания Балтийского моря. Масштаб дан в немецких, готских и итальянских

милях. Карта Магнуса представляла собой навигационную мореходную карту, или портолан. Она указывала маршрут в северные страны, о чем свидетельствует изображение розы ветров и компасных направлений. По наблюдениям современных исследователей, градусная сетка отсутствует, но координаты показаны на рамке портолана. Представляет интерес то обстоятельство, что указаны не только широта, но и долгота до отметки 55 градусов восточной долготы, что соответствует южной оконечности архипелага Новая Земля. Изображение в северо-восточном углу парусных судов и воинов на кочах, вооруженных луками и стрелами, указывало, что воды в том направлении судоходны, но препятствием для путешествий являются воинственные аборигены.

Carta Marina Олава Магнуса

Береговая линия Кольского полуострова на портолане Олауса Магнуса изрезана глубокими заливами и устьями рек. На одном из таких заливов изображены два замка. Исследователи отождествляют

их с норвежской крепостью Вардегуз. Юго-западную часть полуострова ограничивает большое озеро, обозначенное как «Lacus Albus». По очертанию и расположению оно соответствует Белому морю. На его побережье обозначены несколько городов, два из них близки по месторасположению к Соловецкому монастырю. Карта Магнуса наглядно демонстрировала, что путешествие вокруг Скандинавии на Север России по плечу отважным мореплавателям. Таким образом, английские купцы уже к 1540 г. обладали теоретическими знаниями и практическими возможностями для того, чтобы наладить каботажное плавание вокруг Скандинавского полуострова к устью реки Мезень.

Карта Магнуса давала представление не только о географии, рельефе местности или животном мире северной части Западной Европы — внимательный читатель мог также получить представление о военных конфликтах и о вооружении армий различных стран. На территории Ливонии изображены три пушки, Финляндии — две, и в Карелии — одна, в то время как московиты оборонялись с помощью легкой конницы. Бегущий с поля боя воин и брошенный лук свидетельствовали, что русские терпят поражения. Согласно портолану Магнуса, Московия представляла собой широкий рынок для сбыта огнестрельного оружия.

Не только Италию и Германию, но Англию привлекала идея организации транзитных поставок вооружения в страны Востока через северные моря. Вопрос о выделении средств на экспедицию в Китай северным морским путем поднимался в английском правительстве весной 1541 г. Имперский посол сообщал из Лондона в депеше от 26 мая: «*Около двух месяцев назад в Тайном Совете обсуждался вопрос о целесообразности отправления двух кораблей в северные моря с целью отыскать дорогу между Исландией и Гринландией в северные земли, где, как думают, из-за сильного холода, английские шерстяные ткани найдут хороший спрос и будут проданы с большой выгодой. Для этого Король (Генрих VIII. — Л.Т.) пригласил на некоторое время лоцмана из Севильи, обладающего солидным опытом в морском деле; однако в конце дело было отложено, все по причине того, что Король не согласился на условия лоцмана*»[244]. В донесении посла речь шла об одном из самых известных мореплавателей своего времени —

Себастьяне Каботе, находившемся в то время на службе у испанского короля.

Генрих VIII отказался в 1541 г. выделить средства из государственной казны на экспедицию в Китай северо-западным маршрутом. В том же году корабль, снаряженный на деньги испанского вице-короля, предпринял попытку пройти из северных морей в южные через узкий пролив между 66 и 68 градусами северной широты, известный европейским мореплавателям под названием «Три Монаха». На южной оконечности этого пролива испанец обнаружил несколько судов, нагруженных товаром, и с флагами, на которых были изображены птицы «Алькатрас» (пеликаны). Моряки сигнализировали знаками, что они прибыли из Китая, и их путешествие [туда] продолжалось 30 дней. Из документа не ясно, кто опередил испанских путешественников, но вполне вероятно, что это были английские купцы. (В июле 1576 г. в правительстве Елизаветы I вновь рассматривалось предложение о выделении средств из королевской казны на экспедицию в Китай через пролив «Три монаха». Предполагалось, что дорога туда займет ровно 30 дней.)[245]

Вполне вероятно, что англичане не оставили без внимания другой маршрут на Восток — через «Студеное море» — и опередили другие европейские страны, наладив чартерные рейсы в прибрежные воды Кольского полуострова или к устью реки Мезень. Оживление на лампожском рынке пушнины прослеживается с середины 1540-х гг. Резкое повышение спроса привлекло на Мезень охотников-самоедов, которые на протяжении длительного времени не привозили шкурки соболя для торговли «с русаками» из-за чинимых им притеснений со стороны местных властей. По челобитью представителей канинских и тиунских самоедов, 15 апреля 1545 г. великий князь Иван Васильевич пожаловал им несудимую грамоту, которая выводила охотников из-под юрисдикции местных органов власти и передавала под власть государевых сборщиков ясака, ставя их тем самым в привилегированное положение по сравнению с другими жителями Мезенского уезда. Грамота расширяла границы рыбной ловли и звериного промысла самоедов, а также выделяла место на царской «*новой сокольне*», где они могли останавливаться в дни ярмарки[246].

Генрих VIII. Художник X. Гольбейн-Младший

Зимой 1548 г. товарооборот на Лампожской ярмарке достиг небывалого уровня. Десять лет спустя, в феврале 1558 г., английский купец Ричард Грей в своем письме из Холмогор к управляющему московской факторией писал, что на праздник Великого поста он собирается посетить ярмарку в Лампожне, куда должны прибыть многие охотники из Югры. Для обмена с ними он приготовил семь саней, нагруженных различными предметами обихода. Согласно прогнозу Ричарда Грея, торг ожидался «*более доходным, чем в предыдущие десять лет*»[247]. Слова англичанина свидетельствуют, что он имел достоверные представления о курсе обменных операций на лампожской ярмарке по крайней мере за десять предыдущих лет, то есть с зимы 1548 г.

В свете сообщения Ричарда Грея следует признать, что в грамоте Ивана IV к датскому королю, согласно которой начало русско-английских отношений датируется 1540-ми гг., содержатся достоверные сведения. Они фиксируют ту стадию торговых операций в Холмогорах, когда о присутствии английских скупщиков пушнины стало известно в Москве. Однако еще с начала 1530-х гг. английские купцы имели возможность наладить неофициальные связи с местными властями, которые не торопились докладывать в столицу о появлении заморских купцов. Н. И. Костомаров отмечал в своем исследовании, что взятки в заволжских областях использовались повсеместно. Подкупая воевод, «гости» приобретали для себя меха лучшего качества, а шкурки худшего достоинства отсылались сборщиками ясака в казну[248]. Следовательно, сообщение английского источника — обзора торговых связей Англии с европейскими странами, представленного Якову I в 1603 г., — ориентировано на дату русско-английских коммерческих контактов, достоверно известную англичанам, но ускользнувшую от внимания фискальных властей в Москве.

Перенос торговых операций из Новгорода на берег Белого моря был удобен не только англичанам, но и местному населению, поскольку удешевлял стоимость импортного товара за счет сокращения транспортных расходов и пошлин. Уже в 1544 г. на реке Шексне, в семи верстах от Кирилло-Белозерского монастыря, трудами княгини Старицкой был основан Горицкий девичий монастырь. Место тихое, уединенное, но в то же время расположено недалеко от села Чаронда — в то время крупного транспортного узла.

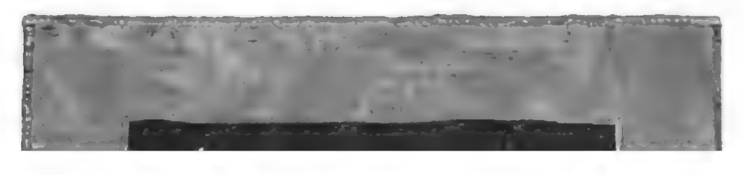
Путь с Шексны и из Белоозерска на Онегу и далее в Поморский край был одним из древнейших водно-волоковых маршрутов. Помимо территориальной близости к селу Лампожня, при выборе местоположения Горицкого монастыря учитывалось и другое преимущество. Река Шексна издавна славилась отборными осетрами, которые поднимались на нерест из Волги к Белому озеру. По словам Генриха Штадена, *«по реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забои из бревен: на них ловится осетр, который идет из Каспийского моря и направляется к Белоозеру. Осетр этот поедается при дворе великого князя»*[249]. Устроенная рядом с Горицким монастырем рыбная слобода, потеснив кирилловских старцев, стала

главным поставщиком осетров к государеву столу. К концу 1540-х гг. Старицкие приобрели большое влияние при великокняжеском дворе.

Приблизившись в царскому трону, Старицкие не забыли о Сильвестре. Не позднее 1546 г. поп Сильвестр оставил Новгород и вместе с сыном Анфимом переехал в столицу, где получил место священника в кремлевском Благовещенском соборе[250]. При этом его связи с иноземными купцами, поставлявшими итальянские ткани, шелковые нитки и металлическую фурнитуру, сыграли немаловажную роль. Очевидно, под влиянием княгини Ефросиньи юная царица Анастасия Романова основала собственную шитейную мастерскую.

Вполне вероятно, в кремлевские палаты были приглашены западные мастерицы и знаменщики с тем, чтобы возродить искусство великокняжеской «светлицы», находившееся в забвении после смерти Елены Глинской. Если поставки шелковых тканей, нитей и золотой тесьмы в Новгород осуществлялись английскими купцами, то вполне уместно предположить, что специалисты для царской мастерской также были приглашены из Англии. За такую возможность с радостью ухватились бы те вышивальщицы, которые остались без работы в 1547 г. В первый год правления Эдуарда IV правительство одобрило ряд актов, предусматривавших ужесточение мер по соблюдению «Закона, ограничивавшего ношение дорогостоящей одежды»[251].

Первая известная исследователям пелена, созданная в Кремлевской мастерской, была вложена царицей Анастасией в Кирилло-Белозерский монастырь в 1548 г. Для изделий «светлицы» государыни харктерно использование большого количества жемчуга, драгоценных камней и металлических дробниц[252]. Если наше предположение верно, то на царицыной половине Кремлевского дворца поселились «английской земли немки», от глаз которых не могли укрыться многие интимные подробности из жизни царской четы. На женскую половину долетали обрывки слухов о событиях, происходивших в официальных палатах: приемах, переговорах, совещаниях в правительстве, поездках государя на богомолье и т. д. Через английских поставщиков галантерейного товара важные сведения могли поступать в Лондон.



ЦРЬ СЛАВЫ
ХС
НИ КА

Пелена. Вклад царя Ивана Грозного и царицы Анастасии в ризницу Троице-Сергиевой лавры

Московское правительство, несомненно, приветствовало завязавшиеся торговые отношения с английскими купцами. Однако в преддверии Казанской кампании боярскую думу интересовали не бархатные ткани или бисер, а товар более серьезный — оружие, порох и военные специалисты.

В конце сентября 1547 г., когда Ганс Шлитте прибыл из Москвы в Аугсбург с письмом от царя о поставках вооружения и специалистов, в Лондоне уже вовсю кипела работа. Себастьян Кабот изъявил желание послужить на благо английской короны, и 29 сентября 1547 г. условия лоцмана из Севильи были приняты лордами Тайного совета, выполнявшего функции регентского совета при юном короле Эдуарде VI.

Осенью 1548 г. контракт Ганса Шлитте был сорван. Сам он оказался в тюрьме, и набранные им специалисты разошлись по домам. Как только в Лондоне получили об этом сообщение, проекту Себастьяна Кабота был дан ход: 9 октября казначей королевского денежного двора получил распоряжение выдать 100 фунтов стерлингов для доставки «*упомянутого лоцмана Шабота (так! — Л.Т.), следующего на службу в Англию*». Два месяца спустя семидесятитрехлетний путешественник тайно покинул Испанию, прибыл в Англию и поселился в Бристоле. Указом короля от 6 января 1549 г. ему было пожаловано ежегодное содержание в размере 166 фунтов стерлингов 13 шилингов 4 пенса.

В Испании хватились лоцмана только через год: 25 ноября 1549 г. Карл V выразил протест лордам Тайного совета и потребовал вернуть незаконно вывезенного из страны Себастьяна Кабота. Английское правительство в ответном послании от 21 апреля 1550 г. заверило императора, что путешественник находится на территории Британских островов в качестве подданного короля и что он по собственной воле отказался вернуться на службу как в Испанию, так и в пределы Священной Римской империи.

Находясь в Бристоле, Себастьян Кабот подал королю прошение выдать ему новый патент лоцмана взамен утерянного, которым он владел с 1496 г. Его прошение было удовлетворено 4 июня 1550 г. Три

недели спустя, 26 июня, Эдуард VI распорядился выдать ему премию в размере 200 фунтов стерлингов, а в марте следующего года он был вторично вознагражден такой же суммой. К лету 1551 г. Себастьян Кабот успешно справился с поставленной задачей и разработал маршрут в Китай.

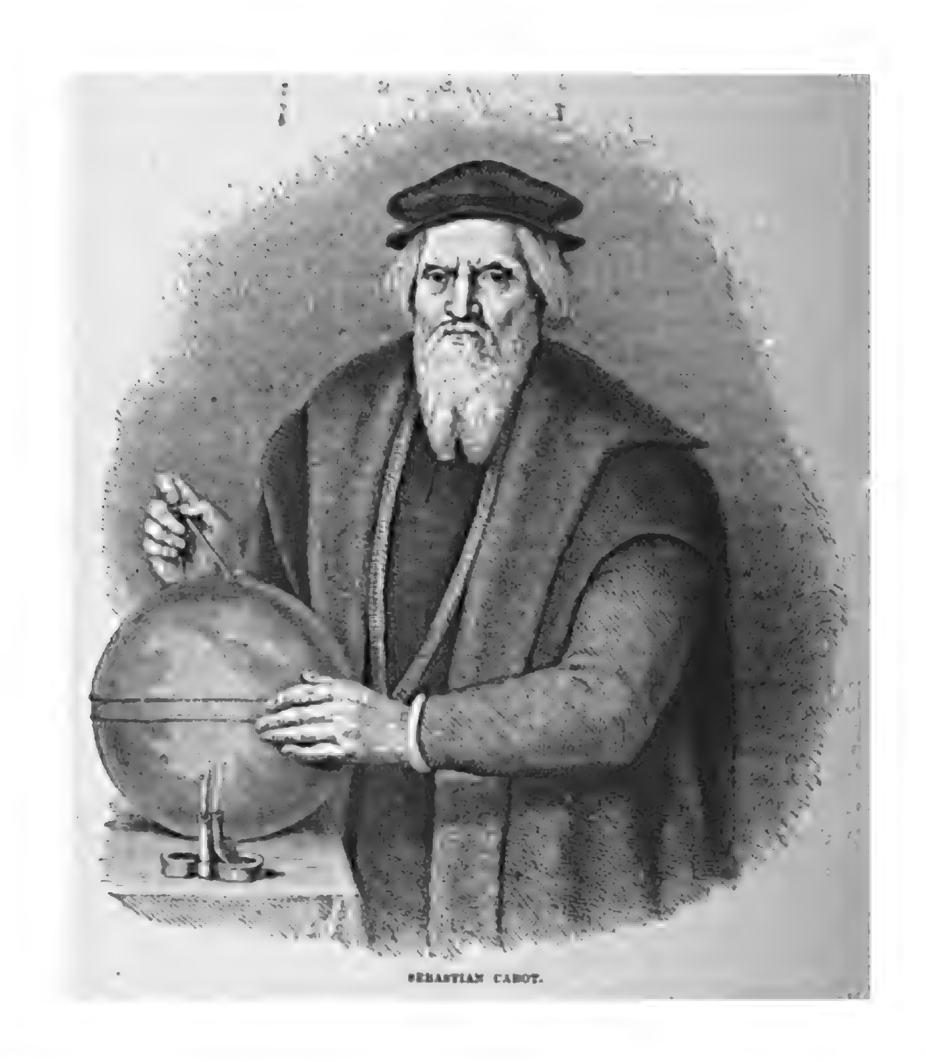
Дальнейшие события ставят биографов в трудное положение, т. к. выставляют известного путешественника в невыгодном свете. В августе 1551 г. Себастьян Кабот через венецианского посла Джакомо Соранцо предложил республике свои профессиональные услуги в разработке маршрута из Венеции в Китай. Вряд ли поступок Кабота являлся его собственной инициативой, т. к. ответ на его предложение был отправлен по дипломатическим каналам. В письме, датированном 12 сентября 1551 г. и адресованном лордам Тайного совета, Совет Десяти выразил пожелание, чтобы Кабот лично посетил Италию и предъявил доказательство своих знаний. Исследователи затрудняются сказать, чем завершились переговоры и какова была их истинная цель, т. к. никаких документов не сохранилось[253].

Возьмем на себя смелость высказать догадку, что шум, поднятый в итальянских дипломатических кругах осенью 1551 г. вокруг «маршрута в Китай», был связан с поставками оружия в Россию. В это время в Риме вновь обсуждался вопрос о воссоединении Православной и Католической церквей. В Аугсбурге шли приготовления к поездке в Рим заместителей Шлитте — Иоганна Штейнберга и графа фон Эберштейна. Сообщив венецианским дожам об успехах Себастьяна Кабота, английское правительство заявило об установлении торговых отношений с Московским государством. В пользу такого предположения свидетельствуют по крайней мере два независимых источника.

Автор первого из них — итальянец. Рафаэль Барберини, посетивший Московию в 1565 г., в своем письме к отцу, датированном 16 октября того же года, указывает не одну, но две даты «открытия» России англичанами. Он пишет: «*В этом крае нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни свинца, ни олова; но лет тому двенадцать (т. е. около 1553 г. — Л.Т.), как Англичане, открыв плавание позади Норвегии, навезли Москвитянам множество вещей, которых им недоставало, и весьма для них полезных*». Чуть ниже Барберини

сообщает, что «*плавание их туда открыто лет тому четырнадцать назад (т. е. около 1551 г. — Л.Т.)*»[254].

Другой источник — русского происхождения. В грамоте Ивана Грозного к королеве Елизавете, датированной 24 августа 1570 г., говорилось: «*Что преже сего не в которое время брат твой Едварт корол некоторых людей своих на имя Рыцерта послал некоторых для потреб по всему миру местом, и писал ко всем королем и царем и князем и властодержцом и местоблюстителем. А к нам ни одного слова на имя не было. И те брата твоего люди, Рыцерт с товарыщи, не ведаем которым обычаем, волею или неволею, пристали к пристанищу к морскому в нашем града Двины. И мы и туто как подобает государем христьянским милостивно учинили их в чести, привели, и в своих в государских в нарядных столех их своим жалованьем упокоили брату твоему отпустили. И от того от брату твоего приехали к нам тот же Рыцерт Рыцертов, да Рыцерт Грай. И мы и тех также пожаловали с честью отпустили. И после того приехали к нам от брата от твоего Рыцерт Рыцертов, и мы послали к брату твоему своего посланника Осифа Григорьевича Непею*»[255].



Себастьян Кабот. Со старинной гравюры

В царской грамоте речь шла о Ричарде Ченслере, который, как следует из документа, побывал в России три раза. Именно так понял текст переводчик Елизаветы I, который прямо указал, что последний визит Ченслера являлся третьим по счету[256]. Английский перевод царской грамоты ставит перед исследователями трудную задачу, т. к. считается, что Ченслер побывал в Московии только дважды: в 1553 г. и в 1555 г. Возвращаясь на родину в 1556 г., он погиб в кораблекрушении у берегов Шотландии. Неучтенное документами путешествие Ричарда Ченслера в Россию, скорее всего, состоялось летом 1551 г.

Несомненно, на английских кораблях были доставлены артиллерия и боеприпасы для похода русского царя на Казань. Две предыдущие попытки Ивана IV овладеть Казанью закончились неудачей. Согласно летописям, в феврале 1549 г., из-за оттепели,

сильных дождей и неожиданного паводка, в реке утонул весь «наряд». Артиллерия, принимавшая участие в походе 1550 г., оказалась бессильна против стен татарской крепости, отстроенных из толстых дубовых бревен с засыпкой из песка и гравия. Для победоносного похода требовались более мощная артиллерия и большой запас пороха.

К середине XVI в. в России с помощью иностранных мастеров освоили литье медных пушек, в то время как в Европе уже наладили массовый выпуск чугунных орудий и снарядов. Практические знания по изготовлению артиллерийской амуниции обобщил в трактате «Пиротехния» литейщик Ватикана Вануччио Бирингуччио, а основы баллистики изложил в своих трудах итальянский математик Тарталья. В Италии, Испании и Англии были учреждены артиллерийские учебные заведения. Для наведения орудий использовался квадрант, для большей эффективности выстрела применялись различные сорта пороха. Англия с успехом внедряла передовые технологии по изготовлению новых видов артиллерийского оружия. Уже в 1547 г. было налажено производство чугунных ядер{257}.

Изготовление и поставки артиллерийских снарядов находились в ведении гильдии торговцев скобяными изделиями. Одним из наиболее респектабельных и уважаемых представителей гильдии являлся Ричард Грей. Семья Греев обладала крупным капиталом и пользовалась влиянием в деловых кругах{258}. Скорее всего, Ричард Грей во время первого, совместно с Ченслером, путешествия заключил с московским царем соглашение на поставку крупной партии вооружения.

Летом 1551 г. Казанская кампания обрела второе дыхание. За один месяц, с 24 мая по 24 июня, в месте слияния Волги и Свияги была построена крепость Свияжск и организована блокада речных путей, которая оставила татарский гарнизон без подвоза боеприпасов. Вероятно, известие, что Россия заключила с англичанами контракт на поставку пороха и снарядов, заставило казанцев капитулировать и перейти на сторону ставленника Москвы Шиг-Алея. Договор о перемирии был подписан в Свияжске 6 июля 1551 г., а в августе — ратифицирован в Москве.

В Москве радовались легкой победе, однако уже в следующем году царь оказался перед необходимостью возобновить боевые действия в Казани. Шиг-Алей не смог удержать власть и был свергнут.

У России не было иного выхода, как вновь обратиться к английским купцам и сделать крупный заказ на металлические изделия круглой формы различной величины: от ядра до бусины. Самые миниатюрные из них требовались для «светлицы» царицы Анастасии. Кремлевские мастерицы приступили к изготовлению двух шитейных изделий, которые должны были сыграть важную роль в победе над Казанью.

Шелковая паутина

В марте 1552 г. на заседании палаты общин в Лондоне был принят к рассмотрению проект новых поправок к «Закону, ограничивающего ношение дорогостоящей одежды», составленный королем Эдуардом VI собственноручно[259]. Указ подтвердил все ограничения предыдущих актов для различных сословий на ношение золотых, серебряных, фиолетовых шелковых тканей, на перья страуса, на мех соболя и рыси. Специально оговаривался запрет нетитулованным подданным носить одежду с вышивкой шелковыми нитями, а также металлическим бисером и золотыми дробницами[260].

В конце весны 1552 г. в «светлицу» царицы Анастасии поступило большое количество фурнитуры, из которой мастерицы изготовили две парные иконы, украшенные «*златом и бисером*». Иконы были посланы митрополитом Макарием под Казань для благословения Ивана IV и князя Владимира Старицкого перед решающим боем[261]. Помимо шитейных принадлежностей в Россию было доставлено такое количество снарядов и пороха, которое позволило 150 пушкам вести массированный обстрел казанской крепости в течении целого месяца. Кроме того, в Россию прибыл военный специалист-подрывник. Под его руководством под стены цитадели были проведены траншеи и заложены пороховые мины. Серия взрывов колоссальной мощности обрушила стены крепости, и Казань капитулировала.

Русские источники называют подрывных дел мастера «*Розмысл немчин*». Голландский торговец шелковыми тканями Исаак Масса, побывавший в Москве в самом начале XVII в., отметил, что Казанская крепость была взята благодаря знаниям «*инженера Эразма, по происхождению немца*». В самой Казани сохранилось предание, что подрывными работами ведал иноземец по имени Бутлер, родом из Англии, и что царь пожаловал ему в городе участок земли[262].

К последнему сообщению исследователи относятся с недоверием, а вместе с тем мы можем указать англичанина по имени Бутлер, который в интересующий нас отрезок времени имел непосредственное отношение к поставщикам металлических изделий в Московию: старшая дочь торговца скобяными изделиями Ричарда Грея, Элизабет,

была замужем за Джоном Бутлером. Джон Бутлер происходил из аристократической семьи, но как младший сын должен был уступить все права наследования брату. Летом 1536 г. ему пришлось покинуть Англию и перебраться в Базель из-за религиозных убеждений — он был сторонником, как считают, протестантства. В последующие три года Джон Бутлер неоднократно совершал путешествия на родину.

В марте 1539 г., находясь в Базеле, он с гордостью сообщил своему приятелю, что отправляется в Англию, т. к. ему обещан высокий пост на королевской службе. Неизвестно, получил ли Джон обещанный пост, но в Лондоне он приобрел репутацию завидного жениха. Его женой стала Элизабет Грей. Оставив супругу в Лондоне, в 1540 г. Бутлер прибыл в Базель и страстно увлекся книгоиздательским делом. Он коротко сошелся с типографом Амербахом, отец которого, Иоган Амербах, был дружен с Эразмом Роттердамским и издавал его книги. Джон Бутлер вошел в кружок профессоров, преподававших в Базельском университете богословие на иврите и сочувствовавших евреям. Вполне вероятно, что он был известен в среде вольнодумцев под именем Эразмус.

В начале 1552 г. у Бутлера неожиданно появилась крупная сумма денег, он вложил средства в издание книги теолога и математика Вольфиуса. Тот выпустил в Цюрихе трактат о Святом Причастии с посвящением Джону Бутлеру. В предисловии к трактату Вольфиус обратился к учению Цвингли, отвергавшего присутствие Тела и Крови Христовой в таинстве Причастия и считавшего хлеб и вино простыми символами. В разгар антииудейской кампании, охватившей Европу в 1550-х гг., власти расценили книгу как проявление симпатий к евреям. Вольфиус оказался под подозрением, его подвергли преследованиям. Джона Бутлера спасло то, что в это время он находился за границей, путешествуя по Германии, Франции, Италии и другим странам. Он появился в Цюрихе 9 июля 1553 г. Один из его приятелей не без удивления отметил в своем дневнике, что тот все еще жив[263].

Документальных свидетельств о дальнейшей судьбе Бутлера не найдено. В Англии его посчитали умершим. Элизабет Грей вскоре вышла замуж за более респектабельного джентльмена — лондонского врача итальянского происхождения Эндрю Гварзи[264]. Неизвестно, имел ли Джон Бутлер навыки в устройстве подкопов, но его долгое проживание в немецкой части Швейцарии и связь с последователями

Эразма Роттердамского вполне соотносятся с теми сведениями, которые сообщил Исаак Масса. Имя «Розмысл» могло быть русской интерпретацией имени Эразмус.

В связи с этим обращает на себя внимание имя матроса, упомянутого в штатном расписании судна «Доброе Доверие», которое 11 мая 1553 г. покинуло Лондон в составе экспедиции сэра Хью Уиллоуби, отправившегося на поиски морского пути в Китай мимо северных берегов Московии — «*Эразмус Бентли (Erasmus Bentli)*»[265]. Среди таких имен как Томас, Джон или Уильям, Эразмус выглядит крайне нетипичным для матроса. Фамилия Бентли, возможно, появилась в результате неверного прочтения «*Butler*» (в судовых списках экспедиции Уиллоуби неоднократно встречается различное написание одной и той же фамилии, например, у братьев Стефана и Уильяма Борро — «Borowgh» и «Borrough»).

Если Джон (Эразмус) Бутлер опоздал к отплытию экспедиции, то ему невероятно повезло: он остался жив, но при этом для швейцарских и английских властей погиб вместе с командой сэра Хью Уиллоуби. Мы можем высказать предположение, что, спасая свою жизнь, Бутлер тайно бежал из Цюриха туда, где швейцарские власти не смогли бы его найти. Воспользовавшись деловыми связями тестя, он мог добраться до русской границы, а затем — спрятаться в Казани. Приятели в Швейцарии и родственники в Англии, наверняка, вскоре о нем забыли, его жена нашла утешение с другим. Ричард Грей, если и знал о месте пребывания своего непутевого зятя, то не счел нужным сообщать об этом властям. Гораздо больше его волновали обсуждавшиеся в парламенте законопроекты, которые имели непосредственное отношение к коммерческим делам.

В конце марта 1553 г., после длительных проволочек, проект поправок к «Закону, ограничивающего ношение дорогостоящей одежды» был передан из палаты общин в палату лордов[266]. Известие об этом вызвало в Лондоне резкий спад цен на дорогие шелковые ткани. Летом того же года большая партия парчи поступила в царскую казну. Ричард Ченслер, удостоившийся чести видеть «царские очи» в январе 1554 г., отметил, что во время дипломатического приема сам Иван IV был в одеждах из золотой и серебряной парчи. В приемной палате находилось более ста приближенных государя, все — в платье «*из очень дорогостоящей золотой ткани*», и одежда простых

разносчиков блюд во время торжественного обеда также была пошита из золотых тканей[267].

Паника на лондонской бирже была преждевременной. Члены палаты лордов не успели приступить к обсуждению «Закона», т. к. 6 июля 1553 г. король Эдуард VI скончался. Согласно его последней воле, наследницей престола стала леди Джейн Грей, кузина короля. Девять дней спустя завещание было признано недействительным, леди Джейн поместили под арест. Королевский трон заняла Мария Тюдор (Кровавая), старшая сводная сестра Эдуарда VI. Коронация состоялась 1 октября 1553 г., а 10 октября зять Ричарда Грея, сэр Джон Поллард (его женой была младшая дочь Грея — Мери[268]), был избран спикером палаты общин и в тот же день представлен королеве как лучший знаток английского законодательства[269].

Возможно, благодаря усилиям сэра Полларда, «Закон, ограничивающий ношение дорогостоящей одежды» был отправлен на доработку в палату общин. Первое чтение «Закона» с новыми поправками состоялось 10 апреля 1554 г. Подтвердив привилегии титулованной аристократии на использование дорогих итальянских тканей и мехов, авторы проекта ввели новые ограничения для тех, чей доход составлял не более 20 фунтов. В документе особо оговаривался запрет на использование шелковых ниток в отделке платья из недорогих тканей, ночных чепцов, чулок, туфель, лайковых перчаток, ножен, перевязей и других предметов одежды или аксессуаров из тонкой кожи. За нарушение налагался штраф в размере 10 фунтов за каждый день ношения такого вида одежды, а также трехмесячное тюремное заключение. Указ предусматривал невероятно высокий штраф в размере 100 фунтов с тех хозяев, которые продолжали использовать услуги работников, не подчинившихся закону[270]. С фантастической скоростью проект был одобрен в палате общин и передан в палату лордов. Пятого мая 1554 г. в присутствии королевы Марии документ получил статус закона[271].

Летом того же года еще одна крупная партия роскошных тканей, скупленных на лондонской бирже по бросовым ценам, пополнила гардероб русского царя. Государевы сундуки уже ломились от бархатов и аксамитов. Бояре и дворцовая прислуга были обеспечены парчовыми шубами и атласными кафтанами на долгие годы вперед. Заморские шелка раздавались в кусках и штуках. Роспись свадьбы царя Семиона

Касимовича и Марии Кутузовой, состоявшейся 3–7 ноября 1554 г., сообщает, что царь Иван Васильевич, царица Анастасия и родной брат царя, князь Юрий Васильевич, одаривали молодых «*бурскими и венедицкими*» бархатами, камками и атласами. В документе перечислены до полутора десятков разновидностей шелковых тканей, многие из них с золотым и серебряным тиснением: бархат «*червчат с золотом», «алый с золотом», «зелен с золотом», «лазорев с золотом»*, камка шелковая «*червчата», «рудожелтая», «зелена», «желт да бел со змейками»*, атлас «*на червце золото да серебро двоемер», «червчат с золотом*» и т. д.[272]

Если в 1554 г. в Москве услуги портных и рукодельниц пользовались повышенным спросом, то в Лондоне указ королевы Марии оставил без работы многих талантливых знаменщиков, орнаменталистов и вышивальщиц. Мастерские закрывались под угрозой чудовищного штрафа. Хозяева продавали шелковые нитки за гроши и выгоняли работников на улицу. Для тех, кто оказался в отчаянной ситуации, поездка в далекую Россию могла стать спасением. Скорее всего, несколько женщин нашли применение своим навыкам в Московии. Их мастерство оказалось востребованным в «светлице» княгини Ефросиньи Старицкой. Мы не располагаем сведениями, законным ли путем были доставлены мастерицы в Горицкий монастырь, но можем предположить, что спрятаться в глуши их заставили чрезвычайные обстоятельства, возможно, угроза тюремного заключения.

На следующие полтора десятка лет, как справедливо считают исследователи, приходится период наивысшего расцвета шитьевого искусства в России. В эти годы в мастерской княгини Старицкой помимо небольших по размеру изделий было изготовлено четыре полномерных плащаницы, выполненных на один сюжет, — «Положение во гроб. Оплакивание». По мнению специалистов, плащаницы стоят особняком в ряду образцов шитья XVI–XVII вв. Для них характерны психологическая напряженность образов, объемность фигур, реалистичность изображения. Изделия отличает многообразие швов (до 40 видов), необычайная тщательность исполнения, а также введение деталей и приемов, заимствованных на Западе. Характерные детали изделий мастериц княгини Старицкой исследователи находят в покровах, изготовленных в «светлице» царицы Анастасии[273].

Пелена «Спас Великий Архиерей». Мастерская княгини Ефросиньи Старицкой. Вклад княгини в Кирилло-Белозерский монастырь

Есть основания предполагать, что крупная партия шелковых тканей и ниток, а также английские мастера вышивки были доставлены в Россию в 1554 г. купцом Кристофером Хадсоном. Семья Хадсонов на протяжении нескольких поколений занималась торговлей кожевенным товаром. Дядя Кристофера, Генри Хадсон, был состоятельным и влиятельным человеком в Лондоне. Он возглавлял гильдию кожевников и меховщиков, заседал в совете графства и владел обширными землями в лондонских предместьях[274]. Благодаря связям в правительстве Генри Хадсон заблаговременно получал информацию о введении поправок в «Закон, ограничивающий ношение дорогостоящей одежды».

Обладая исключительной деловой хваткой и предприимчивостью, Кристофер Хадсон пошел по стопам дяди. Полвека спустя, находясь в

должности губернатора Московской компании, Хадсон упомянул в письме к сэру Роберту Сесилу, что «*в мае 1553 года, когда Ченслер был послан в Россию для учреждения торговли, он сопровождал его*»[275]. Однако в судовом списке участников экспедиции, прибывших с Ченслером на корабле «Эдуард — Благое Предприятие» в устье реки Двины, имя Кристофера Хадсона отсутствует[276]. Вместе с тем нет оснований не доверять словам англичанина. События 1553–1554 гг. настолько были важны для него, что Хадсон сослался на этот эпизод из своей молодости еще один раз — в докладной записке, составленной в марте 1601 г. для лорда хранителя королевской печати сэра Эллсмера. В самом начале документа, содержавшего обзор деятельности компании, он упомянул, что в 1554 г. налегке совершил путешествие в Лондон через Данцинг и нидерландские города. Во время своего путешествия во всех городах, исключая Стоад и Эмбден, он не заметил ни одного англичанина среди торговцев тканями. По его словам, продажа тканей в этих местах находилась исключительно в руках купцов Стил-ярда (Ганзы)[277].

Не случайно, возвращаясь на родину, Кристофер Хадсон интересовался положением дел на рынке тканей в Балтийском регионе. Его окрылил успех коммерческой операции, проведенной в России. Вернувшись в Лондон, он, несомненно, поделился своими соображениями с дядей и посоветовал тому свернуть торговлю кожевенным товаром и заняться более выгодным бизнесом в России.

Генри Хадсон последовал совету племянника и вошел в состав главных учредителей Московской компании — торговцев тканями. Указом королевы Марии от 6 февраля 1555 г. он был назначен одним из 24 губернаторов компании в Лондоне[278]. Летом того же года его племянник Кристофер прибыл в Россию в качестве управляющего московской факторией, но поставки английского сукна московитам его уже мало интересовали. Русский рынок оказался насыщенным до предела импортными тканями. Коллега Хадсона в письме от 27 ноября 1555 г. с грустью писал в Лондон, что в Вологде только один купец предложил за всю партию лучшей материи всего 12 рублей[279].

Горицкий монастырь

Кристофер Хадсон нашел более выгодный товар на русском рынке. Прибыв в ноябре 1555 г. в Ярославль, наметанным глазом коммерсанта он отметил разницу цен на осетров на местной оптовой ярмарке и при розничной торговле в Данциге. В своем письме, отправленном в Лондон 7 ноября 1555 г., он писал, что в тот день в Ярославле были выставлены для продажи на московском рынке более 3000 осетров, и он купил одного за семь алтын, в то время как в Данциге ему приходилось платить за осетра не столь хорошего качества девять марок[280]. Осетров доставляли в Ярославль купцы, скупавшие рыбу в Рыбной слободе при Горицком монастыре. Интерес Хадсона к товару в рыбных рядах свидетельствует, что, не успев прибыть в Россию, он уже располагал сведениями о возможности заработать не только для компании, но и для себя, положив в карман разницу между ценами в Горицах и в Ярославле. Вполне вероятно, что, сопровождая в предыдущем году своих соотечественниц в Горицкий монастырь, Хадсон не упустил возможности вывезти в Данциг партию осетров.

В дальнейшем, находясь в должности управляющего московской фактории, Хадсон имел возможность регулярно видеться с соотечественницами из мастерской княгини Старицкой. Выполняя заказы на доставку лучших тканей, нитей или золотой тесьмы, он узнавал новости из жизни первых семейств государства. Опутав Кремлевский дворец и подворье Старицких паутиной шпионажа,

англичане получали информацию о самых интимных сторонах жизни государя и его родственников. Умело раздувая пламя внутрисемейных раздоров, английское правительство использовало оппозицию в собственных интересах.

Семейные раздоры

Изучая эпоху Ивана Грозного, исследователи уделяют большое внимание фигуре князя Владимира Старицкого. Его трагическая судьба стала классическим примером жестокости царя по отношению не только к подданному лицу, но и к близкому родственнику. Сам князь Владимир получил ореол мученика, безвинно пострадавшего по злому доносу.

В историографии точкой отсчета размолвки между двоюродными братьями считается время тяжелой болезни государя, март 1553 г., когда ближние бояре отказались целовать крест на верность малолетнему царевичу Дмитрию и выступили против регентства царицы Анастасии Романовой, встав на сторону князя Старицкого. Сам князь присягнул царевичу «по неволе», уступая уговорам бояр. Ученые опираются на слова интерполятора Царственной книги: «*И оттоле быть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевичем, а в боярех смута и мятеж*» {281}.

К немалому смущению исследователей, мартовский «мятеж» не имел последствий, никто из бояр не пострадал от «вражды» государя, а князь Старицкий был даже приближен и обласкан. Столь странный феномен принято объяснять противоречивостью натуры самого Ивана Грозного, великодушно простившего ближних бояр и двоюродного брата, притязавшего на царский трон. Однако возможно и другое объяснение: Иван IV действовал под давлением обстоятельств.

Сопоставление ряда документов дает основание выдвинуть гипотезу, что в 1553 г. князь Владимир Старицкий обладал бульшими правами на царские регалии, чем это принято думать. Уже его отец, князь Андрей Иванович Старицкий, пользовался особым расположением Василия III. Постниковский летописец дает подробное описание последних месяцев жизни великого князя и характера его взаимоотношений с братьями — средним, князем Юрием Дмитровским, и младшим, князем Андреем Старицким. Осенью 1533 г. Василий III разгневался на среднего и приблизил к трону младшего. Князь Андрей был специально вызван из Москвы и сопровождал великого князя в поездке на Волок и на богомолье в

Иосифов монастырь. Он находился рядом с братом во время его болезни и агонии, держал под руки Елену Глинскую, рыдавшую у постели умирающего мужа[282].

Благоволение к младшему брату и гнев на среднего не могли не найти отражения в завещании великого князя. Находясь на Волоке, тяжело больной Василий III приказал сжечь тайно доставленную из Москвы духовную грамоту и составил проект нового завещания. Документ был оформлен и подписан по прибытии в столицу. Летопись уделяет особое внимание составу послухов, засвидетельствовавших духовную грамоту. С ее содержанием были ознакомлены князья Юрий и Андрей. Возможно, согласно традиции создания подобных важнейших государственных актов[283], для братьев были изготовлены копии документа.

К сожалению, ни одной копии завещания Василия III не сохранилось, однако дальнейшие события дают основание предположить, что в документе было предусмотрено увеличение владений князя Старицкого за счет передачи ему Волоцких земель, а также, в случае бездетной кончины князя Юрия Ивановича, — Дмитровского удела со Звенигородом и московским двором «*внутри города»*, доставшегося тому по завещанию отца[284].

По истечении сороковин со дня смерти Василия III князь Старицкий бил челом великому князю Ивану IV и его матери Елене Глинской о передаче ему Волоцких городов и земель, согласно последней воле брата[285]. В этом ему было отказано. Вместо расширения удела он получил коней, сбрую, шубы и прочую «рухлядь». Шуба с царского плеча для подчиненного лица являлась наградой, для равного — оскорблением достоинства. Не стерпев обиды, князь Андрей уехал в Старицу. Здесь 9 июля 1534 г. его жена, княгиня Ефросинья, родила сына Владимира.

Два года спустя произошла крупная размолвка с Еленой Глинской. 3 августа 1536 г. скончался в заточении князь Юрий Иванович, не оставив потомства. Дмитровский удел со Звенигородом был взят в государеву казну. Видимо, спор из-за удела покойного брата послужил причиной ссоры. Размолвка завершилась к началу 1537 г. примирением и подписанием крестоцеловальной грамоты. Прикладывая «руку» к документу, князь Андрей клялся верно служить великому князю Ивану

Васильевичу и его матери Елене Глинской «*по отца нашего Великого Князя Ивана духовной грамоте и до своего живота*»[286].

Сославшись в крестоцеловальной записи на духовную грамоту Ивана III, князь Старицкий тем самым признал этот документ более авторитетным, чем завещание брата. Князь Андрей поклялся следовать завету отца, который призывал своих младших сынов во всем слушать старшего и грозил родительским проклятием тому из них, кто «*учнет под ним подъискивати великих княжеств или под его детми, или учнет от него отступати, или учнет ссылатися с кем ни буди тайно или явно на его лихо, или учнут кого на него подъимати, или с кем учнут на него одиначитися, ино не буди на нем милости Божией, и Пречистые Богоматери, и святых чюдотворец молитвы, и родитель наших, и нашего благословения и в сии век и в будущи*»[287].

Князь Андрей автоматически обязался следовать и другим заветам Ивана III, в том числе следующему: «*А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью, а братья его у него в тот удел не вступаются*». Таким образом, подписывая крестоцеловальную грамоту со ссылкой на завещание отца, князь Андрей отказался от своих притязаний на Дмитровский удел, отписанный ему по завещанию старшего брата. Надо полагать, по прошествии некоторого времени кто-то из ближайшего окружения указал князю на эту юридическую тонкость. Конфликт разгорелся с новой силой и через несколько месяцев вылился в открытое противостояние Старицких московским властям.

Формальной причиной для «измены» послужил приказ, отданный весной 1537 г. от имени Елены Глинской о посылке из Старицкого удела дворян и детей боярских на сторожевую службу в Коломну. Князь Андрей расценил повеление правительницы как неправомочное, ущемляющее его удельные права, и отправил своего боярина Ф. Д. Пронского «*к великому князю к Ивану и к матери его к великой княгине Елене бити челом о своих великих обидах*». В Москве парламентария взяли под стражу, челобитье государь не принял.

Получив сообщение о судьбе Пронского и «*натерпевшись от своих великих обид*», князь Андрей посчитал себя свободным от крестного целования и принял решение отъехать в Литву. На Новгородской дороге его перехватил князь И. Ф. Телепнев-Оболенский

с отрядом дворян. Князь Андрей «*ополчишася и восхотеша с воеводами с великого князя битися*». Телепнев-Оболенский пустился на хитрость: целовал крест, что князя и его людей отпустят с миром в удел[288]. К непокорному князю были отправлены также Досифей, архиепископ Сарский и Подонский, и Филофей, архимандрит Симоновский, получившие наказ от митрополита Даниила в случае сопротивления и неприезда князя Андрея в Москву предать его церковному проклятию[289].

Устрашенный угрозой анафемы, князь Старицкий отправился в столицу. В Москве его схватили и заточили в темницу, княгиню Ефросинью посадили «*в Берсеневской двор*», а малолетнего сына отдали «*Федору Карпову блюсти*». Вотчину отписали в государеву казну. Одиннадцатого декабря 1537 г. князь Андрей Иванович Старицкий умер в оковах, под «*железной шапкой*» юродивого. Через четыре месяца, в ночь с 3 на 4 апреля 1538 г. скончалась великая княгиня Елена Глинская. По сведениям Герберштейна, причиной ее смерти стал яд[290]. По странному стечению обстоятельств, ее смерть пришлась на день памяти святой мученицы Фервуфы, казненной по подложному обвинению в отравлении персидской царицы. Семь дней спустя был схвачен и брошен в темницу князь И. Ф. Телепнев-Оболенский. Вскоре и другой обидчик покойного князя Старицкого пострадал: митрополит Даниил был обвинен в самовольстве и лишен сана.

По смерти правительницы, устранении Телепнева-Оболенского и митрополита Даниила в судьбе княгини Ефросиньи произошли важные изменения. Ей вернули четырехлетнего сына: «*И у Федора у Карпова княж Ондреев сын побыл немного, и у Федора его взяли да к матери же его посадили в тын*». А в декабре 1541 г. их выпустили из-под стражи. Великий князь Иван Васильевич по совету митрополита Иоасафа и «*промыслом*» попа Сильвестра освободил княгиню и княжича и повелел перевести их «*на княж Ондреевъской двор*». В том же году им были возвращены дворцовые села и удельные земли, однако на ключевых постах «*по городам и волостям*» были поставлены государевы приказчики[291].

Казнь участников мятежа под предводительством Андрея Старицкого. Лицевой летописный свод

Юридическую самостоятельность Старицкие получили три года спустя: 5 мая 1544 г. десятилетний князь Владимир Андреевич пожаловал Афанасия Карачева несудимой грамотой на деревню Безсолино в Старицком уезде. В документе указывалось, что в случае имущественных претензий к Карачеву право суда оставляет за собой сам князь Владимир: «*…ино их сужу яз князь Володимер Андреевич или мой боярин введеной*»[{292}]. Приведенная формула «*их сужу яз князь… или мой боярин введеной*» является свидетельством, что князь Старицкий полностью владел своими удельными правами в отношении системы судопроизводства[{293}].

В последующие три года, потеснив Глинских, Старицкие приобрели особый статус при особе государя. На свадьбе царя Ивана IV с Анастасией Романовой (3 февраля 1547 г.) князь Владимир был «в тысецких», а княгиня Ефросинья сидела «*в материно место*». Во время первого Казанского похода (декабрь 1547 — февраль 1548 г.) государь оставлял двоюродного брата главой правительства в Москве: «*А о всех своих делех царь и великий князь велел князю Володимеру Ондреевичю и своим бояром приходить к Мокарью митрополиту, а грамоты писал государь ко князю Володимеру Ондреевичю*». Отправляясь во второй поход на Казань в ноябре 1549 г., царь вновь

доверил князю Владимиру столицу и царицу Анастасию с новорожденной дочерью, царевной Анной: «*Князя Володимера Ондреевича отпустил на Москву и велел ему быть на Москве и дела своево беречь, а с ним царя и великого князя бояре*»[294].

По возвращении из похода, в мае 1550 г. царь «*приговорил женить*» двоюродного брата на Евдокие Александровне Нагой. Свадьбе предшествовали смотрины, в которых принимал участие жених: «*И майя в 24 день в неделю смотрел Царь и Князь Володимер девок и полюбил дочь Нагова*». Таким образом, удельный князь женился не по «приговору», а по собственному выбору, как родной брат государя. Торжества проходили на царском дворе. Иван IV сидел «*в отцово место*». Царица Анастасия «*чесала головы*» молодым[295].

Через два месяца после свадебных пиров царскую чету постигло несчастье: в июле 1550 г. скончалась царевна Анна. Вслед за сообщением о смерти царевны Пискаревский летописец рассказывает о больших вкладах, сделанных повелением государя в сентябре того же года: был позлащен купол у собора Успения Богородицы и слит колокол «Лебедь», весом в 2200 пудов. Далее, резко выбиваясь из хронологической последовательности, следует глава «О духовной великих князей», в которой составитель перечисляет послухов, заверявших завещания великих князей Василия Дмитриевича и Василия Васильевича: «*У великаго князя Василья Дмитреевича в духовной прикащики король литовской Витовт да бояре князь Юрьи Патрекеевич, тот первой в Голицыных выехал с Новагорода, да Иван Дмитреевич, Михайло Андреевич, Иван Федорович, Федор Иванович. В духовной великого князя Василья Васильевича писаны бояре князь Иван Юрьевич Голицын, Василей Иванович, Федор Васильевич*»[296].

Сопоставление приведенных имен с перечнем послухов в известных исследователям духовных грамотах дает любопытный результат. Первая группа лиц присутствовала при подписании второго (из трех сохранившихся) завещания великого князя Василия Дмитриевича, составленного в июле 1417 г. после смерти его старшего сына, Ивана. Согласно воле князя, малолетний наследник Василий и его мать поручались заботам тестя и младших братьев: «*А приказываю своего сына, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тистю, великому князю Витовту, как ми рекл, на Бозе да на нем, как ся имет печаловати, и своей братье молодшей, князю Ондрею*

Дмитреевичю, и князю Петру Дмитреевичю, и князю Костянтину Дмитреевичю, и князю Семену Володимеровичю, и князю Ярославу Володимеровичю, и их братье по их докончанью, как ми рекли»[297].

Вторая группа лиц, перечисленных в Пискаревском летописце, не соответствует тому списку, который указан в единственной дошедшей до нашего времени духовной грамоте великого князя Василия II Темного. В завещании, составленном в 1461–1462 г., великий князь отдавал детей под опеку своей жены Марии Ярославны Боровской (происходившей по материнской линии из рода Кошкиных, в дальнейшем Захарьиных-Юрьевых-Романовых): «*Приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите заодин, а матери своей слушайте во всем, в мое место, своего отца*». В документе указаны следующие имена послухов: «*архимандрит спасьский Трифон, да симановский архимандрит Афонасей, да мои бояре, князь Иван Юрьевич, да Иван Иванович, да Василей Иванович, да Федор Васильевич*», в приписной грамоте — «*архимандрит Трифон да бояре мои, князь Иван Юрьевич да Федор Михайлович*»[298]. В то же время известно, что за несколько дней до кончины (27 марта 1462 г.) Василий Темный приказал казнить детей боярских боровского князя Василия, заподозренных в заговоре. Видимо, в это время была составлена другая духовная грамота, согласно которой его жена лишалась опекунства, а свидетелями были «*Иван Юрьевич Голицын, Василей Иванович, Федор Васильевич*». Очевидно, последнее, не дошедшее до наших дней завещание подразумевал составитель Пискаревского летописца, перечисляя имена послухов.

Нарушая хронологию изложения событий выпиской имен послухов из духовных грамот великих князей, компилятор летописи, несомненно, преследовал вполне определенную цель: во-первых, дать понять осведомленному читателю, что вскоре после смерти царевны Анны в сентябре 1550 г. Иван IV пересматривал завещания своих пращуров и на их основании составлял собственную духовную грамоту, а во-вторых, указать, какие именно документы легли в основу завещания государя и каково было его содержание. Составление юридического документа могло быть связано с беременностью царицы. Расчеты показывают, что в сентябре царица Анастасия была на третьем месяце беременности, т. е. ребенок был зачат в дни, близкие

к дате смерти царевны Анны. (Царица родила девочку в марте 1551 г., ее окрестили Марией, умерла в декабре того же года.)

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что в сентябре 1550 г. Иван IV составил духовную грамоту, согласно которой назначил опекунами будущего ребенка своих братьев — родного Юрия Васильевича и двоюродного Владимира Андреевича Старицкого, и исключил из числа регентов царицу Анастасию Романовну Кошкину-Захарьину.

Безусловно, такое завещание отвечало интересам Старицких, поскольку в случае смерти царя и при недееспособном князе Юрии Васильевиче руководство государством фактически переходило к князю Владимиру. При этом следует признать, что назначение князя Старицкого главой опекунского совета являлось обоснованным решением.

Авторитет князя Владимира к тому времени находился на высоком уровне. Начало 1550-х гг. характеризуется всплеском законотворческой деятельности царя, во всех начинаниях которого принимал участие его двоюродный брат. Документы рисуют князя Старицкого не только активным государственным деятелем, но и выдающимся полководцем. Вместе с опытными воеводами он принимал участие в военных советах и внес важный вклад в разработку плана третьей Казанской кампании (апрель-июль 1551 г.), предусматривавший завоевание ханства путем оккупации речных путей и экономической блокады Казани.

Разрядная книга подчеркивает высокое положение князя Владимира во время четвертого, «Великого» Казанского похода 1552 г., ничем не уступающее царскому. Перед решающим боем оба получили от митрополита Макария равноценные благословения: государь — «*образ пречистые богоматере честнаго ея успения; златом и бисером украшен*», князь Владимир — «*образ пречистые богоматере честнаго ея благовещения, златом же и бисером украшен; и воду святую от чюдотворныя раки Петра чюдотворца*»{299}.

Процедура благословения царя и князя Владимира имела особый символический смысл. Со времен Ивана Калиты московские князья «*благославляли старших сыновей своих, наследников великокняжеского престола*» шейным крестом Петра-чудотворца{300}. Отец же князя Владимира, князь Андрей Иванович (пятый сын по

счету), получил по завещанию отца благословение не крестом, в отличие от старших братьев, а иконой «*золота распятье, делана финифтом с каменьем и с жемчюги*»[301]. Таким образом, благословляя своих духовных чад парными иконами и святой водой от раки Петра-чудотворца, митрополит Макарий признал князя Владимира Старицкого равным положению родного брата государя. Новый статус давал князю Владимиру право на получение Дмитровского удела. Парность икон, шитых бисером, говорит в пользу того, что они являлись совместным произведением мастериц княгини Ефросиньи и царицы Анастасии.

На праздник Пречистой Богоматери, с 1 на 2 октября, Казань была взята, и царь «*радостно лобзал брата своего князя Володимира Ондреевича*». Помимо взятия Казани в октябре 1552 г. свершилось еще одно счастливое событие — у государя наконец родился сын Дмитрий. По возвращении в Москву царь всенародно благодарил князя Старицкого: «*Бог сия содеял твоим, князь Володимер Андреевич попечением и всего нашего воинства страданием и всенародною молитвою, буди Господня воля!*» Государь щедро одарил бояр и служивых людей шубами и кубками «*без числа*», выделив из казны «*48 тысяч рублей*»; кроме того, были розданы вотчины, поместья и кормления. «*А князя Володимира Андреевича жаловал государевыми шубами и великими фрязскими кубки и ковши златыми*»[302].

Несомненно, князь Владимир расценил царские подарки унижением достоинства. Он ждал, что повышение его статуса, получившее благословение от митрополита, будет юридически закреплено в завещании Ивана IV, составленном после рождения царевича Дмитрия, и, соответственно, Дмитровский удел отойдет в его пользование. Расчеты князя Владимира и его матери не оправдались, и между братьями наметилось охлаждение, которое затем вылилось в открытое неповиновение.

Весной следующего 1553 г. в государстве началось «нестроение». Автор Летописца Русского связывает «*огневую немочь*» царя с тревожным известием, полученным из казанских земель, помещая оба сообщения под одним заголовком: «*Вести из Свияжска и болезнь государя*». В качестве связующего звена компилятор использовал цитату, которая отсылает читателя к третьему эпизоду,

предшествовавшему двум первым: появлению в Москве Матвея Башкина, положившего начало делу о ереси заволжских старцев.

В хронологическом порядке события развивались следующим образом. В Великий пост, т. е 13 февраля, на заутрене к священнику кремлевского Благовещенского собора Симеону обратился некий сын боярский Матвей Башкин. Исповедуясь, он высказал Симеону свои сомнения по вопросам нравственности. Башкин напомнил священнику о его обязанности блюсти паству и соблюдать заповедь Христа: «*Возлюби искряннего своего, как самого себе*». Через неделю, 20 февраля, в столице получили известие из Свияжска о восстании «*арских и луговых людей*», которое привело к фактической утрате завоеваний в Казани, а 1 марта государь заболел «огневой» болезнью.

Летописец объединяет эти события, объясняя «нестроение» в Казани и «немощь» царя Божьим наказанием за гордыню и неблагодарность: «*И в нас явились гордые слова, а не благодарные, и учали особ мудры бысть, забыв еваньгильское слово: хто хощет в мире сем мудр быти, буй да будет*»[303]. Компилятор почти дословно процитировал старца Артемия[304], привлекавшегося к церковному суду в декабре того же года по делу Башкина. Очевидно, по мнению современников, болезнь Ивана IV являлась Божьим наказанием за гордыню и неблагодарность, проявленную по отношению к ближнему своему, попечением которого была добыта победа над Казанью, то есть князю Владимиру.

Царь был так плох, что все были готовы к смертельному исходу. Дьяк Висковатый «*вспомяну государю о духовной; государь же повеле духовную совершити, всегда бо бяше у государя сие готово*»[305]. Надо полагать, речь шла о завещании, составленном в октябре 1552 г. после рождения царевича Дмитрия. Из слов интерполятора Царственной книги можно понять, что, после того как царь распорядился «*совершить*» завещание, некто посоветовал привести к присяге бояр, дворян и князя Владимира. Скорее всего, такая очередность в крестоцеловании была вызвана тем, что содержание «готовой» духовной грамоты шло вразрез с интересами князя Старицкого. Советники царя не исключали возможности негативной реакции со стороны двоюродного брата государя. Вечером того же дня в присутствии Ивана IV крест целовали дьяк Висковатый, князь И. Ф. Мстиславский, князь В. И. Воротынский и другие «ближние»

люди. На следующий день присягу от прочих бояр и дворян принимали князь Воротынский, а дьяк Висковатый держал крест.

Разногласия возникли на третий день болезни государя, когда содержание завещания стало известно широкому кругу придворных. Некоторые из влиятельных лиц, в том числе князья Дмитрий Курлятев, Иван Пронский, Иван Ростовский, казначей Н. Фуников, поп Сильвестр и другие, высказывали недовольство или уклонялись от крестного целования. Они не хотели поначалу присягать Романовым, считая кандидатуру князя Старицкого более приемлемой в качестве регента, но в конце концов уступили.

Князь Владимир был призван целовать крест в последнюю очередь. Присягнувшие к тому времени бояре силой заставили его дать клятву: «*И одва князя Володимира принудили кресть целовати, и целовал крест по неволе*». Однако его мать, княгиня Ефросинья, отказалась приложить к документу фамильную печать. Трижды ходили к ней бояры, но слышали от нее только «*бранные речи*». Переговоры царских парламентариев с княгиней Старицкой завершились не позднее 12 марта. Княгиня отдала печать, но добавила, что клятва, данная «*по неволе*», ничего не значит. Формально правда была на стороне княгини по двум причинам. Во-первых, шел пост, во время которого запрещалось давать клятву[{306}]. Во-вторых, князь Владимир не достиг двадцатилетнего возраста (родился в июле 1534 г.) для исполнения процедуры крестоцелования, что рассматривалось как присяга «по неволе»[{307}].

Источники не сообщают, на каких условиях княгиня Ефросинья пошла на уступки, но, несомненно, достигнутая договоренность получила отражение в документе, датированном 12 марта 1553 г. Подписывая крестоцеловальную запись и привешивая к ней фамильную печать «*на малиновом снурке*», князь Владимир не только давал клятву на верность царю, царице Анастасии и царевичу Дмитрию, но и оговаривал свои удельные права, согласно которым он мог держать «*воевод с людьми*», а также «*суд чинить по старине в правду*»[{308}].

Государь все еще был болен, когда царская чета отправилась на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. По дороге государь остановился в Троице-Сергиевском монастыре, где провел три дня, «*опочиваючи себе: бо еще был не зело оздравлен*». Здесь он беседовал с

опальным монахом Максимом Греком. Инок стал отговаривать государя от далекой поездки в сопровождении жены и младенца. Он советовал исполнить обет другим богоугодным делом: «*пожаловать и устроить*» тех вдов и сирот, чьи мужья и отцы сложили головы в боях при взятии Казани. Максим Грек, видя упрямство царя, предрек ему: «*Аще не послушаеши мене по Бозе советающаго ти, и забудеши крови оных мучеников, избиенных от поганых за правоверие, и презреши слезы сирот и вдовиц и поедеши со упрямством: ведай о сем, иже сын твой умрет и не возратитися оттуды жив*». В число вдов и сирот, не получивших справедливого вознаграждения после завоевания Казани, вошли княгиня Ефросинья и князь Владимир.

Свое пророчество монах передал государю через князя Андрея Курбского, постельничего Алексея Адашева, царского исповедника Андрея Протопопова и «*презвитера*» Иоанна князя Мстиславского[309]. Видимо, Максим Грек намеренно передал свою угрозу устами четырех человек, тем самым сделав предсказание достоянием гласности. По крайней мере один из них — духовник князя Мстиславского — не мог не поделиться новостью со своим патроном.

Пророчество Максима Грека сбылось. Царевич Дмитрий погиб 6 июня при странных обстоятельствах на реке Шексне, рядом с Горицким монастырем, устроенным трудами княгини Старицкой. Смерть невинного младенца свершилась в день памяти преподобного Варлаама Хутынского, одно из чудес которого связано со спасением преступника от смерти через утопление и попущением такой же казни для невинно осужденного. Преподобный Варлаам объяснил ученикам, что преступник осознал свои грехи, и Господь спас его, но попустил невинному умереть, чтобы впоследствии тот не стал дурным человеком.

Современники событий крайне скупо говорят о смерти царевича Дмитрия, ограничиваясь простой констатацией факта, либо обходят его молчанием. С. Б. Веселовский привел сообщение одного хронографа о том, что «*царевич был обронен мамкой в Шексну при пересадке из одного судна в другое*»[310]. Свидетель происшествия князь Курбский обвинил в смерти младенца самого государя: «*Его же (Дмитрия. — Л.Т.) своим безумием погубил*»[311].

Трагическая смерть сына, безусловно, стала тяжелым ударом для царской четы. Окружающие сочувствовали горю государя, но общественное мнение, если не открыто, то втайне, было не на его стороне. Те мысли, которые царица Анастасия читала в глазах ближних людей, выразил позднее князь Курбский: «*Се получение мзды за обещания не по разуму, пачеже не богоугодные*». Сбылось пророчество, Бог наказал царя за то, что он не устроил по заслугам вдов и сирот.

В последующие дни государыня молилась в Кирилло-Белозерском монастыре, в то время как ее супруг находился в постоянных разъездах. Совершив молебствования и учредив братию Кирилло-Белозерской обители, государь посетил Ферапонтов монастырь и окрестные пу̀стыни. Видимо, это время царь употребил на то, чтобы замолить свой грех и пожаловать если не всех обойденных после Казанской кампании вдов и сирот, то хотя бы некоторых из них — княгиню Старицкую и князя Владимира.

Скорее всего, в эти дни к уже готовому покрову на раку митрополита Ионы (память 15 июня) была создана новая кайма, на которой вместо обычного тропаря вышита надпись с молением царицы Анастасии: «*В мире соблюсти благовернаго князя Ивана Васильевича всея Русии с его царицей благоверной княгинею Анастасиею и з благородными чады и с его братею благоверными князи Георгием и Владимиром…*» По наблюдениям исследователей, особенности исполнения покрова свидетельствуют о том, что в его изготовлении принимали участие мастерицы княгини Старицкой[312]. Видимо, мир между царем и двоюродным братом был восстановлен на условиях княгини Ефросиньи.

После этого царский поезд отправился в обратный путь, по дороге останавливаясь в монастырях Ярославля, Ростова и Переславля с молитвой о чадородии. В переславском Никитском монастыре, у гроба Никиты столпника, царица получила «*благонадежное извещение*», что молитвы ее услышаны. В ту же ночь на Государевом дворе был зачат царевич Иван Иванович[313].

К осени 1553 г., когда беременность царицы не вызывала сомнений, Старицкие возвысились при дворе как никогда прежде. Новый статус князя Владимира и его матери получил подтверждение де-факто на свадьбе царя Семиона Касимовича с Марией Кутузовой,

состоявшейся 5–7 ноября 1553 г. После мыльни молодой супруг «*посылал дружек с кашей к царю, к князю Юрию и ко князя Володимеровой матери Андреевича ко княгине Афросинье и ко князю Володимеру Андреевичу*». Молодые просили благословения не только у государя и митрополита Макария, но и у княгини Ефросиньи[{314}].

В положеный срок, 28 марта 1554 г., у государя родился сын. Младенца окрестили Иваном 15 апреля в Чудовом монастыре. Вслед за этим государь составил новую духовную грамоту, назначив князя Владимира вместе с митрополитом Макарием душеприказчиком и главой опекунского совета до достижения царевичем Иваном двадцатилетнего возраста. В случае смерти царя и его детей князь Старицкий объявлялся наследником престола; при этом он был обязан выделить удел царице Анастасии. Эти условия, со ссылкой на завещание Ивана IV, вписаны в текст новой крестоцеловальной записи князя Старицкого, которую тот подписал в апреле 1554 г.[{315}]

Так же как и крестоцеловальная грамота 1553 г., новый документ составлен в форме договора, оговаривающего не только обязанности князя Владимира служить верой и правдой царю, царице и детям, но и удельные права самого князя. В договор был введен пункт, отсутствующий в предыдущем документе: князь Владимир клялся *«не слушать своей матери, если она учнет наводити на лихо»* на царя, царицу, царевича, бояр и дьяков, упомянутых в духовной грамоте государя. Клятва была усилена наложением церковного проклятия в случае преступления слова. Князь Владимир подписал документ и скрепил печатью, однако условия крестоцеловальной записи не во всем устроили княгиню Старицкую. Разногласия возникли, в частности, по поводу пункта, ограничивавшего число людей, которых князь волен был держать у себя на подворье — в тексте крестоцеловальной записи оставлено место для последующей приписки.

Переговоры с княгиней продолжались около месяца. В мае князь Владимир Андреевич подписал третью крестоцеловальную грамоту, объем текста которой немного превышает предыдущую и, по наблюдениям исследователей, отражает соответствующие изменения, внесенные в духовную грамоту Ивана IV[{316}]. Новый документ расширен за счет изменения отдельных формулировок, уточняющих удельные права князя Старицкого. В грамоте указано точное

количество слуг, которых тот имел право держать на московском дворе — 108 человек, а остальных — в вотчине.

В противовес, в пункт, где оговаривались обязательства князя Владимира как душеприказчика, помимо царицы Анастасии было введено имя князя Юрия, которому также следовало выделить удел: «*А возмет Бог и сына твоего, царевича Ивана, а иных детей твоих Государя нашего не останется, и мне твой, Государя своего, приказ весь исправити твоей царице Великой княгини Анастасии и твоему брату князю Юрию Васильевичу, по твоей Государя своего душевной грамоте и по сему крестному целованию, о всем по тому, как еси Государь им в своей душевной грамоте написал*». Очевидно, речь шла о выделении князю Юрию Угличского удела, завещанного ему отцом, великим князем Василием III[317].

Наиболее важное изменение было внесено в заключительную часть крестоцеловальной грамоты. Обещая «*не слушать*» своей матери, если она вздумает «*умышлять которое лихо*» над царем, царицей, царевичем или боярами, князь призывал на свою голову: «*Ино збудися надо мною по тому, как дед наш Князь Великий Иван написал клятву и неблагословенье отцу моему в своей душевной грамоте*»[318]. Процитировав приписку в крестоцеловальной грамоте князя Андрея Ивановича Старицкого[319], князь Владимир, подобно своему покойному отцу, признал преимущественное право завещания Ивана III. Таким образом, он поклялся «*не подыскивать великого княжества*» и отказался от каких-либо претензий на Дмитровский удел.

Надо полагать, повторный обман, на этот раз — простодушного князя Владимира, вызвал гневное возмущение у княгини Ефросиньи. История 1537 г. повторилась через 17 лет. Не остались в стороне и сторонники Старицких. Их недовольство вскоре вылилось в «шатание» и замышление государственной измены.

Сведения о тайных переговорах княжат с Литвой вскрылись через два месяца, в июле 1554 г., когда началось разбирательство по делу о побеге князя Никиты Лобанова-Ростовского. Князь Никита был схвачен в Торопце и допрошен с пристрастием. Он признался в сношениях с литовцами и намерении отъехать от государя. Затем всплыли подробности о закулисных интригах, которые повлияли на ход дипломатических переговоров России и Литвы в августе 1553 г. В

связи с этим был взят в допрос князь Семен Звяга Лобанов-Ростовский. Тот сознался, что выдал литовскому послу Довойне важную информацию, сообщил «*думу царя*», в результате чего переговоры закончились неудачей: русские были вынуждены пойти на уступки литовцам и вместо «вечного мира» заключить перемирие на два года. Далее открылась роль княгини Ефросиньи в «шатании» бояр во время болезни государя весной 1553 г. Власти получили сведения о ее тайных сношениях с князьями Щенятьевым, Турунтай-Пронским, Куракиным, Дмитрием Немым, Серебряным и «*иными многими*». Как сообщил князь Семен Звяга, «*а ко мне на подворье приезживал (человек. — Л.Т.) ото княгини Офросиньи и ото князя Володимера Ондреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служити, да и людей перезывал*»[320].

Князь Семен был приговорен к смертной казни. Однако по молению митрополита Макария царь смягчил приговор: казнь заменили ссылкой в Кирилло-Белозерский монастырь. Опала должна была неминуемо коснуться и Старицких, но они избежали наказания. Более того, царь сам поехал на поклон к двоюродному брату. Причиной тому стали, несомненно, чрезвычайные обстоятельства, которые произошли в начале осени 1554 г.

Как сообщает летопись, 1 октября 1554 г. состоялось торжественное освящение деревянного собора Покрова, что на Рву в честь Казанской победы с необычно большим количеством приделов (семь), для которых «*принесоша образы чюдотворныя многия*»[321]. Через неделю, 8 октября, государь выехал из Москвы в дворцовое село Черкизово. Находясь там, он неожиданно принял решение отправиться на север: «*посоглядати восхотел*» клинские леса. Царский поезд направился в Клин, затем через Волок в Можайск, а оттуда — в село Городень. Со всей возможной поспешностью царская семья прибыла на подворье князя Владимира, где состоялась трогательная встреча двоюродных братьев. «*И князь Володимер Ондреевич великого государя встретил. И царь и великий князь брата своего князя Володимира Ондреевича пожаловал, хлеба ел и пировал во княже Володимерове селе в Городне*»[322].

Источники умалчивают о мотивах, которые заставили Ивана IV сменить гнев на милость и вместо того, чтобы наложить опалу, обласкать двоюродного брата. Однако Иван Тимофеев в своем

Временнике соединяет воедино принесение на Москву большого количества святынь и болезнь царевича Ивана: «*Несправедливо утаивать и следующее: когда в грудном возрасте младенец (царевич Иван. — Л.Т.) заболел и когда ради его исцеления со всей их земли были снесены в одно место (многие святыни) для молебного пения, посреди этого собрания бог, как сообщается в написанном житии святого, прославил своего угодника Никиту: вода с вериг святого чудотворца Никиты, освященная в сосуде, когда рука отрока была над нею протянута, тотчас же, среди прочих принесенных туда, вода вскипела. Дивное чудо! Тогда вместе с окроплением водою младенец исцелился, здоровье одолело болезнь, и от того времени до самых последних дней жизни святой во всех обстоятельствах защищал отрока*»[323].

Таким образом, к началу октября 1554 г. в государстве обнаружилось «шатание» бояр, и шестимесячный царевич Иван находился при смерти. Кроме того, завоевание Астрахани висело на волоске, царь с волнением ожидал вестей о результатах летней кампании против хана Ямгурчея. История 1553 г. повторялась, царя вот-вот должна была настигнуть небесная кара — смерть наследника престола. Возможно, угрозы гибели младенца попущением Божьим и являлись теми «*детскими страшилами*», которыми, по словам Ивана IV, его пугал Сильвестр[324]. Следуя «*лукавым советам*» попа, государь пошел на примирение с двоюродным братом и его матерью и посетил родственников в селе Городень. «Пировать» государь мог по случаю рождения третьего ребенка в семье двоюродного брата — дочери Марии. У князя Старицкого к тому времени уже было двое детей: Василий, родившийся около 1552 г., и Евфимия, появившаяся на свет в 1553 г.

Едва отведав угощения, государь был вынужден покинуть дом князя Старицкого. Срочные дела требовали его присутствия в столице. Из Городень Иван IV прямиком отправился в Москву, сделав две короткие остановки в дворцовых селах: первую — в Денисьеве, вторую — в подмосковном Крылатском. В Крылатское государь прибыл не позднее 17 октября, «*и в своем селе в Крилатском велел церковь [Рождества Богородицы] свящати*».

В столицу царь вернулся 18 октября, и в тот же день ему были поднесены трофеи, доставленные из Астрахани. Летний поход

завершился победой: государево войско без боя заняло ставку хана Ямгурчея. Сам хан бежал, бросив жен и детей. Гарем вместе с «*сокровищами царскими*» доставили в Москву. Одна из цариц родила сына «*в судех на Волге*». Летописец особо отмечает, что астраханок, по указанию царя, велено было встретить не как пленниц, а «*якоже бы свободных*». Щедрых пожалований удостоилась роженица: молодую мать с младенцем окрестили, новокрещеную Ульянию выдали замуж за З. И. Плещеева, мальчику назначили «*корм*» до возмужания[{325}].

Все же одного из членов семьи князя Старицкого постигла опала осенью 1554 г. Видимо, на жену князя Владимира, Евдокию Александровну Нагую, пало подозрение в «наведении лиха» на царскую семью. Полгода спустя князь Владимир был уже холост. Дальнейшая судьба княгини Евдокии не ясна. Скорее всего, ее приговорили к смерти, но казнь заменили постригом[{326}]. На попечении князя Владимира остались трое малолетних детей: Василий, Евдокия и новорожденная Мария. В апреле 1555 г. князь Владимир женился вторым браком на Евдокии Романовне Одоевской. Государь выдавал двоюродного брата «*от себя*», но на этот раз — без смотрин, и имя матери жениха в свадебной росписи не упомянуто[{327}]. Не ясно, была ли уличена в «лихе» княгиня Ефросинья, но с этого времени ее имя исчезает из свадебных разрядов.

Если женская половина семьи Старицких впала в немилость, то князя Владимира царский гнев не коснулся. В последующие несколько лет он принимал активное участие в государственных делах. В июне 1555 г. боярские дети удельного князя находились в «большом полку» в походе на Тулу «*по крымским вестям*»[{328}], в июне 1556 г. под его руководством проходил набор войск для Ливонского похода. Благодаря радению князя Старицкого было набрано небывалое число ратников, «*еже прежде сего не бысть*»[{329}]. Однако намерение царя воевать Ливонию было воспринято в ближайшем окружении крайне неодобрительно. В своем послании к Курбскому Иван IV упрекал тех, кто противился его воле: «*Та же убо начеxшесь войне, еже на германы, ‹…›, попу же убо Селивестру и с вами своими советниками о том на нас люте належаще, и еже убо, согрешений ради наших, приключающихся болезнех на нас и на царице нашей и на чадех наших и сия убо вся вменяху аки их ради, нашего к ним непослушания сия бываху!*»[{330}]

Сильвестр грозил новыми карами, новыми болезнями, в то время как царица Анастасия носила под сердцем ребенка. Государь пошел на примирение с княгиней Старицкой: видимо, к этому времени относится передача ряда волостей Дмитровского уезда князю Владимиру[331]. Убоявшись Божьего гнева, к началу 1557 г. царь вернул свое расположение княгине Ефросинье. В январе в афонскую Хиландарскую лавру были отправлены многие дары Ивана IV. Среди них упомянута «*катацетазма шита, на ней образы Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери, и Предтечи Иоанна, и многих святых, и чюдне сотворена шитием златом и сребром и многия шелки*»[332]. Судя по описанию завесы к церковным дверям, столь сложная многофигурная композиция была выполнена в «светлице» княгини Старицкой.

Царевич Федор родился 11 мая 1557 г. С рождением второго сына в духовную грамоту государя были внесены необходимые дополнения о разделе владений между детьми. Несомненно, встал вопрос о судьбе Дмитровского удела. Нет каких-либо документальных подтвержений тому, каково было распоряжение Ивана IV, но из дальнейших событий можно сделать вывод, что государь предусмотрел передачу оставшихся волостей Дмитровского удела царевичу Федору.

Надо полагать, княгиня Ефросинья осталась недовольна таким волеизъявлением царя. К началу 1558 г. в мастерской княгини Старицкой была создана первая из четырех плащаниц «Положение во гроб. Оплакивание», и вскоре царскую семью постигло горе. В июне 1558 г. скончалась двухлетняя царевна Евдокия. По удивительному совпадению, в том же месяце — июне, согласно календарным расчетам, супруга князя Юрия Васильевича, Ульяния, после долгих лет бесплодия наконец понесла. В марте 1559 г. князь Владимир присутствовал на крещении племянника Ивана IV — Василия Юрьевича.

В связи с этим радостным событием государь, скорее всего, пожаловал родного брата щедрыми подарками. Как показывают дальнейшие события, среди этих пожалований находился спорный участок — московское подворье князя Дмитровского. Вслед за этим между Иваном IV и князем Владимиром Старицким наступило заметное охлаждение.

Первого октября 1559 г. в Москве состоялись всенародные торжества — освящение каменного храма Покрова, что на Рву, воздвигнутого в честь Казанской победы. На освящении присутствовала вся царская семья, князь Юрий, крещеные цари казанские Александр (Утемиш-Гирей) и Семион (Едигер-Магмет), но имя князя Владимира не упомянуто[333]. Два месяца спустя, на Николу зимнего (6 декабря 1559 г.), в Можайске заболела царица Анастасия. Около этого времени мастерицы княгини Ефросиньи создали вторую плащаницу на сюжет «Положение во гроб. Оплакивание». Сильвестр грозил Божьим наказанием, и Ивану IV пришлось вновь пойти к двоюродному брату на поклон. Это случилось, когда скончался вымоленный у Бога сын князя Юрия Васильевича.

Составитель Летописца Русского особо отметил странное совпадение: 20 февраля 1560 г. «*на масленице, с середы против четверга, на десятом часу нощи, за три часы до света преставися князь Василий Юрьевич, князь Юрьев сын Васильевича, внук великого князя Василия Ивановича всея Руси, году без дву недель; и о сем государю скорбь бысть немала. Тое же ночи, с середы на четверг, в то же время, на десятом часу ночи, за три часа до света родися князю Володимиру Андреевичу дщерь Евдокия (так! — Л.Т.) от его княгини Евдокии, и царь и великий князь, а с ним сын его царевич Иван, да с ним царь Александр Казанской, и многие бояре на завтрее того, в пятницу, были у князя Володимира Андреевича на его радости, и порадовашеся с ним, и овощи кушали*»[334].

Очевидно, летописец не случайно подчеркнул, что умерший младенец являлся внуком князя Василия III. Устрашенный Божьим наказанием, Иван IV признал преимущественную силу завещания своего отца, Василия III, над завещанием деда, Ивана III, а рождение дочери у двоюродного брата — более важным событием, чем смерть сына у родного.

Возможно, уже в феврале у государя появились подозрения, что «наведение лиха» на царскую семью — на совести Сильвестра. Летом того же года, когда здоровье царицы Анастасии ухудшилось, Сильвестру было позволено принять постриг в Кирилло-Белозерском монастыре. По словам князя Андрея Курбского, тот, удаляясь в затворничество, предсказал пожар на Москве: «*Исходище во изгнание*

пророчествовал, иж восхощет бог казнь огнем попустить воскоре на едину часть града… яко и бысть»[335].

Сослав Сильвестра, царь приблизил князя Старицкого. В июле, когда Москву охватил пожар, князь Владимир руководил спасением столицы бок о бок с государем: «*…и едва царь и великий князь со князем Владимиром Андреевичем и з бояры, и двором своим, и стрельцы, и со множеством народа многим трудом, Божию благодатью, угасиша огонь*». Однако семейная идиллия продолжалась недолго. Месяц спустя, 7 августа 1560 г., государыня скончалась. В тот же день царь отдал приказ передать князю Юрию московское подворье дяди, князя Юрия Дмитровского, а также Угличский удел: «*Брату своему Юрью Васильевичю велел царь и великий князь место очистити на двор дяди своего княже Юрьевского Ивановича Дмитровского, позади Ивана Святого, что под колоколы. ‹…› От того же времени царь и великий князь брату своему князю Юрью Васильевичю учал обиход его строити из его городов и волостей, чем его благословил отец его, князь великий Василей Иванович Всея Руси…*»[336] Возможно, ему был также передан Дмитровский удел.

Разрядная книга называет имена трех наместников, получивших назначение «*на береженье*» князя Юрия: бояр И. А. Куракина, Д. С. Шестунова и А. И. Прозоровского (дворецким)[337], поэтому вполне вероятно, что под их управлением находились три разрозненных землевладения: московское подворье, Угличский и Дмитровский уделы. Выделение удела князю Юрию Васильевичу свидетельствует о внесении изменений в духовную грамоту государя по смерти царицы Анастасии. Несомненно, поправки в завещании отражали полную «остуду» царя к княгине Старицкой, но опале подверглись ее сторонники. Иван IV «*положил свой гнев*» на попа Сильвестра, обвинив в «*чародействе*» и упрекая в том, что «*от него пострадах душевне и телесне*»[338]. Фактически тот был обвинен в отравлении царицы и детей, а также в попытке убийства самого царя. В Москве был созван собор, который вынес заочный смертный приговор Сильвестру и его сподвижнику Адашеву, но оба избежали казни. Адашев был сослан в Дерпт, где скончался от «*огненной болезни*». В ближайшем окружении царя его смерть объявили самоубийством, будто он «*сам себе задал яд смертоносный и*

умре»[339]. Умертвить Сильвестра побоялись, тот скончался в заточении несколько лет спустя.

Через неделю после порохон царицы Анастасии был поднят вопрос о повторной женитьбе государя. Не прошло и сороковин, как сваты были направлены в Литву, Швецию и в Черкесию. Год спустя, в августе 1561 г., князь Старицкий присутствовал на венчании Ивана IV с Марией Темрюковной. Свадебные торжества проходили при закрытых дверях. Как отметил английский путешественник Дженкинсон, городовые ворота были заперты три дня, и никто «*не смел выходить из своего дома (за исключением некоторых из его приближенных) во время празднования свадьбы; причина этого распоряжения неизвестна и доселе*»[340].

Видимо, уже во время свадьбы с Марией Темрюковной были введены должности «дружек», выполнявших совершенно новые функции. Их перечень находим в свадебной росписи 1572 г. (венчание с Марфой Собакиной): часовые на лестницах во дворце, на кремлевских и городских воротах, поставленные для того, чтобы «*Государя Царя и Великого князя дворец от огня беречи и на двор не пущати ‹…› и ворота городовые пойтить запереть*»[341]. Государь, несомненно, получил известие, что в «светлице» его тетки вышита третья плащаница «Положение во гроб. Оплакивание».

Царица Мария родила сына в июне 1562 г. Мальчика окрестили Василием. Около этого года в «светлице» княгини Ефросиньи мастерицы изготовили удивительный по красоте покров на раку Василия Кесарийского (память 1 и 30 января), вклад в Соловецкий монастырь. Исследователи отмечают необычность выбора сюжета из Жития: о «*евреине Иосифе*», который, «*изяществуя в хитрости врачевательного художества»*, предсказал смертный час святому Василию, однако тот, к изумлению Иосифа, встал со смертного одра, совершил литургию и лишь после этого скончался[342].

Царевич Василий прожил меньше года, он умер 6 мая 1563 г., а в июне по доносу Саблука Иванова, дьяка князя Владимира, начался сыск по делу княгини Ефросиньи и ее сына по обвинению в злом умысле против царской семьи. Митрополит Макарий с духовенством просили простить Старицких. Князь Владимир получил прощение, но весь его двор был заменен новыми людьми по выбору государя. Его удельные права были урезаны. Царь возложил опалу на княгиню

Ефросинью: 5 августа она приняла постриг под именем Евдокии и избрала местом своего пребывания Горицкий монастырь{343}.

Старицкие потеряли многие привилегии, но сохранили жизнь, в то время как жестокие казни по приказанию царя приобретали все более угрожающий размах. Убийство князя Д. Ф. Овчины-Оболенского, совершенное царскими псарями весной 1564 г., ужаснуло ближайшее окружение государя. Митрополит Афанасий с боярами посетили Ивана IV и, грозя Божьей карой до третьего колена, увещевали его «*не свирепствовать против людей*»{344}.

Очевидно, в это же время тяжело заболел царевич Иван. Государь был вынужден снять опалу с князя Владимира и обратиться с молитвой к чудотворным веригам Никиты Столпника в совместной молитве. «*Маия в 7 день царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии ездил с Москвы в Переявлавль-Залесъской и со царицею своею великою княгинею Мариею и с сыном своим со царевичем Иваном в Никитцкой монастырь милитися к Никите Чюдотворцу и церковь камену в Никитцском монастыре во имя великомученика Христова Никиты священи; да со царем же и великим князем был князь Володимер Ондреевичь*»{345}. В последующие полгода казни утихают, а князь Владимир принимает участие в государственных делах и военных советах{346}.

По свидетельству Шлихтинга, в это время Иван IV готовился к лицедейству с отречением от престола, с пострижением в монашеский сан и передачей власти своим несовершеннолетним сыновьям: «*Он притворился, будто тяготится своим владычеством, хочет сложить государеву власть, жить в отдалении и уединении, вести жизнь святую и монашескую. Поэтому, позвав к себе знатнейших вельмож, он излагает им, что замыслил сделать, показал им двух сыновей и назвал их правителями державы*»{347}.

Опираясь на сообщение летописи о пребывании «*тогда*» на Москве представителей высшего духовенства, исследователи высказали догадку, что в конце ноября — начале декабря 1564 г. в Москве «*проходили заседания церковно-государственного собора*», на котором решался вопрос добровольного или принудительного отказа Ивана IV от престола{348}. В случае отречения неизбежно возникал вопрос о регентстве, т. к. царевичу Ивану исполнилось десять лет, а царевичу Федору — семь. При недееспособном князе

Юрии наиболее вероятной кандидатурой на роль опекуна являлся князь Владимир Старицкий. Смерть князя Юрия Васильевича, скоропостижно скончавшегося 24 ноября 1564 г., вообще не оставила выбора. В случае смерти царевичей князь Владимир становился единственным правомочным наследником престола. Еще никогда Старицкие не были так близки к царским регалиям, как в исходе осени 1564 г.

Несомненно, к началу декабря на Соборе была достигнута предварительная договоренность о добровольном отречении царя и выработана процедура передачи власти регентскому совету. Видимо, предполагалось, что акт отречения состоится не в столице, а в Александровской слободе. Предстоящие события держали в тайне, чтобы избежать народных волнений.

Отъезд Ивана IV «на богомолье» проходил, по мнению современников, крайне необычным образом. Большой поезд включал царицу и царевичей; бояр, дворян и приказных людей с семьями; детей боярских со всем служебным нарядом. Государь также повелел взять с собой всю свою казну, платье, иконы и кресты. Однако, не доезжая до Слободы, по словам Таубе и Крузе, он отослал в Москву «*многих подьячих и воевод, раздетых до нага и пешком и написал митрополиту и чинам следующее: “Он поедет туда, если Бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство, но может придти время, когда он снова потребует и возьмет его”*»[349].

Ровно месяц князь Старицкий, митрополит, архиепископы, архимандриты и бояре ожидали вестей от царя. Наконец, 3 января 1565 г. гонец привез грамоту, извещавшую об отречении Ивана IV. Вместо покаяния за жестокие казни царь указал иную причину для отречения — «*измены бояр*». По наблюдениям исследователей, дошедший до нас в летописном изложении текст грамоты содержит сведения о «*боярских крамолах*» двадцатилетней давности и не называет конкретных имен виновников, из чего сделан вывод, что «иск» государя был отредактирован при внесении в летопись[350]. Возможно, в оригинале были перечислены обвинения в адрес княгини Ефросиньи и князя Владимира в наведении «лиха» с целью извести царскую семью и захватить престол. Его подозрения подтверждало известие, что мастерицы княгини Старицкой создали четвертый покров «Положение во гроб. Оплакивание».

Видимо, обвинения в «измене» были подкреплены настолько вескими доказательствами, что те, кто еще недавно ратовал за отречение государя, испугались. В Александровскую слободу отправились челобитчики, взывавшие к царю «*гнев свой отложить*» и владеть государством по-прежнему[351]. Боярская дума и Собор выразили готовность выдать головой всех изменников, «*хто будет государские лиходеи*». Вопрос об отречении Ивана IV и о правах князя Старицкого на регентство отпал сам собой.

Царь вернулся в столицу «*в день Сретения Господня (2 февраля 1565 г. — Л.Т.) с таким извращенным и быстрым изменением своего прежнего облика, что многие не могли узнать его. Большое изменение, между прочим, внесло то, что у него не сохранилось совершенно волос на голове и в бороде, которых сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа*»[352]. Ошеломленным подданным государь объявил о введении опричнины.

Пискаревский летописец винит в разделении земли на опричнину и земщину советников царя — «*Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова*» — и говорит, что недовольные опричниной «*стали уклонятися [к] князю Володимеру Андреевичю*»[353]. Клан Юрьевых-Захарьиных-Романовых употребил немало усилий, чтобы оттеснить Старицких от царского трона. Борьба за власть носила смертельный характер и продолжалась в последующие пять лет с переменным успехом. Конец ей положила казнь княгини Старицкой, ее сына, золовки и внучки.

Синодик опальных Ивана Грозного дает сведения о 31-м изменном деле, по которым состоялись массовые казни в 1564–1575 гг. Наибольшее количество дел приходилось на 1568–1570 гг. — девятнадцать, на прочие года — по одному-два. При этом в источнике не упомянуто ни одной казни за 1566 г.[354] Этот год знаменателен также тем, что царь наконец передал князю Старицкому Дмитровский удел вместе со Звенигородом. Передача была оформлена меной. Сделка носила неравноценный характер, государева казна понесла убытки.

В январе 1566 г. Дмитровский удел перешел к князю Владимиру, практически со всеми станами и дворцовыми селами, в обмен на Старицу. В феврале он получил Боровск и некоторые села в Московском уезде, вернув царю Алексин из Дмитровского уезда. В

марте Иван IV отдал двоюродному брату, его жене «*княгине Овдотье, и его сыну, князю Василью и их детем*» Звенигородский уезд со всеми волостями, селами и доходами в обмен на небогатый город Верею с прилегающими пустошами и починками. При обмене Старицкий удел вошел в опричное ведомство, однако не позднее ноября 1566 г. в опричнину был также взят Горицкий монастырь, где находилась княгиня-инокиня Евдокия (Ефросинья) Старицкая. Вся остальная территория Белозерского уезда осталась в земщине[{355}]. Таким образом, Дмитровский и Звенигородский уделы отошли князю Владимиру, при этом земли Старицкого удела были выведены из-под его юрисдикции, но оказались в одном ведомстве с Горицким монастырем. Возможно, подобно другим князьям, взятым в опричнину, княгиня-инокиня продолжала управлять Старицким уделом.

В июле 1566 г. по «*понужению*» государя митрополичий посох принял Филипп Колычев, непримиримый противник опричных порядков и сторонник князей Старицких. Поскольку представители духовенства освобождались от крестного целования, то с митрополита была взята расписка с обещанием не вступаться «*в опричину и царской домовой обиход*»[{356}]. Напрашивается вывод, что в 1566 г. Иван IV действовал вопреки собственной воле, в угоду Старицким, под давлением обстоятельств. Такими обстоятельствами могла стать опасная болезнь царевичей.

Летопись сообщает, что в 1566 г. царь вместе с семьей оставил Кремлевский дворец и «*перевезся жити за Неглинну реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил государь на том дворе хоромы себе строити царьские и ограду учинити, все новое ставити*». Похожее переселение в новые хоромы совершилось в 1560 г., в день смерти царицы Анастасии: «*Того же месяца августа в 7 день, царь и великий князь детем своим, царевичю Ивану и царевичю Федору, повелел делати двор особый на Взрубе, позади набережные большие полаты, повеле же у царевичев на дворе храм болшой поставити Стретение Господа нашего Исуса Христа, а придел теплую церковь святого преподобного мученика Никиты Столпника, Переславского чюдотворца, ‹…› повеле же делати церкви и хоромы спешно, чтобы детем своим в том дворе устроитися ранее*»[{357}].

К 1567 г. князю Владимиру были возвращены привилегии ближайшего советника и главнокомандующего. Осенью того же года он стоял на Коломне «*с своим двором для приходу крымских людей, а со князь Володимером Ондреевичем государевы бояре и воеводы*». Возможно, его имя было вновь введено в духовную грамоту Ивана IV как душеприказчика и наследника престола в случае смерти (отречения) царя и царевичей, а также составлена новая крестоцеловальная запись, согласно которой тот обязался доносить на тех, кто задумает «*лихо*» против государя. Из сообщений Шлихтинга и Штадена известно, что в конце 1567 г. князь Старицкий выдал царю боярина И. П. Федорова и других «*заговорщиков*»[358].

Второй виток опричных казней, согласно данным Синодика, начинается с убийства дьяка Казарина Дубровского в декабре 1567 г. Жестокая расправа вызвала протест со стороны митрополита Филиппа. Государь расценил увещевания святителя как вмешательство в «опричные дела», а его обличительное выступление в Успенском соборе 22 марта 1568 г. привело к полному разрыву и вражде. В ноябре того же года состоялся церковный суд, святителя обвинили в измене и заточили в тверской Отрочь монастырь. Одновременно с процессом по делу митрополита Филиппа царь «*положил великий гнев*» на своего двоюродного брата и не позднее февраля следующего 1569 г. послал того в Нижний Новгород[359].

Около года мастерицы княгини трудились над изготовлением покрова с изображением святых Никона и Сергия Радонежских. Вкладная запись на кайме начиналась словами: «*Повелением… царя Ивана Васильевича… и при его Богом дарованных чадех Благоверном царевиче князе Иване Ивановиче (,) Благоверном царевиче Феодоре Ивановиче лета 7077 (1569/1570) го и сий покров положил…*». (Через двадцать три года конец вкладной записи был вырезан и заменен на имена царя Федора Ивановича и царицы Ирины с датой «*7100*» (1591/1592) — год зачатия и рождения царевны Феодосии: зачата в октябре 1591, родилась 29 мая 1592 г.)

Датировка вкладной записи позволяет высказать предположение, что покров был завершен между 1 сентября (начало 7077 г.) и 25 сентября (день памяти преподобного Сергия Радонежского). Шестого сентября скончалась царица Мария Темрюковна. Подозрение в злом умысле пало на Старицких. Прямых доказательств вины княгини-

иноки или ее сына в подготовке покушения на государя и членов его семьи, видимо, не нашлось, и были использованы подложные улики. Таубе и Крузе рассказывают, что один из дворцовых поваров, ездивший в Нижний Новгород за рыбой, донес, будто князь Владимир дал ему ядовитый порошок и 50 рублей и велел отравить царя[360].

В начале октября 1569 г. князь Старицкий был вызван с семьей на Боган, ему было предъявлено обвинение в попытке убийства царя и царевичей. 9 октября состоялась казнь: князь Владимир, его жена и младшая дочь приняли яд. Два дня спустя настала очередь княгини и мастериц вышивального дела: 11 октября вместе с инокой Евдокией погибли в мучениях семь монахинь Горицкого монастыря, «*которые с нею были*». Синодик Опальных называет их поименно. Два имени — Анна и Ульяна — дополнены припиской: «*немки*»[361]. Вполне вероятно, что они были родом из Англии и приписку в Синодике следует понимать как «английской земли немки».

Иван IV пощадил детей князя Владимира от первого брака — Василия, Евдокию и Марию. Старицкий, Дмитровский, Звенигородский уделы и другие меновые земли отошли в государеву казну. Однако Дмитровский удел еще один раз оказался в руках князя Старицкого — Василия.

Царь вспомнил о своем двоюродном племяннике в завещании, составленном в июле-августе 1572 г. Согласно духовной грамоте, в случае смерти государя Дмитров со всеми волостями отходил царевичу Ивану Ивановичу в составе прочих земель, а князя Василия было обещано вознаградить, «*посмотря по настоящему времяни, как будет пригоже*»[362]. Государь вознаградил князя Василия, как только была получена весть о полном поражении крымцев в сражении при Молодях, — в конце августа 1572 г. Сведения об этом дает автор Пискаревского летописца, помещая сообщение о пожаловании в конце статьи «О приходе Цареве на Молоди»: «*7080/1572, Того же году пожаловал князь великий князя Василья Володимеровича Дмитровой*»[363]. Князь Василий совсем недолго владел уделом: вскоре он был умерщвлен, и Дмитров вновь вернулся в государеву казну.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что князь Владимир Андреевич Старицкий уже в 1554 г. обладал юридически закрепленными правами регента в случае кончины Ивана IV и

наследника шапки Мономаха по смерти его детей. В 1564 г., в свете готовившегося отречения государя, скоропостижной смерти князя Юрия Васильевича и слабого здоровья царевичей Ивана и Федора, князь Старицкий имел очень высокие шансы занять трон. Однако анализ фактов дает основание предположить, что, добиваясь внесения изменений в завещание Ивана IV, Старицкие стремились получить не царские регалии, а отстоять свои права на владение Дмитровским уделом, закрепленные в завещании Василия III.

Зелье для государя

Семейный спор о земельной собственности вылился за двадцать с лишним лет в смертельное противостояние Ивана IV и княгини Старицкой. Если одна сторона использовала юридические хитрости, чтобы заставить князя Владимира отказаться от Дмитровского удела, то вторая, добиваясь передачи земель, использовала страх государя перед «Божьим наказанием». Вслед за действиями, которые ущемляли интересы Старицких, следовала болезнь самого царя, царицы или кого-то из детей, внутреннее «нестроение» в государстве и внешнеполитические осложнения. Государь был вынужден идти на поклон к двоюродному брату, после чего наступало чудесное выздоровление и решение всех проблем. В противном случае — царь хоронил жен и детей, терпел поражение на полях сражений.

Божественная природа наказания вытекала из того, что несчастья предсказывались либо лицами духовного звания — Максимом Греком, Сильвестром, либо — вкладными записями на покровах, изготовленных в «светлице» княгини Старицкой. Возможно, княгиня Ефросинья искренне верила, что Бог на ее стороне, и что ее молитва, воплощенная в слова тропаря или моления, несет болезни и несчастья врагам или дарует чадородие и успех сторонникам. На первых порах «оружие» княгини действовало безотказно, особенно в тех случаях, когда смерть ребенка в царской семье совпадала с точностью до часа с рождением ребенка у князя Владимира. Под давлением царицы Анастасии, Сильвестра или Адашева Иван IV выполнял требования княгини Старицкой.

Преследуя свою цель, княгиня Ефросинья оттеснила от царского престола других родственников государя — Глинских и Романовых. Вместе с падением Глинских, в 1550-х гг. завершилось сотрудничество Москвы с Аугсбургом. Романовы, не обладавшие большим влиянием при дворе в силу своего недавнего возвышения, были вынуждены следовать за сильнейшей партией князей Старицких и способствовать укреплению коммерческих и дипломатических связей московского правительства с Англией. Внутридворцовые интриги княгини Ефросиньи приносили очевидную выгоду правительству Елизаветы I.

Вполне возможно, английские купцы содействовали исполнению «пророчеств», поставляя в «светлицу» княгини пропитанные ядовитым составом шелковые нити и ткани.

Подозрения, что «Божий промысел» имел симптомы отравления ядом, появились у Ивана IV конце 1560-х гг. Если смерть первой жены Анастасии Романовой, наступившую 7 августа 1560 г., царь приписывал «*чародейству*»[364], то в дальнейшем его вера в «*детские страшилы*» Сильвестра сильно поколебалась. Проклятия митрополита Филлиппа, произнесенные 22 марта 1568 г. в Успенском соборе, вызвали у государя лишь злую насмешку. По приказу царя в темницу митрополита была передана отрезанная голова его племянника (или двоюродного брата), при этом было сказано: «*Вот твой сродник, не помогли ему твои чары*»[365]. Смерть царицы Марии Темрюковны (6 сентября 1569 г.) уже не оставила сомнений в преступном умысле ближайших родственников государя. Таубе и Крузе приводят слова Грозного, сказанные князю Владимиру Старицкому перед казнью 9 октября 1569 г.: «*Ты искал моей жизни и короны, ты приготовил мне яд: пей его сам*»[366].

Исследования современных криминалистов подтвердили факт отравления членов царской семьи, включая дочерей, умерших в младенчестве. Содержание в останках царя, цариц и царевен мышьяка, ртути, свинца, цинка, меди и бария в десятки и сотни раз превышает нормы[367]. Согласно мнению ученых, Иван IV и царевич Иван Иванович подвергались отравлению тяжелыми металлами на протяжении многих лет. Предпринимались попытки объяснить превышение норм содержания ртути лечением государя и царевича ртутьсодержащими препаратами от сифилиса, но версия не подтвердилась: «*Каких-либо патологических изменений ‹…› на костях обнаружено не было*»[368].

Иван IV не без оснований подозревал Старицких, однако после казни князя Владимира, княгини-инокини Евдокии, монахинь Горицкого монастыря и тех лиц, которые могли быть причислены к их сторонникам, загадочные смерти и болезни в царской семье не прекратились. Поминая в послании в Кириллов монастырь постриженного в монахи Варлаама Собакина, дядю скоропостижно скончавшейся в 1572 г. царицы Марфы, государь писал: «*Варлаамовы племянники хотели было меня и с детьми чародейством извести, но*

Бог меня от них укрыл: их злодейство объявилося…»[369]. Как видим, в начале 1570-х гг. государь вновь вернулся к версии «наведения лиха». Царь догадывался, что подвергался воздействию яда, но способ его поступления в организм оставался для Ивана IV загадкой на протяжении многих лет. Государь искал отравителей в ближайшем окружении, но, скорее всего, истинные преступники находились значительно дальше.

К XVI столетию западноевропейские ученые достигли больших успехов в изучении различных тонких ядов и в способах их применения. В Италии существовала «школа отравителей», где обучали искусству изготовления писем или других предметов, пропитанных ядом. «Учителя» передавали свой опыт в самой Италии, с выездом в третью страну или брали исполнение заказа на себя, в зависимости от этого определялась цена на услугу.

В Британской библиотеке сохранился документ следующего содержания: «*30 ноября 1574. Копия письма, обнаруженного в Брюгге неким иностранным купцом, содержащего сведения о научении искусству убийства лорда Бергли (сэра Уильяма Сесила. — Л.Т.) с помощью яда: "В связи с тем, что я писал Вашей чести по поводу научения в Италии искусству убийства Лорда-Казначея за 6000 крон: дело сдвинулось, когда в Брюссель приехал г-н Ф., и была достигнута договоренность, что 5000 крон будут выданы ему с тем, чтобы он отравил того с помощью письма или каким-либо другим способом; если кто-то другой возьмет на себя исполнение, то он приедет в Антверпен и обучит его, как это осуществить, что будет стоить 3000 крон; а в случае, если для обучения кто-то приедет к нему в Италию, то он научит такому искусству за 2000 крон. По окончании обучения ученик докажет свои знания на собаке, которую он будет содержать у себя сам с тем, чтобы не быть обманутым. По получении последних сведений было решено, что наилучший вариант тот, чтобы кто-то отправился [в Италию] и научился, а затем привел в исполнение; и предпочтение было отдано мне, поскольку думали, что у меня были крупные разногласия с Лордом-Казначеем, и что он причинил мне много неприятностей в то время, когда я подвергался незаконным преследованиям. Что бы там ни было, [наша размолвка] никогда не доходила до такой крайности. Чтобы осуществить этот замысел, они сначала должны передать деньги, но*

все зависит только от г-на Ф., кого двоих он выберет, чтобы поехать [в Италию], их имена я не могу сообщить; его помощь и совет, а также эти деньги пойдут на благое дело”»[370].

Вполне вероятно, что отравление Ивана IV, его жен и детей происходило через предметы, пропитанные ядом. Различное содержание химических веществ в останках членов царской семьи говорит в пользу того, что состав «зелий» менялся. Отрава попадала в организм различными способами: через кожный покров рук или слизистую оболочку рта. Это могли быть документы, книги или роскошные ткани, предназначавшиеся для торжественных облачений государя и государыни. «Воздухи» и покрова, изготовленные в светлице княгини Старицкой из заграничного шелка, могли содержать достаточную дозу яда, чтобы целовавшие ее царь или царица получали отравление.

Должно быть, государя страшила и казалась необъяснимой избирательность яда. Документы и книги проходили через руки дьяков и писарей, шубы и кафтаны из золотых тканей носили бояре и разносчики блюд на царских пирах, к плащаницам прикладывались священнослужители и молящиеся. Никто из царского окружения не страдал теми недугами, каким подвергался он, его жены и дети. Не доверяя никому из ближних людей, Иван IV искал исцеления у иностранных докторов.

Не имея прочных дипломатических связей с Францией, Испанией и Нидерландами, удостоверившись в вероломстве итальянских первосвященников и германских «ткачей», находясь в состоянии вражды с польским, шведским и датским королями, государь был вынужден обратиться к англичанам. Лорды Тайного совета с большим энтузиазмом откликнулись на просьбу царя прислать «доброго лекаря», ибо нет более осведомленного человека в делах главы правительства, чем его лечащий врач. Доктора, аптекари и аптечные товары доставлялись в Россию на кораблях торговцев шерстяными тканями.

Часть 4
Английские «гости»

Английская гильдия купцов-путешественников, в ведении которой находилась торговля шерстяными тканями, была образована во второй половине XIV в. Гильдия быстро потеснила торговцев необработанной шерстью и расширила географию вывоза английских товаров. К концу столетия купцы-путешественники прочно завоевали рынки Норвегии, Испании, Пруссии и Нидерландов. Уже в 1391 г. представительство гильдии в Пруссии получило статус дипломатической неприкосновенности. Такие же привилегии купцы-путешественники получили в 1408 г. в Норвегии, Швеции и Германии.

На протяжении длительного времени историки не могли найти следов деятельности гильдии на раннем этапе ее существования в самой Англии. Загадка разрешилась, когда выяснилось, что гильдия торговцев шерстяным сукном представляла собой двойник гильдии торговцев шелковыми тканями. Головные конторы обеих компаний находились в одном здании, финансами ведал один казначей. Бухгалтерская отчетность подшивалась в одну общую книгу, которая хранилась в деревянном ларце, принадлежавшем компании торговцев шелком. Святым патроном обеих гильдий являлся св. Томас Бекет, в честь которого строились церкви в Брюгге, в Миддлбурге и в Лондоне.

В настоящее время в распоряжении исследователей находится около 400 отдельных документов, которые охватывают финансовую деятельность гильдий-близнецов с начала основания до 1526 г. Однако с 1464 г. и до конца XV столетия имеется значительная лакуна, документы за этот период полностью утрачены. Но и сохранившиеся документы, к немалому смущению исследователей, не являются подлинниками. Все они были аккуратно переписаны с оригиналов и собраны в один том в первой половине XVI столетия. Как считают ученые, многие бумаги сгорели во время пожара 1666 г.[371]

Дошедшие до нашего времени документы позволяют составить представление о деятельности лондонской гильдии купцов-путешественников. Она объединяла торговцев шелком, драпировочными тканями, галантерейным товаром, кожевников, а

также торговцев рыбой, скобяными изделиями и портных. Позднее к гильдии присоединились купцы, торговавшие бакалейным товаром. Торговцы шелком занимали лидирующее положение, из их числа выбирались губернаторы компании. При образовании дополнительных фондов для финансирования каких-либо проектов на их долю приходилась половина необходимой суммы. Гильдия имела собственный флот для доставки товаров в другие страны.

Генрих VII, первый представитель династии Тюдоров, при вступлении на престол в 1485 г. пожаловал купцов-путешественников особыми привилегиями. Согласно королевскому патенту, два выборных представителя компании осуществляли контроль за деятельностью мэра Лондона. С этого момента гильдия приобрела черты сложного с административной точки зрения организма, наделенного широкими полномочиями, в ведении которого находились вопросы международной торговли Англии. Купцы-путешественники брали на себя часть дипломатических функций, вели переговры от имени короля, выполняли деликатные миссии в переговорах о заключении династических браков.

Гильдия купцов-путешественников не только экспортировала английские товары, но также контролировала закупки сырья, необходимого для компаний-участниц: квасцы для протравки шерстяных тканей и выделки кож, соль для засолки рыбы и мяса, железо и медь для производства скобяных изделий. В то же время импортное сырье с успехом использовалось в военных целях: квасцы и натриевая селитра — для производства калийной селитры, железо и медь — для отливки артиллерийских снарядов и пушек. Производство артиллерии, пороха и снарядов находилось в руках представителей гильдии. Одна часть продукции шла на экипировку конвойных кораблей, сопровождавших купцов, остальное шло на экспорт.

Помимо вооруженной охраны гильдия купцов-путешественников располагала сетью шпионов, которые при необходимости оказывали услуги правительству. В 1491 г. купцы обратились к Генриху VII с просьбой предоставить для усиления конвоя корабли королевского флота, т. к. собственных сил было недостаточно. Король настоятельно порекомендовал руководству гильдии, прежде чем посылать товары за море, отправить шпиона на континент, чтобы на месте определить численность армии и флота эрцгерцога Филиппа. Выполняя пожелание

короля, из лондонской конторы была отправлена депеша к торговцам шелком в Брюгге. Через 11 дней в Лондон вернулся ответ. Отчет о численности армии противника был зачитан на заседании руководства гильдии, а затем передан в правительство. Учитывая военную угрозу, Генрих VII предоставил в распоряжение купцов-путешественников семь военных кораблей в дополнение к четырем вооруженным судам, которыми располагала гильдия. Снабжение королевских кораблей продуктами питания, такелажем и амуницией производилось за счет гильдии. В дальнейшем торговцы тканями не раз использовали суда королевского флота для сопровождения коммерческих караванов на взаимовыгодных условиях[372].

В 1518 г. руководство гильдии купцов-путешественников произвело реорганизацию и приняло решение хранить казну и финансовые документы в отдельном железном ларце с тремя замками, ключи от которых находились у представителей трех наиболее важных членов корпорации: торговцев шелком, драпировочными тканями и бакалейным товаром. Компании, входившие в состав гильдии, имели исключительное право выбирать мэра Лондона из числа своих членов. Многие богатые и уважаемые купцы гильдии являлись представителями палаты общин или входили в состав Тайного королевского совета. Гильдия купцов-путешественников представляла собой симбиоз правительственной и коммерческой структур. К обоюдной выгоде, торговля и политика были тесно связаны между собой. Особенно ярко это проявлялось в организации и финансировании морских экспедиций в различные части света. Одним из самых выгодных совместных предприятий английского правительства и гильдии купцов-путешественников стал проект освоения маршрута в Китай через северные моря. Основная роль в осуществлении проекта отводилась Себастьяну Каботу.

Проект Себастьяна Кабота

Себастьян Кабот — один из выдающихся путешественников XVI в. — прожил долгую жизнь, полную приключений. Неугомонный скиталец, он попеременно служил то итальянцам, то англичанам, то испанцам, то вновь англичанам, и в то же время тайно предлагал свои услуги венецианским дожам. Впрочем, как отмечают биографы, Кабот «*легко изменял правде, если это могло принести ему выгоду*»[373].

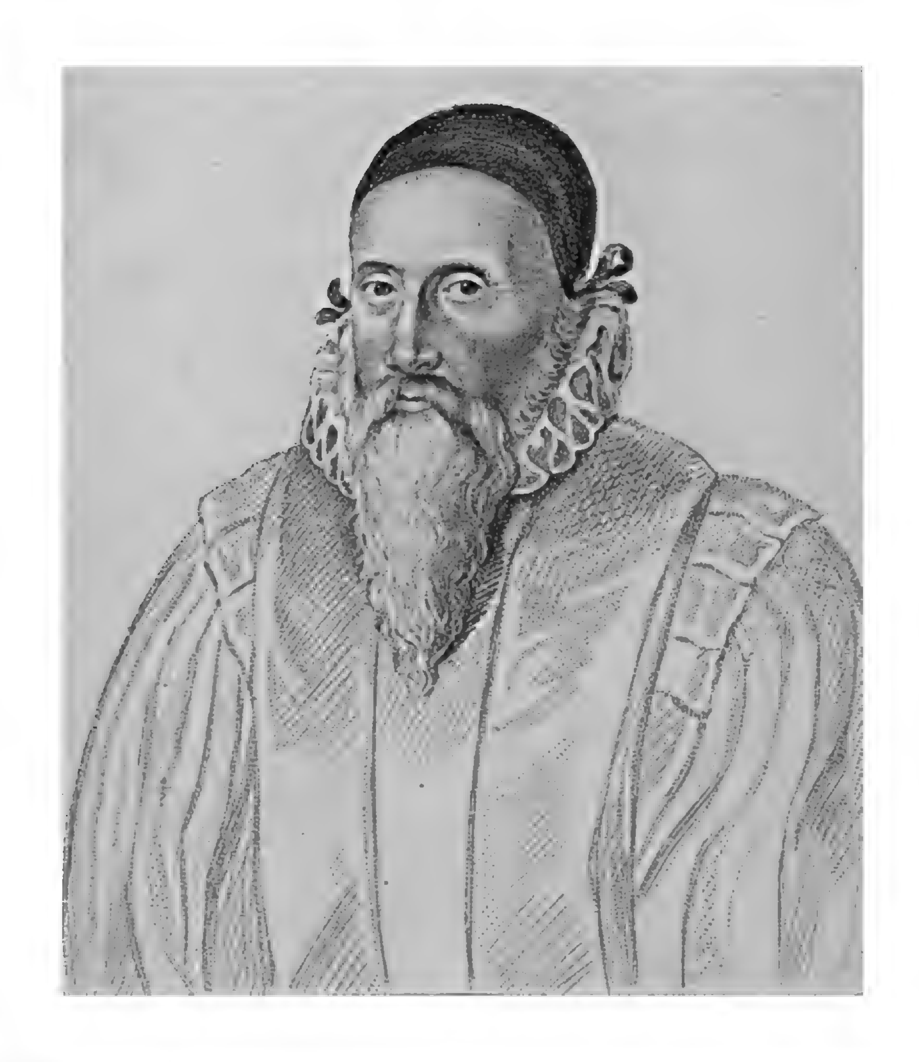
Несмотря на обилие сохранившихся документов и усилия исследователей, биография Себастьяна Кабота содержит немало темных пятен. Все еще остается под вопросом национальность путешественника: итальянец или англичанин? Себастьян Кабот был младшим из трех сыновей генуэзского мореплавателя Джона Кабота. Согласно источникам, его родители находились в Венеции, когда на свет появился маленький Себастьян. В то же время король Генрих VIII называл его своим подданным, да и сам путешественник утверждал, что родился в Бристоле. Возможно, Себастьян Кабот являлся приемным ребенком и уже в зрелом возрасте получил документ, удостоверявший его английские корни. Если наше предположение соответствует действительности, то как подданный Короны Себастьян Кабот действовал на благо Англии, независимо от того, при дворе какого короля он служил?

На протяжении всей своей долгой жизни Кабот не оставлял мечты совершить морское путешествие в Китай. В 1526 г., находясь на службе испанского короля, он возглавил экспедицию, которая отправилась из Севильи на поиски сказочных богатств «Офира и Катая» по следам Магеллана. Экспедиция сбилась с курса и оказалась у берегов Индонезии. Вторую попытку найти Китай северо-западным путем Себастьян Кабот предпринял в 1541 г., но его условия не были приняты английским правительством. И, наконец, в 1547 г. его предложение получило поддержку в Лондоне. Было решено проложить дорогу в страну Великого хана, двигаясь в северо-восточном направлении мимо берегов Московии, а затем по рекам доплыть до города Кумбалика — столицы «Катая» (Китая). Английское правительство энергично взялось за дело. В 1548 г. Себастьян Кабот

тайно вернулся в Англию, а в следующем году совместно с молодым и талантливым картографом Климентом Адамсом он выпустил в свет второе издание своей «Карты мира», уделив большое внимание Северному полушарию.

Однако не только северные моря на географической карте Кабота привлекли внимание лордов Тайного совета. С таким же интересом они изучали побережье Западной Африки, откуда португальцы и французы вывозили специи, золото и слоновую кость. С 1550 г. в Лондоне под руководством Себастьяна Кабота одновременно готовились две экспедиции: одна на северо-восток, другая на юго-запад, первая — в Китай, вторая — в Гвинею и Бенин.

В конце июня 1550 г. король пожаловал Себастьяну Каботу денежное вознаграждение в размере 200 фунтов. В помощь ему был освобожден из тюрьмы опытный французский мореплаватель и знаток южных морей Жан Рибо. Власти арестовали Рибо во время его визита в Англию, вменив ему в вину попытку похитить корабли британского флота с тем, чтобы использовать их в колониальных экспедициях Франции. Разрабатывая маршрут в Бенин, Рибо все еще числился узником Тауэра. К работе над проектом были привлечены талантливые английские математики Ричард Иден и Томас Даггес. Историки считают, что выдающийся астроном Джон Ди также оказывал содействие в разработке обоих маршрутов[374].



Джон Ди. Со старинной гравюры

Подготовка экспедиции в Китай велась в атмосфере секретности, но сохранить тайну не удалось. Австрийский посол писал 24 июня 1550 г. в Вену вдовствующей королеве о противоречивых слухах, наводнивших Лондон: одни говорили, будто Англия отправляет два корабля на Восток, другие — что готовятся военные операции против Шотландии или Франции, третьи сообщали о подготовке экспедиции на северные острова в поисках золота[375]. Себастьян Кабот и его коллеги справились с поставленной задачей ровно за один год. В конце июня 1551 г. король пожаловал ему еще одно вознаграждение в размере 200 фунтов[376]. Осенью в Европе получили сообщение, что подготовка экспедиции в Китай приостановлена, так как у английского правительства возникли проблемы финансового характера. Королевская казна смогла выделить средства лишь на экспедицию в

Бенин[377]. Тем не менее агличане не отказались от второй части плана. Расходы на путешествие в Китай взяли на себя «*некоторые почтенные граждане Лондона*» — члены торговой гильдии купцов-путешественников, почетным президетном которой 18 декабря 1551 г. стал Себастьян Кабот[378].

Круг посвященных в тайну подготовки экспедиции еще больше расширился, когда двести сорок купцов-пайщиков вложили по 25 фунтов в заманчивое предприятие. В Лондоне на собранный капитал в 6000 фунтов были куплены, перестроены и полностью снаряжены три судна — «Благая Надежда» (120 т), «Эдуард — Благое Предприятие» (160 т) и «Доброе Доверие» (90 т). Прослышав о найме в команду, «*очень многие (в числе их были и совсем неопытные люди) предлагали свои услуги*».

Столь же тщательно готовилось путешествие к берегам Западной Африки. В доках Портсмута корабельные мастера переоснастили три судна, принадлежавшие королевскому морскому флоту[379]. Из донесения испанского посла видно, что уже в декабре 1552 г. стало известно, что экспедицию в Бенин возглавит вице-адмирал Англии Томас Виндхэм — опытный моряк, не раз ходивший в Тунис, Марокко и Санта-Круз[380]. Известный португальский мореплаватель Антонио Пинтеадо, прославившийся дерзкими налетами на французские корабли у берегов Бразилии и Гвинеи, получил приглашение принять участие в путешестии в качестве главного кормчего.

На фоне послужных списков Томаса Виндхэма и Антонио Пинтеадо крайне бледно выглядят кандидатуры командира и главного кормчего экспедиции в Китай. Должность адмирала получил сэр Хью Уиллоуби, который не имел ни малейшего опыта в морском деле. Выбор купцов-путешественников пал на него «*как вследствие его представительной наружности (он был высокого роста), так и его замечательного искусства в делах военных*»[381].

Сэр Хью Уиллоуби принадлежал к одной из ветвей старинного рода, владевшего поместьем Воллатон в графстве Ноттингемшир. Благодаря ряду выгодных браков Уиллоуби удалось присоединить к своей собственности значительные земли в прилежащих графствах, а также породниться с влиятельнейшими фамилиями королевства. Отец Хью Уиллоуби, сэр Генри, был женат четыре раза и произвел на свет в общей сложности восемь детей. Хью родился от третьей жены.

Старший сводный брат Хью Уиллоуби, Джон, женился на Анне, происходившей из аристократического рода Греев, но не имел наследников. Средний сводный брат, Эдуард, был женат на Анне Филол, наследнице обширных земель. Ее сестра вышла замуж за сэра Эдуарда Сеймура, лорда-протектора юного короля Эдуарда VI. Хью Уиллоуби не удалось сделать такой же блестящей партии, как сводным братьям. Его женой стала Джейн Стрелли[382]. Земли ее отца граничили с поместьем Воллатон.

С молодых лет Хью доставлял братьям одно беспокойство. Гуляка, игрок и мот, около 1540 г. он оказался на грани разорения. В своем письме к брату Джону он умолял выручить его, оплатив долги: «*И я молю вас не лишать меня вашего расположения из-за моей глупости, когда я превысил свои возможности, так как без вашей доброй помощи я разорюсь дотла». При годовом доходе в 136 фунтов с поместий в четырех графствах и одного дома в Лондоне долги Хью Уиллоуби составили 200 фунтов 22 шилинга. Он задолжал не только братьям, друзьям и знакомым, но и слугам. В письме указаны имена кредиторов и суммы долга каждому из них, подсчитанные до пенни. Из семнадцати пунктов лишь один упоминает расходы на жену: 20 шилингов ее лондонскому портному. При этом своему портному, башмачнику и шляпнику Уиллоуби задолжал 9 фунтов 6 шилингов 8 пенсов. Чтобы расплатиться с кредиторами, Хью Уиллоуби передал все свои земли и доходы в руки старшего брата и просил оставить ему годовое содержание в размере 10 фунтов, а на проживание жены и детей выделять 20 фунтов в год. Предполагалось, что Джейн переедет в дом кузена на время, пока долги не будут выплачены*[383].

Для того чтобы расплатиться с кредиторами, Хью Уиллоуби был вынужден экономить буквально на всем. Не исключено, что со временем его бережливость приобрела патологический характер, а желание разбогатеть — черты навязчивой идеи. При этом Хью Уиллоуби не оставил своих пагубных наклонностей, считая игру в кости или карты самым быстрым и верным способом вернуть утраченное богатство. Возможно, его необузданный характер стал причиной преступления, т. к. в скором времени ему пришлось сменить праздную жизнь денди на суровые будни солдата.

Около 1543 г. Хью Уиллоуби поступил на военную службу в королевскую гильдию лучников-артиллеристов. Элитное

подразделение было образовано в 1537 г. по распоряжению Генриха VIII для поддержания порядка в Лондоне, пресечения мародерства в завоеванных городах и выполнения некоторых деликатных заданий на континенте. Особый статус гильдии определялся тем, что солдаты набирались из младших отпрысков аристократических семей. На эмблеме подразделения изображена рука, потрясающая копьем. Гильдия имела штабквартиру в Антверпене и финансировалась из государственной казны. Лучники-артиллеристы имели ряд привилегий, в том числе — собственную форму. Мундир состоял из куртки и панталон до колен, с чулками, его дополняла высокая шляпа с высокой тульей и небольшими круглыми полями. Солдатам предписывалось носить шелк, бархат, меха и кружева. В качестве знака отличия использовались нагрудная серебряная бляха и золотая цепь на шее. Сохранился портрет Хью Уиллоуби в мундире гильдии.

Весной 1544 г. лучники-артиллеристы принимали участие в военной кампании против Шотландии, получившей название «Наглое сватовство». Предлогом для вторжения англичан на территорию сопредельной страны послужило намерение Генриха VIII добиться обручения своего шестилетнего сына с шотландской королевой, которой в то время было всего два года. Отправляя войска, король отдал приказ уничтожить Эдинбург и все прилежащие города, без пощады предавая смерти мужчин, женщин и детей. Это была молниеносная и успешная операция. Первого мая войска высадились на побережье Шотландии, а 16 мая солдаты уже вернулись в казармы. Эдинбург был взят за два дня, сожжен, разрушен и отдан солдатам на разграбление{384}.

Поддерживая порядок на завоеванной шотландской территории, Хью Уиллоуби проявил героизм и 11 мая был посвящен в рыцари, получив право присоединить к гербу изображение дракона{385}. Одновременно с ним удостоился той же чести Ричард Ли — инженер-подрывник, специалист по фортификационным сооружениям. Его таланты во многом способствовали блистательной победе англичан. Под руководством Ли солдаты заложили взрывчатку под крепостные стены Эдинбурга и аббатства Холируд. От города и монастыря остались одни руины.

Солдаты разграбили сокровища аббатства Холируд, в том числе им достались два очень весомых трофея: медная купель и подставка для Библии, так называемый «пюпитр епископа Данкелдского». Пюпитр представлял собой массивную кафедру, отлитую из меди в виде орла с распростертыми крыльями, высотой 1,6 м и весом более 150 кг. Он являлся предметом особого почитания монахов. Медные купель и пюпитр вывез в Англию Ричард Ли. Помимо рыцарского звания король пожаловал ему обширые земли, конфискованные у аббатства Св. Альбана в графстве Хэртфордшир. Ричард Ли подарил медные купель и пюпитр двум действующим церквям упраздненного аббатства и получил благословение на демонтаж монастырских стен. Камни из старинной кладки инженер употребил на строительство роскошного дворца в своем новом поместье[{386}].

Если сэр Хью Уиллоуби и получил денежное вознаграждение за отвагу и доблесть, проявленные при взятии Эдинбурга, то вскоре спустил все до последнего гроша. Недвижимость, временно переданная сводному брату, осталась в собственности Джона. А после его смерти, последовавшей в 1549 г., перешла вместе с поместьем Воллатон к племяннику. Родственники богатели за счет добычи угля на обширных земельных владениях, а сэр Хью терпел новые удары судьбы.

Осенью 1549 г. сэр Хью нес службу на шотландской границе в должности капитана. В последних числах октября в расположение гарнизона прибыла представительная комиссия из Лондона с предписанием провести финансовую проверку полковой казны, состояние провианта и амуниции на складах, находившихся под началом Уиллоуби. Комиссии предписывалось также разобраться с жалобами по поводу превышения власти, физического насилия и издевательств среди офицеров и солдат подразделения. В случае если сэр Хью подаст в отставку, была предусмотрена другая кандидатура на вакантную должность коменданта крепости[{387}].

Результаты инспекции неизвестны, но сэр Хью Уиллоуби подал в отставку и принял решение отправиться в какую-нибудь заморскую страну. Возможно, именно в это трудное время судьба свела его с картографом Климентом Адамсом, который был послан для составления карты береговой линии Шотландии по заданию Себастьяна Кабота. Успешно справившись с работой, Адамс получил

вознаграждение 29 декабря 1550 г. в размере 5 фунтов[388]. Около этого времени сэр Хью подал прошение королю и вскоре получил «*разрешение отправиться в заморские страны в сопровождении четырех слуг, с денежной суммой в 40 фунтов и с его собственной (золотой) цепью*»[389].

Выбирая между экспедициями в Бенин и Китай, сэр Хью предпочел отправиться в наиболее опасное путешествие, через «*ужасно холодные страны*». Не будет большой натяжкой предположить, что свое решение он принял в тот момент, когда узнал о существовании Золотого идола и увидел его изображение на карте в книге Герберштейна «Записки о Московии», опубликованной в 1549 г.

Карта России из латинского издания «Записок о Московии» С. Герберштейна

На карте Герберштейна «золотая баба» (SLATA BABA) изображена на левом берегу Обской губы — «*идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (Obdora), на том (ulterior, jenig) берегу. Рассказывают, что этот идол Золотой Бабы есть статуя,*

представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребенок, который, говорят, ее внук. Кроме того, уверяют, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного. Если это так, то, по моему мнению, ветры сильно и постоянно дуют в эти инструменты»[390].

Сведения о легендарной Золотой бабе можно найти в русских документах. Софийская Первая летопись, сообщая под 6904 (1396) г. о кончине просветителя зырян Стефана Пермского, свидетельствовала: «*…се бе блаженый епископ Степан, божий человек, живяше посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящеся идолом, огню и въде и каменю, и золотой бабе и кудесником и вълъхвом, и древью…*»[391]. Идол упоминался в новгородской повести XV в «О человецах незнаемых в полунощных странах», содержавшей сведения о северных людях, которые одеваются в звериные шкуры, ездят на оленях и поклоняются дереву, камню и Золотой бабе. За пределами Руси сведения о Золотом идоле впервые появились в трактате Матвея Меховского, изданного в 1517 г. в Кракове на латыни: «*Знай, в пятых, что за областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, золотая баба (Zlota baba), что в переводе значит золотая старуха*»[392].

Звание адмирала сэру Хью Уиллоуби было присвоено не позднее февраля 1553 г. Как полагают, такая дата указана на грамоте Эдуарда VI ко всем владетелям стран, к которым случится пристать английским кораблям. Документ датирован с помощью трудно объяснимого сочетания христианского и мусульманского календарей: «*Писано в Лондоне, столице нашего королевства, в год от Сотворения Мира 5515, месяца Иара, в четырнадцатый день, в седьмой год нашего правления*». Месяц назван «Iair», что, по мнению Гаклюйта, являлось искаженным «Mair» — «февраль» по сарацинскому календарю.

Сэр Хью получил высокий пост в те дни, когда здоровье Эдуарда VI серьезно пошатнулось, и встал вопрос о претенденте на престол. Помимо дочери Генриха VIII Марии Тюдор большие шансы на успех имела леди Джейн Грей — внучка младшей сестры Генриха VIII. Сэр Уиллоуби состоял пусть и в отдаленном, но родстве с леди Джейн Грей через жену сводного брата. Возможно, семейные

связи послужили не последним аргументом при назначении его командующим экспедиции.

Подобно сэру Хью, кандидатура главного кормчего Ричарда Ченслера получила одобрение со стороны купцов-путешественников благодаря протекции. Ричард Ченслер «*был выдвинут неким господином Генри Сиднеем, благородным молодым дворянином, очень близким к королю Эдуарду*». Купцы-путешественники возлагали большие надежды на Ченслера, т. к. он пользовался «*большим уважением за свой ум*»[393]. Сэр Генри Сидней, выступая перед собранием пайщиков, говорил: «*Вы знаете этого человека (Ричарда Ченслера. — Л.Т.) со слов других, я — по опыту; вы — по его словам, я — по его делам; вы — на основании речей в обществе, я же, ежедневно наблюдая его жизнь, знаю его в совершенстве. Вы должны помнить, на какие опасности он идет для вас и из любви к родине; поэтому необходимо, чтобы его не забыли, если богу будет угодно послать ему успех*».

Ричард Ченслер был хорошо известен в ближайшем окружении юного короля, среди членов правительства и купеческой элиты. О Ченслере с уважением отзывались выдающиеся математики Джон Ди и Томас Даггес. Однако историкам о нем практически ничего не известно. Авторы исторических исследований вынуждены признать, что не располагают какими-либо сведениями о Ричарде Ченслере или его предках. Сама фамилия крайне редко встречается и в английских генеалогических справочниках отсутствует.

Скудные крупицы информации биографического характера содержатся в собственном отчете Ченслера о путешествии в Россию, а также в записке его коллеги — картографа Климента Адамса, составленной со слов самого путешественника. Из документов видно, что жена Ченслера умерла и, отправляясь в путешествие, он оставлял на берегу двух несовершеннолетних мальчиков-сирот. Кроме того, известно, что ему приходился дядей некий Кристофер Фротсингэм.

Несомненно, господин Фротсингэм играл важную роль в жизни Ченслера, так как позднее путешественник адресовал сведения о результатах экспедиции в Московию не королеве Марии, не Себастьяну Каботе или сэру Генри Сиднею, и даже не купцам-путешественникам, как следовало бы ожидать, а ему: «*Весьма достопочтенному и моему единственному дяде Господину*

Кристоферу Фротсингэму отдайте это. Сэр, прочтите и будьте корректором, ибо велики дефекты».

За что же Ченслер так высоко ценил «дядю Кристофера»? Род Фротсингэмов известен с середины XIII века. Фротсингэмы владели обширным поместьем в Йорке, но в политической жизни страны не играли какой-либо заметной роли. Судя по тому, что фамилии дяди и племянника разные, первый являлся родственником Ченслера по материнской линии. Действительно, у Кристофера Фротсингэма имелись две родные сестры — Кетрин и Елизабет, но они умерли незамужними. Двоюродная сестра Кристофера, Джоан, вышла замуж за Роберта Констебля 2 мая 1542 г. Любопытно, что Кристофер Фротсингэм также сочетался браком 2 мая 1542 г. с другой представительницей фамилии Констеблей — Элизабет. Из генеалогических таблиц видно, что линии Фротсингемов и Констеблей неоднократно пересекались[394].

«Дядя Кристофер» вел тихую жизнь провинциального помещика, о России имел смутное представление, поэтому не вполне ясно, из каких соображений исходил Ченслер, предлагая ему внести коррективы в отчет о путешествии в Московию. Возможно, поправка касалась не самого отчета, а фамилии «племянника».

Констебль — весьма распространенная английская фамилия, которую носили не только аристократы, но и представители других сословий. Вместе с тем слово «констебль» (constable) означает должностное лицо, которое следит за порядком в общественных местах. «Ченслер» (chancellor) также является названием должности: «канцлер, начальник, председатель». «Master Constable» или «Master Chancellor» звучало бы одинаково и в качестве обращения по должности, и в качестве обращения по имени.

Учитывая этимологию фамилий, следует обратить внимание на следующие слова сэра Генри Сиднея в адрес Ченслера, произнесенные на собрании купцов: «*Мы будем жить и отдыхать у себя дома, спокойно проводя время с друзьями и знакомыми, а он (Ченслер. — Л.Т.) в то самое время будет нести тяжелый труд, **поддерживая порядок и послушание среди невежественных смутьянов моряков** (выделено мной. — Л.Т.)»*.

Ричарду Ченслеру — начальнику экспедиции — предстояло исполнять во время путешествия обязанности констебля. Не

указывает ли игра слов на то, что функции стража порядка и главного кормчего были возложены на человека по фамилии Констебль? Возможно, именно потому, что «ченслер» — это не фамилия, а название должности, историки не могут найти информацию о биографии персоны, хорошо известной в лондонских научных, деловых и придворных кругах. Главный участник экспедиции отправлялся в путешествие инкогнито.

Рискнем предположить, что атмосфера таинственности вокруг имени главного кормчего была связана с событиями, которые происходили в королевском дворце. Весной 1553 г., когда стало ясно, что королю осталось жить недолго, вокруг постели умирающего юноши развернулась борьба за корону. Первые слухи о двойнике Эдуарда VI появились еще при его жизни, ровно через две недели после того, как больной король подписал завещание (15 июня 1553 г.). Уважаемый житель Лондона, принадлежавший к гильдии торговцев готовым платьем, Генри Мачин записал в своем дневнике: «*В 30 день июня [1553] у позорного столба был поставлен юноша, с железным ошейником, прикованный цепью к столбу, и два человека с розгами секли его за то, что он называл себя королем*»[395].

Памятный камень в честь высадки Р. Ченслора у российских берегов

Эдуард VI скончался на руках своего друга и наставника сэра Генри Сиднея в ночь с 6 на 7 июля 1553 г., после того как «*дважды произнес предсмертную молитву собственного сочинения*». Сутки новость держали в секрете. Лишь 8 июля в Лондоне узнали о смерти короля и о содержании его завещания, согласно которому корона переходила к леди Джейн Грей. «Королева девяти дней», леди Джейн была низвергнута 19 июля. Парламент признал завещание покойного короля недействительным и объявил законной наследницей престола старшую дочь Генриха VIII — Марию Тюдор.

Парадный портрет Эдуарда VI. Картина XVI в.

Шесть месяцев спустя в Лондоне поползли слухи, что Эдуард VI жив. Правительство предприняло ряд мер по пресечению сплетен, были арестованы несколько человек, уличенных в распросранении слухов. Ими оказались купцы из гильдии торговцев шелком. Ни один из них не подвергся наказанию. Год спустя слухи возродились. Более того, в Лондоне объявился некий молодой человек, который называл себя королем. Он был схвачен и допрошен. Как оказалось, самозванец носил имя «*Эдуард Фезерстон, по прозвищу Вильям Констебль*»[396]. Власти поспешили замять дело, отправив юношу в приют для умалишенных, т. к. фамилия Фезерстон была хорошо известна при дворе королевы Марии Тюдор. Такое имя носил наставник королевы и духовник ее матери, Катерины Арагонской. Пресвитер Фезерстон был казнен в 1540 г. за то, что выступал против развода Генриха VIII с Катериной Арагонской.

История с двойником Эдуарда VI все еще представляет немалую загадку для историков. Что означали слова сэра Генри Сиднея о двух предсмертных молитвах больного короля? Скончался ли монарх в ночь с 6 на 7 июля, или смерть наступила раньше, до того как была согласована кандидатура наследницы престола, и заговорщики приняли решение подменить мертвого мальчика живым? Чья подпись стояла под завещанием — короля или самозванца? Почему лже-Эдуард носил два имени? Случайно ли прозвище — Вильям Констебль? Кто стоял за его спиной — партия леди Джейн Грей, Мария Тюдор или некое третье лицо?

Неясно, имел ли главный кормчий какое-либо отношение к истории с двойником короля, но сообщение сэра Генри Сиднея, ни на минуту не покидавшего комнату больного Эдуарда VI, что он ежедневно находился в обществе Ченслера, позволяет предположить, что последний принимал участие в дворцовой интриге. Такая гипотеза требует дополнительного изучения и привлечения документов из английских архивов. Тем не менее она объясняет ту обстановку секретности, в которой проходила подготовка экспедиции на север, а также таинственность, которая окружала личность «племянника» достопочтенного Кристофера Фротсингэма. Скорее всего, сэр Хью Уиллоуби также был посвящен в тайну заговора, и ему отводилась особая роль: выход судов экспедиции был запланирован на 20 мая — день, когда решался вопрос о коронации леди Джейн Грей и ее

бракосочетания с Гилфордом Дадли, сыном герцога Нортамберлендского. Возможно, в случае провала для нее готовилось бегство в Россию.

Купцы-путешественники уделяли особое внимание не только подбору командиров, но и оснащению судов, отправлявшихся на север. На собранные пайщиками средства были куплены три судна, «*которые в значительной мере были вновь перестроены и отделаны*». Кораблестроители обновили деревянную обшивку, проконопатили их и осмолили. Помимо этого, было внесено новшество: «*Они (кораблестроители. — Л.Т.) узнали, что в некоторых местах в океане водятся черви, которые проникают в самый крепкий дуб и проедают его и, чтобы предохранить моряков и остальных участников путешествия от такой опасности, они покрыли часть киля тонким свинцовым листом*».

Корабельные черви доставляли немало неприятностей морякам в южных морях. Древние мореплаватели использовали различного вида пропитку для древесины, а в 1514 г. испанцы впервые применили для защиты судов обшивку бортов металлом. Имевшие немалый опыт путешествий в теплых водах Себастьян Кабот, Томас Виндхэм и Антонио Пинтеадо не позаботились о защите судов, отправлявшихся в Бенин. Обшивка единственного вернувшегося из экспедиции в южные моря корабля «Примроуз» была настолько повреждена корабельными червями, что казне пришлось его продать за бесценок[397].

Ченслер сообщает о покрытии свинцовыми пластинами бортов лишь одного судна. Скорее всего, свинцовая обшивка была установлена на адмиральском корабле по настоянию сэра Хью Уиллоуби. Корабельные мастера располагали верными сведениями — маршрут экспедиции в Китай пролегал через район, где обитали древоточцы.

В русских источниках наиболее раннее упоминание о червях содержится в житии св. Варлаама Керетского (конец XVI — начало XVII вв.): «*Доиде прежереченнаго места Святаго Носа, ту бе, глаголют, прежде того непроходну месту тому быти ради множеств червей морских, иже творяху многи пакости над лодиями мореходцем. Еще бо и он без вреда пребываше от них, но восхоте и протчим человеком путь без вреда сотворити. Став на молитву и руце воздев на небо услышан бысть. И абие черви без вести сотворишася и путь*

мореходцем около Святаго Носа сотворил даже и до ныне»[398]. Исследователи придерживаются мнения, что в середине XVI в. климат в районе Кольского полуострова был более мягким, и воды Гольфстрима — более теплыми.

Опасение Уиллоуби червей-древоточцев до такой степени, что подводную часть адмиральского корабля пришлось обшивать металлом, добавляет еще один штрих к его портрету: в медицине боязнь червей носит название «сколецифобия». Поразительно, но из всех желавших принять участие в путешествии лондонские купцы остановили свой выбор на кандидатуре сэра Хью, который не только не имел опыта в морском деле, но к тому же отличался вспыльчивым характером и склонностью к патологической бережливости. При этом алчность и желание обогатиться перевешивали его болезненную боязнь червей. В отличие от Ченслера, Уиллоуби не пользовался уважением за свой ум. Основным критерием выбора адмирала стали его физическая сила и выработанная годами службы привычка беспрекословно подчиняться приказам. Выбор «*почтенных и мудрых*» купцов выглядит либо полным безрассудством, либо тонким расчетом.

Дорога в Кумбалик

Девятого мая 1553 г. Себастьян Кабот поставил свою подпись под текстом «*Устава, инструкций и постановлений для руководства предположенным путешествием в Катай…*»[399], которые регламентировали действия участников экспедиции. Исследователи полагают, что инструкция Себастьяна Кабота составлена «*по-детски*», крайне несерьезно, что она не отвечает важному назначению руководства в путешествии, полном опасностей[400]. Однако при более тщательном сопоставлении инструкции и судового журнала видно, что все наставления, даже самого курьезного содержания, нашли практическое применение.

Инструкция, несомненно, была составлена с учетом психологических особенностей сэра Хью Уиллоуби. Так, пункт 12 требовал искоренять на корабле игру «*в кости, карты и иные дьявольские игры, от которых происходит не только разорение игроков, но споры, раздоры, ссоры и драки и часто даже убийства, ведущие к последней погибели обеих сторон и навлекающие справедливый гнев Божий и меч его возмездия*».

Семь пунктов из тридцати трех содержат прямое указание на строгие ограничения в использовании провианта, одежды, боеприпасов, пороха, карт и навигационных инструментов. Их надлежало держать под замком и выдавать только в случае крайней необходимости. Остальные пункты составлены таким образом, чтобы во время путешествия товары «*не показывались*», «*не доставались*», «*не выдавались*», «*не продавались*», «*не менялись*» без разрешения по меньшей мере четырех главных лиц, чтобы все корабли и личный состав «*находились вместе*»; предписывалась полная подотчетность и строгая охрана собственности компании. Третий пункт предписывал, чтобы инструкция зачитывалась один раз в неделю «*с тою целью, чтоб каждый лучше помнил свою клятву, совесть, долг и обязанности*». Себастьян Кабот и его советники могли быть уверены, что адмирал будет следовать предписанию с точностью до буквы.

Десятого мая эскадра из трех кораблей вышла из дока Рэтклиф и остановилась в примыкавшем к нему доке Детфорд. На следующий

день суда покинули Детфорд и торжественно проследовали мимо королевского дворца в Гринвиче. Король был в столь тяжелом состоянии, что не смог наблюдать это зрелище. Флот красиво отсалютовал орудийными залпами членам Тайного совета, придворным и зевакам, сделал соответствующий маневр и… вернулся в док Блэквол, примыкавший к доку Детфорд[401].

Заминка с отправлением была вызвана тем, что маршрут экспедиции все еще не был согласован в правительстве. Испанский посол в донесении от 11 мая 1553 г. приводил противоречивые слухи: одни говорили, что адмирал Уиллоуби поведет корабли северо-восточным путем, другие — что северо-западным[402]. Согласие было достигнуто к концу недели.

Запись о повторном отправлении появилась в судовом журнале 17 мая. В этот день на адмиральском корабле командиры провели совещание согласно 7-му пункту инструкции, который гласил: «*Главный начальник должен раз в неделю (если ветер и погода будут благоприятствовать) собирать вместе всех командиров для обсуждения всех заметок и наблюдений, сделанных на отдельных кораблях и для определения, в чем они сходятся и в чем расходятся*». В тот же день адмирал отдал приказ поднять якоря. Однако и на этот раз выход в море был отложен. Три дня суда потратили на то, чтобы переместиться из дока Блэквол в соседний док Вулвич, а затем — в док Грейвзенд. Двадцатого мая, в субботу, состоялась третья попытка покинуть лондонские доки. Согласно сообщению Ченслера, такая дата выхода экспедиции была запланирована заранее: «*…было единогласно решено, что если будет угодно Богу, то 20 мая капитаны и матросы сядут на корабли и отплывут из Рэтклиффа с началом отлива. В назначенный день все, простившись с близкими, кто с женой, кто с детьми, кто с родственниками, кто с друзьями, более дорогими, чем родня, были на месте, готовые к отплытию. Подняв якоря, они двинулись с началом отлива и, идя тихим ходом, дошли до Гринича*».

Суда покинули доки Лондона накануне свадьбы леди Джейн Грей и лорда Гилфорда Дадли, которая состоялась 21 мая 1553 г. Решение о бракосочетании будущей королевы и сына герцога Нортамберлендского было принято столь поспешно, что платье и драгоценности для невесты пришлось взять в королевской гардеробной напрокат. Праздник продолжался целую неделю. К

сожалению, свадебные торжества были омрачены тем, что многие гости отравились. Как говорили, причиной пищевого отравления стали грибы, сорт которых перепутал один из поваров[403].

Неизвестно, находился ли адмирал Уиллоуби среди приглашенных гостей, но суда тихим ходом следовали вдоль береговой линии в течение семи дней, пока продолжались придворные увеселения. Двадцать шестого мая флот прибыл в Гарвич — портовый городок, расположенный на восточной оконечности полуострова Тендринг, в месте слияния рек Оруэлл и Стоу. Гарвич считался морскими «воротами» Англии. Здесь суда экспедиции простояли еще двое суток, возможно, ожидая прибытия адмирала из Лондона.

Как отмечено в судовом журнале, на воскресенье 28 мая выпал день Троицы. Запись от 28 мая является единственной, в которой упоминается христианский праздник[404]. Пункт 13 устава предписывал священнику «*утреннюю и вечернюю молитву и общие службы*» совершать ежедневно «*на каждом корабле: на адмиральском — священнику, на прочих судах — купцу или иному ученому человеку*». Однако, согласно штатному расписанию, пастор Джон Стэффорд был приписан к экипажу корабля «Эдуард — Благое Предприятие» под командованием Ченслера. При явном противоречии двух документов сэр Уиллоуби не решился перевести священника на адмиральский корабль, а в дальнейшем руководствовался 22-м пунктом инструкции: «*Запрещается сообщать какому бы то ни было народу сведения о нашей религии, но предлагается обходить этот вопрос молчанием и не высказываться о ней, делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете*».

По завершении праздничной службы, в 7 часов утра, флот на всех парусах вышел в открытое море. На следующий день, 29 мая, суда были вынуждены бросить якоря в Холлихэде, где командиры «*стояли целый день и держали совет, какого пути и какого курса нам следует держаться, чтоб добиться новых открытий в нашем плавании, и наконец пришли к единогласному решению*». В этой записи дословно процитирована фраза из 5-го пункта инструкции, в котором особо оговаривается, что при решении спорных вопросов главный начальник во всех совещаниях и собраниях будет иметь дополнительный голос.

Судовой журнал умалчивает о предмете споров и разногласий, но можно с большой долей вероятности утверждать, что причиной

задержки стал досадный инцидент, который произошел на адмиральском корабле: экипаж полностью выбыл из строя из-за серьезного заболевания. Сведения об этом содержатся в пометках штатного расписания корабля «Благая Надежда» и в рассказе Климента Адамса, составленном со слов Ченслера.

Симптомы заболевания среди матросов проявились утром 29 мая. Признаки соответствовали тяжелому алкогольному отравлению. Адмирал заподозрил, что матросы напились вечером Троицына дня. Пункт 9 возлагал на повара и его помощника обязанность «*распоряжаться припасами так, чтобы не было никаких лишних непроизводительных выдач, за исключением тех случаев, когда это будет продиктовано разумными соображениями или необходимостью*». Инспекция наличных запасов провианта, вина и других необходимых продуктов, которую следовало проводить еженедельно «*или чаще (если то покажется необходимым)*», показала, что уровень вина в бочках меньше отметки.

10-й пункт указывал, как надлежит командиру действовать в подобном случае: «*Если в отношении кого-нибудь из низших должностных лиц, какого бы звания или состояния он ни был, будет установлена лживость, нерадение, небрежность или непригодность к службе во время путешествия или невыполнение служебных обязанностей, то всякое такое должностное лицо снимается с работы и наказывается по усмотрению капитана и прочих участников разбирательства или большинства их*». Виновным в хищении вина был признан низший по должности — помощник кока Томас Нэйш, который из-за болезни не смог дать «*капитану или иным старшим чинам своего корабля точный, ясный и полный отчет в расходовании съестных припасов — мяса, рыбы, бисквитов, сушеного мяса и хлеба, а также пива, вина, растительного масла и уксуса, равно и в расходовании всех других видов пищевых запасов, находящихся на их попечении*», как того требовала инструкция.

В наказание Томас Нэйш «*был выкупан с райны и спущен на берег*» необитаемого островка Холлихэд. Адмирал действовал согласно инструкции: «*Лицо, снятое таким образом с работы, с этого момента не будет считаться и приниматься за должностное лицо, но должно оставаться в таких условиях и в таком месте, какие будут ему назначены. Никто из экипажа не смеет противиться*

наказанию или достойному возмездию, которое будет ему назначено со всей умеренностью, соответственно его проступку по силе его преступления и на основании морских законов и обычаев, до сего времени соблюдаемых в подобных случаях».

Виновный получил по заслугам, но состояние экипажа адмиральского судна было настолько тяжелым, что штурман настаивал на том, чтобы вернуться в порт. Благодаря дополнительному голосу точка зрения сэра Хью победила. Скорее всего, обязанности больных боцмана, его помощника и десяти матросов были возложены на квартирмейстеров, плотников и судового комиссара с помощниками, число которых в общей сложности также составляло двенадцать человек. Такое решение было предусмотрено пунктом 18 инструкции, предписывавшим в случае заболевания кого-нибудь из членов команды передавать его обязанности другим участникам экспедиции. «*При этом каждый, независимо от его положения, должен нести бремя другого и никто не имеет права отказываться от работы, наложенной на него для наибольшего успеха, общего блага и завершения в срок плавания и всего предприятия*».

Обязанности юнг, поддерживавших чистоту на судне, скорее всего, были возложены на купцов, находившихся на судне в качестве пассажиров. Если у купцов и возникли какие-либо возражения, то пререкания были пресечены в соответствии с третьим пунктом инструкции, который обязывал не только моряков, но и пассажиров повиноваться приказам главного начальника, капитана и штурмана, согласно клятве. Любой ропот следовало подавлять с беспощадной суровостью, а нерадивость строго наказывать. «*Запрещается проливать жидкость на балласт и оставлять грязь на корабле. Кухонное помещение и другие места следует содержать в чистоте для лучшего здоровья экипажа. Молодые люди и юнги (gromels and pages) должны быть воспитываемы в духе достохвальных морских обычаев в изучении мореплавания и в соответствующих упражнениях*».

Решив таким способом проблему, 30 мая в 5 часов утра адмирал отдал приказ поднять якоря. Флагман взял курс на северо-восток, но суда тут же были вынуждены остановиться «*у места в трех лигах против Ярмута*». На следующий день корабли продвинулись еще на 6 лиг, а 1 июня они вернулись в Гарвич и простояли в порту две недели.

Сэр Хью Уиллоуби винит в задержке «*противный ветер»*, но настоящей причиной возвращения судов в порт с морского рейда стало обострение заболевания команды. Как сообщает Ченслер, он был весьма озабочен состоянием экипажа, *«которое до некоторой степени было неудовлетворительно*». В Гарвиче обнаружилась истинная причина недостачи спиртных напитков: бочки с вином «*ослабели и текли».* Недомогание экипажа было вызвано отравлением съестными припасами, часть которых, по словам Ченслера, *«в Гарвиче оказалась сгнившей и испорченной*».

Экспедиция в Китай была расчитана на полтора года. Из расчета на этот срок трюмы судов были наполнены провиантом, закупленным на деньги пайщиков: «*Мудро предвидя, что нашим людям придется плыть по ужасно холодным странам, они положили, что следует иметь припасов на шесть месяцев, чтобы доехать до места, столько же, чтобы оставаться на месте, если крайние зимние холода помешают их возвращению, и столько же на время обратного плавания».*

Скорее всего, причиной отравления матросов стали продукты, доставленные на адмиральское судно со столов столь скандально завершившейся свадьбы леди Джейн Грей. Остатки деликатесов вполне могли компенсировать расход провианта во время неторопливого плавания в водах Темзы, поскольку, согласно пункту 26, путешественникам следовало «*возвратиться назад счастливо и с достаточными съестными припасами».* Принимая во внимание болезненную неприязнь адмирала к червям, можно предположить, что грибы не подавались к офицерскому столу, а использовались в рационе матросов.

В Гарвиче адмирал оказался в сложной ситуации. Пункт 18 устава предписывал оказывать надлежащую помощь «*находящимся на корабле тяжело больным, нездоровым, слабым и находящимся под наблюдением лицам*». Однако единственный хирург экспедиции Томас Уолтер был приписан к судну под командованием Ченслера. Сэр Хью нашел хитроумный способ решения проблемы. Пункт 11 гласил: «*Если кто-либо из матросов или низших должностных лиц окажется по своей работе неподходящим и недостойным места, для занятия которого он был принят на корабль, такое лицо может быть снято с корабля и высажено на берег в любом месте в пределах державы и*

владений королевского величества, а на его место может быть принято другое более способное и более достойное лицо по усмотрению капитана или штурманов». При этом вновь принятым лицам «*передавались все предметы снабжения, предназначавшиеся для уволенного в согласии с правом и справедливостью*». Следуя букве инструкции, в Гарвиче адмирал списал на берег двух «неподходящих к должности» моряков, находившихся в безнадежном состоянии, — боцмана Николая Энтони и матроса Джорджа Блэйка, и взял на борт двух хирургов — Александра Гардинера и Ричарда Мольтона.

Пока суда стояли в порту, больные матросы получили возможность покупать продукты на берегу. На этот случай в «Присяге для штурманов и других лиц» имелось уточнение: «*Вы не будете совершать частных сделок и не будете покупать, продавать, менять или раздавать каких бы то ни было товаров или тому подобных предметов (за исключением только необходимых корабельных снастей и съестных припасов) для вашего собственного барыша и выгоды, равно как для прибыли иного какого-нибудь лица или лиц*». Одиннадцатый пункт инструкции разрешал выдавать членам команды ссуду под расписку с ручательством, что тот *«выплатит суммы, полученные им сверх того, что он заслужил».*

Как только состояние здоровья матросов улучшилось, адмирал отдал приказ поднять паруса, и 15 июня флотилия вышла в открытое море. В судовом журнале впервые были занесены показания навигационного прибора — «*52 градуса*» северной широты. Однако корабли смогли пройти лишь несколько лиг до «зыби», где простояли всю ночь, 16-го продвинулись еще на несколько лиг, 17-го вернулись к Орфорднэссу, а 19 июня вернулись в Гарвич. История повторилась, но с более серьезными последствиями: девять человек скончались.

Пункт 19 давал необходимые разъяснения в случае смерти члена экипажа: «*Если кому-нибудь приведется умереть или погибнуть во время путешествия, то одежда и прочее имущество, какое было у него ко времени его смерти, должно быть сохранено в распоряжении капитана и штурмана корабля; имуществу составляется опись, и она сохраняется для его жены и детей или для других целей соответственно его мыслям и его воле*». Воля усопших была зафиксирована в расписках по ссудам, возмещение которых предполагалось, скорее всего, за счет «*драгоценных украшений,*

камней, жемчуга, драгоценных металлов или других предметов», щедро обещанных в заморских странах 21-м пунктом инструкции.

Экспедиция оказалась под угрозой срыва. Без команды матросов адмиральское судно не могло выйти в море. Необходимо было нанять новый экипаж. В «Присяге штурмана корабля и других лиц» специально оговаривалось: «*Во время плавания вы не примете и не позволите принять на ваш корабль никакого лица или лиц, как по пути туда, так и на обратном, но должны допускать пребывание на корабле только таких моряков, которые без обмана и хитрости наняты в ваш экипаж, чтобы служить в морском деле и искусстве»*. Ситуация осложнялась тем, что экспедиция дважды возвращалась в порт с морского рейда, что, по морским обычаям, считается плохой приметой. Вряд ли кто-либо из профессиональных моряков Гарвича рискнул бы выйти в море на судне, которое приследовали несчастья.

Сэр Уиллоуби нашел выход из положения. Тела моряков остались на борту корабля. Покойников тайно поместили в трюм, а на вакантные должности были взяты девять человек с берега. (Два года спустя английский инспектор насчитал девять лишних тел среди погибших членов экспедиции.) Остается только гадать, с помощью какой хитрости рекрутов заманили на борт. Принимая во внимание последующие события, можно предположить, что новый экипаж сотоял из шотландских моряков, которые были наняты с условием доставить их в Шотландию.

23 июня, как только команда была укомплектована, экспедиция «*радостно*», как отметил Уиллоуби, покинула портовую зону и устремилась «*прямо на север*». Миновав Орфорднэсские отмели, корабли в течение трех дней благополучно двигались в северном направлении с уклоном к западу, т. е. вдоль восточного побережья Британских островов. По расчетам, 27 июня они должны были приблизиться к береговой линии Шотландии, но им не удалось этого сделать. Вторая попытка достичь берега Шетландских островов также не увенчалась успехом «*из-за сменившегося ветра*». Последующие три недели суда бороздили морские воды, то и дело меняя курс с северо-восточного на юго-западный «*вследствие различных и разнообразных противных ветров*». Вопреки инструкции, за это время сэр Хью Уиллоуби не сделал ни одной записи о показаниях навигационных

приборов. Скорее всего, адмирал был занят более важным делом, чем совещание командиров: он усмирял бунт на корабле.

Скорее всего, после того как суда дважды прошли мимо берегов Шотландии, нанятые «без хитрости» матросы выразили свое возмущение и отказались следовать с экспедицией в Китай. Шотландцев поддержали другие моряки, т. к. запах гниющей в трюме плоти стал перебивать любые другие ароматы. По морским поверьям, судно с покойником на борту ожидала неминуемая гибель. Ответным шагом сэра Хью стало ужесточение дисциплины. Действия адмирала соответствовали 12-му пункту устава: «*На корабле не должно быть ни богохульства, ни гнусных ругательств; среди судовых экипажей не должны быть терпимы сквернословие, непристойные рассказы и безбожные разговоры ‹…› Надо изгнать эти чумные заразы, пороки и грехи; нарушители же, не исправляющиеся после увещания в первый раз, подвергаются наказанию по усмотрению капитана или штурмана, по принадлежности*». После первых «увещеваний» обстановка на адмиральском корабле еще больше накалилась. На случай возникновения «*заговоров, расколов, группировок, сплетен, неверных сообщений*», распространяемых «*злыми языками*», в уставе имелся соответствующий пункт — 33-й, который предписывал строго наказывать заговорщиков и смутьянов, но «*с милосердием и братской любовью*».

Не позднее 14 июля недовольный ропот команды был пресечен с «братской любовью». В этот день моряки заметили на востоке землю, и адмирал наконец сделал запись в судовом журнале о том, что «*солнце вступило в созвездие Льва*». Согласно астрологическим таблицам, Солнце вступает в созвездие Льва в десятых числах июля. Скорее всего, только в этот день сэр Хью Уиллоуби заметил, что они находятся в высоких широтах, и солнце почти не заходит за горизонт. Возможно, адмирал провел несколько суток в трюме, и был освобожден подоспевшим Ченслером.

Воссоединившиеся суда всю ночь двигались в направлении земли. На следующий день они подошли к островам Эгеланд и Хегеланд, которые расположены «*на широте 66 градусов*». Земля Эгеланд оказалась неприветливой: «*Вся страна кругом состояла из бесчисленных маленьких островов*». На одном из них путешественники заметили 30 хижин, «*но жители разбежались; мы*

подумали, что это произошло из страха перед нами», как не без гордости отметил сэр Хью.

Вскоре произошла другая встреча с аборигенами. Когда корабли приблизились к Ростским островам, адмирал получил возможность удостовериться в мудрости Себастьяна Кабота, составившего инструкцию на все случаи жизни. Девятнадцатого июля путешественники заметили на берегу острова жителей, которые косили сено и собирали его в стога. Вид их движений заставил Уиллоуби воспользовался пунктом 28 устава: «*Если вы увидите, что люди на приморском песке собирают камни, золото, металлы или что-нибудь подобное, ваши суда могут подойти ближе и наблюдать, что они собирают; при этом следует бить в барабаны или играть на иных подобных инструментах, которые могут обратить их внимание, возбудить их воображение, желание что-то видеть и слушать вашу игру и ваши голоса*». Нет ничего удивительного в том, что, заслышав музыку, люди «*подходили к берегу и приветствовали*» корабли.

Сэр Хью занес в судовой журнал подробные сведения о Ростских островах с указанием широты с точностью до минут — 66 градусов 30 минут. Моряки пополнили запас провианта, наловив «*очень много самых разнообразных птиц, которых там было бесчисленное множество*».

Третья встреча с жителем неизвестной земли произошла 2 августа. Рыбак[405] был взят на борт, когда суда «*вплотную подошли к побережью, чтобы узнать, что это за земля*». В уставе имелись два пункта, содержавшие инструкции, как надо обращаться с одиноким жителем острова. Пункт 23 предписывал «*заманить или же захватить*» его, доставить на корабль, «*и там уже выведывать у него, что вы можете, без насилий*». Пункт 24 советовал: «*С человеком, захваченным таким образом, следует хорошо обращаться, хорошо кормить и хорошо его одеть и затем высадить на берег ‹…› если же захваченное лицо можно будет напоить допьяна вашим пивом или вином, то вы узнаете тайны его сердца*». Судя по словоохотливости рыбака, сэр Хью последовал инструкции, угостив того вином или пивом. Одинокий рыбак сообщил, что они находятся возле «*острова Сийнэм; что он лежит на широте 70°, в 30 лигах от Стэнфью*», он обещал удобную гавань, если корабли смогут ее достичь, и лоцмана, который проведет их в порт Вардэ.

Суда экспедиции пытались войти в гавань, но жестокий шторм разметал флотилию. После того как рассеялся туман, выяснилось, что одно судно, «Эдуард — Благое Предприятие» под командованием Ричарда Ченслера, унесло ветром в неизвестном направлении. Как было условлено заранее на случай, если суда разъединятся, «Благая Надежда» и «Доброе Доверие» отправились на северо-восток в поисках порта Вардэ. «*Пройдя в этом направлении 50 лиг, мы опустили зонд, показавший 160 сажен, из чего сделали вывод, что мы находимся далеко от берега; мы убедились также, что расположение берега не соответствовало данным глобуса*».

Почему же расположение берега, возле которого был поднят на борт рыбак, не соответствовало изображению на глобусе, и вместо того, чтобы приблизиться к суше, корабли удалились в открытый океан? Почему корабли сэра Уиллоуби сбились с курса?

В XVI в. для моряков не составляло труда определить с помощью астролябии или квадранта широту, однако вычислять долготу умели весьма приблизительно. Обычно исходили из скорости судна и показаний компаса — это позволяло обходиться без измерения долготы. В 1530 г. голландский астроном Гемма Фризий предложил способ определения долготы с помощью хронометра, но отсутствие достаточно точных часов надолго оставило такой метод чисто теоретическим. В то же время мореплаватели, математики и астрономы не оставляли попыток решить проблему.

К середине столетия были предложены по меньшей мере пять способов вычисления долготы. Один из них принадлежал Себастьяну Каботу. Его метод заключался в определении долготы по солнцу с помощью квадранта очень большого размера с разметкой по градусам и минутам. Известный космограф того времени Алонзо де Санта Круз считал, что методика Кабота неверна, так как дает слишком большую погрешность. Кроме того, столь громоздкий квадрант неудобен в использовании[406].

Тем не менее накануне экспедиции Уиллоуби англичане пробовали решить проблему определения долготы способом, предложенным Себастьяном Каботом. Математик Джон Ди упоминает в своих эфемеридах (астрономических таблицах), что в 1553 г. он проводил эксперименты по определению долготы совместно с Ричардом Ченслером. Для экспериментов Ченслер заказал по

собственным чертежам необычно большой квадрант размером в пять футов[407]. Этот навигационный прибор был приписан к судну Ченслера, т. к., согласно 14-му пункту инструкции, «*каждому должностному лицу поручаются по описи все предметы, принадлежащие к его должности*».

В судовом журнале сэра Хью указывались только расстояние в лигах и широта, следовательно, штурман «Благой Надежды» не пользовался квадрантом для определения долготы. В таком случае, он не мог точно сказать, с какой стороны северной оконечности Скандинавского полуострова находится судно — с восточной или западной. На современных картах 70-му градусу северной широты соответствуют две точки на норвежском побережье — Кваенанген (70° с.ш. и 22° в.д.) и Вадсё (70° с.ш. и 30° в.д.).

Судя по дальнейшим событиям, штурман «Благой Надежды» был уверен, что находится со стороны западного побережья Норвежского полуострова. Чтобы обогнуть северную оконечность Норвегии и достичь Вардэ, корабль должен был двигаться сначала в северо-восточном направлении до Нордкапа, а затем — в юго-восточном. На карте его курс выглядел бы как смежные стороны почти равнобедренного треугольника. Описание такого маршрута находим в судовом журнале: «*…подняли 4 августа паруса и пошли к северо-востоку с уклоном к северу. Пройдя в этом направлении 50 лиг, мы опустили зонд ‹…› 6 августа мы переменили курс и прошли в юго-восточном направлении, с уклоном к югу 48 лиг*».

Однако корабли во время разлучившего их шторма находились не у западного, а у восточного побережья — в районе Вадсё, а точнее — возле «*Крестовых островов*». Такой ориентир назвал Ченслер, рассказывая о шторме: «*…подвигаясь к северу, увидели еще несколько островов, которые назывались Крестовыми островами ‹…›. В тот же самый день около четырех часов пополудни поднялась такая сильная буря и море так разбушевалось, что корабли не могли держаться намеченного курса*»[408].

Три года спустя, в 1556 г., флот под командованием Стивена Борроу проходил мимо Крестового острова. Борроу узнал его по очертаниям, так как видел во время путешествия 1553 г. По его словам, Крестовый остров находился между Нордкапом и устьем реки Колы[409]. Таким образом, со слов подвыпившего рыбака адмирал

занес в судовой журнал неверные сведения: шторм застиг корабли возле берегов Кольского полуострова.

На Кольском полуострове много топонимов, в основе которых лежит слово «крест». Обычно оно указывает, что в данном месте имелось такое сооружение. Сведения из судового журнала Борро дают возможность привязать Крестовый остров к конкретной точке на карте. По его словам, остров находился в двух днях пути к западу от реки Колы. На таком расстоянии находился Печенгский монастырь, устроенный монахом Трифоном в 1547 г. в горле Печенгской губы, или, как называли ее норвежцы, — Монкенфорт (Монашеский фьорд).

Берега Печенгской губы каменисты и возвышены, причем отдельные возвышенности у входа достигают 300 м. Такой рельеф берега увидел сэр Хью. В судовом журнале он записал, что из-за ветра корабли не смогли войти «*в гавань, защищенную со всех сторон высокими горами*». Губа вдавалась в берег четырьмя коленами, поэтому англичане не могли увидеть монастырь, располагавшийся в 10 верстах от морского залива на берегу реки Печенги. В этих местах часто стоят плотные туманы, а во время прилива поднимается сильное волнение, и требуется особое мастерство, чтобы войти в губу. Перед ее входом, в 8–9 морских милях к северу, лежат Айновы острова. Скорее всего, эти острова Ченслер и Борроу называли «Крестовыми», поскольку на одном из них стоял крест[410].

Не найдя Нордкап с первой попытки, «Благая Надежда» и «Доброе Доверие» на протяжении десяти дней продолжали двигаться в восточном напралении. Суда двигались зигзагом, то поднимаясь к северу, то спускаясь к югу. Они трижды повторили такой маневр, «*думая отыскать Вардехус (Вардэ — Л.Т.)*». Однако вместо того чтобы приблизиться к берегу, корабли все дальше удалялись в открытое море. Промеры показывали слишком большую глубину для прибрежной зоны. Наконец, рано утром 14 августа англичане увидели необитаемый берег, к которому бот не смог подойти «*из-за мелководья и из-за большого количества льда*». По расчетам шкипера, берег находился *«на широте 72 градуса в 160 лигах к востоку с уклоном к северу от Сийнэма»*. Шкипер все еще был уверен, что злополучный шторм застиг их у западных берегов Скандинавского полуострова. Помимо этого, в его рассчеты расстояния также вкралась ошибка из-за погрешности в показаниях компаса: прокладывая маршрут, шкипер не

учитывал магнитное склонение, которое в районе Полярного круга достигает значительных величин — от 10 до 30 градусов.

Различие между показаниями стрелки компаса и истинным положением Северного полюса впервые было замечено Колумбом во время его первой экспедиции через Атлантический океан в 1492 г. На протяжении первой половины XVI в. ученые достигли больших успехов в изучении этого феномена. На основе наставления, изданного Фалеро в 1535 г., испанские и потругальские мореплаватели измеряли отклонение магнитной стрелки в различных частях земного шара, их сведения отмечались на картах. В 1542 г. французский картограф Жан Ротц предложил компас с дополнительной шкалой для учета поправки на отклонение магнитной стрелки.

Английские ученые имели представление о магнитном склонении и методике его вычисления. Себастьян Кабот объяснил королю Эдуарду VI природу явления, согласно свидетельству Ливио Сануто, лично знавшего путешественника[411]. Джон Ди упоминал в своих поздних работах, что занимался расчетами магнитных отклонений в 1550-х гг. и сконструировал «компас вариаций»[412]. Таким образом, англичане владели секретом определения магнитного склонения во время подготовки экспедиции Уиллоуби. Однако этот факт не нашел отражения в судовом журнале адмирала. Штурман прокладывал маршрут по старинке, без учета отклонения магнитной стрелки.

Из-за погрешности в показаниях компаса угол между направлением движения корабля к северу, а затем к югу оказался более широким, основание такого треугольника — длиннее. Согласно расчетам штурмана, три попытки достичь Вардэ дали в сумме расстояние в 160 лиг, но на самом деле корабли оказались значительно дальше.

«Землю Уиллоуби» тщетно искали на картах многие исследователи. Одни ученые выдвигали предположение, что адмирал Уиллоуби побывал возле Шпицбергена, другие — что англичане видели остров Колгуев, третьи посчитали Землю оптическим обманом. Наиболее правдоподобную догадку высказал английский ученый Томас Ранделл, опубликовавший в 1849 г. сборник документов по истории освоения северного маршрута в Китай и Индию. Проанализировав маршрут экспедиции, Ранделл пришел к выводу, что «Земля Уиллоуби» представляла собой береговую линию архипелага

Новая Земля, в районе между мысами Южный Гусиный Нос и Северный Гусиный Нос[413]. Такого же мнения придерживался Иосиф Христианович Гамель[414].

Сомнения в верности показаний компаса возникли у английских путешественников лишь 23 августа, когда корабли не смогли вернуться к «Земле Уиллоуби», чтобы подремонтировать судно «Доброе Доверие», накренившееся из-за открывшейся течи. В судовом журнале сказано, что от «Земли» корабли двигались три дня в северном направлении, затем ветер перешел к северо-востоку, и корабли отнесло к западу. Взяв курс на юго-юго-восток и пройдя расстояние в 70 лиг, которое они покрыли за предыдущие трое суток, путешественники не увидели суши, что вызвало у них *«большое удивление»*. Штурман предположил, что они слишком круто взяли к востоку, и принял решение вернуться. Суда переменили курс с восточного на западный. Через два дня путешественники заметили «*низкий берег*».

В последующие четыре недели экспедиция продвигалась в западном направлении. Слева по борту моряки видели необитаемое побережье. Наступившие холода заставили их искать укрытия. 19 сентября корабли зашли в бухту, берега которой «*были скалисты и высоки*». Адмирал отметил, что «*гавань эта вдается в материк приблизительно на 2 лиги (8,9 км. — Л.Т.), а в ширину имеет пол-лиги (2,2 км. — Л.Т.)*». Простояв с неделю (до 26 сентября), сэр Хью принял решение обосноваться и обследовать берег, т. к. погода установилась зимняя, «*с морозами, снегом и градом*». В 32-м пункте инструкции четко указывалось, что путешественников не должны смущать холода, т. к. известны случаи, когда земли считались «*непригодными для обитания из-за крайней жары и крайнего холода, а на деле признаны богатейшими, населенными, умеренными по климату и столь удобными, что Европа не может и сравниться с ними*».

По приказу адмирала группа разведчиков отправилась на берег. Вернувшись через три дня, они сообщили, что земля необитаема. Еще две партии, одна за другой, в течение недели обследовали берег в различных направлениях. Последняя запись датируется началом октября. Она сообщает, что следов людей не найдено, нет и каких-либо признаков их присутствия. На этом записи в судовом журнале сэра Хью Уиллоуби обрываются.

Не вернувшиеся с холода

Судьба судна под командованием Ричарда Ченслера оказалась более счастливой. «Эдуард — Благое Предприятие» благополучно прибыл в устье реки Северная Двина 24 августа 1553 г. О его скитаниях после разлучившего корабли шторма известно из двух документов: приписки на обложке судового журнала экспедиции и сообщения Климента Адамса, записанного со слов самого Ричарда Ченслера.

Приписка на обложке судового журнала сделана почерком, отличным от руки сэра Уиллоуби; она состоит из двух предложений: «*1) Действия сэра Х. Уиллоуби, после того как он отделился от “Эдуарда — Благое Предприятие”. 2) Наш корабль*[415] *в это время стоял на якоре в гавани, называемой Стерфиер, на острове Лофот*». Из приписки ясно, что в то время как корабли адмирала двигались на восток, судно Ченслера находилось в гавани у одного из Лофотенских островов. Очевидно, имея в своем распоряжении пятифутовый квадрант, Ченслер вычислил координаты судна, определил, что находится восточнее Нордкапа, благополучно вернулся к западному побережью Скандинавского полуострова и бросил якорь у одного из Лофонтенских островов. В это время, согласно судовому журналу, сэр Хью Уиллоуби все дальше удалялся на восток. Вероятность их встречи была равна нулю.

Выждав некоторое время в гавани Стерфиер, судно Ченслера отправилось в Вардэ. Климент Адамс в своих записках сообщает, что, согласно предварительной договоренности, «Эдуард — Благое Предприятие» целую неделю ожидал сэра Хью Уиллоуби в порту Вардэ. Здесь Ченслер встретил неких шотландцев, которые предупреждали об опасностях, которые ждут его на пути в Китай. Скорее всего, шотландцы рассказали о судьбе своих товарищей, которые 23 июня сели на судно сэра Хью Уиллоуби в Гарвиче. Их ждали домой не позднее 27 июня, но и по прошествии целого месяца от них не было известий. Ченслер не испугался рассказа шотландцев и принял решение продолжать путешествие.

Двинская летопись рассказывает о достойной и дружелюбной встрече, которую оказали русские власти английским морякам. Прибыв к монастырю Св. Николая, Ченслер «*обослався*», т. е. обменялся сообщениями, с холмогорскими городскими головами, и «*на малых судех*» прибыл в Холмогоры. Из Холмогор была послана грамота в Москву, а английский корабль переведен «*на зимованье в Унскую губу октября месяца*»[416]. Спустя месяц, 25 ноября, из столицы пришло разрешение на «отпуск» Ченслера в Москву.

Совсем иначе выглядят события в изложении англичанина. Ченслер сообщает, что он опасался русских, и «*просил дать ему заложников для большей безопасности своей и экипажа*». Русские заверили его в своих добрых намерениях и разрешили доставку продовольствия. Холмогорские градоначальники «*тайно*» послали гонца в Москву и всячески противились поездке путешественника к царю, пока тот не пригрозил, что пойдет дальше со всеми товарами. Свою угрозу Ченслер не смог бы осуществить, так как до следующего лета кораблю не удалось бы выйти из горла Белого моря, которое замерзает с ноября по май.

Ченслер говорит, что уехал из Холмогор в Москву, не дождавшись распоряжения царя. Преодолев большую часть пути, он встретил гонца, который «*по какому-то несчастному недоразумению сбился с дороги и ездил к морскому берегу, лежащему поблизости от страны татар, думая, что там найдет наш корабль*»[417]. Видимо, не случайно гонец искал английских путешественников в землях, примыкавших к территории Сибирского ханства. Граница русских и татарских земель проходила в низовьях Оби, т. е. именно там, где находилась Золотая баба. В отчете, предназначенном для дяди Кристофера Фротсингэма, Ченслер рассказывал об идолопоклонниках, обитавших «*в той части Московии, которая граничит с землей Татар: они поклоняются знаменитому идолу, которого называют Золотая Старуха*».

Гонец вез царские грамоты главе английской экспедиции — сэру Хью Уиллоуби. Однако вручил их Ченслеру. Грамоты были написаны «*со всею возможною вежливостью и благосклонностью. В них содержалось и прямое приказание, чтобы лошади для капитана и его спутников доставлялись бесплатно*». Царь принял Ричарда Ченслера в Золотой палате Кремля через 12 дней после прибытия того в Москву. В

его честь был устроен торжественный обед, на котором присутствовало около двухсот бояр. 2 февраля царь подписал грамоту к королю Эдуарду VI (к тому времени уже скончавшемуся) с дозволением английским «гостям» приезжать в Россию и свободно вести торг своими товарами. Отдельно подчеркивалось, что «*в случае прибытия в наши земли сэра Хью Виллоугби, ему будет оказан надлежащий добрый прием, однако он все еще не достиг русских земель, о чем сообщит Ваш слуга Ричард Ченслер*»[418]. В середине марта англичане покинули столицу и, «*приехав с Москвы на Двину, зимовали у корабля до весны и отошли в свою землю*»[419].

Ченслер вернулся к берегам Темзы осенью 1554 г. Многие события произошли в Англии за время его отсутствия. Леди Джейн Грей уже была казнена, королевскую корону носила Мария Тюдор, в июле состоялась ее свадьба с испанским королем Филиппом, получившим права соправителя Англии. Накануне свадебных торжеств, в июне-июле, вернулась экспедиция из Бенина с большим грузом. Англичане продали своих товаров на сумму около 7000 фунтов[420] и закупили более 80 тон *(«tons»)* гвинейского перца. Экспедиция в Бенин с лихвой окупила расходы королевской казны. Себастьян Кабот получил вознаграждение в сумме 100 фунтов[421]. Однако праздничное настроение омрачало то, что из 140 моряков вернулись только 40. Те, кто счастливо избежал смерти в Западной Африке, рассказывали странную и страшную историю.

Флот капитана Виндхэма вышел из доков Портсмута 12 августа 1553 г. и благополучно прибыл в Мадейру, где моряки взяли «*некоторое количество вина для нужд команды*»[422]. После того как корабли покинули Мадейру, капитан Томас Виндхэм «*превратился в чудовище*». Он стал всячески унижать главного шкипера Антонио Пинтеадо: разжаловал его из офицеров в обычные матросы, называл «евреем»*(«jew»)* и другими прозвищами, поощрял издевательства над ним команды.

Когда экспедиция достигла берегов Африки, англичане получили достаточно золота и перца в обмен на свои товары. Они вполне могли вернуться домой, тем более что начинался зимний сезон, который получил название «россия» («*rossia*»). В это время года стоит такая жара и влажность, что одежда в считаные дни сгнивает на телах людей. Пинтеадо предостерегал капитана о вредном влиянии

африканского климата на здоровье моряков, но Виндхэм приказал тому плыть дальше и добыть больше золота и перца, пригрозив, что отрежет ему уши и прибьет к мачте.

Пинтеадо с небольшой командой отправился в плавание по реке в глубь страны и добыл большое количество перца. В это время капитан Виндхэм предавался пьянству. Моряки перестали соблюдать дисциплину, питались местными фруктами и пили пальмовое вино. Они стали опухать и мучиться от лихорадки. Ежедневно умирало по 5 человек.

Когда Пинтеадо вернулся с большим грузом перца, то узнал, что капитан Виндхэм в какой-то непонятной злобе разорил его каюту, вскрыл сундуки и уничтожил все его личные вещи, вплоть до одежды, навигационных приборов и лекарств, которыми тот пользовался, чтобы избежать вредного влияния климата, а затем сам заболел и умер. Матросы обвинили Пинтеадо, что тот завел их в эти места на погибель, и хотели убить его. Пинтеадо вскоре скончался от горя и душевной тоски, не перенеся смерти капитана Виндхэма. Оставшиеся в живых моряки чудом вернулись домой.

По сравнению с экспедицией в Бенин путешествие Ричарда Ченслера не оправдало себя. Из трех кораблей в Лондон прибыл только один, судьба двух других судов осталась неизвестной. Если Ченслеру и удалось продать какие-либо товары в России, то на обратном пути он был ограблен голландскими пиратами. Единственное, что главный кормчий смог предъявить купцам, — это царскую грамоту, позволявшую вести свободную торговлю на территории Московии. Лондонские купцы, по всем признакам, понесли крупные убытки.

Тем не менее 27 ноября 1554 г., вскоре после возвращения корабля «Эдуард — Благое Предприятие», королевским указом было увеличено ежегодное содержание Себастьяна Кабота до 250 фунтов стерлингов[423]. Три месяца спустя (26 февраля 1555 г.) королева Мария и король Филипп подписали грамоту об основании «Московской торговой компании», и Себастьян Кабот стал ее первым пожизненным президентом. Сохранился список 201 члена новорожденной гильдии. Его открывают фамилии семи главных учредителей, в том числе: сэр Вильям герцог Винчестерский, главный казначей короны; сэр Генри герцог Арундельский, королевский камергер; сэр Джон герцог Бэдфордский, хранитель государственной

печати и другие высокопоставленные лица. Восьмым по счету упомянут государственный секретарь Уильям Сесил.

Как отмечают исследователи, «*нельзя сказать, чтобы перечень членов компании был типичным для купеческой гильдии XVI века: он слишком внушителен по составу в самом начале списка*»[424]. Среди учредителей Московской компании насчитывалось необычно большое количество представителей высшей знати. Гильдия стала первой коммерческой организацией, устав которой был утвержден парламентом. Ее административный штат выглядит необычайно раздутым. Компанию возглавляли 2 президента, 4 консула, при которых состояли 24 ассистента. Финансовые документы демонстрируют сложную систему счетов, не характерную для обычной гильдии купцов. «Двойная бухгалтерия» курировалась дополнительным казначеем и секретарем в Лондоне, что, по мнению специалистов, явление уникальное для торговой организации того времени[425].

1 апреля 1555 г. королева Мария и король Филипп приложили государственную печать к тексту грамоты, адресованной царю Ивану IV, в которой сообщалось о посылке в Россию Ричарда Ченслера, Джорджа Киллингворта и Ричарда Грея, наделенных полномочиями послов. К середине апреля пайщиками была собрана сумма в 6000 фунтов. К 1 мая была подготовлена детальная инструкция для участников экспедиции. В инструкции говорилось о посылке двух кораблей — «Эдуард — Благое Предприятие» и «Филипп и Мэри». Только один из них получил приказ дойти до устья реки Двины, второму следовало оставаться в Вардэ, дожидаясь возвращения «Эдуарда». По прибытии в Московию Ченслеру, Киллингворту и Грею вменялось в обязанность добиться для компании привилегий в торговле, разведать дорогу в Китай и выяснить судьбу судов сэра Хью Уиллоуби. В случае если местоположение кораблей известно, к ним следовало послать одного из агентов и обследовать их состояние[426].

Аппетиты инвесторов Московской компании настолько разгорелись, и прибыль ожидалась в таком количестве, что к двум кораблям был добавлен третий. Венецианский посол Джованни Мичиэль в донесении от 21 мая 1555 г. сообщал: «*Три корабля, подготовленные английскими купцами для вояжа в Московию и*

Катай, обеспечены всем необходимым, они отправятся на следующей неделе с надеждой на более благополучное плавание и возвращение, чем в прошлый раз»[427]. Те купцы, кому не удалось войти в долю Московской компании, зафрахтовали еще четыре корабля под различными флагами для путешествия на север. В общей сложности семь кораблей отправились по маршруту экспедиции сэра Уиллоуби. Скорее всего, о них упоминает Двинская летопись. Согласно сообщению летописца, в 1555 г. вслед за английскими кораблями «*пришли Голландския и Брабанския земли корабли, а на них торговые иноземцы и с русскими людьми торговали на Корельском устье по 95-й (1587. — Л.Т.) год*»[428].

В Холмогорах английские купцы узнали печальную весть: сэр Уиллоуби и его товарищи погибли. «*По зиме (в начале зимы 1554/1555 г. — Л.Т.) прииде весть к царю и великому князю от заморския Корелы; сказали они: нашли-де мы на Мурманском море два корабля стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, а товаров на них, сказали, много*»[429]. Из Москвы поступило распоряжение доставить в Холмогоры на ладьях товары и хранить их «*до времени за печатью*». Царский приказ исполнили весной 1555 г. двинский наместник князь Семен Иванович Микулинский-Пунков и холмогорский «городской голова» Фофан Макаров[430].

Название места, где «*заморские корелы*» нашли останки путешественников, известно из английского источника — записок Энтони Дженкинсона. Он указал устье реки Варзины в Нокуевской губе, находившейся в шести днях пути от Нордкапа и в трех — от монастыря Св. Николая[431]. Любопытно, что рядом с Нокуевской губой расположен остров Китай, — адмирал все-таки «достиг» конечного пункта экспедиции. Опечатанные товары с кораблей сэра Хью Уиллоуби были доставлены со складов на борт «Эдуарда — Благое Предприятие» на русских ладьях, нанятых в Холмогорах. В самом начале сентября судно отправилось в обратный рейс.

Как только «Эдуард — Благое Предприятие» пришвартовался в доках Темзы, в Лондоне распространились пугающие слухи об участи адмирала Уиллоуби и его товарищей. Как сообщал венецианский посол в депеше от 4 ноября 1555 г.: «*Корабли, которые отправились отсюда несколько месяцев назад на поиски Катая, то ли от неумения, то ли от недостатка отваги, не вышли за пределы Московии и*

России, как сделали это те корабли, которые ходили тем же маршрутом в прошлом году, и благополучно вернулись, доставив два судна первой экспедиции, которые были найдены у берегов Московии с командой на борту, целиком замороженной; и моряки, только что вернувшиеся из второго похода, рассказывают странные вещи о том, в каких позах были найдены замерзшие тела; некоторые из них найдены в сидячем положении, будто что-то пишут, с пером в руке и листом бумаги перед ними; другие — за столом, с тарелкой в руке и ложкой во рту; третьи — открывающими дверцу шкафа, и в других различных позах, подобно статуям, как будто им придали такие позы и поместили таким образом. Они рассказывают, что некоторые собаки на кораблях демонстрировали такой же странный феномен. Они нашли все имущество и товары в полной сохранности у местных жителей и привезли их вместе с кораблями»[432].

Осталось неясным, что произошло с телами погибших моряков. Достоверно известно, что останки не были доставлены в Англию, в родовой усыпальнице Уиллоуби отсутствует могильный камень с именем адмирала. Также нет каких-либо свидетельств, что английских путешественников похоронили на российской территории. Джон Мильтон в своем сочинении «Московия», созданном почти век спустя, утверждал, что в 1555 г. несколько судов затонули, возвращаясь на родину, а вместе с ними — и тела членов экспедиции[433]. Родственники сэра Хью Уиллоуби получили костюм, снятый с тела адмирала, а также портрет, на котором он изображен в той позе, в которой был найден замерзшим. Позднее костюм и портрет находились в родовом поместье Уиллоуби — Воллатоне[434].

Среди тех англичан, кто видел в августе 1555 г. заледеневшие фигуры адмирала и его товарищей, находился агент Московской компании Генри Лейн. Он прибыл в Россию вместе с посольством Киллингворта и сопровождал его в путешествии из Холмогор в Москву. Двадцать девять лет спустя, по просьбе купца и инвестора Вильяма Сандерсона, Лейн составил отчет с обзором морских экспедиций в Россию, начиная с 1553 г. Очевидно, он опирался на собственные документы: так, в его записках верно указаны названия судов, имена командиров и сотрудников торговой компании. Рассказывая о судьбе экспедиции сэра Хью Уиллоуби, Генри Лейн упомянул, что число погибших моряков составляло 70 человек[435].

Согласно судовым спискам, к «Благой Надежде» было приписано 34 человека, а к «Доброму Доверию» — 28, всего — 62 человека. Трое моряков были отправлены на берег (помощник кока, боцман и матрос), а принято — двое хирургов. Следовательно, на кораблях должны были насчитать 61 тело. Девять неучтенных в судовых списках моряков, скорее всего, были приняты на борт адмиральского судна в Гарвиче, чтобы восполнить потерю матросов, умерших от отравления грибами. Такое предположение объясняет несоответствие между количеством лиц, перечисленных в списках экспедиции, и количеством тел, найденных на кораблях сэра Хью.

Существует несколько версий, каким образом погибли участники экспедиции. Генри Лейн, принимавший опечатанное имущество в Холмогорах, отметил, что «*остались нетронутыми много товаров и продуктов питания*». По его мнению, путешественники погибли из-за «*неумения сделать убежище и печи*». Ричард Гаклюйт, первым опубликовавший документы о путешествии Ченслера и Уиллоуби в конце XVI в., интерпретировал это выражение как «*погибли от холода*»[{436}]. Долгое время такая версия считалась аксиомой.

К середине XIX столетия путешественники накопили достаточный опыт в экспедициях к Полярному кругу, чтобы усомниться в словах Гаклюйта: смерть от холода не наступает мгновенно, люди сбиваются вместе или принимают «позу эмбриона», чтобы сохранить тепло. Тогда появилось предположение, что англичане погибли от голода и цинги[{437}]. Однако эту версию опровергают слова Лейна о достаточном количестве съестных припасов, оставшихся в трюмах нетронутыми.

Английская исследовательница Элеонора Гордон предложила иное прочтение фразы Генри Лейна о печах и убежищах: путешественники погибли в результате несчастного случая. Чтобы сберечь тепло, моряки законопатили все щели в помещении. Повар, закончив приготовление еды, поспешил закрыть дымоход, что и стало причиной отравления угарным газом[{438}]. К сожалению, гипотеза Гордон не объясняет странных поз людей и собак, застигнутых смертью в момент совершения различных активных действий. Угарный газ вызывает сонливость, люди и собаки были бы найдены в позах спящих.

Возможна еще одна интерпретация слов Генри Лейна: моряки погибли потому, что не позаботились о безопасности своего убежища, их выдал столб дыма, издалека заметный на безлесом берегу. Причиной внезапной смерти английских путешественников стало убийство, совершенное местными жителями. Насильственная смерть послов, прибывших из Англии с предложением мира и сотрудничества, могла нанести непоправимый вред России накануне важных дипломатических переговоров. Правительству Ивана IV пришлось приложить немало усилий, чтобы замять международный скандал и уничтожить улики, изменив место, время и обстоятельства смерти моряков, но по крайней мере одно документальное свидетельство об этом преступлении сохранилось до наших дней.

Золотая баба

Последняя запись в судовом журнале сэра Хью Уиллоуби датируется началом октября. Дневник завершает примечание издателя: «*Здесь кончается записка сэра Х. Уиллоуби, писанная его собственной рукой*». Копия судового журнала, с которой Гаклюйт в 1598 г. опубликовал записки адмирала, ныне находится в Британской библиотеке. Текст занимает 11 полных страниц и несколько строчек на последней странице. Бумага сильно пострадала от огня[439].

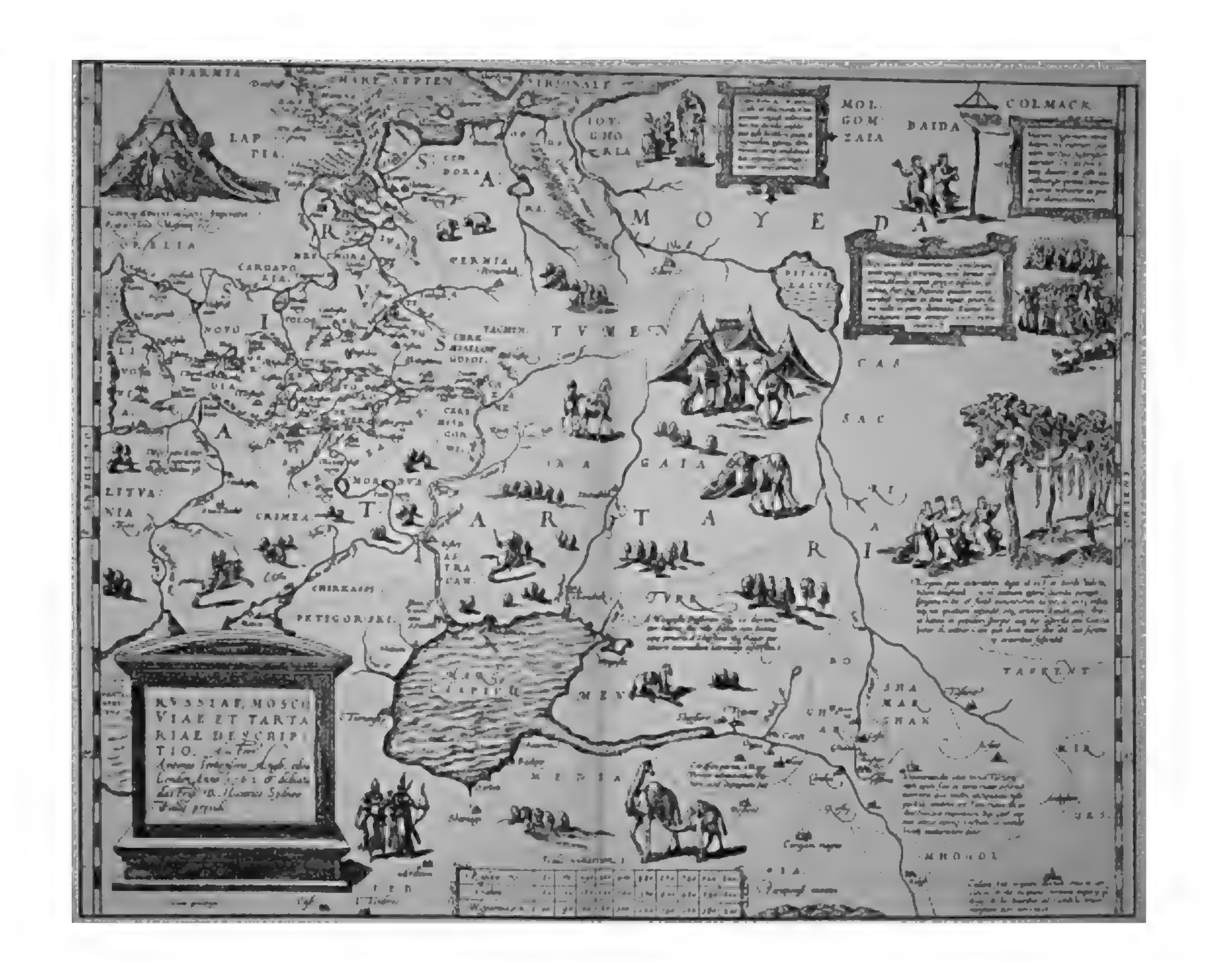
Неясно, насколько точно соответствует содержание копии оригиналу судового журнала, т. к. он утерян, но есть основания предполагать, что при копировании в текст вносились отдельные дополнения и изменения. На такую мысль наводит заключительная фраза в записках сэра Уиллоуби. В первом издании Гаклюйта она выглядит так: «*Затем мы послали трех человек на юго-восток **в трехдневный в трехдневный** (выделено мной. — Л.Т.) поход, которые таким же порядком вернулись, не найдя ни следов людей, ни какого-то ни было жилища*»[440]. Фраза «three dayes» повторена дважды, как будто последняя страница была изъята, и несколько заключительных строк приписаны на новом листе. В результате небрежной подделки получился повтор, который в последующих изданиях Гаклюйта был устранен редакторами. Вполне вероятно, что заключительная часть подлинного текста была изменена, с тем чтобы тайна смерти англичан не стала достоянием гласности.

Другим свидетельством искажения текста может служить имя Габриэля Уиллоуби. Габриэль Уиллоуби был упомянут в списке команды «Благой Надежды», и, как предполагают исследователи, являлся родственником адмирала. Однако в генеалогических таблицах семьи Уиллоуби такое лицо отсутствует. Возможно, вымышленное имя было внесено в списки позднее с целью ввести в заблуждение тех, в чьи руки попадет копия судового журнала. В связи с этим большие сомнения возникают в подлинности второго документа, найденного вместе с судовым журналом, — завещания Габриэля Уиллоуби.

В начале XVII в. завещание находилось в собственности Самюэля Парчеса, английского писателя и коллекционера старинных

географических манускриптов[441]. В настоящее время завещание считается утерянным[442]. О содержании документа ничего не известно, помимо того, что сэр Хью Уиллоуби подписал его в качестве свидетеля, и оно датировано январем 1554 г. Исходя из этого, Гаклюйт сделал вывод, что путешественники погибли после января[443]. Однако подозрения в подделке завещания ставят под вопрос такую датировку.

Не только время гибели экспедиции, но и место происшествия вызывает ряд вопросов. На основании записок Энтони Дженкинсона, посетившего Московию в 1557 г., считается бесспорным факт, что корабли Уиллоуби зазимовали в устье реки Варзины. Однако измерения, проведенные в 1840 г. лейтенантом Афанасьевым, опровергли это сообщение: размеры Варзинской губы зничительно уступают тем, которые указаны в судовом журнале адмирала. Это заставило И. Х. Гамеля предположить, что англичане бросили якоря в соседней — более обширной Нокуевской губе, в которую впадает река Дроздовка. К сожалению, описание губы также не совпадает с промерами англичан. Нокуевская губа «*углубляется внутрь страны почти на шесть с половиною верст (7 км. — Л.Т.); шириною она, при входе, три версты (3,2 км. — Л.Т.), в середине полторы (1,6 км. — Л.Т.), и идет почти острием к югу*»[444]. Высоким и каменистым можно назвать только небольшой остров (при отливах — полуостров) на северной стороне губы.



Карта Э. Дженкинсона. XVI в.

Нокуевская губа лежит рядом с мысом Святой Нос, в шести днях пути от Нордкапа и в четырех — от устья реки Северная Двина, где находился монастырь Св. Николая[445]. Мурманский берег населяли лопари. «*От конечности Святого носа, в губе, в трех верстах есть становище рыбных промышленников, и называется Лопарское становище. Тут стоят рыболовные лодьи в довольном количестве и находятся небольшие избушки, где сии промышленники живут*»[446], писал в конце XVIII в. фон Пошман.

Название другого становища — Круглое, которое находилось в Нокуевской губе, сохранили старинные лоции, составленные на основе многовекового опыта мореходов[447]. Становища Лопское, Круглое и Нокуевское упомянуты в писцовых книгах Василия Агалина 1573–1574 гг. и Алая Михалкова 1608–1611 гг[448].

Во время археологических раскопок в устье реки Дроздовки, проводившихся в 1993–1994 гг. Петербургской экспедицией ИИМК РАН под руководством В. Я. Шумкина, было обнаружено более шестидесяти стоянок, поселений, лабиринтов, надмогильных сооружений, относящихся к Средневековью. Подавляющее большинство памятников принадлежало коренному саамскому населению[449]. Таким образом, берег Нокуевской губы был населен, но разведчики сэра Хью Уиллоуби посчитали землю необитаемой.

Теплые воды Гольфстрима, омывающие Кольский полуостров с северной стороны, препятствуют образованию льда в береговой зоне. Благодаря этому лов рыбы идет с весны до глубокой зимы. Если в середине XVI в. климат был еще теплее, и в районе мыса Святой Нос водились корабельные черви — обитатели южных морей, то это полностью исключает возможность того, чтобы в сентябре ледяные образования мешали англичанам подойти к берегу.

Куда же, в таком случае, прибыли путешественники?

Описание береговой линии, приведенное адмиралом, соответствует рельефу Обской губы. Ее берега безлесые, с западной стороны отрубистые, с восточной более плоские или бугристые, необитаемы. Здесь встречаются песчаные береговые отмели и банки, о которых сообщает судовой журнал сэра Хью Уиллоуби: «*…28-го (августа. — Л.Т.), плывя по мелководью до глубины в 3 сажени. Однако, убедясь, что здесь очень мелко и увидев сухие песчаные отмели, мы снова поплыли вдоль берега к северо-востоку, пока не дошли до выдающегося мыса*».

Адмирал отправил три партии разведчиков: первую — в юго-юго-западном направлении, вторую — в западном, третью — в юго-восточном. Из этого можно сделать вывод, что корабли нашли защиту у берега, простиравшегося в западном направлении. На западном берегу Обской губы у Дровяного мыса находится небольшая мелководная бухта Преображения, а близ мыса Ямасол тянется удобная бухта Находка. Скорее всего, англичане выбрали более удобную бухту Находка.

Разведчики обследовали сушу в пределах видимости кораблей, т. к. пункт 25 инструкции указывал: «*Наши люди не должны заходить на берег так далеко, чтобы не оставалась возможность тотчас же возвратиться на свои пинассы и корабли*». Удаленная северо-

восточная часть мыса осталась без внимания. Адмирал не мог предположить, что здесь могут быть люди. Однако это так. В 1965–1967 гг. экспедиция МГУ под руководством Л. П. Лашука проводила полевые исследования в районе бухты Находка. На северо-восточной оконечности мыса Ямасол, на сопке Харде-седе археологи обнаружили заброшенное «священное» место.

Сама сопка невысока — от подошвы до вершины немногим более 3 м, «*культурный слой, начинающийся от глубины 1,5 м, выражен отчетливо: в его основе залегает серо-песчаный горизонт, на одном участке с горелыми прослойками, выше, более чем на 0,5 м, — торфяная подушка*»[{450}]. Здесь были найдены кости промысловых животных, изделия из кости, дерева, плоские «личины» богов, обломки керамической посуды и другие предметы.

Изучение напластований позволило ученым сделать вывод о непрерывности использования капища племенами сиртя, а затем ненцами с I тысячелетия н. э. и до начала 30-х гг. XX столетия. Таким образом, можно утверждать, что в середине XVI в. охотники использовали для ритуальных обрядов «священное» место на сопке Харде-седе. Григорий Новицкий, побывавший в 1712–1715 гг. в районе средней и нижней Оби, оставил описание подобных капищ: «*На холмах… превысочайших и всякому ведению приятных, кумиры свои поставляют, иногда далече от своих жилищ… Се же в знамение чести угодныя и изрядная изобретают местца, кумирни пространные создают, в них же покладают кумиры и тамо приносимые перед ними снедают свои жертвы*»[{451}]. Обряд жертвоприношения остяков и вогулов описан в русской историко-этнографической литературе достаточно подробно за последние три века. Сравнивая детали, ученые пришли к выводу «*о необычайной устойчивости обряда, либо об общем протографе*»[{452}].

Такой обряд совершался «*в сентябре или октябре*»[{453}], он представлял собой воинственные пляски с мечами. Церемония начиналась вечером, около 8 часов и продолжалась до 2 часов ночи. В ней принимали участие мужчины и женщины. Входя в чум, они рассаживались: мужчины по правой стороне, женщины — по левой. Их разделял занавес. «*Наконец, как все собрались, шаман загремел саблями и копьями железными, заблаговременно приготовленными и лежавшими над кумиром на местах, каждому из предстоящих, кроме*

женщин, кои были закрыты занавесом, дал или саблю, или копье, а сам, взяв по сабле в ту и другую руку, стал спиной к кумиру. По получении сабель обнаженных и копий остяки стали вдоль юрты рядами, и на нарах также все выстроились, провернулись все вдруг по три раза, держа перед собою сабли и копья. Шаман ударил своими саблями одна о другую, и тогда, по команде его, разными голосами вдруг загайкали, качаясь из стороны в сторону. Гайкали то редко, то вдруг очень часто, то опять редко, не отставая один от другого, и при каждом повторении гай переваливались то направо, то налево, осаживая копья и сабли несколько книзу и подымая вверх. Крик сей и движение или перевалка остяков продолжались около часа. Остяки чем более кричали и качались, тем более, казалось, приходили в некоторый род изступления, и, наконец, так, что я без ужаса не мог глядеть на лица их, кои весьма много сначала меня занимали… Нагайкавшись довольно, все замолкли и перестали качаться, вернувшись по-прежнему, отдали сабли и копья Шаману, который собравши их, положил туда же, где прежде они лежали. После этого из-за занавеса выходят женщины, и начинается пантомима и пляски совместно с мужчинами… После сего Шаман снова раздал сабли и копья. Остяки, получа их, как и прежде, вернулись, довольно также гайкали, опять вернулись, в заключение, стукнув концами сабель и копий в пол по три раза, отдали их обратно и разошлись по своим юртам»[454]. После этого приносили жертву: убивали оленей и съедали их мясо.

Похожее описание обряда самоедов дал в своих записках Ричард Джонсон, побывавший в 1556 г. вместе с экспедицией Стивена Борроу в районе архипелага Новая Земля[455]. Если наше предположение верно, то суда сэра Хью Уиллоуби оказались в районе мыса Ямасол в конце сентября — начале октября, накануне совершения обряда жертвоприношения. На капище находились только шаман и члены его семьи. Они и обнаружили у берега два огромных судна, одно из которых накренилось из-за течи в трюме.

Инструкция Себастьяна Кабота давала подробные разъяснения на случай встречи с местными жителями, одетыми в звериные шкуры. В 29-м пункте говорилось, что морякам бояться нечего: «*Если вы увидите, что население носит львиные или медвежьи шкуры и имеет длинные луки со стрелами, не бойтесь этого вида, ибо все это*

носится больше из страха перед чужеземцами, чем от других причин». Пункт 26 советовал «*поступать обдуманно и не раздражать народы надменностью, насмешками и презрением или чем-нибудь подобным; следует обращаться с ними осторожно и осмотрительно со всяческой вежливостью и любезностью*». В то же время 25-й пункт предупреждал, что путешественники «*не должны верить ласковым словам иностранных людей, могущим оказаться лукавыми и лживыми*».

Вежливое обращение английских моряков вызвало ответную любезность: путешественники получили приглашение посетить юрту шамана. На этот случай в пункте 29 имелось следующее указание: «*Если вас пригласят в дом какого-нибудь государя или правителя на обед или для переговоров, идите туда в таком порядке и снаряжении, чтобы всегда быть сильнее их; избегайте лесов и засад, и пусть ваше оружие всегда остается в вашем обладании*». Торжественность момента заставила адмирала выполнить пункт 16 и выдать морякам парадные мундиры голубого цвета, которые надевались «*только по приказанию капитана, когда он найдет нужным сделать смотр или показать матросов в красивых нарядах для успеха и чести экспедиции*». То, что увидели англичане в юрте, должно быть, поразило их воображение: капище было наполнено изделиями из металла — серебра и меди.

На севере Западной Сибири археологи обнаружили множество кладов серебряной утвари. Среди них — блюда с изображениями сасанидских царей, согдийские кружки и кувшины, исламские подносы с благопожелательными надписями, византийские и западноевропейские чаши с готическим узором и многое другое. Известны также изделия из меди: фигурки зверей и птиц, ложки, котелки, отлитые кустарным способом. Изделия из серебра и меди являлись подношениями духам и богам, которых олицетворяли идолы, изготовленные из дерева или металла.

В письменных источниках сохранилось сообщение о медных статуях, попавших к берегам Северного Ледовитого океана из Рима: «*Угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его Аларихом… На обратном пути часть их (угричей) осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные*

статуи, принесенные из Рима, которым поклоняются как божествам»[456]. Вполне вероятно, что идол в капище Харде-седе представлял собой медную статую, как на карте из книги Герберштейна. Медное изваяние, отливавшее золотым блеском, вероятно, напомнило сэру Хью пюпитр из аббатства Холируд. Вряд ли он долго колебался, прежде чем отдать приказ убить шамана, предать капище огню, а сокровища доставить на корабль.

Советники Себастьяна Кабота, помогавшие составлять устав, могли быть уверены, что все моряки будут находиться на одном судне и ни один человек не покинет судно после того, как сокровища окажутся в руках сэра Хью Уиллоуби. На случай, если бы у путешественников возникло желание отправить на родину посланца с сообщением об удачном завершении экспедиции, 32-й пункт инструкции предупреждал, что такая мысль должна быть взвешена многократно, «*ибо вы не можете не знать, сколь много лиц, в том числе королевское величество, лорды его досточтимого совета, вся компания, а равно ваши жены, дети, родственники, свойственники, друзья и знакомые, горят желанием узнать, каково ваше положение, условия, в которых вы находитесь, и ваше благополучие и в какой степени вы имеете надежду успешно осуществить это замечательное предприятие, которое, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, какую восточная и западная Индия принесли императору и королям Португалии*». Сэр Хью не мог допустить, чтобы кто-то из родственников еще раз получил шанс завладеть его собственностью.

Если матросы рассчитывали на свою долю трофеев, то 21-й пункт запрещал им «*поднимать какой бы то ни было спор, о чем бы дело ни шло: о драгоценных украшениях, камнях, жемчуге, драгоценных металлах или других предметах такой страны, где по счастливой случайности перечисленные предметы распространены или могут быть найдены, выменены или получены в дар*». Согласно инструкции, «*все товары, вымененные, купленные или переданные компании посредством торговых сделок, обмена или иным каким-либо способом, вносятся в купеческие книги, приводятся в порядок, запаковываются и хранятся в одном общем складе*». Нет сомнений, что все сокровища были перенесены на адмиральское судно, аккуратно переписаны и запакованы.

Помимо этого, морякам следовало сдать на хранение мундиры, о чем говорилось в 16-м пункте: «*Мундиры подлежат снова возвращению купцам для хранения до тех пор, пока не сочтут подходящим предоставить каждому в полное пользование его одеяние*». Скорее всего, смерть настигла моряков во время инвентаризации сокровищ, складирования парадных мундиров и праздничного ужина. Отсюда и странные позы покойников: стоя рядом с открытой дверцей шкафа, сидя за столом с пером в руке или с ложкой во рту.

Никто из моряков не заметил, как подкрались убийцы, т. к. в 31-м пункте четко говорилось, что охрану следует выставлять только на островах в теплых морях: «*Могут встретиться люди, которые умеют плавать в море, в гаванях, в реках, нагими, с луками и дротиками, стараясь приблизиться к вашим кораблям; если они увидят, что суда плохо стерегутся и охраняются, они возьмут их приступом, желая получить людские тела для еды. Если вы окажете им сопротивление, они нырнут и обратятся в бегство: поэтому на некоторых островах необходимо держать бдительную стражу день и ночь*». Холод и льды исключали возможность нападения обнаженных аборигенов-плавцов.

Столб дыма, высоко поднимавшийся над разоренным капищем, стал сигналом бедствия для ненцев, направлявшихся к священному месту для проведения обряда жертвоприношения. На месте чума они нашли одни головешки и тело шамана. А возле берега — два корабля, вооруженных пушками. Занятые упаковкой сокровищ и поглощением еды, никто из англичан не заметил, как на палубе появились люди в звериных шкурах. Прирожденные охотники, они легко расправились сначала с собаками, а затем — с моряками. Ненцы забрали с корабля своих богов, ритуальные предметы, оружие и товары. Снег укрыл место пожара, мороз сохранил сцену расправы на «Благой Надежде» в нетронутом виде.

В конце октября охотники, доставившие пушнину в село Лампожня, сообщили о происшествии на капище, а на осеннего Николу (29 ноября) во время ярмарки в Холмогорах слухи о резне на берегу Обской губы достигли слуха властей. В Москве новость вызвала серьезную озабоченность. На берег моря, граничившего с Татарией, был послан гонец, который удостоверился, что англичане

были убиты без какой-либо причины или враждебных действий с их стороны.

Ситуация осложнялась тем, что члены экспедиции имели дипломатический статус. Убийство безоружных послов — чрезвычайное событие, которое могло повлечь за собой международный скандал, разрыв торговых отношений с Англией и прекращение поставок дешевого оружия и военных специалистов. Инцидент с английским кораблем грозил подорвать позиции Москвы в ходе готовившихся переговоров с Польшей и Ливонским орденом. Южные соседи не упустили бы возможности нарушить шаткое равновесие, присоединение Казанского ханства оказалось под угрозой срыва. По словам Ричарда Ченслера, он застал в столице посланника из Персии, который «*носил алое платье и выгодно отзывался царю об англичанах, потому что знаком был несколько с Англией и ее торговлей*».

Русское правительство было заинтересовано в том, чтобы любым способом избежать огласки. Именно поэтому английским гостям был оказан необычайно пышный прием в Кремле. Роскошь убранства залов во время аудиенции, обилие золота и драгоценностей в одежде царя и приближенных, количество присутствовавших на торжественном обеде бояр, блюда, подаваемые к столу, — все свидетельствовало, что англичан принимали по самому высшему разряду.

Правительству Ивана IV пришлось пойти на уступки. Царская грамота к королю Эдуарду VI, датированная февралем 1554 г., дозволяла английским купцам свободно приезжать в Россию и торговать без ограничений. В грамоте подчеркивалось, что судьба сэра Хью Уиллоуби и его товарищей неизвестна[{457}]. Получив привилегии в торговых делах, Ченслер задержался в Москве еще на полтора месяца: «отпуск» ему был дан 15 марта[{458}]. Скорее всего, отправив сухим путем в Лондон грамоту с печальным известием, в Кремле с беспокойством ожидали ответа от лордов Тайного совета.

В марте в столицу прибыли гонцы от магистра Ливонского ордена и дерптского епископа с сообщением о присылке послов для заключения мирного договора[{459}]. В Кремле вздохнули с облегчением: назревавший скандал удалось разрешить, английское правительство не стало предавать дело огласке. В Лондоне согласились

оказать русским услугу и «спрятать концы в воду», инсценировав несчастный случай.

Чтобы придать убийству сэра Уиллоуби и его товарищей видимость естественной смерти, были изменены время, место и обстоятельства гибели моряков. Благодаря фальсификации завещания Габриэля Уиллоуби дата смерти членов экспедиции передвинулась на январь. Мороз превратил трупы в мумии, сохранив в тех позах, в которых моряков застала смерть. Достаточно было убрать вещественные доказательства убийства — отломить древки стрел, чтобы сцена насилия приобрела вид естественной смерти, например, от… холода.

Определенные трудности возникли с перемещением кораблей из Обской губы к устью реки Варзина, но и здесь все обошлось благополучно. Автор Двинской летописи отметил, что англичане, «*приехав с Москвы на Двину, зимовали у корабля до весны и отошли в свою землю*». «Эдуард — Благое Предприятие» покинул Унскую губу весной, как только сошел лед, — не позднее мая, а прибыл в Лондон в ноябре 1554 г. Без долгих стоянок в Вардэ или у Лофотенских островов, дорога от монастыря Св. Николая до устья Темзы занимала не более 30 дней. Ченслер располагал достаточным временем, чтобы отбуксировать «Благую Надежду» и «Доброе Доверие» из Обской губы к устью Варзины. Трюмы заполнили товарами, находившихся на судне Ченслера.

Местные лопари не могли не заметить возле становищ в Нокуевской губе многомачтовые корабли, но московские власти дожидались иных свидетелей. «*По зиме*», т. е. в начале зимы 1554 г., весть о покойниках принесли в Холмогоры «*заморские корелы: сказали они: нашли-де мы на Мурманском море два корабля, стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, а товаров на них, сказали, много*»[460].

Согласно царскому распоряжению, на становище были посланы «*лучшие люди*» из Холмогор. Комиссия переписала товары, пушки, пищали и корабельную снасть. Все было отправлено в Холмогоры и опечатано в амбарах. Устье реки Варзины стало официально считаться местом гибели английских судов. В Кремле надеялись, что уничтожили все улики, но подробности происшествия сохранились в памяти местных жителей. В феврале 1584 г. русские купцы с Печоры

напомнили о событиях тридцатилетней давности агенту Московской компании Энтони Маршу, интересовавшемуся историей освоения реки Обь: «*Некогда ваши люди уже приходили к устью названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, и люди были убиты самоедами, считавшими, что они приехали ограбить и покорить их*»[{461}].

Несомненно, происшествие в бухте Обской губы русское правительство расценило как досадную случайность. Однако сопоставление документов дает основание утверждать, что трагический инцидент был срежиссирован в Лондоне. В самом деле, располагая сведениями о финансовом положении сэра Хью Уиллоуби, его послужном списке и особенностях характера, «мудрые купцы» не могли подобрать менее подходящую кандидатуру на роль главы посольства для выполнения важной дипломатической миссии. Такой же «оплошностью» выгладит назначение на должность шкипера «Благой Надежды» некомпетентного моряка, не имевшего навыков и соответствующих навигационных инструментов для определения долготы и магнитного склонения.

Расчет «мудрых купцов» был совершенно верным. После разлучившего суда шторма два корабля экспедиции остались без навигационных приборов для определения долготы и магнитного склонения. Согласно предварительной договоренности, они трижды совершили маневр с изменением курса с северо-восточного на юго-восточный. Из-за погрешностей в показаниях приборов корабли неизбежно должны были пристать к берегу Обской губы и найти капище, наполенное изделиямии из меди и серебра. Сэр Хью Уиллоуби не устоял бы перед соблазном отнять все силой и беспощадно расправиться с теми, кто окажет сопротивление. Ответным шагом со стороны ненцев станет отмщение обидчикам. Русское правительство поспешило бы замять дело накануне переговоров с Польшей, обратившись к английской стороне за содействием. Правительство Елизаветы I, согласившись поддержать версию о естественных причинах гибели экспедиции, оказало бы русским большую услугу, тем самым поставив Ивана Грозного в положение должника. Чтобы расплатиться за услугу, царь был бы вынужден пойти на уступки торговцам шерстяным сукном.

Расчеты английского правительства полностью оправдались, Ченслер был пожалован такими привилегиями, какими не пользовались купцы каких-либо других государств. Двадцать лет спустя, ближе познакомившись с методами англичан вести коммерческие дела и разгадав уловки, с помощью которых лондонские купцы добивались выгоды, Иван IV достаточно ясно дал понять королеве Елизавете, что располагает сведениями об истинной подоплеке событий 1553 г. В послании, датированном 24 октября 1570 г., он поставил в вину членам Тайного совета, что королевская верительная грамота короля Эдуарда VI была писана не на его имя, а также выразил сомнение в том, что корабли экспедиции оказались у берегов Московии случайно: «*Прежде сего не в которое время брат твой Едварт корол некоторых людей своих на имя Рыцерта послал некоторых для потреб по всему миру местом и писал ко всем королем и царям и князем и властодержцом и местоблюстителем. А к нам ни одного слова на имя не было. И те брата твоего люди Рыцерт с товарищи не ведаем которым обычаем волею или неволею пристали к пристанищу к морскому в нашем града (так!) Двины*». Царь признал, что англичанам были даны чрезвычайно щедрые торговые повольности: «*А гостем брата твоего и всем Аглийским людем жалованную свою грамоту дали такову свободну какова и нашем людем торговым не живет свободна*». Обманом вынудив русское правительство пойти на уступки в 1553 г., англичане и в дальнейшем использовали бесчестные приемы: «*А в те поры наши Английские гости почали многие лукавства делати над нашими гостьми и товары свои почали дорого продавати что чего не стоит*»[462].

«Лукавства» английских «гостей» заключались не только в обманных способах торговли. Английское правительство использовало агентов Московской компании для шпионажа на территории России.

Часть 5
«Из России с любовью»

Пожалуй, ни одна английская морская экспедиция не была окружена такой атмосферой секретности, как предприятие сэра Хью Уиллоуби. Сам адмирал принес присягу, что никому ни в каком случае не будет «*разглашать тайн компании ко вреду, ущербу и убытку последней*». Под «компанией», упомянутой в тексте присяги, подразумевалась гильдия купцов-путешественников, торговцев шерстяным сукном. Ее дочерная компания, получившая официальный статус 26 февраля 1555 г., стала достойной наследницей традиций.

Весной 1556 г., направляя в Россию купцов, руководство Московской компании составило инструкцию, девятый пункт которой строго предписывал: «*По прибытии в страну, вам следует высматривать и выведывать, настолько тайно, насколько это возможно, с целью узнать, что дешево, какие товары покупаются и продаются, используя для этого моряков и русских или агентов компании, находящихся там; и то что вы узнаете, вам следует записать в книгу и хранить ее в секретном месте; сведения из книги вы можете сообщить по возвращении домой только губернаторам и ассистентам компании с тем, чтобы правда о их тайных сделках стала известна. Вам следует всегда держать открытыми глаза, чтобы проследить за подпольной упаковкой и скрытной транспортировкой как по суше, так и по воде, таких товаров как пушнина и других, которые они ежегодно скупают, упаковывают и переправляют к нам. Если вы все время будете бдительны и если вы будете неуклонно соблюдать осторожность, в соответствии с этим пунктом, вы разведаете тайну подмены одного товара другим, либо на суше, либо на кораблях. Поступайте при этом мудро, и вы заслужите благодарность от имени всей компании*»[463].

Стараясь заслужить поощрение от руководства Московской компании, английские купцы, моряки и служащие факторий в Холмогорах, Вологде и Москве высматривали и выведывали с большим энтузиазмом. Их деятельность не укрылась от внимания местных властей. Записки англичан, видимо, изымались и

перлюстрировались русскими. Те секретные книги, которые были отправлены в Лондон в 1556 г., сильно пострадали во время кораблекрушения у берегов Шотландии. Удостоверившись в несостоятельности такого способа хранения и доставки записей, лондонские губернаторы признали целесообразным воспользоваться другим способом.

С летней навигацией 1557 г. с судном «Иоанн Евангелист» в Россию были доставлены несколько шифровальных книг, а также инструкция, в которой агентам компании впредь предписывалось употреблять тайнопись. Соответствующий пункт регламентировал соблюдение режима секретности в стране пребывания: «*Принимая во внимание, что доставку корреспонденции из Москвы удобнее всего осуществлять сухим путем, мы полагаем, что время от времени, как только появится такая возможность, нашим агентам следует направлять письма в Москву к послу, с тем чтобы он мог составить для нас подробную инструкцию, какой вид товара и в каком количестве должен быть выслан… Все подобные важные и секретные записи, которые вы пошлете сушей по поводу какого-либо товара или о чем-то другом, вы обязаны написать с помощью шифра, воспользовавшись книгами, посланными для вас на кораблях: постоянно держите в надежном месте ваши письма и шифровальные книги, с тем чтобы мы могли прочесть ваши записи здесь по тем же книгам, и отправляйте письма таким образом, чтобы мы могли получить их к Рождеству или к празднику Сретение Господне, если это возможно*»{464}.

Количество шифровальных книг было ограничено, они находились в распоряжении купцов, возглавлявших фактории. Тридцать первого января 1558 г. Томас Гатрей писал из Вологды своему коллеге в Холмогоры: «*Что касается Алфавита для тайнописи, то мастер Грей уже сообщил, что у Роберта Остена имеется один экземпляр, который, согласно его пожеланию, будет доставлен вам*»{465}.

К сожалению, ни одной шифрограммы, посланной из Москвы, не сохранилось, поэтому трудно сказать, какие именно сведения передавались в Лондон под грифом «секретно». Вместе с тем следует признать, что деятельность англичан по сбору, передаче, анализу информации и принятию оптимальных решений дала блестящие

результаты в считаные годы. С 1555 г. английские купцы пользовались привилегией свободной и беспошлинной торговли на территории Московии. Через три года они основали транзитную торговлю с Персией. Царская грамота от 22 сентября 1567 г. юридически закрепила их права и повольности в коммерции, присовокупив к этому привилегию дипломатической неприкосновенности для сотрудников компании.

За многовековую историю торговых отношений Руси со странами Западной Европы ни Италии, ни Ганзе не удалось добиться и малой толики тех свобод, которые получили англичане меньше чем за 15 лет официальных сношений. Английские купцы потеснили на европейском рынке торговцев шелком из Италии и «ткачей» из Германии, получив монопольное право поставлять в Россию и провозить через ее южную границу не только шерстяное сукно, но и тот товар, который приносил самую большую прибыль, — оружие. Правительство Елизаветы I осуществило проект, который в 1526 г. оказался не по силам как Клименту VII, так и Антону Фуггеру. Несомненно, столь впечатляющих успехов Англия добилась благодаря правильному подбору кадров.

Двойной агент Джером Горсей

С первых лет установления официальных торговых отношений лондонское руководство Московской компании особое внимание уделяло профессиональной подготовке молодых сотрудников. С летней навигацией в Россию регулярно отправлялись от 3 до 10 юношей — кандидаты в подмастерья. Забота об их обучении возлагалась на купцов, возглавлявших фактории. Инструкция предписывала привлекать одних юношей к ведению бухгалтерской документации, других — к операциям по купле-продаже, третьих рекомендовалось отправлять в другие города для изучения языка, местных нравов и обычаев. Агентам вменялось в обязанность время от времени сообщать в Лондон об успехах подмастерьев, а нерадивых учеников отправлять на родину[{466}].

Весьма лестных отзывов удостоился Роджер Лич, который впервые прибыл в Россию в 1570 г. Двадцатилетним юношей Лич приступил к практическому изучению русского языка и особенностей коммерческой деятельности на территории Московии. Хорошо зарекомендовав себя в столице, осенью 1574 г. Лич был направлен вместе с тремя другими подмастерьями на Кольский полуостров, с целью основать факторию. Здесь молодые люди находились под началом Джеймса Алдая — бывалого моряка и корсара, прославившегося пиратскими налетами на прибрежные города Испани в 1540-х гг.

В своем донесении, отправленном в Лондон ранней весной 1575 г., Джеймс Алдай высоко оценил предприимчивость, профессиональные знания и навыки Роджера Лича. Он писал: «*Здесь нет другого англичанина, который бы лучше него изучил эти земли и людей: зимой он совершал переходы до 300 миль, ему удавалось получать из сущей малости большую выгоду. Он изучил не только обычаи, нравы и привычки местных жителей, но также выяснил, какие товары они производят, каким образом покупать их с наибольшей выгодой и как получать на этом наибольшую прибыль*»[{467}].

Роджер Лич, несомненно, обладал всеми качествами, чтобы достичь больших успехов в коммерции и со временем стать одним из самых уважаемых купцов Московской компании, но его карьера оборвалась в том же году. Из предприимчивого торговца он превратился в сутяжника. Вернувшись в Лондон, Роджер Лич затеял судебный процесс против «мастера Проктора», возглавлявшего московскую факторию в 1570–1571 гг. Его иск разбирался в сентябре 1575 г. и в феврале-апреле 1576 г. Суд не вынес никакого решения, т. к. Лич отозвал свой иск{468}. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Бесславный конец карьеры Роджера Лича вполне закономерен. Совсем другие качества требовались молодому сотруднику Московской компании, чтобы в полной мере овладеть наукой международной торговли и удостоиться чести заключать коммерческие сделки с самим царем. Такими талантами обладал ровесник Лича — Джером Горсей — один из лучших тайных агентов сэра Франсиса Уолсингема.

Много лет спустя, подводя итог прожитых лет, Горсей говорил о себе следующим образом: «*Мои частые путешествия по суше через многие страны и моя двадцатилетняя опытность позволили мне видеть много редкостных вещей, достойных опубликования; о стране Китай великого хана, называемой персами и бухарцами Богатой Индией, я много беседовал с людьми, бывшими там; о государстве персов, бухарцев и о Грузинской стране, о великом хане Крыма, скифских татарах и обо всех других татарских странах, о сибиряках и самоедах, о Московии и Руси, о Литве, Ливонии и Польше, о Валахии, Трансильвании и Венгрии, о Швеции, Дании и Норвегии, о Германии и обо всех ее провинциях; об их плодородии, климате и округе, об образе управления этими странами и именах их государей с разными титулами, о природном сырье и главных городах каждой из стран, их способах строительства и материалах для этого; о том, какая монета там употребляется; какова природа и способности людей, их религия, их древности и памятники, способы ведения войн, оружие, знамена, которые там существуют, и проч.*»{469}.

Следует отметить, что уже на первых порах Джером Горсей пользовался протекцией со стороны высоких покровителей и его появление в России было связано не с изучением бухгалтерской науки

или премудростей товарообмена с самоедами, а с делами политического характера.

По собственным словам Горсея, свое первое путешествие в Московию он совершил из Франции через Нидерланды: «*Прежде всего после моего посещения и осмотра части Франции и Нидерландов в их цветущем, но тревожном по причине войны состоянии, я прибыл в Московию*». Рядом, на полях рукописи, отмечен год — «*в 1572*». Такая дата согласуется с заголовком трактата, в котором автор обращается к государственному секретарю и главе английской разведки сэру Франсису Уолсингему (ум. в 1590 г.) и говорит о своем «*восемнадцатилетнем*» опыте пребывания среди русских. Однако далее в тексте Горсей косвенно указывает еще две даты своего первого знакомства с Россией. Относительно событий 1587 г., когда лондонскими купцами были выдвинуты против него обвинения в использовании служебного положения в целях личного обогащения и ему пришлось временно отойти от дел, Горсей ссылался на свой «*семнадцатилетний*» стаж работы на благо Короны, что указывает на 1570 г. как на точку отсчета его карьеры. В заключительной части трактата «О втором и третьем посольстве в Московию» автор говорит о «*двадцатилетней опытности*» в деле сбора информации об «*обычаях, нравах и привычках*» жителей континента. Исходя из того, что осенью 1591 г. Горсей вернулся на родину и больше не покидал берегов Туманного Альбиона, начало его служебной деятельности может быть отнесено к 1571 г.

Такой разброс в датах вызывал у исследователей законное недоумение. По неясным причинам в историографии принято считать, что знакомство Джерома Горсея с московитами состоялось в 1573 г.[470] На наш взгляд, в большей степени доверяя словам самого автора, все даты — 1570, 1571 и 1572 гг. — следует считать верными. Очевидно, указывая три даты, Джером Горсей разграничивал три вида своей деятельности — слуги английской Короны, секретного агента Москвы и служащего Московской компании.

Как отметил Джером Горсей, его карьера началась с визита в «цветущую» Францию. Нет сомнений, что в эту страну он попал благодаря протекции влиятельного родственника. Свой трактат он начинает с ностальгических воспоминаний о той «*счастливой поре*», когда «*достойный друг и родственник сэр Эдуард Горсей впервые*

познакомил» его с главой английской разведки сэром Френсисом Уолсингемом.

Сэр Эдуард Горсей происходил из старинного дворянского рода. Сведения о его юности весьма скудны. Как считают, он впервые побывал во Франции в 1551 г. с дипломатической миссией. Весной 1555 г. ему пришлось бежать из Лондона на континент, т. к. властям стало известно о его роли в заговоре против королевы Марии Тюдор и ее супруга Филиппа II. В марте того же года Эдуард Горсей вел тайные переговоры с французским королем Генрихом II, добиваясь финансовой и военной поддержки для заговорщиков. Около 1556 г., находясь во Франции, он женился на девушке из семьи гугенотов, имя которой осталось неизвестным. Молодожены поселились в Дьеппе, откуда англичанин регулярно отправлял сэру Френсису Уолсингему донесения о «*морских делах*».

После восшествия на престол Елизаветы I Эдуард Горсей остался во Франции под предлогом того, что обвинение в заговоре против особы королевской крови все еще не было формально аннулировано. При этом за заслуги перед Короной ему было пожаловано право ввозить в Англию вина и другие товары из Ла-Рошель. В начале 1563 г. он был отозван в Дьепп для помощи в укреплении города. Английское правительство готовило почву для переговоров о получении монопольных прав на вывоз французской «белой соли».

Под «белой солью», в отличие от «морской», подразумевалась натриевая селитра — продукт, сопутствующий месторождениям поваренной соли. При нагревании натриевой селитры, медного купороса и квасцов получали азотную кислоту. Смешивая азотную кислоту с поташем, изготавливали калийную селитру — основной ингредиент пороховой смеси. «Белая соль» из Ла-Рошель ценилась почти в два раза дороже «морской».

Еще в 1530 г. Франция обязалась поставлять Англии в течение 40 лет 40 000 мер (т. е. более 4000 тонн[471]) «белой соли» ежегодно на сумму в 100 000 крон, что составляло весь объем экспорта страны в тот период. В тот же год цены на «белую соль» на лондонском рынке снизились с 4 шилингов 8 пенсов до 5 пенсов за бушель. Однако в 1532 г. выплаты из королевской казны были прекращены. Сокращение поставок вызвало в Англии рост цен, но к 1544 г. они вернулись практически на тот же уровень: «белая соль» шла в Лондоне по 8

пенсов за бушель[472]. Очевидно, английские купцы нашли новый источник дешевой «белой соли». Поставки сырья настолько увеличились к концу 1540-х гг., что в 1547 г. Дом Фуггеров смог получить лицензию сроком на десять лет на вывоз из Англии соли на сумму 400 000 крон ежегодно.

Появление на лондонском рынке большого количества дешевой «белой соли» совпадает по времени с установлением неофициальных контактов англичан с Россией. Вполне вероятно, что с 1540-х гг. товар стал поступать в Англию с солеварен Строгановых. Низкая себестоимость русской соли обеспечивалась за счет неограниченных запасов древесины, необходимой для процесса выпаривания.

Исследователи вынуждены признать, что располагают чрезвычайно скудными данными по соляной торговле в России в XVI в. Не обнаружены сведения о ценах в материалах об обширнейшей торговле Строгановых, нет их по ряду торговых пунктов северо-востока, Поволжья и южных районов Московского государства. В источниках, относящихся к первой половине столетия, можно найти только два сообщения: в 1499 г. в Пскове «мех» (мешок) соли стоил 35 денег, а в 1510-х гг. в Каргополе тот же вес шел уже в два раза дешевле.

Начиная с 1550-х гг. летописи фиксируют значительно больше данных. В 1551 г. соль была невероятно дешева — 6 денег за пуд. Первый существенный подъем цен заметен в середине 1550-х гг. — 10 денег за пуд. В 1560-е вплоть до середины 70-х гг. наблюдается снижение уровня цен до прежнего уровня — 6 денег за пуд, который с конца 1570-х гг. вновь идет вверх, достигая пика в 1588 г. (35 денег за пуд). В 1590-е гг. кривая цен на соль идет вниз и с некоторыми изменениями держится на одном уровне до конца столетия. Несмотря на значительные колебания, в целом стоимость соли в России к началу XVII столетия возросла на 33 процента[473].

Нетрудно заметить, что первое значительное падение цен на соль в 1510-х гг. совпадает с началом деятельности братьев Строгановых. К 1526 г. добыча сырья достигла такого уровня, что Россия не только полностью обеспечила свои нужды, но и вышла с предложением на международный рынок. С 1540-х гг. дешевая русская соль, скорее всего, стала поступать в Англию, где ее перекупали представители Антона Фуггера.

Первый взлет цен на русском соляном рынке совпадает с официальным учреждением англо-русской торговли. В ноябре 1555 г. агент Московской компании Киллингворс находил русскую соль очень хорошего качества и рекомендовал загружать трюмы кораблей этим товаром[474]. В апреле 1558 г. Строгановым были пожалованы огромные владения по рекам Каме и Чусовой, что предполагало расширение добычи соли. Согласно той же грамоте, они получили разрешение на выварку 30 пудов селитры для собственных нужд. Однако старостам Соли Вычегодской и Усольского уезда было предписано строго следить, «*чтобы Григорей ямчуги не продавал никому никоторыми делы*»[475]. Ограничение в продаже стратегического сырья было, видимо, вызвано тем, что в Москве узнали о перепродаже русской соли представителям Антона Фуггера: в 1558 г. контракт Дома Фуггеров на вывоз из Англии «белой соли» был возобновлен на тех же условиях и в том же объеме, что и в 1547 г.

Если Москва расчитывала на то, что английское правительство согласится на закупку соли по более высоким ценам, то ее надежды не оправдались. Уже летом следующего 1559 г. губернаторы компании настрого запретили купцам закупать ее у русских даже для собственных нужд, т. к. «*соль в этой стране нехороша*»[476]. Сокращение поставок товара за границу и насыщение внутреннего рынка привело к резкому снижению цен.

В то время когда в Московии стоимость соли находилась на самом низком уровне (6 денег за пуд), в Англии цена подскочила более чем в два раза и достигла к 1562 г. 18 пенсов за бушель. Несмотря на убытки, английское правительство не собиралось идти на уступки Москве. Английские купцы держали в рукаве козырную карту.

В 1562 г. стало известно об открытии богатейших залежей квасцов в графствах Корнуолл, Девон, Сомерсет, Хемршир, Суссекс, Суррей, а также на острове Уайт. Концессия сроком на 20 лет была выдана некоему джентльмену по имени Уильям Кенделл[477]. В марте 1563 г. правительство Елизаветы I обратилось к трем иностранным купцам — немцу Джасперу Селеру, флорентийцу Томасу Баронселли и фламандцу Франсуа Берти — с предложением организовать производство «соли из соли» («to make salt upon salt») на территории Англии. Условия соглашения предусматривали большие финансовые льготы для купцов. Один из артикулов патента запрещал продавать

товар французскому королю или кому-либо из его эмиссаров, при этом готовый продукт должен быть на одну треть дешевле, чем лучший из производимых в Нидерландах[478].

Сведения о правительственном контракте оказались в распоряжении Гвидо Кавальканти. Кавальканти происходил из династии флорентийских торговцев квасцами, которые на протяжении нескольких поколений вели коммерческие дела в Лондоне. Кавальканти не раз оказывал услуги англичанам. Так, в 1559 г. при его содействии в замке Камбрези велись закулисные переговоры между Францией и Англией за спиной испанских дипломатов. Королева выразила свою признательность тем, что пожаловала ему исключительную привилегию пожизненного пансиона. В 1561 г. Кавальканти старался склонить Венецианскую сеньорию к возобновлению отношений с Англией через обмен посланниками[479].

В апреле 1563 г., находившийся во Франции Гвидо Кавальканти предложил английскому правительству свои услуги в мирных переговорах между двумя странами, поскольку слышал, что Гавр скоро будет взят в осаду. Информация, полученная Кавальканти о предстоящей осаде, отличалась высокой степенью достоверности. В начале июня маршал Брисак в своем письме к королеве Екатерине Медичи сообщил, что англичане стягивают силы под Гавр, и армия нуждается в большом количестве пороха. «*Если нет возможности достать его у вас в достаточном количестве, чтобы нам сюда послать и снабдить нас, то здесь есть купец из Дьеппа, который предлагает доставить сколько будет нужно из Фландрии в Дьепп по цене примерно в семь су за фунт крупного и примерно в десять су за мелкий; с ним можно было бы договориться и заключить сделку, но он хотел бы иметь поручительство, чтобы быть уверенным, что его порох будет принят и оплачен, и просит некоторый денежный аванс на расходы*».

На следующий день в Париже был зачитан приказ короля об увеличении налога «на соль» — габель. Парижанам предписывалось собрать «*сто тысяч экю*». Указ вызвал среди горожан «*беспорядки, восстания, народные волнения и убийства*». Англичане в это время подтягивали к Гавру суда королевского флота и устраивали салют из артиллерийских орудий, что должно было свидетельствовать о наличии у них большого запаса дешевого пороха. К началу июля

100 000 экю все еще не были собраны, и королевским чиновникам было дано распоряжение продать на указанную сумму церковной собственности. Но и это предписание не было выполнено, и правительство Карла IX было вынуждено пойти на уступки гугенотам, контролировавшим добычу «белой соли», чтобы обменять ее на готовый порох. В начале августа королевские комиссары прибыли в Бордо, Ла-Рошель, Сентонж и Онис. Их миссия увенчалась успехом, договоренность была достигнута[480].

Не позднее 11 августа англичане покинули Гавр, оставив в заложниках шесть человек из Дьеппа. Одним из них был Эдуард Горсей. При его участии велись переговоры об условиях освобождения заложников. В результате переговоров заложники были освобождены, Франция получила порох, а Англия — монопольное право на закупку французской «соли» из Ла-Рошели. Согласно оценке биографов, успех был достигнут в значительной степени благодаря искусству Эдуарда Горсея в науке негоциаций[481]. За оказанные Короне услуги он удостоился пожалований: обвинение в государственном преступлении было наконец с него снято. Кроме того, Горсей был привлечен к важному государственному проекту.

За два года Уильяму Кенделлу не удалось приступить к разработке квасцов на территории графств. Проект погряз в бюрократической волоките. Единственное месторождение, которое давало реальную продукцию, находилось на острове Уайт, но Кенделл не был к нему допущен. Летом 1565 г. Эдуард Горсей получил патент на должность коменданта острова Уайт. Уже к началу следующего года в северном регионе Европы английские квасцы обходились дешевле итальянских. Дешевая «белая соль», поступавшая на английский рынок из Франции, обесценила русский товар.

В середине 1560-х гг. Москва предпринимала попытки наладить поставки соли в Испанию, Нидерланды, Швецию, в государства Персидского залива или возобновить торговлю в Англии. Голландские купцы, получив патент от испанского короля, посылали корабли на Кольский полуостров. Однако англичане всячески препятствовали коммерции конкурентов, вплоть до физической расправы и подкупа русских властей. По сообщению Симона ван Салингена, такой случай произошел в 1565 г., когда в Печенгской губе были убиты 13 человек, русских и голландцев, заключивших торговую сделку. Голландцы

добивались расследования убийства и посылали своего представителя в Москву, «*но посадник новгородский был подкуплен английской компанией и друзьями убийц не пропускать его, чтобы таким образом жалоба на это убийство не дошла до Великого Князя, и чтобы не возникло бы для англичан какого-либо препятствия их торговле у Св. Николая, начатой за несколько лет перед тем*»[482].

В феврале 1566 г. русские купцы «*Ындрик*» Соловьев и Петр Павлов свернули коммерцию в Данциге и «съехали» в Амстердам. Сын последнего вел торговые дела в Копенгагене. В круг их коммерческих интересов входили свинец, лен, конопля, сельдь и соль[483]. Ход предварительных переговоров обнадежил правительство Ивана IV. Весной 1566 г. Швеция обратилась к Англии за содействием в организации производства «соли из соли» на территории страны[484]. В следующем году в Стокгольм прибыло посольство Воронцова. Одновременно, весной-летом 1567 г., государь посылал «от своей казны» купцов в Антверпен, Ормуз и Лондон.

Иван Грозный показывает сокровища Джерому Горсейю. Художник А. Литовченко

Переговоры в Стокгольме продолжались два года, и завершились в конце концов отказом Швеции от сотрудничества с Москвой. В Европе не без сарказма говорили, что Эрику XIV было предложено «*уничтожить все пики и латы, заменив их аркебузами с крючком (устаревший вид ручного огнестрельного оружия немецкого*

образца. — Л.Т.), но он решительно воспротивился тому»[485]. В разгар русско-шведских переговоров король был свергнут, к власти пришел его брат. Русские восприняли переворот как фарс, разыгранный с целью ввести послов в заблуждение и под благовидным предлогом отказаться от сделки. По словам гонца Андрея Шерефетдинова, шведы «*стрельбою стреляли ухищреньем на обе стороны, людем изрону не было*»[486].

Купцы Твердиков и Погорелов вернулись из Англии в конце лета 1568 г. с богатыми подарками от королевы, однако вскоре стало известно, что в октябре в Лондон прибыли представители гугенотов и заключили с английским правительством соглашение на поставки дешевой соли и вина из Ла-Рошели, Сентожа и других городов на сумму в 20 000 фунтов стерлингов в обмен на готовый порох с обязательством совершить сделку к февралю следующего года[487].

На первых порах русским удалось добиться успехов в Антверпене. Они заключили сделку с нидерландскими купцами, перепродававшими сырье испанцам через посредников из Наварры. Англичане развернули военные действия в Ла-Манше против испанских кораблей, следовавших в Нидерланды. Особенно большой урон суда терпели в районе острова Уайт. Комендант острова — Эдуард Горсей — не раз рапортовал государственному секретарю Сесилу о подозрительных испанских галеонах, следовавших под флагом нейтральной Наварры, которые были им обезврежены. Крупные суммы денег, предназначенные испанцами для закупки «соли» в Нидерландах, передавались в королевскую казну. Только в декабре 1568 г., по оценкам коменданта, стоимость трофеев составила 31 000 фунтов стерлингов[488]. Испанцы отказались от закупок стратегического сырья в Нидерландах. Хождение русских купцов в Ормуз также не принесло результатов. Московия оказалась в экономической блокаде. Тот товар, который раньше шел на экспорт, хлынул на внутренний рынок, цены снизились в два раза.

Позиции Англии пошатнулись в начале 1569 г. В январе в Лондоне получили сообщение, что испанцы намерены доставить в Нидерланды большую партию французской «соли». Летом договор английского правительства с представителями гугенотов был продлен еще на один год, однако каких-либо финансовых документов, подтверждающих совершение сделки, не найдено. Около этого года

русское правительство возобновило сношения с Римом через нидерландских посредников. В начале 1570 г., по свидетельству Салингена, в Печенгскую губу «*на энкгюйзенском судне (Энкгюйзен расположен рядом с Амстердамом. — Л.Т.) прибыли итальянцы, а кроме того суда из разных мест… Итальянцы прибыли в Соловки со многими ремесленниками, художниками и проч., оттуда отправились в Онегу, а затем выехали в Москву*»[489].

Ситуация на лондонском соляном рынке требовала решительных действий со стороны Тайного королевского совета, и ранней весной 1570 г. начались переговоры о заключении брака между английской королевой и французским принцем. Тайный совет Елизаветы I контролировал переговоры, направляя их в нужное русло. Согласно «Реляции касательно различных действий, связанных с негоциациями по поводу брачных препозиций Генри, герцога Анжуйского, и Франсуа, герцога Алансонского», составленной девять лет спустя в канцелярии сэра Уильяма Сесила, Англия вступила в дипломатическую игру в марте 1570 г., когда «*лорд Бакхерст, находившийся во Франции, был выдвинут Королевой-Матерью [в качестве посредника] от имени ее среднего сына, Монсеньора Анжуйского, и Кавальканти был использован там в качестве инструмента*»[490].

В конце марта 1570 г. Гвидо Кавальканти были переданы инструкции, составленные сэром Френсисом Уолсингемом. К этому же времени относятся ностальгические воспоминания Джерома Горсея о той «*счастливой поре*», когда «*достойный друг и родственник сэр Эдуард Горсей впервые познакомил*» его с главой английской разведки Уолсингемом. Вполне вероятно, что молодой Горсей был послан в «*цветущую*» Францию, чтобы передать важные бумаги Кавальканти, а также сообщить приятную новость, что королева увеличила размер его ежегодного пансиона.

К марту следующего 1571 г. в Париже был выработан документ с препозициями брачного соглашения от имени герцога Анжуйского. Один из девяти артикулов предусматривал переход Елизаветы в лоно Католической церкви и воспитание возможных наследников добрыми католиками. Доставить королевское послание в Англию было поручено Гвидо Кавальканти.

Несомненно, в Лондоне располагали сведениями о содержании секретного документа с того момента, как только документ попал в руки флорентийца, поэтому для обдумывания ответа английскому правительству потребовались считаные дни. В начале апреля Кавальканти прибыл в Лондон, 13 числа артикулы были переданы королеве, а три дня спустя французский посланник уже получил официальный ответ. Как и следовало ожидать, камнем преткновения стал вопрос вероисповедания. Елизавета I выразила твердое желание остаться в лоне англиканской церкви.

Москву чрезвычайно интересовало развитие религиозного конфликта во Франции, а также ход англо-французских матримониальных переговоров. В случае поражения гугенотов «белая соль» из Ла-Рошели оказалась бы в руках Карла IX. В то же время провал брачных переговоров оставил бы Англию без французской соли, и перед Тайным советом вновь встал бы вопрос о расширении торговых связей с Москвой. Иван IV был крайне заинтересован в том, чтобы поднять цены на «русскую соль» на международном рынке.

В марте 1571 г. царь отправил к султану посла Ищеина-Кузминского с вестью, что готов уничтожить крепость в Кабарде и дать свободный пропуск купцам из Астрахани в Турцию. Тогда же купец Борзунов повез щедрую милостыню в греческие монастыри{491}. Направляя послов в Стамбул, правительство Ивана IV, несомненно, располагало сведениями о том, что препозиции герцога Анжуйского не получат одобрения со стороны королевы. Скорее всего, сведения «из первых рук» были получены русскими «сходниками» в Нидерландах от человека, близкого к Кавальканти. Таким информантом мог стать молодой англичанин — Джером Горсей.

Горсей практически ничего не говорит в своем трактате о первых годах службы на благо Короны, лишь вскользь отмечает: «*Хотя я плохой грамматик, но, имея некоторые познания в греческом, я, используя сходство языков, достиг за короткое время понимания и свободного использования их разговорной речи*». Те, кому были адресованы записки, не могли не догадаться, что автор имел в виду свой опыт в использовании шифровальных книг — «Алфавита», или «Грамматики». Чуть дальше Горсей упоминает, что, овладев «грамматикой», читал русские хроники, «*хранимые в секрете*» князем

Иваном Федоровичем Мстиславским, одним из главных деятелей в правительстве Ивана IV. Джером Горсей вполне прозрачно намекнул, что был завербован или, если выразиться точнее, — позволил себя завербовать одному из русских «сходников» в Нидерландах ранней весной 1571 г. По сообщению Штадена, Иван Грозный не жалел денег, «*дабы узнавать, что творится в иных королевствах и землях*»[{492}].

Сотрудничество Джерома Горсея с русскими «сходниками» происходило на взаимовыгодных началах. В Москву передавались новости из Парижа и Лондона, английское правительство, в свою очередь, получало достоверные сведения о ситуации в Москве. Информация о том, что русские отправили посольство в Стамбул с намерением продать «неверным» крупную партию стратегического товара, поступила в Лондон не позднее апреля 1571 г. Уже в начале мая в Тайном совете было принято решение возобновить переговоры о союзе с Москвой. Тринадцать кораблей, нагруженные оружием, боеприпасами и порохом, отправились через Зунд в Нарву, а северным морским путем для урегулирования вопроса был послан Антон Дженкинсон.

Как только царское правительство получило известие о том, что англичане готовы пойти на уступки, был разыгран кровавый фарс с приходом «120-тысячного» войска Девлет-Гирея, сожжением Москвы и разрывом торгового договора со Стамбулом. В тот день, 24 мая, стояла тихая безветренная погода, как подчеркнул в своей записке Джон Стоу[{493}]. Находившийся в Москве Генрих Штаден сообщил, что пожар начался с какого-то «*подгороднего монастыря*», после чего трижды ударили в колокол, потом «*еще и еще раз… — пока огонь не подступил*» к Опричному двору государя. «*Отсюда огонь перекинулся на весь город Москву и Кремль. Прекратился звон колоколов*». Учитывая, что Опричный дворец располагался за Москвой-рекой на Болотной площади в расстоянии «*ружейного выстрела*» (около 500 м) от других построек и был обнесен стеной из тесаного камня высотой в 3 сажени (более 6 м), то огонь не мог перекинуться на Кремль самопроизвольно[{494}]. Москва занялась в нескольких местах одновременно и сгорела за три часа. Сила огня была такова, что плавился металл. Городовые ворота были заперты или заложены камнями, никому не дозволялось выйти. Организованных попыток потушить огонь не проводилось. Государева казна была

предварительно вывезена, войска выведены, город остался беззащитным. Эти и некоторые другие свидетельства современников дают основание утверждать, что столица была сожжена с ведома царя.

После пожара Иван IV и турецкий султан символически обменялись ножами в знак того, что торговая сделка не состоялась. Согласно русским хронографам, Андрей Ищеин-Кузминский обвинил турецкого султана, что его «посаженник» сжег Москву, и кинулся на того с кинжалом, «*и Паши подхватили. Турский же Царь не велел казнити Посла, а сказал, как-де Русский Посол изволил за своего Государя умерети, вы-де мне также служите — и отпустил Послов с честью*»[{495}]. В свою очередь, «ставленник» султана послал к великому князю посла и передал через него «*длинный нож в знак уважения и велел сообщить ему, что великий князь не должен гневаться за то, что он ему причинил, и не бояться, ибо он снова скоро вернется*»[{496}]. Джером Горсей упомянул в записках, что крымский посол получил от царя шубу и другие богатые подарки. Подробности инцидента во время дипломатического приема в Кремле, приведенные англичанином, позволяют сделать предположение, что он находился в то время в столице. Возможно, именно он доставил государю долгожданную весть, что Лондон готов пойти на уступки и заключить союзнический договор. Однако переговоры не состоялись по вине купцов Московской компании. Царь лишил англичан привилегий и выразил Елизавете I свое неудовольствие.

Весной 1572 г. «сходники» получили известие, что между английской королевой и Карлом IX был скреплен мир, и что королева-мать возобновила переговоры о заключении династического брака, на этот раз — от имени Франсуа герцога Алансонского. Одновременно в Париже велись переговоры о браке французской принцессы Маргариты де Валуа и Генриха IV Наваррского — лидера гугенотов. Переговоры с наваррским королем завершились в считаные дни. Брачный контракт был подписан в апреле, свадьба назначена на 18 августа. Если европейские наблюдатели ожидали, что матримониальные переговоры в Лондоне будут такими же стремительными и успешными, то их надежды не оправдались.

Препозиции нового брачного соглашения от имени герцога Алансонского были переданы английскому правительству 22 июля. Елизавета I попросила месяц на размышление. По мнению сэра

Френсиса Уолсингема, препятствием для брака могла стать малопривлекательная внешность принца, лицо которого подпортили следы оспы. Как и было обещано, ровно через месяц, 22 августа, французский посол был официально уведомлен от имени королевы, что все кондиции, касающиеся религиозного вопроса, остаются в силе. В ночь с 23 на 24 августа в Париже были убиты спутники короля Наварры и многие видные предводители гугенотов. Вслед за этим по Франции прокатилась волна погромов. Многие города пали, но защитники Ла-Рошели оказали отчаянное сопротивление и удержали крепость. Добыча «белой соли» осталась под контролем гугенотов. Англия осудила резню в Париже, брачные переговоры были приостановлены.

Френсис Уолсингем. Художник Джон де Критц

В Москве располагали сведениями о том, что матримониальные расчеты королевы-матери не оправдались. События развивались в благоприятном для царского правительства ключе. В письме к императору Максимилиану II государь достаточно цинично выразил сочувствие по поводу того, что кровь невинных людей пролилась без пользы для французского короля: «*А что, брат наш дражайший, скорбиш о кровозлитии, что учинилось у Французского короля в его королевстве, несколко тысяч и до сущих млденцов избито; и о том крестьянским госудаем пригоже скорбети, что такое безчеловечество Французской король над толиким народом учинил и кровь толикую без ума пролил*»[{497}].

На протяжении следующего года герцог Алансонский не оставлял попыток добиться руки английской королевы. В начале июня 1573 г. сэр Френсис Уолсингем составил документ, в котором указывались причины, препятствующие приезду французского принца в Лондон. Самым весомым аргументом, несомненно, стали денежные субсидии в размере 800 000 крон на поездку в Польшу для избранного короля и 200 000 крон — для королевы-матери, с обязательством последующей выплаты польскому королю в течение трех лет по 600 000 крон ежегодно[{498}]. Важная миссия по доставке в Париж депеши и ведению негоциации была возложена на Эдуарда Горсея и его молодого протеже.

Переговоры завершились к обоюдной выгоде. Месяц спустя в Европе стало известно, что Ла-Рошель сдала свои позиции и что герцог Анжуйский избран польским королем. Сведения «из первых рук» о событиях во Франции доставил в Москву, скорее всего, Джером Горсей. Королева-мать и по прошествии года не забыла, что ее ответное послание, отправленное с «*мастером Горсеем*» в Лондон, было вскрыто, и его содержание стало достоянием гласности[{499}].

Используя сведения о ходе борьбы за польскую корону, царское правительство интриговало в пользу избрания на польский престол самого Ивана IV или пыталось другим способом помешать английскому ставленнику занять королевский трон. В феврале 1574 г. герцог Анжуйский прибыл на коронацию в Польшу, а в ночь на 19

июня бежал во Францию, чтобы принять власть по смерти старшего брата. Польский престол вновь оказался вакантным. Москва поддержала кандидатуру эрцгерцога Эрнеста, сына императора Максимилиана II, в годы правления которого Дому Фуггеров удалось поправить свои финансовые дела.

Франсуа Алансонский. Гравюра XVI в.

Джером Горсей умалчивает о своей деятельности в России в 1573–1574 гг. Купцы Московской компании в эти годы понесли крупные убытки, товары были конфискованы в государеву казну, и многие привилегии аннулированы. Однако Горсей пользовался полным доверием со стороны русского правительства. Возможно, с его помощью царь получил доказательства «лазутчества» английских «гостей» с помощью зашифрованных писем и книг-«Алфавитов». В августе 1574 г. государь выговаривал английской королеве, чтобы

впредь «*к нам гостем своим ходити велела добрым людем, которой бы один свой торг знал и правду, а не лазучеством чтоб не воровством жили в нашем государстве…*» В завершение письма царь присовокупил в приказном тоне: «*А чтоб еси велела к нам своим людем привозити доспеху и ратного оружия и меди и олова и свинцу и серы горячие на продажу*»[500].

Товарооборот через устье Двины заметно снизился, однако импортные товары продолжали исправно поступать на русский рынок. Как отмечают исследователи, начиная с 1572 г. на протяжении нескольких лет англичане проводили торговые операции через Нюрнберг, откуда «ткани» поступали в Краков или Любек, а затем доставлялись в Нарву[501]. Неясно, знали ли в Москве, кто стоял на другом конце коммерческой цепочки. Скорее всего, царь был уверен, что его партнером является представитель германских «ткачей», и рассчитывал в скором времени заключить выгодный договор на поставку Фуггерам огромной партии «белой соли» в обмен на вооружение. С 1572 г. ее цена на внутреннем рынке увеличилась почти в два раза и достигла 10 денег за пуд. Солеварницы Строгановых работали на полную мощность, но товар шел в государеву казну.

В декабре 1574 г. в Россию прибыл имперский посол Кобенцель. В своей депеше от 13 марта 1575 г. он писал: «*А теперь В.К. (Великий Князь — Л.Т. намеревается, идя по Волге к Москве и оттуда к Новугороду, а далее к Пскову и Ливонии, сделать соляные склады, из коих снабжать солью за дешевую цену Ливонию, Куронию, Пруссию, Швецию и другие прилежащие земли; а соль ему везут в изобилии в его царскую казну. Когда В.К. приведет в исполнение это свое намерение, то он сделает большой вред и убыток Испании и Франции, которые доселе снабжали солью все эти места*». Еще больший энтузиазм звучит в его следующем донесении: «*На днях Государь учредил на Ливонской границе большие кладовые для соли, что будет приносить ему миллион талеров ежегодного дохода и причинит великий урон Франции, которая прежде сбывала там свою соль*».

Торг шел по всем правилам, русские сбивали цены на германский товар, не жалея денег на то, чтобы нужные слухи достигли ушей имперского посла: «*Немцы и Поляки, как и сами Москвитяне, уверяли меня (Кобенцеля — Л.Т.), что Государь во всякое время, когда захочет, может в сорок дней выставить тридцать тысяч конных воинов и*

сто тысяч стрельцов, что может показаться невероятным; но меня уверяли в этом клятвенно, присовокупляя, что, кроме других, в двух только местах хранятся две тысячи орудий с множеством разнородных машин» {502}. К весне 1576 г. была достигнута предварительная договоренность на поставку «русской соли» в обмен на артиллерию, боеприпасы и готовую селитру.

В мае 1576 г. Стефан Баторий был избран на польский престол. Проект возрождения антитурецкой коалиции и крестового похода против «неверных» обрел второе дыхание. В июле, как только в Регенсбург прибыли русские послы князь Захарий Сугорский и дьяк Арцыбашев, их посетил представитель Ватикана. Переговоры касались вопроса о присоединении России к антитурецкой коалиции и восстановлении Греческого царства. Однако дипломатам достичь договоренности не удалось. Аппетиты русских в отношении Киева и Великого княжества Литовского, которые царь намеревался присоединить к Московскому государству, показались польскому королю чрезмерными.

Джером Горсей отмечал в своих записках, что «*враги — поляки, шведы и крымцы — с трех сторон напали на его [Ивана IV] страну, король Стефан Баторий угрожал ему, что скоро посетит его в городе Москве. Он быстро приготовился, но недоставало пороха, свинца, селитры и серы, он не знал, откуда их получить, так как Нарва была закрыта, оставалась только Англия. Трудность заключалась в том, как доставить его письма королеве, ведь его владения были окружены и все проходы закрыты*». Роль посредника, по совету неких ближних людей, была отведена Джерому Горсею: «*[Он] послал за мной и сказал, что окажет мне честь, доверив значительное и секретное послание к ее величеству королеве Англии, ибо он слыхал, что я умею говорить по-русски, по-польски и по-голландски*». Ивану IV пришлось снизить тон в посланиях к Елизавете I, Москва пошла на уступки.

Николо-Корельский монастырь

Джером Горсей благополучно доставил царские письма в Лондон. Вопрос с поставками английского вооружения в обмен на «русскую соль» был решен в считаные дни. Тринадцатого января 1577 г. Тайный совет рассмотрел проект производства калийной селитры для нужд Короны на острове Уайт, который был предложен «*мастером Горсеем*» от имени голландского купца Корнелиуса Стифенсона. Проект получил одобрение королевы, соответствующие письма были отправлены к сэру Эдуарду Горсею, пожалованного к тому времени рыцарским титулом, и его помощникам. Три недели спустя Тайный совет передал на хранение под ответственность сэра Эдуарда большую партию железного купороса, который использовался не только для окраски тканей в зеленый цвет, но и как необходимый компонент в производстве азотной кислоты из натриевой селитры и квасцов. Владельцем королевского патента на производство железного купороса являлся Корнелиус Стифенсон. Шестого февраля голландский купец в присутствии сэра Эдуарда Горсея и трех свидетелей поставил свою подпись под документом, согласно которому ему передавался в аренду участок площадью в 4 акра на острове Уайт для организации производства калиевой селитры. Забота о доставке необходимого сырья — «русской соли» — возлагалась на «*мастера Горсея*»[503].

С летней навигацией 1577 г. Джером Горсей вернулся в Москву в должности «слуги» компании и с широкими полномочиями: под его началом находились все кладовые. Операции по доставке «русской соли» на остров Уайт проводились под видом частной коммерческой деятельности самого Горсея. На сумму поставленного сырья Россия получала из Англии готовую калийную селитру, серу, артиллерию и боеприпасы. Стоимость вооружения постоянно росла, и русским приходилось наращивать объем поставок, изымая товар с внутреннего рынка. Помимо продукции Строгановых на экспорт отправлялась соль, которая добывалась на солеварницах северных монастырей. С 1580 г. по 1584 г. продажа соли Соловецким, Спасо-Прилуцким и Никольско-Корельским монастырями увеличилась с 2–4 тыс. пудов до 40–50 тыс. пудов в год, однако цены в стране не только не упали, но выросли и достигли в среднем 20 денег за пуд{504}.

Деятельность Горсея не осталась не замеченной среди соотечественников, и в 1584 г. вспыхнул конфликт. Этому предшествовало трагическое событие: 23 марта 1583 г. скоропостижно скончался сэр Эдуард Горсей. Патент коментанта острова Уайт оказался свободен. Четыре дня спустя сэр Френсис Уолсингем получил сообщение, что вакантный пост передан сэру Филипу Сиднею, и что тот настаивает на внесении изменений в некоторые артикулы предыдущего патента{505}. Осенью того же года сэр Филип женился на дочери Уолсингема, но и этот брак не помог ему в борьбе за важный пост и преимущества государственного подрядчика. С помощью закулисных интриг патент получил сэр Джордж Карей, двоюродный брат королевы Елизаветы. В это же время на острове Уайте разразилась эпидемия чумы. Контракт Корнелиуса Стифенсона на производство селитры был естественным образом аннулирован.

Как только карантин на острове Уайт был снят, купцы Московской компании выдвинули ряд обвинений против Джерома Горсея. Ему вменялось в вину использование служебного положения в целях личного обогащения, растрата казенных денег и подлог товаров компании. Кроме того, его обвинили в том, что он выдал русским властям Джона Чапеля, прибывшего в Россию с целью шпионажа, о чем русские узнали из его писем. Особую заинтересованность в отставке Горсея проявил управляющий московской факторией Роберт

Пикок. Устранение Горсея освободило бы доходную должность поставщика «русской соли» на остров Уайт.

Русское правительство в лице Бориса Годунова первоначально выступало на стороне Горсея. Весной 1585 г. ему были доверены деликатные переговоры с вдовой короля Ливонии Марией Владимировной Старицкой касательно возвращения ее на родину. Однако после темной истории с присылкой летом того же года в Вологду повитухи ситуация изменилась. Русское правительство направило в Лондон ноту протеста, назвав приезд акушерки «*бесчестьем*» для царицы Ирины. Купцы компании винили Горсея в том, что он действовал во вред Короне: «*Когда Горсей прибыл в Англию с письмами царя (май 1585 г. — Л.Т.), то сказал королеве, что имеет поручение от царицы послать в Россию английскую повитуху. Несмотря на то что повитуха была послана, Джером Горсей сделал так, что царица не знала о ее приезде, и, продержав почти год в Вологде, вдали от Москвы, вернул женщину обратно без ведома царицы. Что его побуждало и чьим приказом он руководствовался, прося королеву о повитухе, можно только предполагать исходя из того, что он уехал внезапно, когда эта повитуха подала жалобу королеве*»[506].

Несмотря на жалобы компании, в 1587 г. Джером Горсей вновь отправился из Лондона в Россию с важным заданием, причем в большой спешке, не дожидаясь летней навигации. Его внезапный приезд в Москву и последующие действия были восприняты английскими купцами как превышение полномочий и злоупотребление доверием королевы. Они обвинили Горсея в том, что он узурпировал власть, отослал Роберта Пикока в Англию сухим путем и «*начал делать пристройки в доме Компании, в которых не было никакой необходимости*». Строительство дополнительных складских помещений говорит в пользу того, что поставки «русской соли» в Англию были возобновлены. Цены на соль в 1588 г. достигли в Москве пика — 35 денег за пуд. Товар вывозился, скорее всего, в Танкертон, на северное побережье графства Кент, где с 1588 г. началось производство железного купороса из пирита. Королевский патент был выдан на имя Корнелиуса Стифенсона[507].

Последний раз Джером Горсей посетил Россию в 1590–1591 гг. Переговоры касались претензий королевы в отношении неких «*дел и*

злоупотреблений» против подданных ее величества, а также возмещения убытков Московской компании. В свою очередь, дьяк Щелкалов обвинил Горсея в подделке королевских бумаг, и в ноябре того же года тот был выслан в Ярославль. В конце апреля — начале мая дело Горсея вновь было принято к рассмотрению, предполагалось вызвать его в столицу *«для нормального ведения дела»*, однако после трагического происшествия в Угличе необходимость в его приезде отпала.

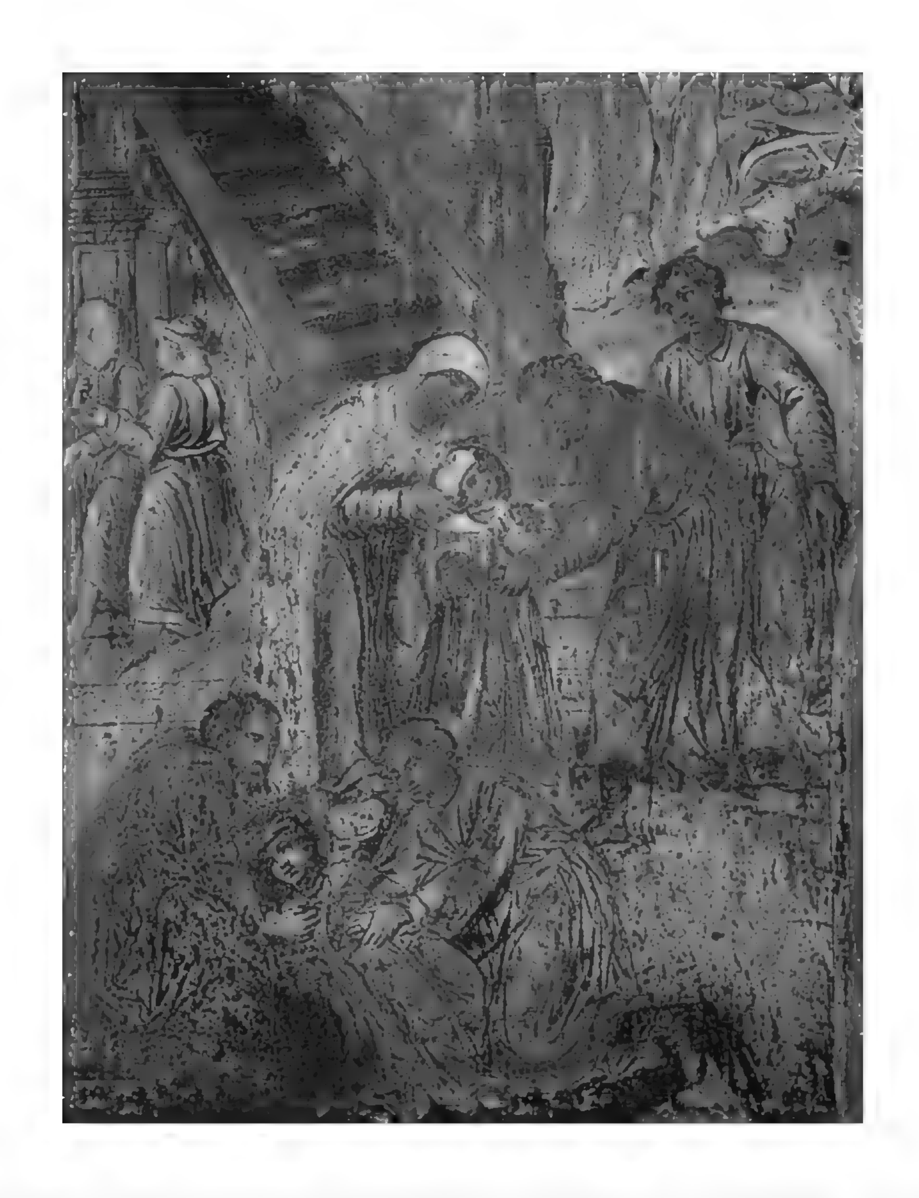
Борис Годунов. Парсуна XVI в.

15 мая 1591 г. погиб царевич Дмитрий, о чем Горсей узнал одним из первых. Новости чрезвычайной важности сообщил ему дядя царицы Марии, Афанасий Федорович Нагой. В своих мемуарах

англичанин не скрывал, что имел тайных информантов в окружении царя Федора и конюшего Бориса Годунова, сообщавших ему о назревавших событиях: «*За это время (находясь в Ярославле. — Л.Т.) я получил разные письма от некоторых моих старых и почетных друзей при царском дворе с разными тайными предупреждениями*».

Горсей также упоминал некоего русского доброжелателя, своего «*друга придворного*», уличенного в тайном сотрудничестве с английским агентом, но сумевшего отвести от себя подозрения: «*Впоследствии, когда правитель (Борис Годунов. — Л.Т.) обвинял его в этом, он отрицал все, клянясь, как он привык это делать, спасением души*». Скорее всего, этим «*придворным*», являлся Федор Никитич Романов (впоследствии патриарх Филарет). Джером Горсей дважды в своих записках упомянул, что сам составил, «*как смог*», для молодого Федора Никитича латинскую грамматику*: «Когда он был молод, я написал славянскими буквами латинские слова и фразы вроде грамматики, в которой тот находил много развлечения*». Под «грамматикой» он, несомненно, подразумевал «алфавит», или тайнопись.

Вернувшись в Англию, Джером Горсей не утратил контактов с русскими «друзьями». Его осведомители находились в окружении не только царей Ивана IV, Федора Ивановича, но и Бориса Годунова, и Михаила Романова. Тесные связи Горсея с патриархом Филаретом позволили англичанам заманить Россию в «медовую ловушку» в начале XVII столетия. По словам англичанина, «*Известная Компания английских купцов, торгующая с этими странами, предложила последнему царю (Михаилу Федоровичу. — Л.Т.) заем на 100 тыс. фунтов на нужды его величества в знак их благодарности за дружбу и расположение к ним предков этого царя*» [508].



Убийство царевича Димитрия. Фреска в церкви Димитрия на Крови

Безусловно, Джером Горсей являлся одним из лучших агентов английской разведки. В первые годы его пребывания в Московии в блжиайшее окружение Ивана IV был внедрен информатор, донесения которого представляли для лордов Тайного совета огромную ценность, — доктор Бомелиус. В самом деле, родственники государя или ближние бояре имели доступ к информации достаточно узкого характера. Гораздо большими возможностями обладал тот, кто был вхож в царскую опочивальню. Такой степенью доверия пользовался личный врач государя.

Царские лекари

Практика приглашения иностранных докторов на службу при великокняжеском дворе была введена в годы правления Ивана III. Летописи сообщают о немце Антоне и венецианском еврее Леоне. Великий князь Василий III доверял свое здоровье приехавшему из Рима Николаю Булеву, ливонцу Феофилу и греку Марку.

Настоятельная потребность в приглашении иностранного доктора Иван IV ощутил в конце 1550-х гг., когда отечественные лекари оказались бессильны перед странной болезнью, которой страдали члены царской семьи. Государь обратился к своему потенциальному союзнику — Англии. Он искал доктора с университетским образованием и с рекомендациями от королевы, которому можно было бы доверить здоровье наследника престола. В Лондоне, в свою очередь, были заинтересованы в том, чтобы государь приблизил лекаря к своей особе и доверял ему больше, чем родственникам или подданным. Иными словами, англичане стремились предоставить в распоряжение Ивана Грозного доктора, в личной преданности которого не возникло бы сомнений. Достичь этого им удалось с третьей попытки.

Во второй половине XVI в. при государевом дворе побывали семь докторов (помимо хирургов, аптекарей и акушерки). Все они являлись выпускниками Кембриджа и имели рекомендации от чиновников Королевской медицинской коллегии, членов Тайного совета или самой королевы. Биографии царских лекарей весьма схожи между собой: все они вынуждены были покинуть Англию, не имея легальной возможности работать на родине.

Ральф Стендиш (ок. 1522–1559), молодой и талантливый выпускник Кембриджа, первым из английских докторов отважился совершить опасное путешествие в Московию. Поступив в университет в 1542 г., Стендиш через год успешно сдал экзамены на степень бакалавра, что говорит о его незаурядных способностях{509}, а в 1547 г. — на степень магистра. В следующем году он женился и получил секретарскую должность в канцелярии управляющего университета. В 1553 г. Стендиш был аттестован на звание доктора

медицины. Пятого ноября 1556 г. он на «отлично» выдержал экзамен в Королевской медицинской коллегии и получил лицензию, которая давала право открыть частную практику. Однако лицензия ему была выдана сроком всего на один год[510].

В феврале 1557 г., пережив жестокое кораблекрушение у берегов Шотландии, в Лондон прибыл русский посол Осип Непея. По донесениям венецианцев, он намеревался достигнуть договоренности о поставках артиллерии и боеприпасов, а также о найме различных специалистов, в том числе доктора. После секретных совещаний в правительстве было решено удовлетворить все просьбы и пожелания посла[511].

Московская компания снарядила четыре корабля и обеспечила найм мастеров. Для Ральфа Стендиша предложение Непеи выглядело заманчиво: за прошедшие полгода ему не удалось открыть практику, срок действия лицензии истекал, а в Московии не было нужды беспокоиться о ее продлении. Разрешение на выезд доктор получил не позднее 23 апреля 1557 г., когда Непея удостоился прощальной аудиенции в королевском дворце.

Выход в море был назначен на начало мая, а 29 апреля 1557 г. купцы Московской компании устроили роскошный банкет в честь русского посла. Один из участников банкета отметил, что вино лилось рекой. Подняв тост за здоровье гостя, главные учредители объявили об оплате за счет компании издержек Непеи, связанных с кораблекрушением и пребыванием в Шотландии и Англии. В тот же день Ральф Стендиш написал завещание[512].

В середине лета английские корабли благополучно прибыли в устье Двины. Среди грузов находился сундук с лекарственными принадлежностями, которые сопровождал аптекарь Ричард Элмес. Доктор Стендиш был принят с большим почетом: он получил в подарок 70 рублей, коня и шубу, подбитую соболями. Вместе с другими англичанами доктор не менее шести раз принимал участие в царских пирах. Иностранцев поразило количество спиртных напитков, которые подавались к столу бочками. В конце декабря того же года и в середине апреля следующего года Стендиш удостоился чести пообедать в царских палатах вместе с английским посланником Дженкинсоном. Вскоре после этого доктор скончался.

В конце апреля 1558 г., по сообщению агента Московской компании Томаса Алькока, направлявшегося на родину, в Польше у него были конфискованы ценности, в том числе половина монеты «золотой ангел» и золотое кольцо, принадлежавшие доктору Стендишу[513]. В Англии монета достоинством в один «золотой ангел» являлась минимальной платой за услуги дипломированного врача. Половину монеты Стендиш получил, скорее всего, за врачебную помощь, оказанную им еще в тот период, когда он не имел лицензии доктора. Очевидно, это был его талисман. Если кольцо и половинка «ангела» представляли собой все ценности Стендиша, то следует признать, что доктор не преуспел в Московии. Меньше чем за год он истратил 70 рублей, лишился шубы и коня. Возможно, причина крылась в болезненной склонности доктора к алкогольным напиткам.

Как бы то ни было, профессиональные знания Ральфа Стендиша приносили ощутимую пользу кремлевским пациентам. С его смертью здоровье членов царской семьи оказалось в опасности. В июне 1558 г. скончалась царевна Евдокия, а на праздник Николы зимнего, в начале декабря 1559 г., во время богомолья опасно занемогла царица Анастасия. Вспоминая тяжелую дорогу с больной супругой из Можайска в Москву, Иван IV досадовал, что «*врачевстей же хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше*»[514], т. е. не было тогда и помину. Той же зимой о смерти доктора Стендиша наконец узнали в Англии: его завещание вступило в силу 24 декабря 1559 г.[515]

Прошло восемь лет, прежде чем царь обратился к английскому правительству с просьбой о присылке другого врача. Зимой 1566/1567 г. английский посол Антон Дженкинсон доставил в Лондон срочную грамоту с просьбой о доставке большой партии оружия и найме специалистов[516]. В перечне различных специалистов упоминалась должность врача. Несмотря на обещание «*великих милостей*» и гарантии свободного выезда на родину[517], среди профессиональных докторов не нашлось желающих посетить Россию. Приглашение Ивана Грозного принял недоучившийся студент.

Ричард Рейнольдс (ок. 1529–1606) был одаренным юношей из очень бедной семьи. В 1546 г. он поступил в Кембридж на правах стипендиата[518]. В следующем году Рейнольдс получил стипендию из фонда леди Маргарет, финансировавшего расходы кафедры

богословия. В 1550 г. ему была присвоена степень бакалавра[519]. Несмотря на успехи, Рейнольдс оставил теологию и, возможно, по совету сэра Уильяма Сесила, занялся медициной. В своем письме от 6 ноября 1552 г. он выразил государственному секретарю сердечную признательность за оплату его обучения[520]. На следующий год Рейнольдс выдержал экзамен на степень магистра, однако возможность завершить образование у него появилась лишь 14 лет спустя.

Очевидно, не без помощи высоких покровителей, 14 марта 1567 г. Ричард Рейнольдс получил разрешение на соискание звания доктора медицины, но, вместо того чтобы сдать экзамены, он оформил в Кембридже рекомендательные письма для поездки за границу[521] и в мае того же года отправился в Россию. Вместе с ним прибыли несколько хирургов; груз лекарственных товаров сопровождал аптекарь Томас Карвер.

Где находился Рейнольдс и чем он занимался в России целый год, неизвестно. Грамота, дозволявшая английскому доктору свободный выезд на родину, составлена в Москве 1 апреля 1568 г.[522] Однако, как сообщил Сесилу один из купцов компании, лекарь появился в столице в конце мая 1568 г. и получил от царя вознаграждение в размере 200 рублей[523].

Рейнольдс вернулся в Англию с твердым намерением принять сан священника. По королевскому указу от 7 августа 1568 г. ему был пожалован приход в городе Степлфорд-Эббот, а через год в дополнение к первому он получил приход в Ламборне[524]. Вскоре выяснилось, что пастор Рейнольдс врачевал не только души, но и тела своих прихожан. 14 января 1571 г. члены Королевской медицинской коллегии провели аттестацию Ричарда Рейнольдса и нашли его знания неудовлетворительными. Согласно протоколу, Рейнольдс «*по собственной инициативе сознался, что два года самовольно занимался врачебной практикой*». Коллегия признала его виновным, ему был назначен штраф в размере 20 фунтов и тюремное заключение до выплаты штрафа[525].

Вторично Рейнольдс был привлечен к суду за лечение без лицензии в августе 1579 г. На заседании коллегии он вел себя вызывающе. За оскорбление должностного лица его отправили в

тюрьму, но вскоре освободили по ходатайству Тайного королевского совета. До конца жизни Рейнольдс управлял двумя приходами, его перу принадлежат несколько сочинений исторического содержания и по искусству риторики. Он умер в декабре 1606 г.[526]

Короткий визит Рейнольдса в Россию оставил много вопросов. За какие заслуги он получил пожизненное покровительство Тайного королевского совета? Чем англичанин услужил Ивану Грозному? Несомненно, из рекомендательных писем русское правительство знало о незаконченном медицинском образовании студента. Тем не менее царь остался им доволен, пожаловав щедрым вознаграждением. А в мае следующего 1569 г. в Англию был направлен посол Совин с наказом обеспечить доставку в Россию оружия, боеприпасов и специалистов, включая врача. Тот выполнил поручение и привез в Москву… опасного преступника, которому было запрещено осуществлять медицинскую практику на территории Англии под страхом непосильного штрафа и тюремного заключения.

Элезиус Бомелиус (ок. 1530–1575) родился в Голландии, а вырос в вестфальском городе Везеле, куда его родители перебрались в поисках убежища от религиозных преследований. Его отец — известный в протестантских кругах теолог Генри Бомелиус — в 1540 г. получил приход в везельской церкви Св. Виллиброрда[527].

Весной 1555 г. в доме неподалеку от церкви поселились беглецы из Англии — протестанты Катерина и Ричард Бертье, искавшие спасения от агентов «кровавой» королевы Марии Тюдор[528]. Соседи Бомелиусов принадлежали к высшей английской аристократии. Катерина Бертье, урожденная баронесса Уиллоуби де Эресби, по первому мужу носила титул герцогини Брандон и входила в круг королевской семьи[529]. Второй брак герцогини, овдовевшей в 25 лет, наделал много шуму в Лондоне: Ричард Бертье, выпускник Оксфорда, служил в ее доме[530].

Супруги Бертье нашли в лице Бомелиусов добрых друзей. Двенадцатого октября 1555 г. Катерина родила мальчика. Его назвали Перегрин. Обряд крещения совершил пастор Генри Бомелиус, а Элезиус принял ребенка от купели[531]. Вскоре тревожные известия о розыске Бертье королевскими агентами заставили англичан покинуть Везель и перебраться сначала в Германию, а затем, по приглашению

польского короля, — в местечко Крозе в Самогитии[532]. Неясно, сопровождал ли Элезиус Бомелиус своего крестника в путешествии по дорогам Германии и Польши, но в Англию они прибыли одновременно.

В начале 1559 г., узнав о восшествии на престол Елизаветы I, исповедовавшей протестантство, семейство Бертье вернулось на родину. Едва ступив на английскую землю, баронесса обратилась к старинному другу семьи сэру Уильяму Сесилу с просьбой стать наставником юного Перегрина[533]. Крестному отцу мальчика также была оказана протекция в незнакомой стране. Вероятно, благодаря содействию государственного секретаря, Бомелиуса приняли в Кембридж на медицинскую кафедру в порядке исключения, не оформив соответствующим образом документы. Через несколько лет это обстоятельство принесло ему многие неприятности.

Летом 1564 г. королева Елизавета I посетила Кембридж, в ее свите находились Уильям Сесил и Ричард Бертье. По некоторым данным, государственный секретарь консультировался с Бомелиусом о возрасте королевы[534]. Очевидно, ответ студента понравился Сесилу. В том же году карьера Бомелиуса круто пошла вверх: он оставил Кембридж, переехал в Лондон, женился на девушке по имени Джейн Рикардс, арендовал дом в центре торгового района Чипсайд и открыл медицинскую практику[535]. Свободное время доктор посвятил изучению истории Англии и астрологии. Свою теорию о пятисотлетних циклах великих потрясений он изложил в рукописи, озаглавленной «Полезная астрология». Согласно его прогнозу, серьезная опасность грозила королеве и государству в 1570 г., который отделяли от норманского завоевания ровно 502 года[536].

Вскоре Элезиус Бомелиус стал одним из самых известных врачей Лондона. Среди его пациентов находились многие аристократы, но он не отказывал в помощи и беднякам. Бомелиус консультировал королеву, из-за чего приобрел врага в лице ее личного доктора Томаса Френсиса, президента Королевской медицинской коллегии[537].

Весной 1567 г., когда Ричард Рейнольдс оформлял рекомендательные письма для поездки в Московию, в узких кругах лондонских врачей стало известно, что Бомелиус был привлечен к суду и приговорен к тюремному заключению за врачевание без свидетельства об окончании университета. Доктор обратился к

Уильяму Сесилу с просьбой о материальной помощи. Выплатив штраф и получив свободу, Бомелиус подал 3 мая 1568 г. прошение в Оксфорд о включении его в гильдию как аттестованного в Кембридже доктора медицинских наук{538}.

Летом следующего года в Лондон прибыл русский посол Андрей Григорьевич Совин. Его официальное поручение состояло в подписании русско-английского союзнического договора, который включал пункт о взаимной помощи *«людьми, казной, снарядами и всеми предметами, нужными для войны»*, а также об отпуске специалистов, добровольно изъявивших желание выехать в Россию{539}. Помимо этого, Совин имел секретный наказ: заключить соглашение о предоставлении взаимного убежища царю в Англии, а королеве — в России. Английскую сторону на переговорах возглавлял государственный секретарь Уильям Сесил.

Проект договора был составлен с учетом интересов Москвы. Русское правительство расчитывало на уступки со стороны англичан, возлагая большие надежды на недовольство католиков притеснениями, которым они подвергались в Англии. В Риме готовилась булла о низложении Елизаветы и освобождении подданных от присяги, обнародование которой неизбежно повлекло бы за собой волну выступлений под знаменем католицизма. В случае успеха английская корона перешла бы к шотландской королеве Марии Стюарт, а для Елизаветы спасительной соломинкой стало бы политическое убежище в Московии.

Уильям Сесил. Неизвестный художник. XVI в.

Расчет правительства Ивана IV оказался на первых порах верным. В декабре 1569 г. в северных графствах вспыхнуло восстание католиков, во главе которого стоял герцог Норфолк, претендовавший на руку Марии Стюарт. Обстоятельства заставили Елизавету I пойти на уступки русским дипломатам. Основные статьи союзнического договора были приняты английским правительством без изменений в декабре 1569 г., незначительные поправки были внесены в пункты об условиях проживания русских купцов в Англии, а также о выезде специалистов в Россию[{540}]. Кандидатура на должность царского лекаря уже была у Сесила на примете — Элезиус Бомелиус. Но хотел ли тот добровольно покинуть Англию?

В начале декабря 1569 г. доктор Бомелиус вторично был привлечен к суду по обвинению во врачевании без лицензии. Его жена бросилась за помощью к Уильяму Сесилу: 12 декабря руководство Королевской медицинской коллегии получило письмо, написанное государственным секретарем «*от имени и по поручению*» Джейн Рикардс. В письме выражалась просьба освободить доктора, так как тот «*предъявил Королеве доказательства своей невиновности*». Коллегия рассмотрела ходатайство и потребовала от Бомелиуса уплатить штраф в размере 35 фунтов, а также запретила ему в дальнейшем заниматься врачебной практикой.

Доктор посчитал решение коллегии неправомочным. Его жена вновь обратилась к Уильяму Сесилу за содействием. Члены Коллегии в письме от 13 января 1570 г. выразили желание встретиться с государственным секретарем и обсудить письмо, написанное им от имени и по поручению Джейн Рикардс. Сесил предложил посетить его на следующий день, отметив, что «*у него не было желания нанести обиду членам Коллегии и что он был бы счастлив, если бы Бомелиус покинул Англию и уехал как можно дальше*»[{541}]. Неизвестно, чем завершилась встреча, но дело доктора переместилось в Церковный суд. Очевидно, слухи о занятиях астрологией послужили основанием для того, чтобы обвинить его в чародействе.

Джейн Рикардс добилась аудиенции у архиепископа Мэтью Паркера. Ее просьбы тронули сердце архиепископа. Запиской от 27 марта 1570 г. он распорядился смягчить условия заточения доктора. Бомелиусу было позволено свободно перемещаться по внутреннему двору тюрьмы, разговаривать с другими заключенными и видеться с женой. Доктор ждал освобождения со дня на день, но и по истечении недели он все еще находился за решеткой.

Не позднее 3 апреля Бомелиус получил известие, что обвинения в чародействе сняты, однако ему запрещено заниматься врачевательской наукой. В отчаянии он передал через жену записку архиепископу Паркеру, пустив в ход свой последний, и, как ему казалось, самый сильный аргумент: «*Преосвященнейшему предстоятелю Матфею, архиепископу Кентерберийскому, которого да хранит наш Господь. Ваше преосвященство! Поскольку обязанность доброго слуги повелевает предостерегать господина от грозящих бед, благодаря которой, призывая имя Господне, с тщательными приготовлениями и*

благоразумными решениями, он либо избежит грозящих опасностей, либо облегчит их, я посчитал и своим долгом в настоящих тревожных обстоятельствах безбоязненно открыть то, что благодаря долгим наблюдениям, ежедневному опыту на настоящий момент самым твердым образом установлено. Если сие, после моего предупреждения, правители Государства английского с доверием примут во внимание, они отвратят многие уже угрожающие обстоятельства и причины многочисленных зол и Родине своей наилучшим образом посодействуют своим решением. И дабы смог я тебе, отче (чью единственную в своем роде рассудительность, осмотрительную умеренность и любовь к отечеству не только англы, но и все иностранцы замечают и им удивляются), открыться и свободно припасть к твоей груди, не без великой выгоды для всей Англии и благополучия многих, усиленно тебя молю, чтобы после завтрака, если дозволит это твоя наиважнейшая занятость, дозволено было мне прийти к тебе, отче, чтобы ее Королевское Величество без задержки узнала твоим посредством мое мнение. Чтобы ты это сделал, по справедливости убеждают и понуждают тебя твое Отечество, благополучие досточтимой и благочестивой Государыни и твоя предусмотрительность, которая столь сильно в тебе проявляется. Будь здрав, отче. Из королевской тюрьмы, Музам чуждой. 3 апреля 1570 г. Твоему, отче, повелению повинующийся Елисей Бомелиус, врач-физик»[542].

Неосторожное письмо, в котором доктор выразил готовность сообщить при личной встрече некие сведения, касающиеся безопасности королевы, лишь усложнило ситуацию, т. к. в нем содержался намек на причастность Бомелиуса к заговору. Именно в это время Тайный совет был занят расследованием по делу итальянского банкира Роберта Ридольфи, заподозренного в подготовке покушения на Елизавету. В «заговор Ридольфи» были втянуты шотландская королева Мария Стюарт, находившаяся под домашним арестом в Лондоне, герцог Норфолк и испанский посол[543].

Архиепископ Паркер не решился взять на себя ответственность и в тот же день отправил послание государственному секретарю Уильяму Сесилу. Он писал: «*Сэр, считаю своим долгом уведомить Вашу честь, что я намеревался снять обвинения с Бомелиуса сегодня вечером или завтра утром, с тем чтобы он имел возможность*

покинуть округ в ближайшее время, выразив тем самым свое доброе расположение к нему, которое нашло поддержку у Совета Ее Величества, как сообщил мне от имени лорда-хранителя королевской печати и от вашего имени сэр Уильям Фицвильямс. Прежде чем я успел совершить сей поступок, упомянутый Бомелиус прислал сегодня утром ко мне свою жену с письмами, которые я направляю вам, и поскольку содержание их мне представляется крайне важным, я думаю, будет правильным прислать доктора к Вашей чести, чтобы вы могли разобраться в этом вопросе самым тщательным образом. Я не вполне понял [из письма], что он хотел сказать, но я боюсь, что здесь не обошлось без дьявольских козней. Было бы хорошо, если бы вы разобрались в этом, но я подозреваю злой умысел, поскольку не далее как вчера слышал [на исповеди] о попытке покушения (если это соответствует действительности) через отравление провианта на кораблях Ее Величества. ‹…› Если слова этого человека (Бомелиуса. — Л.Т.) есть не более чем астрологическое предсказание, то не стоит воспринимать его всерьез, но я не исключаю такой возможности, что преступный замысел будет осуществлен в канун Пасхи. Я распорядился дать ему послабление в Королевской тюрьме, где до сих пор он содержался в строгих условиях, но предупредил стражу, чтобы он не оказывал врачебной помощи подданным Ее Величества»[544].

Пасха в 1570 г. выпала на 5 апреля. Оставалось не более двух дней, чтобы проверить подозрения архиепископа Паркера. Если в правительстве и рассматривалось тайное предложение Ивана IV о предоставлении королеве Елизавете убежища в Московии как приемлемый выход из ситуации, то после записки архиепископа путешествие по морю полностью исключалось. Скорее всего, опасения Паркера подтвердились, т. к. дело доктора приобрело политическую окраску. Из друга и покровителя Сесил превратился в официальное лицо.

Элезиус Бомелиус был доставлен к государственному секретарю, и между ними состоялась беседа. Не удовлетворившись содержанием разговора, 7 апреля доктор отправил Уильяму Сесилу часть рукописи «Полезная астрология» и приложил собственноручное письмо. Он писал, что, по его мнению, учитывая показания гороскопа королевы, а «*также положение звезд во время ее вступления на престол, которые*

он открыл [во время последней встречи], необходимо принять соответствующие меры для блага нации»[545]. Слова доктора были истолкованы как доказательство его причастности к заговору.

В конце апреля Бомелиус написал государственному секретарю отчаянное письмо, что «*не дождался [от него] ответа на свое предложение служить Королеве*», что за это время он получил несколько записок от русского посла с предложением отправиться в Московию, но без совета и разрешения Сесила не может дать согласия. Он обещал передавать «*информацию политического характера и присылать ежегодно небольшие подарки*». Бомелиус просил решить его вопрос до ближайшего воскресенья, с тем чтобы Совин мог представить королеве его нижайшую просьбу, объяснить причину его пребывания в темнице и выхлопотать разрешение отправиться в Московию в сопровождении жены и слуги[546].

Миссия Совина в Лондоне близилась к завершению. Русский посол был доволен результатами переговоров: королева поставила свою подпись под текстом союзнического договора. Выполняя его условия, английское правительство предоставило Москве помощь оружием и боеприпасами: 14 кораблей готовились к отплытию в Балтийское море. К королям шведскому и датскому были составлены грамоты с просьбой беспрепятственно пропустить флот в Нарву с уплатой «*обычных зундских пошлин*». Однако с заключением соглашения о предоставлении взаимного убежища вышла заминка. Короткий навигационный период требовал скорейшего отправления, а Тайный совет тянул время с подписанием документа.

Шестого мая русский посол утратил хладнокровие и обратился к Уильяму Сесилу с пожеланием ускорить составление ответа на секретную грамоту, так как «*время уходить*». В записке подчеркивалось, что для ратификации союзнического договора царь ожидает прибытия от английской стороны Антона Дженкинсона[547].

Совин был уверен в успешном завершении переговоров, но обстоятельства к тому времени изменились. Булла Папы, обнародованная 24 февраля 1570 г., не оказала того действия, на которое расчитывали в католических кругах. Восстание в Норфолке было жестоко подавлено королевскими войсками. Условия содержания Марии Стюарт ужесточились. «Заговор Ридольфи» находился под

контролем Тайного совета. Нужда в политическом убежище для королевы отпала.

В начале мая губернатор Московской компании в записке, посланной через Дженкинсона, просил Сесила отложить ратификацию союзнического договора на год и вместе с тем скорее завершить дела, поскольку «*время года уже позднее*». Государственный секретарь выполнил пожелание купцов. Совин получил королевский «отпуск» 18 мая. Во время аудиенции ему был вручен ответ Елизаветы на тайную грамоту Ивана Грозного. Королева отклонила предложение о предоставлении ей убежища в России, документ оговаривал лишь условия пребывания царя в Англии[548]. Корабли Московской компании были готовы к отплытию, однако выход в море все еще задерживался: ждали Дженкинсона и доктора.

Бомелиуса продержали за решеткой до 2 июня. Государственный секретарь удовлетворил просьбу доктора, приняв во внимание его горячее желание пересылать в Лондон сведения политического характера. Пребывание в тюрьме было оформлено как наказание за административное правонарушение за врачевание без лицензии. Бомелиус получил официальное предупреждение от Королевской медицинской коллегии, что «*в случае повторного ареста в Лондоне или где-либо еще на территории Англии, он будет оштрафован на сумму в 100 фунтов*»[549].

В числе последних пассажиров Бомелиус, его жена и слуга едва успели вскочить на борт отходящего корабля. В спешке и суете посол Совин, должно быть, не заметил, что среди опоздавших пассажиров не оказалось Дженкинсона. Вместо него по трапу поднялся джентльмен солидной внешности, с окладистой бородкой, и со схожим в английском произношении именем — Джон Стоу.

Биографы располагают немалым количеством сведений из жизни Джона Стоу, извлеченных из его рукописей, книг, официальных документов, дневниковых записей, писем родственников, соседей, коллег и недругов. Однако факт его пребывания в России ускользнул от пытливого взора историков. Целый год выпал из биографии известного ученого, что удивительно, поскольку Стоу оставил собственноручное письмо о событиях в Московии. Подобно Бомелиусу, он покинул Лондон при весьма драматических

обстоятельствах: в самый разгар скандала, угрожавшего ему тюремным заключением.

Джон Стоу состоял в гильдии торговцев готовым платьем. Однако в аристократических кругах Англии его уважали не за изящный покрой швейных изделий. Стоу получил признание как историк, собиратель редких рукописей, знаток топографии и архитектуры Лондона. Он являлся признанным авторитетом в области истории Англии эпохи Тюдоров. Его перу принадлежал фундаментальный труд «Анналы, или Общая хроника Англии от времен Бритов до настоящего времени», а также «Свод английских летописей», изданный в 1561 г.

Страсть к коллекционированию манускриптов и раритетов послужили ему главной рекомендацией для вступления в лондонский кружок любителей старины, членами которого были представители высшего света. Покровительство собирателям древностей оказывал архиепископ Мэтью Паркер. Войти в круг титулованных любителей истории считалось особой честью.

При всех достоинствах ученого, Стоу имел вздорный и неуживчивый характер, о чем не раз упоминали его родственники, знакомые и соседи. До конца своих дней он вел тяжбу с родным братом по поводу наследства. Столь же сложными были его отношения с коллегами. К своей работе над хроникой английской истории Стоу относился крайне ревниво, опасаясь конкуренции со стороны других исследователей. Его конфликт с Ричардом Графтоном, одним из членов кружка любителей старины, широко обсуждался в лондонских научных кругах[550].

При королях Генрихе VIII и Эдуарде VI Графтон возглавлял королевскую типографию. Его карьере пришел конец, когда он выпустил прокламацию о восшествии на престол леди Джейн Грей и подписался «*печатником Ее Величества Королевы*». Через девять дней леди Грей была арестована, Мария Тюдор — провозглашена королевой, и Графтон очутился в тюрьме. Благодаря содействию высоких покровителей он обрел свободу, но власти запретили ему заниматься типографской деятельностью. Выйдя в отставку, Графтон занялся изучением истории Англии.

Конфронтация между двумя учеными возникла в начале 1560-х гг. после публикации книги Графтона «Обзор английских хроник». Стоу обвинил коллегу в плагиате и выпустил в свет второе издание «Свода

английских летописей» с дополнениями. Книга вызвала нападки в адрес автора со стороны Церкви. Стоу был обвинен в бестактности по отношению к особе королевской крови: речь шла о «*постыдных подробностях фантомной беременности королевы Марии*»[551]. Пока Стоу доказывал свою лояльность в церковном суде, Графтон опубликовал «Краткий справочник летописей Англии». После этого спор между двумя учеными приобрел публичный характер. Взаимные обвинения в плагиате, фальсификации и искажении хронологии вылились в судебное разбирательство.

Тяжба в суде не помешала Джону Стоу выпустить солидный труд о гонениях на евреев в XII веке при короле Ричарде I и о роли еврейской нации в истории Англии. Книга немедленно привлекла внимание властей, ученого заподозрили в симпатиях к иудеям. В феврале 1568 г. его дом подвергся обыску. Список конфискованных «*опасных*» книг включал 32 наименования. О результатах обыска было доложено государственному секретарю Уильяму Сесилу[552].

Графтон мобилизовал связи при дворе и опубликовал в конце 1569 г. новый исторический опус, посвятив его Сесилу и снабдив предисловием, написанным известным переводчиком трудов Кальвина Томасом Нортоном. Это был сильный ход, но Стоу не сложил оружия и выпустил исправленный и дополненный «Свод английских летописей». Графтон ответил целой серией статей с обвинениями в передергивании фактов и фальсификации истории.

В начале 1570 г. в доме Стоу был произведен повторный обыск. Кто-то донес властям о его связях с испанским послом, который также интересовался старинными манускриптами. Его заподозрили в соучастии в «заговоре Ридольфи». Стоу грозило тюремное заключение. И в этот критический момент он очутился на борту корабля, который держал путь в далекую Россию. Вряд ли ему удалось бы получить выездные документы, находясь под следствием. Возможно, ему пришлось пойти на подлог и выдать себя за другое лицо. Дальнейшие события говорят в пользу того, что ему было оказано содействие в побеге неким очень влиятельным лицом, имевшим непосредственное отношение к Московской компании.

Скорее всего, Стоу совершил путешествие в Московию под чужой фамилией, как мастер Проктор. В английском языке «мастер проктор» (*Master proctor*) означает «господин управляющий», в то же время

«мастер Проктор» (*Master Proctor)* является обращением к человеку с достаточно распространенной фамилией Проктор. Исследователям известны два *Мастера Проктора,* которые числились в списках Московской компании в последней четверти XVI в. — Ричард и Николас, братья. Первый — долгие годы служил клерком в лондонской конторе и не покидал Англии, второй — в начале 1570-х гг. возглавлял московскую факторию и был выслан из России за то, что «*своим неподобающим поведением подверг собственную жизнь и жизнь служащих компании, равно как и товары упомянутой компании, крайней опасности*»[{553}].

Если наше предположение верно, то Джон Стоу получил предложение заменить по каким-то причинам отсутствовавшего «Мастера Проктора» и отправиться в Московию на должность «мастера проктора». Так Джон Стоу оказался на одном корабле с Бомелиусом. Несомненно, поначалу два пассажира нашли общий язык: оба достигли известности и признания благодаря собственным талантам и усилиям, оба подверглись преследованиям со стороны властей по нелепому обвинению в участии в заговоре Ридольфи. Их объединяла симпатия к архиепископу Паркеру, может быть, им приходилось раньше встречаться на заседаниях кружка любителей старины. Много общего у них нашлось на почве увлечения историей и коллекционирования манускриптов. Однако как только выяснилось, что содержание книги Бомелиуса касалось той же темы, над которой работал Джон Стоу, и что доктор перед отъездом передал свою рукопись Уильяму Сесилу, их взаимоотношения резко испортились. На русскую землю они ступили врагами.

В середине июля английские суда благополучно совершили морское путешествие и пришвартовались у Розового острова в устье Северной Двины. В Москве с нетерпением ждали королевского посла для ратификации союзнического договора. Как только англичане прибыли в столицу, выяснилось, что Дженкинсона среди них нет. Несомненно, московские власти предприняли расследование обстоятельств, при которых вместо полномочного посла королевы на борту корабля оказался агент Московской компании. В ходе дознания всплыли факты, о которых и Джон Стоу, и Элезиус Бомелиус предпочли бы умолчать.

Дальнейшие события не нашли отражения в документах, но их возможно реконструировать на основе психологических портретов Бомелиуса и Стоу. Во время расследования причин отсутствия Дженкинсона, личность Джона Стоу удостоверил Элезиус Бомелиус. Доктор подтвердил, что тот состоял у властей на подозрении в неблагонадежности, его дом подвергался обыску в связи с расследованием «заговора Ридольфи» и он прибыл по чужим документам, — что было чистой правдой. Уличенный в обмане, Джон Стоу не остался в долгу. Он сообщил, что Бомелиус находился в тюрьме по обвинению в покушении на королеву, а не из-за административного правонарушения, — что также соответствовало действительности. Обстоятельства отъезда Джона Стоу и Бомелиуса не могли не вызвать подозрения у русских властей: вместо сурового наказания они получили право свободного выезда из страны и хорошо оплачиваемые должности. Обоих заподозрили в шпионаже.

Осенью 1570 г. у Ивана Грозного было достаточно поводов для гнева на английских купцов. Помимо того что не состоялась ратификация союзнического договора из-за отсутствия Антона Дженкинсона, в 20-х числах октября в Александровской слободе получили сообщение о досадном происшествии в Нарве, в результате которого доставка вооружения, согласно договоренности, достигнутой во время визита Совина, была сорвана.

В начале июля тринадцать английских кораблей, нагруженных артиллерией, порохом и боеприпасами, благополучно прошли через Зунд. Десятого июля, находясь в 50 верстах от Нарвы, они встретили 6 датских «каперов». Боевое столкновение завершилось блестящей победой англичан. Отбив пять шхун с 83 членами команды, английские суда прибыли в Нарву. Полагая, что военное снаряжение предназначалось для защиты товаров компании от морских разбойников, купцы фактории заполнили трюмы грузом и отправили все тринадцать кораблей в обратный путь, а пленных пиратов препроводили в Псков к «*воеводе князю Юрию*», с тем чтобы тот доставил их к царю. Пушки и боеприпасы, посланные в Россию, вернулись в Англию. Известие о событиях в Нарве царь получил от «слуги» английской компании, пешком проделавшего путь из Пскова в Александровскую слободу вместе с пленными моряками.

В грамоте от 24 октября 1570 г. Иван Грозный разразился бранью в адрес королевы, обвинив в нарушении условий договора «*мужиков торговых*», которые отныне «*верити не пригожи*»*: «Мы думали, что ты в своем государстве государыня, что ты имеешь государскую власть и заботишься о своей государской чести и о выгодах своего государства, поэтому мы и хотели делать с тобою дела по-государски. Но мы видим, что твоим государством правят помимо тебя люди, да не то что люди, но мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица*». Царь лишил купцов всех привилегий с конфискацией товаров, он пригрозил свернуть торговую деятельность компании и выслать англичан, в том числе Джона Стоу и Элезиуса Бомелиуса.

Добившись годовой отсрочки с ратификацией союзнического договора, английское правительство постаралось выполнить некоторые обязательства, с тем чтобы смягчить гнев государя. В начале мая 1571 г. руководство Московской компании обратилось к государственному секретарю с просьбой выдать заем из королевской казны в 3000 талеров, чтобы предупредить Данию и Швецию о предстоящем походе через Зунд в Нарву каравана в 13 кораблей: «*Причина этой просьбы та, что они намерены немедленно отправить один корабль через Зунд прежде остальных, чтобы этим предупредить всех других иностранцев и чтобы приготовить лучший проезд для последующих кораблей. Без наличных денег они не могут этого сделать*»[{554}].

Груз кораблей представлял собой оружие и боеприпасы. В это же время в Лондоне были снаряжены еще два судна, следовавших северным морским путем. На одном из них находился Дженкинсон[{555}]. Слух о вот-вот готовом вступить в действие русско-английском союзническом договоре быстро распространился по Европе. По словам Таубе и Крузе, полученное «*от пленных*» известие о подходе на помощь русским 15 000 наемников герцога Магнуса заставило 120-тысячное войско хана Девлет-Гирея отступить от сгоревшей Москвы[{556}].

Джон Стоу выехал из Москвы на рассвете 24 мая — в день Вознесения Господня. Как он отметил позднее, то был «Божий Промысел». Через несколько часов после его отъезда город был подожжен, городские ворота заперты, и никому не позволялось выйти

из пылающей столицы[557]. Москва горела страшно. «В лето 7079-го (1571) попущением божиим за грехи християнския ‹…› прииде царь крымской к Москве и Москву выжег всю, в три часы вся згорела, и людей без числа згорело всяких»[558].

Англичанин не видел горящей столицы, но он записал впечатления своего соотечественника, который догнал Джона Стоу и его спутников в Ярославле. Стоу называет очевидца по первой букве его имени: «Джей» («J.»), возможно — Джером Горсей (Jerome Horsey). Торопливым почерком, с многочисленными повторами и помарками Стоу записал эмоциональный рассказ свидетеля происшествия: «*…“Джей” говорит, что все деревянные постройки там были превращены в пепел… Все это внезапно произошло после моего отъезда оттуда… Крымский вассал Турок захватил левую часть этой области и через 8 часов после моего отбытия из Москвы, в чем я вижу божий промысел, ворота города были заперты, никому не позволялось выйти, и как пламя свечи в 7 миль от [окружности] Москвы, один из дворцов царя, так что его можно было видеть со всех концов Москвы, которая составляет 20 миль в окружности целиком, также вскоре после этого, погиб в пожаре, и ни одной щепки не осталось… Зловещий пожар так сильно ранил сердца людей в то время, как мы следовали по Переславской, Ростовской и Ярославской дорогам…*» Стоу свернул записку конвертом и запечатал сургучом, но оставил ее без подписи. Он адресовал письмо «*своему дорогому другу, мастеру Р. Эллиасу*», адрес которого он запамятовал и переправил Северную аллею на Южную[559]. Конверт отправился в Англию через континент, скорее всего, с тем самым таинственным «Джей», а Джон Стоу продолжил неторопливое путешествие к устью Северной Двины.

Рассказ Стоу о московском пожаре был передан в сжатом виде агентом Московской компании Ричардом Ускомбе, который прибыл на Розовый остров в августе 1571 г. Ускомбе ссылался на слова «*Мастера Проктора*»[560].

Джон Стоу вернулся в Лондон с крупной суммой денег в кармане. Он купил дом в зажиточном округе Св. Эндрю и обеспечил приданым трех дочерей. Помимо этого, он получил доступ к городским архивам и создал свой главный труд — «Статистическое описание Лондона». Все подозрения в причастности к заговору Ридольфи были с него сняты. Пребывание Стоу в Москве держалось в секрете.

Современники считали, что он не покидал пределов Англии, а если и путешествовал в поисках старинных рукописей, то «*никогда не пользовался транспортными средствами, передвигаясь исключительно пешком*»[{561}].

Письмо Стоу о московском пожаре, пройдя через многие руки и потеряв сургучную печать, нашло адресата через год, но тот к тому времени уже был мертв. На внутренней стороне конверта сделана приписка: «*Этот щедрый актер [из труппы] графа Эдуарда Дерби скончался к 29 ноября 1572*». Вполне понятно, почему Стоу отправил письмо анонимно: граф Эдуард Дерби находился под подозрением в связи с делом Ридольфи. Участники заговора рассчитывали на его финансовую поддержку. Только скоропостижная смерть, наступившая 24 октября 1572 г., избавила графа от следствия, тюрьмы и позорной казни[{562}]. Возможно, Стоу получил прощение и возможность вернуться на родину, сообщив таинственному «Джей» компрометирующие сведения о графе Эдуарде Дерби.

Если Джон Стоу благодарил Бога за то, что вырвался из рук кровавого тирана и благополучно вернулся в Англию, то Элезиус Бомелиус готов был отдать все, лишь бы остаться в России. Приговор Медицинской коллегии лишил его права заниматься врачебной практикой на территории Англии под угрозой непосильного штрафа и тюремного заключения. Дело о соучастии в покушении на королеву не получило официального завершения, в случае возвращения ему грозила смертная казнь. У Бомелиуса не было другого выхода, как просить у царя милости остаться. Очевидно, в начале лета 1571 г. нижайшая просьба доктора была удовлетворена, государь назначил ему испытательный срок.

В первую очередь оказались востребованы знания Бомелиуса в области ядов. «*Когда он (царь. — Л.Т.) снова вернулся в свой застенок — слободу и татарин (Девлет-Гирей. — Л.Т.) повернул обратно (т. е. после 24 мая 1571 г. — Л.Т.), начал он убивать людей новым способом при посредстве одного беглого, шельмовского доктора, по имени Елисея Фамелиуса [Бомелий]. ‹…› И он дал письменное приказание, как долго и сколько часов яд должен был иметь свое действие, для одних* $^{1}/_{2}$ *часа, для других 1, 2, 3, 4 часа днем и ночью и так дальше, как вздумается его тиранскому сердцу*»[{563}].

По сообщению Таубе и Крузе, 26 июня 1571 г. Бомелиус принимал участие в осмотре двенадцати девушек, отобранных из двух тысяч претенденток в царские невесты. Девушки должны были раздеться донага и снять ювелирные украшения. Медицинский осмотр проводился очень тщательно, вплоть до визуального анализа мочи. Такой метод выявления токсических веществ по изменению цвета урины, предложенный Парацельсом, был хорошо известен европейским врачам в XVI в. Очевидно, Бомелиус искал источник отравления членов царской семьи. Компетентность доктора настолько удовлетворила Ивана IV, что ему было позволено остаться в России. В августе 1571 г. государь «*свой гнев отложил*» от английских купцов[564].

Уже к концу октября Бомелиусу удалось достичь определенных успехов. Из двенадцати девушек были отобраны две для дальнейших экспериментов — боярские дочери Марфа Собакина и Евдокия Сабурова. Таубе и Крузе сообщают, что двойная свадьба царя и царевича Ивана Ивановича состоялась в «*день св. Михаила*», т. е. 8 ноября. На самом деле торжества были разнесены на две даты с интервалом в неделю: царь обвенчался с Марфой Собакиной 28 октября, а царевич с Евдокией Сабуровой — 4 ноября. Указывая день памяти Архангела Михаила, Таубе и Крузе, вероятно, подразумевали чудо, которое было совершено в этот день возле храма святого: излечение немой девушки с помощью воды из источника. Отсылка к чуду Архангела Михаила может быть интерпретирована как намек на то, что через несколько дней после венчания девушки «заговорили», открыв тайну отравления.

Марфа Собакина заболела накануне свадьбы, во время обряда наречения царского имени и обручения. Несмотря на плохое самочувствие невесты, венчание состоялось. В день свадьбы крепкая стража стояла у всех дворцовых ворот, у мыльни и у лестницы «*мимо царевичевых хором*», чтобы «*не пущати*»[565]. Две недели спустя, 13 ноября, царица Марфа умерла.

По свидетельству имперского посла Даниила Принтца, побывавшего в России в 1572 г., царица Марфа умерла, *«выпивши какое-то питье, пересланное ей матерью чрез придворного; этим питьем она, может быть, хотела приобресть себе плодородие; за это и мать и придворного он [царь] казнил»*[566]. Поскольку при дворе

Ивана IV соблюдались строжайшие меры безопасности из опасения за жизнь царя и царевича, то царица могла принять снадобье только с ведома супруга и доктора Бомелиуса. Питье, убившее ее, скорее всего, было изготовлено англичанином и представляло собой антидот. Доктор искал не только источник отравления, но и способ лечения. Возможно, Бомелиусу удалось определить состав яда и вывести его из организма царицы Марфы, но доза оказалась слишком большой, и девушка умерла.

Марфа Собакина. Антропологическая реконструкция

Летописи не сообщают каких-либо сведений о состоянии здоровья Евдокии Сабуровой во время медового месяца. Вполне вероятно, в день св. Михаила она также выпила лекарство, изготовленное Бомелиусом. Меньше чем через год после свадьбы, весной 1572 г., ее постригли в Покровский Суздальский монастырь по причине бесплодия. Эксперимент хоть и закончился для нее вполне благополучно, но вызвал полную дисфункцию детородных органов. Как видно, действие лекарства, составленного английским доктором, и в том и в другом случае было направлено на выведение ядов из мочеполовой системы пациенток.

Эксперимент с третьей женой государя позволил Бомелиусу установить, что царицы Анастасия Романова, Мария Темрюковна и Марфа Собакина скончались от яда. Двадцать девятого апреля 1572 г. представители высшего духовенства поставили свои подписи под Соборным определением, налагавшим епитимью на Ивана IV в связи с вступлением в четвертый брак. Внушительный по составу синклит официально признал, что «*вражьим наветом и злых людей чародейством и отравами Царицу Анастасию изведоша*», что царица Мария «*такожде вражьим злокозньством отравлена бысть и на мнозе болезни многоразличны скорби претерпев ко Господу отъиде*», и что царицу Марфу «*еще в девицах сущи, точию имя царское возложено на ней, и тако ей отраву злую учиниша… и толико быша за ним Царица Марфа две недели и преставися, понеже девства не разрешил третьяго брака*»[{567}].

Диагноз Бомелиуса подтвердили исследования, проводившиеся экспертами-криминалистами Т. Ф. Макаренко, В. Вороновой и Т. Д. Пановой в 1998–2000 гг. В останках первых двух цариц было выявлено невероятное количество ртути и мышьяка, многократно превышавшее допустимые нормы. Однако в случае Марфы Собакиной анализ не дал таких результатов[{568}], что можно объяснить действием лекарства Бомелиуса.

В XVI столетии врачам было известно, что отравляющие вещества могли попадать в организм мужчины через женщину, во время полового акта. Бомелиус, очевидно, заподозрил, что государь получал яд, в состав которого входили мышьяк и ртуть, именно таким образом. Одним из симптомов при хроническом отравлении тяжелыми металлами, в частности — ртутью, является повышенная

агрессивность. В медицине Средних веков такое заболевание было хорошо известно. Оно носило название «болезнь сумасшедшего шляпника», т. к. часто встречалось среди мастеров, применявших ртутные препараты при изготовлении фетровых шляп.

Иван Грозный. Парсуна XVI в.

Бомелиус, видимо, обнаружил зависимость между вспышками неконтролируемой ярости царя и датами посещения опочивальни царицы. Скорее всего, те случаи неконтролируемой ярости Ивана Грозного, о которых современники писали с содроганием, представляли собой результат воздействия сложного по составу

«зелья». Как писал позднее дьяк Иван Тимофеев, царь «*от зельной ярости*» возненавидел *«грады земли своей все»*[569].

Не вызывает сомнения, что первые эксперименты Бомелиуса на мужчинах были направлены на то, чтобы продемонстрировать воздействие таких препаратов. Доктор наглядно показал государю, что европейской медицине известны яды, действие которых начинается через определенный интервал времени — от получаса до нескольких часов. Опыты с царскими невестами помогли ему определить, что отравление Ивана IV происходило через женщинский организм. Благодаря лечению Бомелиуса состояние здоровья венценосного пациента значительно улучшилось. К сожалению, доктор не смог определить, каким образом яд поступал в организм цариц, но мимо его внимания не ускользнул тот факт, что вспышки царской ярости повторялись с определенной цикличностью. Цикл был связан с образом жизни государя, т. е. с соблюдением церковного календаря. Дальнейшие события свидетельствуют в пользу того, что Бомелиус попробовал подойти к решению проблемы с помощью математики и астрологии.

Созванный 29 апреля 1572 г. Освященный собор разрешил Ивану IV в порядке исключения вступить в четвертый брак с Анной Колтовской, оговорив условия покаяния. Соборное определение установило общий срок епитимьи в пять лет, из них три года строгого послушания взяли на себя «*архиепископы и епископы, архимандриты и игумены*», а два года, до Пасхи 1574 г., следовало провести в целомудрии самому новобрачному. Задним числом Собор постановил, что государю до Пасхи, которая в 1572 г. выпала на 6 апреля, в церковь не входить, на Пасху вкушать Дору (священный хлеб) «*меньшую*». Этот день был дан ему на «разрешение». Весь следующий год царю дозволялось находиться в притворе церкви, вместе с «*припадающими*». На Пасху 1573 г. (22 марта) ему было разрешено ходить к Доре «*к большой и к меньшой*». Весь следующий год, до Пасхи (выпала на 11 апреля 1574 г.), государю позволялось стоять в церкви «*с верными*» и принимать причастие «*по Владычным праздникам и по Богородичным, и ко святой воде, и к чудотворным медом*». Кроме того, пост снимался во время военных кампаний.

Свадебная роспись венчания Ивана IV с Анной Колтовской отсутствует в Разрядных книгах, поэтому не ясно, состоялся ли сам

обряд. В Соборном определении от 29 апреля 1572 г. Анна Колтовская уже названа «*благоверной царицей и великой княгиней*». Возможно, разрешение на брак было дано духовенством также задним числом, и венчание состоялось между 6 и 29 апреля, а именно — на Красную горку, в воскресенье 13 апреля. Накануне, в субботу 12 апреля, Анну Колтовскую нарекли царским именем и обручили.

Днем раньше, 11 апреля, в пятницу Светлой седмицы, Православная церковь празднует обновление Константинопольского храма в честь Живоносного источника. По уставу в этот день совершается чин водоосвящения с пасхальным крестным ходом. Страждущие телесными недугами, страстями и душевными немощами пьют эту живительную воду и получают различные исцеления. Вкушая святую воду, Анна Колтовская молилась, чтобы Пресвятая Богородица даровала ей чадородие. В событиях последующих двух лет в опытах над женщинами просматривается цикл с точкой отсчета 11 апреля. Очевидно, доктор заподозрил, что яд попадал в организм цариц во время церковного обряда, вместе с освященной водой.

Соблюдая условия Соборного определения, царь и его супруга соблюдали строгий пост в течение года. В это время они находились под неусыпным наблюдением врача. Бомелиус отрастил бороду, выучил русский язык и стал носить русское платье. Возможно, он принял православие, чтобы вникнуть во все тонкости богослужения и во время литургии находиться рядом со своими пациентами. Он всюду сопровождал царскую чету, принимал участие в торжественных выходах и присутствовал среди ближних людей при повседневных занятиях государя. По словам Горсея, доктор «*жил в большой милости у царя и в пышности*».

На Пасху, 22 марта 1573 г., закончился первый срок епитимьи, царь получил разрешение вкушать Святые Дары, но запрет на супружеские отношения все еще находился в силе. Бомелиусу требовался еще одна девушка для эксперимента, чтобы удостовериться в действии антидота и определить побочные эффекты лекарства. Выбор пал на родственницу государя — княжну Марию Владимировну Старицкую. Ее свадьба с ливонским королем Магнусом состоялась 12 апреля в новгородской церкви Св. Дмитрия. Пискаревский летописец сообщает, что княжну Марию «*к венчанию несли на руках*»[{570}]. Скорее всего, княжна Старицкая, подобно Марфе

Собакиной и Анне Колтовской, заболела накануне свадьбы, во время обряда обручения, который состоялся 11 апреля. Марию Владимировну в полуобморочном состоянии венчал дмитровский поп, Магнуса, находившегося на паперти вместе «с припадающими», — пастор. Возможно, свадьба имитировала обряд, который состоялся двумя годами раньше между царем и Анной Колтовской.

Логично предположить, что к больной супруге короля Ливонии царь прислал своего придворного лекаря — Бомелиуса. Мария Владимировна вскоре оправилась, ее детородные органы сохранили свои функции. (Как известно, от Магнуса у нее родилась дочь в 1581 г.) Бомелиус пришел к выводу, что нашел источник яда и способ его выведения из женского организма без побочных эффектов.

На Пасху, 11 апреля 1574 г., истек срок епитимьи, и Иван IV приступил к исполнению супружеских обязанностей. По истечении трех месяцев, в середине июля, стало ясно, что царица Анна бесплодна. Бомелиус не сдавался, он добился разрешения на еще один эксперимент. Не позднее 29 июля 1574 г. царевич Иван Иванович женился вторым браком на Феодосии Соловой, происходившей из семьи неродовитого сына боярского. К лету следующего года жена царевича не смогла зачать ребенка.

В 1575 г. царицу Анну Колтовскую сослали в Тихвинский монастырь по причине бесплодия. В том же году пятой супругой Ивана IV стала Анна Васильчикова, происхождение которой осталось неизвестно. Среди описаний браков государя нет сведений о его пятой женитьбе, а в обиходнике Волоколамского монастыря Васильчикова не названа «царицей», что позволяет исследователям сделать вывод, что обряды обручения и венчания не были совершены. Такой же невенчаной женой государя стала московская вдова Василиса Мелентьева, взятая по одной молитве.

Таким образом, за четыре года, с 1571 г. по 1575 г., в царских покоях побывали как минимум шесть женщин: четыре жены царя и две супруги царевича Ивана Ивановича. Все они принадлежали к различным социальным слоям: две из них — боярские дочери (Марфа Собакина, Евдокия Сабурова), две — дворянки (Анна Колтовская, Феодосия Соловая), две — «без роду, без племени» (Анна Васильчикова, Василиса Мелентьева), последняя из них — с опытом супружеской жизни, очевидно, рожавшая. Одна умерла, четыре —

сосланы в монастыри по причине бесплодия (по сведениям Н. М. Карамзина, Васильчикова через два года была пострижена и сослана в суздальский Покровский монастырь[571]). Судьба Мелентьевой не совсем ясна — то ли пострижена в монастырь, то ли убита вскоре после свадьбы.

Нельзя не заметить, что с каждым разом обряд бракосочетания упрощался: с Марфой Собакиной царь венчался с соблюдением всех тонкостей, с Анной Колтовской было совершено только обручение, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева — взяты по молитве. Сколько девушек помимо шести упомянутых в документах, стали жертвами экспериментов, неизвестно. Горсей отметил в своих записках: «*Он (Иван IV. — Л.Т.) сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни*».

Наиболее часто «кремлевские» жены сменялись в 1574–1575 гг. За полтора года, в покоях царя и царевича побывали четверо: Анна Колтовская, Анна Васильчикова, Василиса Меленьева и Феодосия Соловая. Опыты Бомелиуса доказали, что его первоначальная версия была не верна, и что церковный обряд не имел какого-либо отношения к проникновению яда в организм женщин. Доктор, видимо, нервничал, т. к. время шло, а он не мог определить, каким образом происходило отравление, не мог найти панацею. Ему не хватало знаний, но он, скорее всего, догадывался, где их можно найти. Бомелиуса могла выручить рукописная книга, смутные слухи о которой циркулировали в европейских научных кругах во второй половине XVI в. Ее автором считали английского ученого и философа Роджера Бэкона, жившего в XII столетии.

Василиса Мелентьева и Иван Грозный. Художник Н. В. Неврев

Единственный экземпляр этой книги хранится в настоящее время в библиотеке Йельского университета. Так называемая «Рукопись Войнича» представляет собой многостраничный манускрипт, выполненный на пергаменте. Книга состоит из шести разделов, условно названных «Ботанический», «Астрономический», «Биологический», «Космологический», «Фармацевтический» и «Рецептный». Рукопись богато иллюстрирована рисунками, на которых изображены миниатюрные фигуры обнаженных женщин,

путешествующих по трубам или купающихся в протоках, по форме напоминающих женские детородные органы. Автор манускрипта снабдил текст астрологическими диаграммами с традиционными символами зодиакальных созвездий, а также изображениями неизвестных ботаникам растений. На протяжении нескольких веков исследователи пытаются расшифровать текст рукописи, но пока безуспешно. Из документов известно, что император Священной Римской империи Рудольф II, страдавший душевной болезнью, симптомы которой были схожи с симптомами хронического отравления ртутью, приобрел рукопись за 600 дукатов в год смерти Ивана IV, в 1584 г. Как считают исследователи, продавцом книги являлся ее владелец — английский математик, астролог и каббалист Джон Ди[572].

Если Джон Ди и Элезиус Бомелиус не были знакомы лично, то, несомненно, были наслышаны друг о друге: оба закончили Кембридж, оба увлекались астрологией. У них было много общих знакомых, в том числе — сэр Уильям Сесил. Джон Ди принимал участие в подготовке экспедиции сэра Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера в 1553 г., а с 1555 г. являлся консультантом Московской компании. С 1566 г. по 1569 г. он жил в Лондоне в округе Мортлейк, в нескольких улицах от церкви Св. Микаэля ле Кверн, рядом с которой находися дом Бомелиуса. Доктор не мог не знать о знаменитой библиотеке Джона Ди, снискавшей громкую славу благодаря коллекции рукописей Роджера Бэкона.

Страница из «Манускрипта Войнича»

Десятого марта 1575 г. королева Елизавета в сопровождении сэра Уильяма Сесила и блестящей свиты придворных посетила библиотеку Джона Ди в Мортлейке, о чем хозяин дома сделал запись в дневнике[573]. Среди придворных, вероятно, находился только что возведенный в ранг посла Даниил Сильвестр — переводчик с русского языка, неоднократно бывавший в России. С летней навигацией того же года Сильвестр прибыл в Москву с особым поручением от королевы. Он мог стать тем информантом, кто сообщил Бомелиусу о посещении королевой библиотеки и о книгах, которые привлекли внимание Ее Величества. Доктора интересовала единственная рукопись из собрания

Джона Ди. Эта книга могла спасти жизнь многим подданным русского царя. После длительного периода затишья в первых числах августа 1575 г. в Москве вновь начались изуверские казни. Вряд ли Бомелиус рискнул бы признаться государю, что он не в состоянии вылечить его. Доктора немедленно выслали бы из страны.

Если Бомелиус узнал от Сильвестра о существовании этой книги, то он, несомненно, написал письмо к Джону Ди и постарался как можно скорее отправить его в Лондон с верным человеком. Скорее всего, он доверил его Джерому Горсею, который, по его собственным словам, ожидал в то время приказа царя, чтобы со дня на день отправиться в Англию через континент со срочным и тайным посланием к королеве Елизавете о присылке партии оружия и боеприпасов. Бомелиус рассчитывал получить книгу к середине октября — с кораблем, который должен был доставить груз для государя. Естественно, он был заинтересован в том, чтобы сохранить свою просьбу в тайне от царя.

С завершением навигации в Северном море связь с Англией осуществлялась через Балтику. Согласно «Таможенной регистрации», с 1575 г. по 1577 г. английские корабли швартовались в Риге[574]. Однако осенью 1575 г. в Москве, скорее всего, стало известно, что рижане через своего агента Израэля Джансона подали прошение на имя Елизаветы I с просьбой выдать патент на покупку английского оружия с последующей перепродажей противникам московитов[575].

Тайная поездка Бомелиуса в Ригу не могла не вызвать подозрений у русских. По словам Генриха Штадена, Бомелиус, *«будто бы для отправки своего слуги в Ригу за некоторыми лекарственными травами, которых он не мог найти в казне, он просил у великого князя проезжую. Проезжую взял он себе и под видом слуги пустился в путь, обратив в золото все свои деньги и добро и зашив его в одежду. Приехав в город Псков на ям, он хотел купить рыбы на торгу, где его узнали по говору, хотя он и был с остриженной бородой. Русские отыскали его гульдены, а самого милейшего доктора повезли обратно в Москву, в железах, залитых свинцом»*[576].

Если бы Бомелиусу и удалось благополучно добраться до Риги, то его ожидало бы огромное разочарование. Он не нашел бы там английских кораблей с грузом для Ивана IV. Заказанные русским царем товары прибыли в Любек. Партию амуниции доставил за свой

собственный счет торговец железным и скобяным товаром Джон Чапель. Как написал Джером Горсей со свойственной ему иронией, «*я подарил [Ивану IV] искусно сделанный кораблик, оснащенный всеми развернутыми парусами и всеми положенными снастями, подаренный мне м-ром Джоном Чаппелем из Любека и Лондона*».

В Любеке товар Джона Чапеля был конфискован представителями магистрата. На протяжении нескольких лет купец добивался возмещения убытков. Десятого мая 1581 г. Чапель подал в канцелярию королевы Елизаветы петицию с жалобой на самоуправство властей Любека, которые нанесли его делам огромный ущерб, и просил выдать каперское свидетельство. В тот же день вместо каперского свидетельства он получил сертификат, удостоверяющий, что Джон Чапель «*не получал каких-либо денег от жителей Любека за свои товары, и что ни одна из жительниц города Любека не подверглась растлению в России посредством его действий*»[577]. Очевидно, отказывая в каперском свидетельстве, Джону Чапелю вежливо намекнули, что среди его товаров находилась книга, предназначенная для проведения дальнейших экспериментов над женщинами в Москве.

Книга из библиотеки Джона Ди не попала в руки Бомелиуса. Закованного «в железа» доктора доставили из Пскова в пыточные казематы Кремля. Если первое «изменное» новгородское дело началось с казни князя Старицкого, повара и рыболовов, то шесть лет спустя в том же преступлении был обвинен Элезиус Бомелиус. Уличив его в покупке рыбы, ему предъявили обвинение в покушении на жизнь государя. Помимо этого, Бомелиуса обвинили, по словам Горсея, «*в сношениях письмами, написанными шифром по-латыни и по-гречески, с королями Польши и Швеции, причем письма эти были отправлены тремя путями*». Скорее всего, доказательством его преступной деятельности послужили письма от Джона Ди с каббалистическими символами, а также зашифрованная медицинская книга, доставленные из Любека. Московские власти приняли «манускрипт Войнича» за «Грамматику» или «Алфавит», предназначенный для дешифровки загадочных писем.

Обвинение англичан в тайной переписке через Любек нашли отражение в речи государя, произнесенной им 29 ноября 1575 г. во время приема посла Даниила Сильвестра: «*Кроме того, знаем мы, что некоторые подданные сестры нашей (королевы Елизаветы. — Л.Т.),*

пребывающие в городе Любеке в Саксонии (лица, принадлежащие — как полагаем — к обществу Гловера) тайно сносятся с некоторыми из наших непокорливых подданных посредством писем»[578].

По словам Горсея, «*Бомелиус все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему с помощью некоторых его доброжелателей, фаворитов царя, посланных посетить царевича Ивана, занятого пыткой Бомелиуса. Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал. Царь прислал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и провезли через Кремль. Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя бога; затем его бросили в темницу, где он и умер»* [579].

У Джерома Горсея не нашлось добрых слов в адрес покойного. Как написал он в своем трактате, «*искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр были рады его падению, так как он знал о них слишком много. Обучался он в Кембридже, но родился в Везеле, в Вестфалии, куда и пересылал через Англию большие богатства, скопленные в России*». Агент Московской компании сообщил неточные сведения: в Везеле из родных у Бомелиуса никого не осталось. Его отец еще в 1559 г. перебрался в Дисбург, где и умер в 1570 г.[580] Очевидно, фраза Горсея означала, что Бомелиус, как и обещал государственному секретарю, отправлял в Лондон сведения политического характера и небольшие подарки под видом переписки с крестником — Перегрином Бертье, единственным человеком, который связывал его с Везелем.

Горсей отметил, что Бомелиус «*был всегда врагом англичан*». Не хотел ли он этим сказать, что те сведения, которые Бомелиус отправлял сэру Уильяму Сесилу в «Вестфалию», являлись ложными? Если это так, то русские все же переиграли англичан, снабжая доктора только той информацией, которая была им выгодна.

Не только в Англии, но и в Московии Бомелиус оставил по себе дурную славу «*волхва лютого*»[581]. Однако со смертью английского чародея и астролога предсказатели судьбы не исчезли из ближайшего

окружения Ивана IV. Послушавшись «волхвов», царь посадил на престол Симеона Бекбулатовича.

Исходя из слов Горсея, можно сделать вывод, что дознание по делу английского доктора велось одновременно с делом новгородского владыки архиепископа Леонида. Согласно Московскому летописцу, архиепископ был лишен сана за то, что противился поставлению на царство крещеного татарина Симеона Бекбулатовича: «*Потом царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царьства и восхоте поставити ему препону, нарек на великое княжение царя Семиона Бекбулатова. Елицы же супротив сташа, глаголюще: “Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставляти”. И на тех возъяряся, казнил ноугородцкого архиепископа Леонида, чюдовскаго архимандрита Еуфимия, арханъгильского протопопа Ивана посадил в воду, боярина князя Петра Андреевича Куракина, стольника Протасья Васильевича Юрьева, окольничих Ивана Андреевича Бутурлина, Никиту Васильевича Бороздина и дворян князя Григорья Мещерского, диаков Семена Мишурина, Дружину Володимерова казнили на площади под колоколы. А Никиту Рамановича грабил*» [582].

Не выдержав пыток владыка во всем сознался и был казнен 20 октября. Бомелиус продержался немногим долее. Симеон Бекбулатович был поставлен на царство не позднее 30 октября 1575 г. «*Произволением царя и великого князя Ивана Васильевича сажал на царьство Московское царя Семиона Беидбулатовича и царьским венцом венчал в Пречистой большой соборной на Москве. А жил Семион на Взрубе за Встретением, где Розстрига жил. А сам князь велики жил за Неглинною на Петровке, на Орбате, против Каменново мосту старово, а звался «Иван Московский» и челобитные писали так же. А ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех. А бояр себе взял немного, а то все у Семиона. А как приедет к великому князю Семиону, и сядет далеко, как и бояря, а Семион князь велики сядет в царьском месте. И женил его, а дал за него Мстиславского дочерь кнегиню Анастасию, а свадьба была на Москве на Взрубе, а все по царьскому чину, а венчал в Пречистой большой митрополит. А говорили нецыи, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет переменение московскому царю смерть. А иные*

глаголы были в людех, что искушал люди: что молва будет в людех про то»[583].

В жены крещеному татарину была сосватана Анастасия Мстиславская, вдова только что скончавшегося астраханского царя Михаила Кайбуловича. Свадьба состоялась по царскому чину. «*А Семиона взвел на большей двор и велел его писати великим князем всеа Русии, и тут его женил, дал за него князя Иванову дочь Федоровича Мстиславскаго Анастасею, а перво была за царевичем за Михаилом Кайболовичем. А на свадьбе государь сам был в отцово место. Царевичь Иван — тысецкой. Дружки были со княжие стороны князь Василей Васильевичь Голицын, князь Петр Ивановичь Татев. Со княшнины стороны дружки Иван Васильевичь Шереметев, князь Дмитрей Ивановичь Хворостинин. А жены их свахи были. И чины все дал государьские — стольники, чашники. А сам велел писатися: "Князь Иван Васильевичь московской". И к образом припущал прикладыватьца наперед себя Семиона и к митрополиту благословлятися также наперед*»[584].

«Царская» чета поселилась «на Взрубе» — на дворе царевичей Ивана Ивановича и Федора Ивановича, выделенном им отцом в день смерти царицы Анастасии. Симеон Бекбулатович исполнял роль государя в повседневной жизни. Если для пробы блюд в государевом обиходе имелся специальный человек, то для «пробы» икон, плащаниц и Святых Даров предназначался Симеон Бекбулатович. Опасаясь яда, государь использовал «царя» Симеона и «царицу» Анастасию Мстиславскую для дальнейших опытов. «Иван Московский» наблюдал за ними, оставив за собой ту часть деятельности, которая была связана с дипломатическими обязанностями.

Послы иностранных держав, посетившие Московское государство в 1575–1576 гг., отметили, что в «посольском обычае» русских появилось нововведение: во время торжественных приемов Иван IV мыл руки. Имперский посол Даниил Принтц во время аудиенции, состоявшейся в Можайске 24 января 1576 г., обратил внимание на «*таз с умывальником*», который стоял по левую руку от великого князя[585]. Вручая верительные грамоты, посол не высказал какого-либо удивления или недовольства по поводу умывальных принадлежностей. В Европе хорошо знали, что яд может попасть в организм человека через кожный покров.

Крещеный татарин пробыл «царем Всея Руси» около года. Опыт дал прекрасные результаты. У Симеона Бекбулатовича и Анастасии Федоровны в последующие годы родилось шесть детей — три мальчика и три девочки. Осенью 1576 г. Иван IV удалил его в Тверь и вернулся на царство.

После казни Бомелиуса в течение пяти лет, до 1580 г., при царском дворе не было ни одного дипломированного врача. Однако в распоряжении государя все еще находились аптекарь Ричард Элмес, заведовавший травами с 1557 г., и вдова «волхва лютого». Царь удерживал их в стране, не давая разрешения на выезд. Вполне вероятно, что аптекарь и Джейн Рикардс нужны были ему для того, чтобы продолжать поиски источника «зельной ярости» государя и причину бесплодия царских жен.

Исследователи не располагают какими-либо сведениями о происхождении или образовании Джейн Рикардс, ее имя не упоминается в списках дипломированных акушерок. Однако она была предана мужу, разделяла его интересы и обладала сильным характером. Возможно, Ричард Элмс и Джейн Рикардс являлись теми «волхвами», по совету которых на царский престол был посажен Семион Бекбулатович. Скорее всего, в течение пяти лет они оказывали врачебную помощь членам царской семьи и продолжали опыты в поисках панацеи. В конце 1580 г. или начале 1581 г. состоялась свадьба младшего сына Ивана IV, царевича Федора Ивановича, и Ирины Годуновой. Через несколько месяцев после свадьбы стало ясно, что молодой женщине не удалось зачать ребенка. Около этого времени вдова «злого волхва» и аптекарь Элмс были отстранены от дел и отправлены на Розовый остров. В том же году государь изъявил желание пригласить дипломированных иностранных специалистов.

Весной 1581 г. в Россию приехал фламандский доктор Иоган Эйлоф, а с летней навигацией из Англии прибыли доктор Роберт Якоб и аптекарь Ричард Френшем. Подобно трем своим предшественникам, Роберт Якоб не имел лицензии на врачебную деятельность в Англии.

Роберт Якоб (1549–1588) родился в семье лондонского купца — торговца кожевенным и пушным товаром — и должен был со временем унаследовать торговое дело. Однако он избрал карьеру ученого. Видимо, решение Роберта не получило одобрения в семье, юноше нечем было платить за обучение: его приняли в Кембридж на

правах стипендиата. В 1570 г. Роберт получил степень бакалавра, три года спустя — магистра[586]. В апреле 1575 г. он отправился на континент и в течение двух лет обучался в Базельском университете. Его диплом доктора медицинских наук был зарегистрирован в Кембридже 15 мая 1579 г.[587], но аттестацию в Медицинской коллегии он не прошел.

Через два года Роберт Якоб получил предложение поехать в Россию. Отсутствие лицензии на врачебную деятельность не помешало королеве Елизавете дать доктору самую лестную характеристику и назвать его «*своим дворовым дохтором*». В грамоте к Ивану IV она рекомендовала его как «*в лекарех мужа наученого и науке в дохторской прямово и честново, не тово для что он здеся был не надобен, что он тобе надобен*»[588]. Королева лукавила, отправляя Роберта Якоба в Россию, — ее величество отнюдь не ущемляла своих интересов. При дворе Елизаветы состояло 15 докторов, 7 хирургов и несколько аптекарей[589].

Роберт Якоб и сопровождавший его аптекарь Ричард Френшем прибыли в гавань Розового острова летом 1581 г. на одном из тринадцати кораблей, груз которых состоял из «*меди, свинца, пороха, селитры, серы и всего остального*»[590]. Несмотря на отличные рекомендации, доктор оказался не у дел. Московская компания выдала ему 100 рублей и полгода содержала на свой счет[591]. В это время при особе государя находился фламандский доктор Иоган Эйлоф. Исследователи не располагают какими-либо сведениями о его образовании или врачебной деятельности до приезда в Москву, но царь доверял его советам.

Видимо, Эйлоф также пришел к выводу, что яд поступает в организм венценосного пациента через руки «итальянским способом». Фламандец действовал теми же методами, которые практиковались Бомелиусом и его коллегами. Папский легат Антонио Поссевино, побывав на царских приемах в начале осени 1581 г., с возмущением отметил: «*Мало того, великий князь всякий раз, как говорит с иностранными послами, при их уходе (как это случилось и с нами) омывает руки в золотой чаше, стоящей на скамье у всех на виду, как бы совершая обряд очищения*»[592].

В сентябре 1581 г. состоялись две свадьбы. Первым обвенчался Иван IV. Государь взял за себя боярскую дочь Марию Федоровну Нагую. В этот раз на «*радости*» Ивана Грозного должности «сторожей» при городовых воротах не были предусмотрены[593]. Через неделю состоялась вторая свадьба: царевич Иван Иванович сочетался браком с Еленой Ивановной Шереметевой. По словам Горсея, свадьбе царевича предшествовали смотрины, аналогичные тем, какие проводились Бомелиусом в 1570 г.: «*Царь Иван Васильевич собрал со всего государства самых красивых дочерей его бояр и дворян, девушек, и выбрал из них жену для своего старшего сына, царевича Ивана*». Англичанин не сообщает, сопровождались ли смотрины медицинским освидетельствованием, но можно предположить, что государь не утратил бдительности в этом вопросе, и претендентки подверглись тщательному врачебному осмотру с визуальным исследованием урины.

Лечение доктора Эйлофа дало обнадеживающие результаты. Уже к началу ноября стало известно, что супруга царевича беременна, как полагали — мальчиком. Визиты Ивана Грозного в опочивалью царицы Марии все еще не дали результатов, но государь не терял надежды.

Ожидание полного исцеления было омрачено трагическим происшествием. В ночь с воскресенья на понедельник, 9 ноября, находясь в Александровской слободе, государь избил до полусмерти сноху и нанес старшему сыну удар посохом в голову. Наиболее достоверные сведения о роковом событии передал Антонио Поссевино со слов своего информанта: «*Те, кто разузнавал правду (а при нем в это время находился один из оставленных мною переводчиков), передают как наиболее достоверную причину смерти следующее. Все знатные и богатые женщины по здешнему обычаю должны быть одеты в три платья, плотные или легкие в зависимости от времени года. Если же надевают одно, о них идет дурная слава. Третья жена сына Ивана как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдет. Неожиданно ее посетил великий князь московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нем, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но*

этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: “Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве”»[594].

Несмотря на болезненное состояние царевича, тяжелые побои и выкидыш Елены Ивановны, доктор Эйлоф в последующие 10 дней трижды составлял микстуры из трав, обладающих антисептическими и легкими тонизирующими свойствами. Количество лекарственных трав в государевой аптеке было на исходе. Как видно по сохранившимся рецептам, с каждым разом состав лекарства становился все более простым. В последнем упомянуты только три составляющих[595].

Царевич скончался 19 ноября, а через неделю, 25 ноября 1581 г., Роберт Якоб наконец прибыл в Москву и получил содержание из государевой казны[596]. Царская аптека пополнилась заграничными лекарствами с латинскими названиями, но заведовать ею продолжал доктор Эйлоф. Сладкая микстура, изготовленная им 2 декабря, насчитывала уже более пятидесяти ингредиентов. В середине января 1582 г. царица Мария Нагая наконец понесла.

Иван Грозный у тела убитого им сына. Художник Н. С. Шустов

Неизвестно, каким образом доктору Якобу удалось решить проблему бесплодия царицы и улучшить состояние здоровья Ивана IV. Вполне вероятно, он опирался на результаты новейших исследований в области медицины, которые проводил его коллега: придворный врач королевы — доктор Уильям Гилберт.

Уильям Гилберт (1540–1603) получил медицинское образование в Кембридже, степень доктора ему была присвоена в 1569 г., после чего он открыл практику в Лондоне. Его пациентами стали представители высшей аристократии: один из любимцев королевы — Роберт Дадли, граф Лестерский, а также — Уильям Сесил. Помимо врачебной помощи он занимался научными изысканиями, изучая природу магнита и статического электричества. К сожалению, бумаги,

относящиеся к профессиональной и исследовательской деятельности доктора Гилберта за 1570–1581 гг., утеряны. Как полагают, они погибли во время Лондонского пожара 1666 г. Исследователи придерживаются мнения, что таланты Уильяма Гилберта использовались сэром Сесилом не только в медицинских, но и в военных целях. Так, за три месяца до разгрома испанской Армады (1588) его имя было включено в списки служащих Королевского флота.

В 1600 г. за особые заслуги Гилберт получил почетный пост президента медицинской коллегии. В том же году вышла его книга «О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле. Новая физиология, доказанная множеством аргументов и опытов». Известно, что ученый опубликовал только часть своих открытий, но и это принесло ему мировую славу. Его труд стал первым научным исследованием магнитных и электрических явлений.

В своей книге Гилберт уделил основное внимание физическим свойствам магнита, вскользь коснувшись вопроса воздействия его на здоровье человека. Возможно, основная часть его исследований магнетизма — с точки зрения врача — осталась неопубликованной. Но и то, что Гилберт обнародовал на страницах своей книги, стало сенсацией. Опытным путем ученый пришел к выводу, что «*природа магнита двойственная, и больше — зловредная и пагубная*». С одной стороны, магнитное железо «*возвращает красоту и здоровье девушкам, страдающим бледностью и дурным цветом лица, так как оно сильно сушит и стягивает, не причиняя вреда*». С другой стороны, если принять магнит внутрь «*в порошкообразном состоянии, он не может ни притягивать, ни вытягивать железо, а скорее причинит те же болезни*». На основе экспериментов Гилберт выяснил, что прикладывание магнитов к голове не помогает излечению головных болей, так же как «*железный шлем или стальная шапка*».

Большим вкладом в медицинскую науку явились его исследования свойств драгоценных камней. Еще в 1546 г. итальянский врач Фракасторо обнаружил, что если потереть бриллиант, то камень начинает притягивать мелкие предметы. Гилберт исследовал поведение магнитной стрелки, помещенной в центр ожерелья из 75 крупных бриллиантов, и убедился, что драгоценные камни

магнитными свойствами не обладают. Он пришел к выводу, что природа такого явления связана со статическим электричеством[597].

Ученый выяснил, что свойствами янтаря обладают «*бриллиант, сапфир, карбункул, изумруд, камень ирис, опал, аметист, винцентина, бристольский камень (или флуор), берилл, и кристаллы, а также стекло (особенно светлое и блестящее), затем — поддельные камни из стекла или кристалла, сурьмяное стекло, большинство флюоров из рудников и белемниты, сера, мастика и сургуч, мышьяк (но слабее)*». Не электризуются: «*агат, жемчуг, яшма, халцедон, алебастр, порфир, коралл, мраморы, кремни, кости, слоновая кость, очень твердое дерево, а также металлы: серебро, золото, медь*».

Опыты Гилберта с драгоценными камнями, несомненно, имели практическое применение в изучении воздействия статического электричества на здоровье королевы Елизаветы I, чьи платья, корона и другие королевские регалии украшались многочисленными драгоценными камнями. Научное исследование Гилберта было связано с тем, что вскоре после коронации (1558) двадцатипятилетняя Елизавета стала лысеть, кроме того, ее мучили жестокие головные и зубные боли. О похожих симптомах у русского царя рассказывали современники. Почти полную потерю волос на голове и в бороде у государя отметили в 1564 г. Таубе и Крузе[598].

Как отмечали иностранные послы, одеяние Ивана IV во время торжественных выходов или дипломатических приемов отличалось особой роскошью. Оно представляло собой шелковое длиннополое платье, сплошь унизанное жемчугом и самоцветами. При любом движении государя возникало трение, камни с кристаллической структурой приобретали положительный заряд, а шелк — отрицательный. Во время аудиенции или церковной службы в течение долгих часов государь находился под воздействием постоянного тока низкого напряжения и малой силы. Золотой обод короны и многочисленные кольца на пальцах являлись проводниками. При этом возникал эффект, известный в настоящее время как «электрофорез». Для электрофореза характерно пролонгированное (от 1–3 до 15–20 дней) усвоение лекарственных веществ, так называемый эффект «депо».

Подобно магнитному полю, электрическое поле оказывало двойственное воздействие на организм государя — как

положительное, так и отрицательное. Криминалисты, изучавшие останки Ивана IV, отметили несколько аномалий. Во-первых, швы черепа выглядели слишком молодо, не соответствовали 53-летнему возрасту царя. Во-вторых, прекрасно сохранившиеся зубы также были лет на двадцать моложе государя — крепкие, не сношенные, два резца совсем не стерты, клыки только прорезались[599]. В то же время, по словам М. М. Герасимова, «*вокруг суставов длинных костей конечностей возникли гребни и наросты остеофитов; особенно сильное разращение их обнаруживается во всех местах прикрепления мышц. Такого образования остеофитов мы не наблюдали ни у 72-летнего Ярослава Мудрого, ни у адмирала Ушакова в 71 год, ни у Андрея Боголюбского в 63 года, а между тем царю Ивану в год его смерти было всего 54 года*»[600].

Возможно, анатомические аномалии, а также повышенное содержание ртути и мышьяка в тканях являлись результатом воздействия электрического поля и эффекта «электрофореза». Стоило царю выпить глоток средиземноморского вина, в которое для улучшения вкусовых качеств добавлялась свинцовая дробь, или откушать сельди из Плещеева озера — хищной рыбы, в теле которой накапливался свинец, и процесс насыщения организма тяжелым металлом проходил с многократным усилением. Такому же воздействию подвергалась царица, согласно этикету отбеливавшая лицо косметикой, с добавлением мышьяка, ртути, свинца или бария. Усвоение вредных элементов происходило пролонгированно, концентрация яда увеличивалась постепенно, вызывая у государя вспышку неконтролируемого насилия через несколько часов или дней после торжественного выхода или приема послов.

Иван Грозный. Антропологическая реконструкция

Подозрения в том, что царские регалии оказывали пагубное влияние на здоровье, не раз посещали Ивана Грозного. К концу его правления в сокровищнице насчитывалось по меньшей мере семь корон. А в последние годы жизни государя иностранные послы все чаще замечали на его голове шапочку с одним красным яхонтом, подобно тем, какие уже с конца XV в., в подражание итальянской моде, носили европейские короли. Не случайно с середины XVI столетия королева Англии Елизавета I, королева Шотландии Мария, королевы Франции Маргарита Валуа и Екатерина де Медичи ввели в моду парики. Золотые венцы, усыпанные бриллиантами, сапфирами и

рубинами, вызывали сильнейшие головные боли и воспаление зубных нервов.

Скорее всего, с любезного разрешения королевы Елизаветы в 1581 г. доктор Роберт Якоб, как умел (или в соответствии с теми инструкциями, которые были ему даны), объяснил государю природу его болезни. Незадолго до смерти Иван IV продемонстрировал Джерому Горсею свое знакомство с исследованиями Уильяма Гилберта. Пригласив англичанина в кремлевскую сокровищницу, государь первым делом провел опыт с магнитом: «*Магнит, как вы все знаете, имеет великое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю, и без которого невозможно узнать ни стороны, ни пределы света. [Железный] гроб персидского пророка Магомета висит над землей в их рапате в Дербенте. Он приказал слугам принести цепочку булавок и, притрагиваясь к ним магнитом, подвесил их одну на другую*»[601]. Затем, рассказывая о свойствах драгоценных камней, государь взял в руки три из них — коралл, бирюзу и оникс. На камни с кристаллической структурой он указывал, не притрагиваясь. Пауки, пущенные в круг, очерченный посохом из рога единорога и инкрустированным алмазами, рубинами, изумрудами и сапфирами, погибли, находившиеся вне круга — остались живы и разбежались. Иван Грозный признался Горсею, что единороговый посох он приобрел за «*70 000 марок у Давида Говера, доставшего его у богачей Аугсбурга*». Государь, скорее всего, считал, что драгоценные камни, обладавшие свойством магнита, попали в его сокровищницу из Аугсбурга, и имя отравителей — Фуггеры. Таким образом, после смерти царевича Ивана Ивановича государь наконец узнал тайну «зельной ярости», из-за которой он на протяжении более десяти лет «без ума» проливал кровь невинных людей, включая младенцев.

В конце 1581 — начале 1582 г. по приказу царя дьяки приступили к составлению «Синодика опальных» на основе судных дел, охватывающих период с 1564 г. по 1575 г. По наблюдениям исследователей, документ создавался в несколько этапов. В самом начале 1582 г. по крупным монастырям был разослан краткий список, содержавший 75 имен. В нем упомянуты лица, носившие думный чин: бояре, окольничие, казначеи, думные дьяки, а также наиболее знатные из дворян. В 1582–1583 гг. был составлен расширенный документ, в котором упоминаются около 3300 человек.

Отсутствие в списках некоторых громких имен привели С. Б. Веселовского, а вслед за ним и Р. Г. Скрынникова в недоумение. Выборочность списков была приписана «*спешке, небрежности самих составителей*», а также тому, что «*многие судные дела двадцатилетней давности оказались затерянными в 80-х годах*». В то же время была подмечена некоторая «*закономерность в расположении различных списков опальных, соответствующих отдельным судным делам*», но никаких конкретных выводов по этому поводу сделано не было[602].

При сопоставлении датировки дел и их расположения в «Синодике опальных» видно, что дьяки пересматривали докумены не менее шести раз, расширяя границы поиска и дополняя первоначальный список новыми именами. Исходный документ открывает имя Казарина Дубровского и всех казненных вместе с ним в ноябре-декабре 1567 г., а завершает — дело боярина Данилова (лето 1570 г.). Списки за этот период были пересмотрены вторично, и добавлены имена казненных в Сормово около 1568–1569 гг., убитых 9 октября 1569 г. вместе с князем Старицким, а также — замученных в Новгороде и Пскове зимой 1569/1570 г. и в июле-августе 1570 г. Затем верхняя и нижняя границы поисков были расширены, дьяки подняли судные дела за зиму 1564/1565 г. и ноябрь 1575 г. После этого свитки пересматривались еще по крайней мере трижды, в Синодик были включены пять дел, которые относились к летним месяцам 1571, 1572 и 1575 гг. В самом конце записаны имена лиц, казненных по делу князя Горенского зимой 1564/1565 г.[603]

Помимо Синодика в Кирилло-Белозерский монастырь посылались «милостыня» и «память», включавшая имена тех, кто не вошел в общий список опальных. Таким образом, работа с судными списками велась на протяжении длительного времени. Дьяки неоднократно пересматривали дела и выявляли имена тех лиц, с которых снималось обвинение в «измене». Выявление критериев, по которым отбирались те или иные судные дела, и сопоставление их с датами дипломатических приемов или торжественных выходов государя, не входит в задачу данного исследования. Вместе с тем нельзя не заметить, что определенная закономерность присутствует: включенные дела в основном тяготеют к большим церковным праздникам, таким

как Пасха и Николин день (память св. Николая Мирликийского отмечается 6 декабря, 9 мая и 29 июля).

В середине апреля 1582 г., когда сомнения в беременности царицы Марии Нагой полностью отпали, Иван IV принял решение вступить в брак с представительницей английского королевского дома. Доктор Якоб был вызван к государю 18 апреля «*и по вспросу в разговоре сказывал царю и великому князю, что есть в Английской земле удельного князя дочь девка Мария, а королевне де она племянница*». Доктор предложил свои услуги в матримониальных переговорах[{604}].

В Лондоне не знали, что доктор Якоб приступил к лечению и его знания способствовали выздоровлению Ивана Грозного. В мае 1582 г., по случаю прибытия в Англию русских послов Писемского и Ховралева, для Елизаветы I была составлена «память» с приложением вопросов, которые следовало прояснить в ходе первой аудиенции. В частности, королеве рекомендовалось «*спросить о здоровье царя и его сыновей: на это будет отвечено, что один из них умер. Благоволить Ея вел-во воспользоваться случаем спросить при этом, где был во время болезни этого сына доктор Якоби, ея лекарь, которого она рекомендовала царю, и как могло случиться, что он не был ранее допущен в присутствие царя; так как по великому искусству в его науке можно предполагать (если только наука могла это сделать), что он спас бы сказанного царского сына*».

Королеве не пришлось укорять царя за невнимание к доктору Якобу. В «памяти» русским послам, составленной также в мае, было предусмотрено заявление следующего содержания: «*Касательно письма, которое ваше величество писала ему с лекарем вашего величества, с доктором Робертом [Якобом], ‹…› и он (царь. — Л.Т.) принял на свое содержание лекаря вашего высочества и тех, кто с ним прибыли, и наградил их щедрою своею милостью и устроил их по их достоинству*»[{605}]. Посол Федор Писемский и подьячий Ховралев были уполномочены договориться в предварительном порядке о заключении союзнического договора и скреплении его браком Ивана IV с Марией Гастингс. В случае удачного заверешения дипломатических переговоров царь намеревался царицу Марию «*оставить и зговорить за королевину племянницу*». Мария Нагая, скорее всего, подобно предыдущим четырем женам государя являлась

«экспериментальной» супругой. Ее ожидали насильственный постриг и ссылка в монастырь.

Уже по прибытии русских послов в Лондон стало ясно, что негоциации затянутся на длительное время: аудиенция была отложена на неопределенный срок по причине карантина — при дворе королевы многие болели оспой. В исходе осени в Лондоне получили известие, что царица Мария Нагая благополучно родила мальчика 19 октября 1582 г. Английское правительство отклонило брачные препозиции русского царя под предлогом того, что лицо королевиной племянницы подпорчено оспой. Но истинной причиной, очевидно, было то, что некоторые пункты договора не устраивали лордов Тайного совета.

Переговоры сдвинулись с мертвой точки весной следующего года, когда из России прибыл переводчик Егидий Кроу. Он передал тайный наказ Ивана IV, «*отданный по поводу случившихся обстоятельств, относительно прибытия*» царя в Англию. О каких именно обстоятельствах шла речь, осталось неясным. Источники не сообщают о каких-либо дворцовых заговорах, покушениях на жизнь царя или смутах в этот год. Скорее — наоборот: весной 1583 г. в Москве получили радостное сообщение о покорении Сибири отрядами Ермака, а в мае того же года было заключено Плюсское перемирие со Швецией. Возможно, высказанное царем желание прибыть в Англию со всей казной и породниться с королевой представляло собой некий дипломатический ход.

Обдумав сообщение, переданное через Кроу, английское правительство удовлетворило пожелание государя. В мае состоялись смотрины Марии Гастингс в саду королевского дворца. Русский посол нашел, что она «*ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у рук пальцы тонки и долги*». В июне королева подписала верительные грамоты, подтверждавшие полномочия посла Джерома Боуса. Он был направлен в Москву для переговоров о заключении оборонительно-наступательного союза, о возмещении убытков купцам Московской компании, о посреднической роли королевы в переговорах Ивана IV с королем Швеции, о предоставлении царю политического убежища в Англии, а также о возвращении на родину аптекаря Френшама, поскольку его престарелый отец желает увидеть перед смертью сына и «*оставить ему во владения те земли и имущество, которые он для него собрал*».

По поводу заключения брака с Марией Гастингс послу предписывалось сказать, что «*девица впала в такое расстройство здоровья*», что ей не под силу будет совершить длительное морское путешествие. В личном письме к Ивану IV королева отметила, что посланный в предыдущем году Роберт Якоб столь же любим ею, как и Джером Боус, что первый — «*лицо испытанное и стяжавшее многие похвалы*», второй — вовремя «*попался на глаза*». Королева писала, что ожидает со стороны государя самого «*лучшего благорасположения*» к доктору[606].

В Москве поняли прозрачный намек Елизаветы I. Дипломатические переговоры велись на двух уровнях. Официальная часть проходила в Золотой палате между царем и Джеромом Боусом, секретная — в приватных комнатах между дьяком Посольского приказа Щелкаловым и Робертом Якобом. Закулисные переговоры настолько обнадежили царя, что все требования Боуса по возмещению убытков английским купцам были удовлетворены. Казалось, ничто не могло поколебать государя в решении скрепить союзнический договор через брак с какой-либо родственницей королевы. Возникшие разногласия с послом Боусом по поводу вероисповедания невесты он намеревался уладить с помощью своего духовника и доктора Якоба[607].

По словам Горсея, «*если бы сэр Джером Баус знал меру и умел воспользоваться моментом, король, захваченный сильным стремлением к своей цели, пошел бы навстречу всему, что бы ни было предложено, даже обещал, если эта его женитьба с родственницей королевы устроится, закрепить за ее потомством наследование короны. Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения*»[608].

Неизвестно, удалось ли Годуновым или другим ближним людям осуществить преступные намерения, но в разгар переговоров Иван IV заболел. Джером Боус назвал болезнь «*отвратительной*». По словам Джерома Горсея, «*половые органы [царя] стали страшно распухать*».

В свете тяжелого состояния здоровья государя пожелание Боуса, высказанное частным порядком, оказалось неприемлемым и нарушило

ход переговоров. Непомерность запросов посла выразилась в том, что он просил «*дать "отпуск" Ричарду Френшему, английскому аптекарю, его жене и детям с разрешением вывезти из России все товары, которые он там приобрел. Такой же «отпуск» — для Ричарда Элмеса, английского хирурга. И такое же разрешение на выезд для Джейн Рикардс, вдовы голландского доктора Бомелиуса, который по причине преступных сношений с польским королем был сожжен заживо в Москве в 1579 (так! — Л.Т.) году*»[609].

По словам Горсея, «*царь, в гневе не зная на что решиться, приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привезти их из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией*». В той области, которую широким взмахом руки очертил автор записок, находилась не только Карелия, но и Розовый остров, отданный купцам Московской компании под склады, здесь же располагался дом для прибывавших или отъезжающих сотрудников. Скорее всего, под «кудесниками и колдуньями» подразумевались Ричард Элмес и Джейн Рикардс.

«Волхвов» привезли в Москву и поместили под стражу. Их ежедневно посещал глава Аптекарского приказа Богдан Бельский. Государь «*был занят теперь лишь оборотами солнца*». Горсей указал, что предсказание по звездам делалось особами женского пола: «*Чародейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день; но Бельский не осмелился сказать царю так; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в этот день все они будут сожжены*». Из слов англичанина неясно, кто донес государю о предсказании «чародеек». Иван IV скончался в ночь с 18 на 19 марта 1584 г. По сообщению Исаака Массы, государь перед смертью принял «*прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье*»[610].

Вступивший на престол Федор Иванович отказался от услуг как доктора Иогана Эйлофа, так и Роберта Якоба. Первый — уехал в Ливонию[611], второй — в Англию[612]. Вместе с доктором Якобом вернулись на родину «кудесники и чародейки». Возможно, Джейн Рикардс было позволено увезти «рукопись Войнича», которая в том же году была продана императору Рудольфу II ее владельцем Джоном Ди. Вдова Бомелиуса вернулась из России богатой женщиной. Она

поселилась в том же доме возле церкви Св. Микаэля ле Кверн, где жила с супругом до отъезда в Московию. В октябре 1586 г. «*вдова доктора Бомелиуса»* вышла замуж за джентльмена по имени Томас Уенингтон[613]. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Русское правительство щедро расплатилось с Робертом Якобом. Он вывез из России «*10 000 фунтов воска*». Товар был конфискован Московской компанией в королевскую казну, в счет возмещения его долга. Доктору было предъявлено обвинение в проведении торговых операций без лицензии. Якоб подал петицию на имя сэра Френсиса Уолсингема с просьбой возместить ущерб. Его прошение не было удовлетворено[614]. Неприятности на этом не закончились. По прибытии в Лондон доктор Якоб подал в Медицинскую коллегию прошение о выдаче ему лицензии на медицинскую практику, но его дело было положено «под сукно».

В том же году репутация английских врачей на континенте серьезно пошатнулась. Причиной скандала стала опубликованная в Антверпене книга под названием «Копия письма, написанного выпускником Кембриджа к своему другу в Лондон…». Анонимный автор обвинил Роберта Дадли, графа Лестерского, в многочисленных убийствах. Его помощниками в преступлениях выступали придворные врачи, которые владели столь высоким познанием в искусстве отравления, что «*могли умертвить человека через любую болезнь, какую они желали, и через такой промежуток времени, какой был надобен*»[615]. Книга вызвала огромный интерес, она была переведена на другие языки и выдержала несколько изданий. Среди врачей-отравителей подразумевался и Роберт Якоб, пациентом которого до отъезда в Московию являлся Роберт Дадли.

Царь Федор Иванович. Парсуна XVI в.

«Сходники», несомненно, постарались передать в Россию сведения о неприглядной репутации врачей Елизаветы I. Тем не менее при дворе царя Федора Ивановича вскоре вновь потребовались услуги уличенного в преступной деятельности лекаря. В своем письме от 15 августа 1585 г. Борис Годунов просил Джерома Горсея позаботиться о присылке доктора Роберта Якоба со всем необходимым «*в связи с тем разговором*», который состоялся между ними на Троицу (выпала на 30 мая)[616]. В Лондоне предвосхитили пожелание Бориса Годунова: уже

21 мая прошению Роберта Якоба о выдаче медицинской лицензии был дан ход[617].

В сентябре, выполняя поручение царского конюшего, Джером Горсей отправился в Англию через континент. Горсей вез к королеве послание от царя Федора, полное недовольных упреков, перевод которого «*без дефектов*» (как указано на документе) выполнил сам Горсей. В частности, государь писал: «*Как мы полагаем, все эти действия ваших советников были предприняты без вашего ведома… Также мы направили от нас ребенка и прилагаем письма, из которых вы увидите, что подобные сделки в отношении его считаем неприемлимыми*»[618]. Трудно сказать, о каком ребенке шла речь, но с этого времени проблема чадородия в царской семье приобретает особую актуальность. Русское правительство посчитало необходимым пригласить иностранного специалиста-гинеколога.

К зиме 1585 г. улучшилось материальное положение доктора Якоба: у него появились средства, чтобы переехать в дом в богатом лондонском районе у церкви Девы Марии Коулчерч. В кратчайшие сроки в канцелярии Медицинской коллегии были оформлены документы, подтверждавшие его квалификацию в области гинекологии. За четыре месяца он прошел все бюрократические ступени: 12 ноября — назначен кандидатом, а 15 марта 1586 г. — стал членом Коллегии[619]. На следующий день решился вопрос о его поездке в Россию: 16 марта 1586 г. Роберт Якоб составил завещание. Он заплатил налог в 20 фунтов за дом, но завершить сделку не успел. Договор на аренду дома сроком на 40 лет от имени и по поручению Роберта Якоба заключили его дяди, Роберт и Хью Оффлей[620].

Доктор Якоб едва успел собрать необходимые вещи для поездки в Россию: 24 марта 1586 г. Елизавета подписала письмо к царице Ирине с рекомендациями как для самого доктора, так и для сопровождавшей его повитухи. Королева выразила надежду, что английские специалисты помогут «*подруге и сестре любительнейшей*» избавиться от бесплодия[621]. Руководство Московской компании пребывало в уверенности, что царица Ирина находится «*на пятом месяце беременности*»[622].

Поспешность с отправкой акушерки и гинеколога была, видимо, связана с тем, что русское правительство вело переговоры с Польшей о возвращении на родину королевы Ливонии Марии Владимировны, в

жилах которой текла кровь Рюриковичей. В случае бездетной кончины царя Федора Ивановича она и ее дети обладали преимущественным правом в наследовании царских регалий. В грамоте от 25 марта 1586 г. польские власти сообщили о решении короля Стефана Батория отпустить королеву Марию[623]. Летом того же года Мария Владимировна с детьми вернулась на родину. Слух о беременности царицы Ирины, видимо, был ложным. Она так и не узнала о прибытии акушерки.

Повитуха провела больше года в Вологде, а затем была отправлена в Англию. Вернувшись на родину, она подала жалобу на Московскую компанию с требованием возместить ей ущерб в размере 100 фунтов. Впоследствии Борис Годунов расценил приезд повивальной бабки как «*бесчестье*» для своей сестры[624]. В чем состояла роль английского гинеколога, также осталось неизвестным. Его дальнейшая судьба неясна: в конце 1586 г. родственники аннулировали договор на аренду дома у церкви Девы Марии Коулчерч. Как считают, доктор Якоб умер на чужбине, не обремененный семьей. Его завещание вступило в силу 5 июня 1588 г.[625]

После второго визита доктора Якоба последовал длительный перерыв, прежде чем царь Федор Иванович изъявил желание пригласить английского лекаря. В 1594 г. при государевом дворе появились два врача. Один из них был англичанином, другой — фламандцем. Оба прибыли на одном корабле, принадлежавшем Московской компании, при этом первый доктор отправился в путешествие из Лондона, второй — присоединился к английским купцам в Амстердаме. Их имена: Марк Ридлей и Болдуин Гамей.

Марк Ридлей (1560–1624) был младшим сыном в семье священника, свободно владевшего ивритом, латинским и греческим языками[626]. В 1577 г. Марк Ридлей был принят в Кембридж, через три года он получил степень бакалавра, а в 1584 г. — магистра. Торжественная церемония вручения Ридлею диплома доктора медицинских наук состоялась 7 апреля 1592 г., но несколько попыток сдать экзамены в Королевскую коллегию завершились провалом. Он был принят в Коллегию на правах лицензиата два года спустя по протекции королевы.

Кандидатура Марка Ридлея на должность царского лекаря была предложена не позднее 27 мая 1594 г., когда Елизавета I подписала

грамоту к Борису Годунову. В своем послании королева поздравила царского шурина с рождением племянницы Феодосии (уже умершей к тому времени) и порекомедовала воспользоваться знаниями доктора Ридлея, посылаемого на службу к царю Федору Ивановичу[{627}]. На следующий день, 28 мая 1594 г., имя Марка Ридлея было внесено в списки действительных членов Королевской медицинской коллегии[{628}].

Несколько дней спустя Ридлей покинул Лондон вместе с купцами Московской компании. Тем летом английские корабли изменили свой обычный маршрут: в Амстердаме на борт судна поднялся второй доктор — двадцати-шестилетний фламандец Болдуин Гамей.

Болдуин Гамей (1568–1640) родился в городе Брюгге. Одаренный юноша, в июле 1592 г. он закончил Лейденский университет, получив высшую оценку за научные труды в области «чахотки» (туберкулеза) и дизентерии. Учитель и наставник Гамея, доктор Герниус прочил ему великое будущее, однако в последующие два года молодой врач с трудом перебивался скудными заработками. Он сменил несколько городов в поисках работы. Наконец ему удалось получить место городского лекаря в Солене. Здесь весной 1594 г. его и нашло письмо доктора Герниуса, в котором тот советовал принять предложение русского посла и отправиться в Москву в качестве придворного лекаря.

Болдуин Гамей с радостью ухватился за представившуюся возможность. Все хлопоты по переписке с русскими властями и оформлению проезжих документов взял на себя доктор Герниус. По совету наставника, Гамей отправился в Амстердам, где ему следовало дожидаться английского судна. Здесь в доме друзей он познакомился с Сарой Оелс — хорошенькой дочерью голландского купца, получившей воспитание в Англии у своей тетки[{629}]. Молодые люди полюбили друг друга. Юноша покинул Амстердам с твердым намерением жениться на Саре.

Доктора Болдуин Гамей и Марк Ридлей прибыли в Москву осенью 1594 г. Вскоре энтузиазм фламандца сменился разочарованием. Русские пациенты отказывались принимать приготовленные им лекарства. В многостраничных письмах к доктору Герниусу он жаловался на атмосферу подозрительности, которой был окружен при царском дворе, и строил планы скорейшего отъезда. Без Сары в Москве ему было тоскливо и одиноко.

Согласно апокрифическому рассказу сына Гамея, англичане помогли доктору устроить побег. Летом 1597 г. Сара Оелс прибыла в Россию на корабле Московской компании. Испросив царского позволения встретить невесту, Болдуин Гамей приехал в Архангельск. Чтобы не вызвать подозрения у русских, он обменял заработанные деньги на кредитные письма, по которым должен был получить в Лондоне сумму, внесенную в кассу московской фактории. С тем же кораблем счастливые влюбленные отплыли в Англию{630}. Менее романтическая версия сообщает, что по истечении трехлетнего срока службы, оговоренного заранее, Гамей вернулся в Амстердам, женился на Саре Оелс и затем переехал в Лондон{631}.

Так или иначе, доктор Гамей с молодой женой оказался в Англии. Средства, заработанные им в Московии, позволили семье несколько лет прожить в достатке. В феврале 1602 г., когда деньги иссякли, доктор Гамей обратился в Королевскую медицинскую коллегию с прошением о включении в гильдию и выдаче лицензии, но получил отказ. Потратив восемь лет на тяжбы и выплатив штаф в 5 фунтов, он наконец в 1610 г. добился разрешения на врачебную деятельность{632}. Помогли связи: в тот год пост казначея Коллегии занял его московский знакомец — Марк Ридлей{633}. Доктор Болдуин Гамей прожил долгую жизнь, окруженный любящими детьми и внуками. Согласно его завещанию, 20 фунтов было передано в фонд Королевской медицинской коллегии{634}.

Если Болдуин Гамей тяготился пребыванием в Московии, то Марк Ридлей нашел применение своим талантам на чужбине. Он изучил русский язык и составил первый русско-английский словарь, или «Грамматику». Насколько востребованы оказались его знания в области медицины, неизвестно. О врачебной деятельности Ридлея в Московии никаких сведений не сохранилось. Отпуская доктора на родину в мае 1599 г., царь Борис Годунов отметил в грамоте к королеве Елизавете, что «*нашему царскому величеству служил он правдою*»{635}.

Вернувшись в Англию, Марк Ридлей открыл медицинскую практику. Члены Королевской коллегии несколько раз выбирали его на почетные должности цензора, советника или казначея. На основе работ Уильяма Гилберта доктор Ридлей издал в 1613 г. книгу с описанием физических опытов с магнитными телами. Еще одно сочинение о природе магнита он опубликовал в 1617 г., однако был обвинен в

плагиате Уильямом Барлоу[636]. Доктор Ридлей умер в начале 1624 г., не оставив наследников.

Царь Борис Годунов остался доволен службой Марка Ридлея, однако к моменту его отъезда отношения между двумя странами серьезно обострились. Русские власти выразили протест Англии, обвинив во вмешательстве в польско-шведский конфликт и оказании помощи польскому королю военными силами. Для урегулирования этого вопроса весной 1599 г. английское правительство намеревалось послать в Россию доктора Джозефа Джесопа.

Доктор Джесоп являлся компетентным лицом в вопросах международной политики Англии, так как состоял в должности секретаря главы британской разведки сэра Франсиса Уолсингема. Накануне отъезда Джессоп скоропостижно скончался[637]. Впрочем, дата его смерти остается под вопросом. На протяжении последующих пяти лет, до лета 1604 г., его имя регулярно вносилось в списки действительных членов Королевской медицинской коллегии[638]. Скорее всего, под благовидным предлогом вместо доктора Джессопа в Россию был послан с тем же поручением другой врач — Тимоти Виллис.

Тимоти Виллис (ок. 1560 —?) родился в семье лондонского торговца кожевенным товаром. В 1578 г. он поступил в Оксфорд, 17 ноября 1581 г. получил степень магистра, но в следующем году был исключен из университета за неоднократные правонарушения. Благодаря высоким покровителям Виллис был восстановлен в списках университета. Степень бакалавра он получил 10 июля 1582 г.[639], а в августе 1596 г. привлечен к ответственности за лечение без образования и лицензии. Виллиса несколько раз вызывали повестками в суд, но он не являлся. Его дело осталось незавершенным и никакого взыскания на него не было возложено[640].

Не позднее 24 июня 1599 г. специальным распоряжением королевы, Тимоти Виллис получил диплом доктора медицинских наук. Его имя было немедленно вписано в грамоту, адресованную царю Борису Годунову. Елизавета I рекомендовала Виллиса не только как квалифицированного врача, но и как специалиста «*в иных ученьях*». Королева извещала, что дополнительные сведения доктор уполномочен сообщить устно. Поскольку корабли Московской

компании уже покинули Лондон, Виллису пришлось совершить путешествие через континент.

В Москве англичанин был принят главой посольского приказа В. Я. Щелкаловым. Помимо рекомендательного письма доктор передал объяснительную записку, составленную членами Тайного королевского совета. Английское правительство отрицало какое-либо вмешательство в польско-шведский конфликт, присутствие 13 военных кораблей в Балтийском море объясняло тем, что моряки были взяты поляками в службу «*насильством*». В расспросе Виллис настаивал, что никаких устных наставлений по данному вопросу он не получал, и прислан ко двору в качестве царского лекаря[641].

Поведение доктора вызвало подозрение у русского правительства, т. к. тот прибыл без медицинских книг и без аптечных товаров. При обыске у Виллиса нашли «*платье доброе бархатное*», которое он вез «*к доктору Марку [Ридлею]*». Слова англичанина укрепили подозрения дьяка Щелкалова, поскольку доктор Ридлей уже два года как уехал на родину. В сопроводительном письме королевы ясно говорилось, что присланный доктор уполномочен сообщить некие секретные сведения, но тот упорно твердил, что никаких устных инструкций не получал. Миссия Виллиса провалилась, он был выслан из России как шпион «*без грамоты и без ответу*» [642].

По возвращении в Лондон доктора ожидали новые неприятности: Виллис был арестован за долги по векселям, выданным им перед отъездом в Москву. Доктор подал иск Московской компании, требуя возмещения убытков, понесенных им на обратном пути. Компания, в свою очередь, предъявила ему обвинение в несоблюдении инструкций, он был арестован. Дело Виллиса рассматривалось членами Тайного совета[643]. Неясно, чем завершилось судебное разбирательство, но 10 февраля 1601 г. он уже находился на свободе и извещал правительство о действиях герцога Эссекса, заподозренного в организации заговора против королевы[644].

Пятнадцать лет спустя, в 1616 г., доктор Виллис опубликовал в Лондоне два алхимических трактата, а в июле следующего года он вторично был привлечен к судебной ответственности за врачевание без лицензии. Доктор отказался явиться в суд без гарантии личной безопасности. Дело осталось незавершенным, решение — не

вынесенным. Дальнейшая судьба Виллиса неизвестна, сведения о дате его смерти отсутствуют[645].

Имя Тимоти Виллиса завершает список английских врачей, посетивших Россию во второй половине XVI столетия. Как свидетельствуют документы, ни один из них не имел идеального послужного списка, каждый испытывал проблемы финансового, административного или уголовного характера. Ни один из них не избежал трудностей при оформлении лицензии, разрешавшей врачебную деятельность: одним так и не удалось получить документ, другие получили его благодаря давлению со стороны королевы или главы Тайного совета. Приезд докторов в Россию, как правило, совпадал с поставками крупных партий вооружения из Англии. При государевом дворе они выполняли различные функции: неофициального посланника, посредника, коммерсанта или переводчика, в то время как свидетельства об их медицинской деятельности крайне скудны или отсутствуют. Каждого из них русское правительство, не без оснований, подозревало в шпионаже.

Эпилог

В 1602 г. крымский посол Ахмет-Челибей получил приглашение от царя Бориса Годунова «*быть у себя наедине*» во время скрепления союзнического договора присягой. Объясняя причину необычной секретности, государь говорил, что «*все большие дела — тайные*»[646]. К разряду великих тайных дел относились коммерческие отношения России и Англии во второй половине XVI столетия. Торговые связи с Московской компанией, официально открытые в 1553 г., представляли собой фасадную сторону дипломатии.

Как отмечают исследователи, Московская компания стояла особняком в ряду подобных купеческих гильдий Англии. Список ее учредителей возглавляли имена членов британского правительства. Компания стала первой коммерческой организацией, устав которой был утвержден парламентом. Финансовые документы демонстрируют сложную систему бухгалтерских счетов, не свойственную обычной торговой корпорации.

Согласно отчетам Московской компании, торговля с Россией носила убыточный характер на протяжении длительного времени. Пайщики регулярно вносили дополнительные взносы. К концу 1560-х гг. капитал компании составил в общей сложности 48 000 фунтов, но дивиденты не выплачивались до 1566 г. При этом не ясно, что подразумевалось под «дивидентами», т. к. в октябре того же года руководство компании сообщило вкладчикам, что купцы понесли убытки в 30 000 фунтов на торговых операциях. В последующие годы компания несколько раз брала ссуды в королевской казне (в 1568 г. — 4000 фунтов, в 1571–3000 фунтов). В 1570 г. инвесторы внесли по 50 фунтов, два года спустя — еще по 200 фунтов. В 1578 г. казначей представил отчет с отрицательным сальдо, объясняя убытки пиратскими налетами и прочими неприятными причинами. Многие рядовые вкладчики вышли из дела, однако главные инвесторы остались в списках. Как видно из отчетов, все эти годы Московская компания имела постоянный капитал, источник пополнения которого остался неизвестен[647].

Убыточная деятельность Московской компании, очевидно, прикрывала теневую сторону коммерческих операций между Англией и Россией. Покупку крупных партий артиллерии, боеприпасов и селитры русское правительство оплачивало чистым серебром или обменивало на «белую соль». В первые годы правления Михаила Романова, в условиях разрухи после Смуты, Россия была вынуждена взять ссуду у английских банкиров и на долгие десятилетия увязнуть в долгах.

Добиваясь монополии в торговле стратегическими товарами, а также финансовой зависимости Московского государства, Англия использовала оружие тайной дипломатии и шпионажа. Ценные сведения о событиях при государевом дворе сообщали англичанам «немки»-вышивальщицы из «светлиц» княгини Старицкой и царицы Анастасии, доктор Бомелиус, Федор Никитич Романов, Афанасий Федорович Нагой и безымянные «*почетные друзья*» Джерома Горсея, которые присылали ему известия «*тайком, через нищих женщин*»[{648}]. Сотрудникам Московской компании вменялось в обязанность выведывать секретную информацию и передавать ее в зашифрованном виде.

На первых порах русское правительство допускало ошибки, стремясь заключить союзнический договор с Англией и излишне доверяя англичанам. Один из таких промахов произошел в 1553 г., когда убийство сэра Хью Уиллоуби и его товарищей в Обской губе было сокрыто ради того, чтобы не потерять позиций в дипломатических переговорах с Польшей. Английское правительство не упустило такой возможности как шантаж русского царя при помощи рисунка, запечатлевшего место происшествия, а также костюма адмирала, на котором сохранились улики преступления. Иван IV был вынужден пожаловать английским купцам такие повольности, какими не пользовались и собственные подданные.

Русские быстро освоили театральные приемы в искусстве дипломатии. Вскоре Иван IV уже в свою очередь разыгрывал кровавые фарсы, такой как, например, сожжение Москвы «войсками Девлет-Гирея». Царское правительство столь же уверенно освоилось и в деле международного шпионажа. Ближайшие советники государя с блеском использовали доктора Бомелиуса для дезинформации лордов Тайного королевского совета. Больших успехов русская контрразведка добилась

в расшифровке тайнописи, а также выявлении осведомителей среди купцов Московской компании, английских докторов и в окружении государя. Деятельность Федора Никитича Романова, который, по словам Джерома Горсея, «*подавал большие надежды*», не укрылась от внимания конюшего Бориса Годунова. В самом начале 1600-х гг. по распоряжению царя Бориса Федоровича, в Любек, Францию, Швецию и Англию было направлено около двадцати юношей для обучения иностранному языку и другим наукам[649]. Ни один из них не вернулся на родину. Видимо, все они стали русскими «сходниками». К концу XVI — началу XVII в. Россия полностью освоилась на европейской «ярмарке шпионажа».

Приложение

Структура Синодика Опальных (реконструкция автора)

№	Дело	Список № 1	Список № 2	Список № 3	Список № 4	Список № 5	Список № 6
1	Кн.Репнина и Ю.Кашина			31 янв. 1564			
2	Кн. Кашина – А.Оболенского *			4 февр. 1565			
3	кн. Горенскоого						Зима 1564/1565
4	Кн. Горбатого – Головина			7 февр. 1565			
5	Дубровского**	12 декаб. 1567					
6	Митрополита Филиппа	После 22 марта 1568					
7	Боярина Федорова в Коломне	До 6 июля 1568					
8	Боярина Федорова Бежецкий Верх	6 июля 1568					
9	Боярина Федорова на Москве	11 сентября 1568					
10	Казни в Сормово		1568–1569				
11	Изборское дело	После 25 января 1569					
12	О похищении кольчуги	1 апреля 1569					
13	Казни в Вологде	После 10 апреля (Пасха) 1569					
14	Казнь кн. Старицкого с семьей		9 октября 1569				
15	Казнь кн. Е. Старицкой	11 октября 1569					

Продолжение таблицы

№	Дело	Список № 1	Список № 2	Список № 3	Список № 4	Список № 5	Список № 6
16	Новгород изменное дело (список 1)	Дек. 1569–Янв. 1570(?)					
17	Новгородское дело (список 2)		Дек. 1569–Янв.1570				
18	Псков (Корнилий)		20 Февр. 1570				
19	Боярина Данилова	Лето 1570					
20	Висковатого		После 3 июля 1570				
21	Кн. Серебряного		21 июля 1570				
22	Казни на Москве		25 июля 1570				
23	Семьи новгородцев		27 июля 1570				
24	Турпеева и опричников		16августа 1570				
25	Кн.Данила Сицкого				1571		
26	Кн. Василия Темкина					Июнь 1571	
27	Собакиных					Май (?) 1572	
28	Кн. Тулупова и колдуний					Август 1575	
29	Кн. Куракина			Ноябрь 1575			
30	Юрьева				24 октября 1575		
31	Бутурлина			27 ноября 1575			

* *Флоря Н. Б.* Иван Грозный. Введение. М., Мол. Гвардия, 1999. Гл. «Введение опричнины». (По Скрынникову — датировка 31 янв. 1564)

** Датировка дана по: Якоб Ульфельд. Путешествие в Россию. (Пер. Годовиковой Л. Н.) М. Языки славянской культуры. 2002. С. 338.

№ 301. (Комментарии).

Комментарии

[1] *Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth. London, 1863–1876. Vol. 1. Pp. 86, 415; Vol. 8. P. 85; Vol. 10. P. 196.*

[2] *Dedijer, Stevan.* The Rainbow Scheme: British secret service and Pax Britannica. // Clio goes spying: Eight essays on the History of Intelligence, Lund Studies in International History, Malmö: Scandinavian University Books, 1983. Pp. 10–63.

[3] *Carman, Elizabeth.* Diplomacy Through the Grapevine: *Time, Distance, and Sixteenth-Century Ambassadorial Dispatches.* 1997. URL: http://www.sfsu.edu/~epf/1997/carman.html (Accessed January 15th, 2010).

[4] Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth. Edit. *Arthur John Butler*. London, 1903. Vol. 16. P. 292.

[5] *Келли Дж.* Порох. От алхимии до артиллерии. М.: КоЛибри, 2005. С. 58.

[6] Из 1 куб. фута исходного материала (вес 1 куб. фута влажной глины равен 114 фунтам, или 52 кг) получали не более 30 золотников (ок. 120 граммов) селитры. См.: Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. (Под ред. Ф. Толя.) СПб., 1864. Т. III. С. 421–422.

[7] *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М-Л. АН СССР, 1951. С. 66.

[8] *Hall, E.* Henry VIII // The Lives of the Kings. London, 1904. Vol. I. P. 16.

[9] *Hooper, Wilfrid.* The Tudor Sumptuary Laws. // The English Historical Review. Vol. 30, No. 119 (Jul., 1915), p. 433–434.

[10] В 1463–1549 гг. поставки итальянских квасцов за границу составляли 80 % всего объема, а в 1550–1599 гг. экспорт достиг 100 %. From: *Levillain, Philippe.* The Papacy: An Encyclopedia. London, 2001. Vol. I. P. 39.

[11] *Елкина А. К.* Крашение дублировочных материалов естественными органическими красителями и кубовыми красителями

// Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. ВНИИР. М., 1980. Вып. 6 (36). Т. 1. С. 65.

[12] *Уваров Д.* Западноевропейские средневековые метательные машины // Воин. 2003. № 11. URL: (Дата обращения 15.01.2010).

[13] *Мейер М.* Исторические сведения об огнестрельном оружии. СПб., 1841. Ч. 1. С. 34, 38–41.

[14] *Levillain, Philippe*. The Papacy: An Encyclopedia. Vol. I. P. 38.

[15] *Gregorovius, Ferdinand.* History of the City of Rome in the Middle Ages. London, 1900. Vol. VII. — Part I. P. 210.

[16] *Roover, Raymond A. De; Larson, Henrietta M.* The Rise and Decline of the Medici Bank: 1397–1494. New York. 1999. Pp. 150–158.

[17] *Jenkins, Rhys.* Links in the History of Engineering and Technology from Tudor Times. Freeport, NewYork., 1971. P. 194–196.

[18] Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРЛ). СПб, 1897. Т. XI. С. 74, 75.

[19] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1819. Т. V, прим. 136.

[20] *Татищев Н.В.* История Российская с самых древних времен. СПб., 1784. Кн. 4. С. 371.

[21] «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» (Публикация Н. П. Лихачева). // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1908. Т. CLXVIII. С. 46.

[22] Акты, собранные в библиотеках и архивах, археографическою экспедициею. СПб., 1836. Т. 1. С. 185.

[23] *Хмыров М.Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России. Материалы для истории русского горного промысла, СПб., 1875. С. 162.

[24] Хождение за три моря Афанасия Никитина. // Библиотека литературы Древней Руси. (Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко.). СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. С. 356.

[25] *Пирлинг, Павел.* Россия и Восток. СПб., 1892. С. 24.

[26] Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. // Библиотека литературы Древней Руси. (Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко.). СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. С. 418, 420.

[27] *Пирлинг, Павел.* Россия и Восток. С. 35.

[28] *Клулас И.* Лоренцо Великолепный. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 93.

[29] «Meglio un magro accordo che una grassa vittoria». From: *Machiavelli, Niccolo.* History of Florence and of the Affairs of Italy. New York & London, 1901. P. 346–348.

[30] «Grasso» (итал.) — жир, сало, полный, тучный, (перен.) богатство, изобилие.

[31] *Клулас И.* Лоренцо Великолепный. С. 110–111.

[32] *Пирлинг, Павел.* Россия и Восток. С. 57–70.

[33] Севернорусский летописный свод 1472 г. // Библиотека литературы Древней Руси. (Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко.). СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. С. 346.

[34] *Пирлинг, Павел.* Россия и Восток. С. 103–105.

[35] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1896. Ч. II: Германия и Италия. С. 267–268.

[36] Типографская летопись. (Летописец, содержащий Российскую историю от лета 6714/1206 до лета 7042/1534). М., 1853. С. 199.

[37] Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971. С. 231–232.

[38] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Подг. к печати Л. В. Черепниным). М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 361.

[39] Типографская летопись. С. 210.

[40] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века (пер. В. Ф. Домбровского) // Журнал Министерства народного просвещения. № 9. 1842. С. 149.

[41] Несмотря на отказ Москвы выплачивать дань, суммы «выходов» для Орды продолжали регулярно поступать в казну великого князя. По духовной грамоте Ивана III, составленной в 1504 г., удельные князья выплачивали по 1000 руб.: «*А дети мои, Юрьи с братьею, дают сыну моему Василью с своих уделов в выходы в ординские, и в Крым, и в Азтарахань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в иные цари и во царевичи, которые будут у сына моего у Василья в земле, и в послы в татарские, которые придут к Москве, и ко Твери, и к Новугороду к Нижнему, и к Ярославлю, и к Торусе, и к*

Рязани к Старой, и к Перевитску ко княж Федоровскому жеребью рязанского, и во все татарские проторы, в тысячю рублев». См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Подг. к печати Л. В. Черепниным). М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 362.

[42] *Зимин А. А.* Возрожденная Россия. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М.: Мысль, 1982. С. 44.

[43] Типографская летопись. С. 214.

[44] *Юзефович Л. А.* Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал, конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 229.

[45] Сборник Императорского Русского исторического общества (далее РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 276–277.

[46] *Пирлинг, Павел.* Россия и Восток. С. 146.

[47] *Мейер М.* Исторические сведения об огнестрельном оружии. С. 48–53.

[48] По поводу золотой шапочки Карла Смелого Якоб Фуггер написал следующие строки: «Кроме того, упомянутый Карл, герцог Бургундский, потерял в битве при Грансоне… шапочку весьма элегантную и роскошную, описание которой следует за сим. Шапочка была сделана из золотой ткани, модного ныне итальянского фасона; следует сказать, что она имела кромку или окружность канвы достаточно большого размера, чтобы защищать [голову] от солнца, и выглядела как круглая приподнятая корона… Наверху герцогской шапочки, в центре, находился продолговатый ограненный розовато-красный рубин, вставленный в оправу. Помимо этого, вся шапочка была обшита очень ценным жемчугом». From: *Norris Herbert*. Tudor Costume and Fasion. New York. Courier Dover Publications. 1997. P. 121.

[49] «A rufo calvo et Germano Italicato cavendum est». *Baxandall, Michael.* The Limewood Sculptors of Renaissance Germany. Yale University Press. 1980. P. 141.

[50] *Matthews G. T.* News and Rumor in Renaissance Europe; the Fugger Newsletters. N. Y., 1959. Pp. 13–27.

[51] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб. 1852. Т. VI. С. 318.

[52] *Levillain, Philippe.* The Papacy: An Encyclopedia. New York. Taylor & Francis. 2001. Vol. I. P. 38. P. 39.

[53] *Weissner, Heinz.* Das Bistum Naumburg. Die Diozese. Berlin. 1998. B. 2. Pp. 894–895.

[54] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII. С. 58.

[55] *Гау Эндрю.* «Рыжие евреи»: апокалиптика и антисемитизм в Германии в средние века и раннее новое время. // Вестник Еврейского Университета. № 2 (20), 1999. С. 41–61.

[56] Encyclopaedia Americana. Ed. *Lieber,* Francis. Philadelphia, 1831. Vol. V. P. 332.

[57] *Spitz, Lewis William.* The Renaissance and Reformation Movements: The Renaissance. St. Louis: Concordia Pub. House, 1980. Vol. I. P. 133.

[58] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., Мысль. 1989. Т. 5. С. 235.

[59] *Gilbert Felix.* The Pope, his Banker and Venice. London, 1980. Pp. 15–98.

[60] *Церетели, Елена.* Елена Иоанновна, великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская. СПб, 1898. С. 342–343.

[61] *Писаревский Г., Зентбуше В.* К истории сношений России с Германией в начале XVI века // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (Далее ЧОИДР), № 2. 1895. С. 4–22.

[62] Вторая Софийская летопись // ПСРЛ. Т. VI. С. 254; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. С. 254.

[63] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII. С. 60.

[64] *Рябинин И.* Новое известие о Литве и московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 г.) // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1906, отд. V. С. 6.

[65] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. (Пер. А. В. Назаренко). М. МГУ. 1988. С. 72.

[66] *Armstrong, E.* Die Fugger in Rom, 1495–1523 // The English Historical Review. Vol. 20. № 80 (Oct., 1905). Pp. 788–791.

[67] Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 12.

[68] Постниковский летописец. С. 11–12.

[69] *Хорошкевич А. Л.* Между внешнеполитическими утопиями и реальностью. // Вопросы истории. № 8. 2003. С. 125.

[70] *Brecht, Martin.* Martin Luther: His Road to Reformation, 1483–1521. Philadelphia: Fortress Press. 1985. P. 179–180.

[71] *Segel, Harold B.* Renaissance Culture in Poland: The Rise of Humanism, 1470–1543. New York. Cornell University Press, 1989. P. 206.

[72] *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л. АН СССР. 1936. С. 115–116.

[73] *Да Колло Франческо.* Доношение о Московии. // Итальянец в России XVI в. М.: Наследие, 1996. С. 65.

[74] *Rowan, Steven W.* Ulrich Zasius: A Jurist in the German Renaissance, 1461–1535. Frankfurt am Main. 1987. P. 118.

[75] *Да Колло Франческо*. Доношение о Московии. С. 65.

[76] *Miskimin, Harry A.* The Economy of Later Renaissance Europe, 1460–1600.N.Y. 1977. P. 164.

[77] *Creighton, Mandell.* A History of the Papacy during the Period of the Reformation. London, 1894. Vol. V. Pp. 168–169.

[78] *Gilbert, Felix.* The Pope, his Banker and Venice. London, 1980. P. 99.

[79] *Григорович, Иоанн.* Переписка Пап с Российскими государями в XVI в., найденная между рукописями, в римской Барбериниевой библиотеке. СПб., 1834. С. 3–4.

[80] *Strieder, Jacob; Gras, Norman Scott Brien; Hartsough, Mildred L.* Jacob Fugger the Rich: Merchant And Banker Of Augsburg, 1459–1525. Westport, Conn. 1984. P. 134.

[81] *Armstrong E.* Jakob Fugger ger Deiche: Studien und Quellen (Review) // The English Historical Review. Vol. 27. No. 107 (Jul., 1912). Pp. 564–566.

[82] *Гау Эндрю*. «Рыжие евреи»: апокалиптика и антисемитизм в Германии в средние века и раннее новое время. // Вестник Еврейского Университета. № 2 (20), 1999. С. 41–61.

[83] *Hunt, Edwin S.; Murray, James M.* A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550. NewYork. 1999. P. 223.

[84] *Benevolo, Leonardo.* The Architecture of the Renaissance. NewYork, 2002. Vol. I. P. 397.

[85] *Marcus, Jacob Rader; Saperstein, Marc.* The Jew in the Medieval World: a Source Book, 315–1791. Cincinnati, 1938. Pp. 283–287.

[86] *Григорович Иоанн*. Переписка Пап с Российскими государями в XVI в. С. 10, 20.

[87] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею (Далее ААЭ). СПб., 1836., Т. 1. С. 132–134, 137–139 (№№ 163, 164, 169, 170).

[88] *Иовий Павел.* Посольство от Василия Иоанновича к Клименту VII (пер. М. Михайловского) // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб., 1836. С. 11.

[89] *Иовий Павел*. Указ. соч. С. 40.

[90] *Малеин А. И.* Павел Иовий // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск. Сибирское отделение Российской АН., 2006. С. 81.

[91] Вслед за Дмитрием Герасимовым в 1527 г. в Рим был отправлен Еремей Трусов. Он целенаправленно посетил Лорето и «пребыша в том месте 4 недели». По его возвращении на родину появилось произведение «Сказание о Лоретской Богоматери». *Кирпичников А. И.* Русское сказание о Лоретской богоматери // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Москва. 1896. Кн. 178 (3). Отд. II. С. 1.

[92] *Кирпичников А. И.* Русское сказание о Лоретской богоматери // ЧОИДР. 1896. кн. 178 (3). Отд. II. С. 1–18.

[93] *Tarducci, Francesco.* John and Sebastian Cabot: Biographical Notice, with Documents. Detroit. 1893, p. 286.

[94] *Hamel, Iosif.* England and Russia; Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and Others, to the White Sea. London, 1854. P. 115.

[95] Сборник архивных документов. Сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерева М.: Русская книга, 1992. С. 6.

[96] *Strieder, Jacob; Gras, Norman Scott Brien; Hartsough, Mildred L.* Jacob Fugger the Rich. P. 100.

[97] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» (Пер. А. Н. Кудрявцева) // Россия и Германия. Вып. 1. Изд. РАН ИВИ. 1998. С. 15–34.

[98] *Armstrong E.* Jakob Fugger ger Deiche: Studien und Quellen (Review) // The English Historical Review. Vol. 27. No. 107 (Jul., 1912). P.

566.

[99] *Язькова Ю. П.* Папский престол и Московское государство // Средние века, № 58. М., 1995. С. 199–205.

[100] Постниковский летописец. С. 15.

[101] *Miskimin, Harry A.* The Economy of Later Renaissance Europe, 1460–1600. NewYork, 1977. P. 164.

[102] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов». С. 15–16.

[103] *Селищев Н.* Россия и Балканы из скрываемого прошлого. // Русский Вестник. (Июль, 2006). URL: (Дата обращения 15.01.2010).

[104] Постниковский летописец. С. 15.

[105] *Strieder, Jacob; Gras, Norman Scott Brien; Hartsough, Mildred L.* Jacob Fugger the Rich. P. 100.

[106] *Майков Л. Н.* Николай Немчин, русский писатель конца XV–XVI века // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. V. Кн. 2. С. 379–388.

[107] Послания старца Филофея (Подг. текстов, перевод и комм. В. В. Колесова) // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 436–455, 732–739.

[108] Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. (Под ред. А. А. Зимина). М.-Л., 1950. Т. V. С. 11.

[109] Постниковский летописец. С. 16.

[110] *Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б.* Оберакер — немецкий оружейник, литейщик, артиллерист и фортификатор на русской службе в первой трети XVI века // Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремли России» (М., 23–26 ноября 1999 года). URL: http://www.kawelmacher.ru/science_kavelmakher3.htm (Дата обращения 15.01.2010).

[111] Постниковский летописец. С. 25.

[112] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Подг. к печати Л. В. Черепниным). М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 361.

[113] *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 62–65.

[114] Первая Псковская летопись. // ПСРЛ. 1848. Т. IV. С. 302.

[115] *Малеин А. И.* Павел Иовий // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.

Новосибирск. Сибирское отделение Российской АН., 2006. С. 81.

[116] *Toomer, G.J.* Eastern Wisedome and Learning: The Study of Arabic in Seventeenth-century England. Oxford University Press. 1996. Pp. 25–26.

[117] Спор о первичности алфавита самаритянского языка относительно иврита затянулся почти на два века и завершился неожиданным образом. Критические замечания обобщил профессор Ростокского университета Олаф Тишен в 1791 г. в статье «De Numis Hebraicis Diatribe». Изучив работу Постелла, профессор пришел к весьма курьезным выводам. Так, например, по его мнению, шекели, независимо от того, на каком языке сделана надпись, являлись фальшивыми монетами, а следовательно, иудеи не имели денег до пришествия Спасителя. Далее, признав, что некоторые из монет могли быть настоящими, автор предположил, что они имели более позднее происхождение и чеканились самаритянами в угоду иудеям или иудеями в угоду самаритянам, а самаритянские буквы использовались потому, что шекели служили амулетами. From: A Dictionary of the Bible. Ed. William Smith. London. 1893. Vol. III. Pp. 1245–1247.

[118] Вологодская старина. // Историко-археологический сборник. Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890. С. 122.

[119] *Пересветов И.С.* Малая челобитная. // Сочинения. Под ред. Д. С. Лихачева. М. АН СССР, 1956. С. 163.

[120] *Parks, George B.* The Pier Luigi Farnese Scandal: An English Report. // Renaissance News, Vol. 15, No. 3. (Autumn, 1962). Pp. 193–200.

[121] Герцогиня Маргарита Палеолог после смерти мужа правила городом Мантуя. Она оказывала большое влияние на кардинала Эрколя Гонзага, о чем сообщал в своем донесении венецианский посол Бернардо Навагеро в 1540 г.: «Эта Дама настолько близка с кардиналом [Эрколем Гонзаго], что трудно желать большего. Его Святейшество советуется с ней по всем вопросам, будь то важное дело или пустяк. Он принимает решение только вместе с ней. И он говорил, что очень доверяет здравому смыслу и осмотрительности этой женщины». (*Rogers, Mary; Tinagly, Paola.* Women in Italy, 1350–1650: Ideals and Realities: A Sourcebook. Manchester. 2005, p. 239.).

[122] *Токмаков И. Ф.* Историческое и археологическое описание церкви во имя Ржевской иконы Пресвятой Богородицы, что у Пречистенских ворот, в Москве. М., 1888. II. С. 5–55.

[123] Никоновская летопись // ПСРЛ. М. Наука. 1965. Т. XIII. С. 131.

[124] *Paas, Martha White.* Population Change, Labor Supply, and Agriculture in Augsburg, 1480–1618. New York, 1981. P. 27.

[125] Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. (Пред. Мельников Г. П.). М.: Наука. 1989. С. 84.

[126] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5-е в 3 т. СПб., 1842. Т. VIII, гл. III. Стб. 72.

[127] *Полосин И. И.* Из истории блокады Русского государства // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. II. С. 257.

[128] *Pierling, P.* Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. Revue des Questions Historiques. Paris, 1898. T. XIX. P. 208.

[129] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М. «Древлехранилище». 2003. С. 70.

[130] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории Росси первой трети XVI в. М. Мысль. 1972. С. 85.

[131] Постниковский летописец. // ПСРЛ. Т. 34. М. 1978. С. 28.

[132] *Фроянов И. Я.* Драма русской истории. М. «Парад». 2007. С. 274.

[133] Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: АН СССР. Наука., 1977. Том I. Часть II. С. 323.

[134] «*В 9 час дни (11 час. 30 мин. — Л.Т.) загорелася в торгу лавка в Москотильном ряду*» (Пискаревский летописец. // ПСРЛ, т. 34, М., 1978. С. 181.); «*Загоресяв ряду в Москотинном на девятом часу дни и панской двор загоресяв внутрь города Китая и на низу все дворы выгореша от стены соляной Двор*». (К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. № 3, 1962. С. 225.).

[135] Никоновская летопись. // ПСРЛ. М. Наука. 1965. т. 13. С. 154.

[136] *Шеламанова Н. Б.* К вопросу о поселениях пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI в. // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М. Наука. 1965. С. 181–183.

[137] Никоновская летопись. С. 9.

[138] «*В 10 час дни загоресяза Яузою на Болвановье. И погореша Гончары и Кожевники, и вниз подле Москву реку*» (Пискаревский летописец. С. 181.); Постниковский летописец сообщает о втором

очаге возгорания: «*На 11 часу дне загореся за Язую у Семиона святого, и выгореша мало не все Заяузе*». (Постниковский летописец. ПСРЛ. М. Наука. 1978. Т. 34. С. 29.).

[139] Пискаревский летописец. С. 29, 181.

[140] Пискаревский летописец. С. 200; *Кузнецов И. И.* Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради московские чудотворцы. // Записки Московского археологического института. М. 1910. Т. VIII. С. 350.

[141] Пискаревский летописец. С. 183.

[142] К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. № 3, 1962. С. 225; Пискаревский летописец. С. 182.

[143] К истории московских пожаров 1547 г. С. 226.

[144] Никоновская летопись. С. 154.

[145] *Фроянов И. Я.* Драма русской истории. М. Парад. 2007. С. 291.

[146] *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. С. 183.

[147] *Горский А., Новоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Москва. 1855. Отд. I. С. 79, 129.

[148] *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб. Изд. Дмитрий Буланин. 1999. С. 204–216.

[149] Юрловы — пошли от Юрла Михайловича из ветви Басмановых-Плещеевых. Игнатьевы являлись другой ветвью рода Плещеевых. См.: Бархатная книга. М., 1787. Ч. I. С. 277, 301.

[150] *Буланина Т. В.* Влас Игнатьев // Словарь русских книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. Наука. 1988. С. 36.

[151] *Фроянов И. Я.* Драма русской истории. С. 289–291.

[152] Никоновская летопись. С. 154.

[153] Там же. С. 155.

[154] Никоновская летопись. С. 155.

[155] «*Быша же в совете сем протопоп Благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шюйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и инии мнози*». (Никоновская летопись. С. 154.).

[156] Первое послание Ивана Грозного // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Под ред. Д. С. Лихачева. М. Наука. 1979. С. 78.

[157] *Кавельмахер В. В.* К вопросу о первоначальном облике Успенского собора Московского Кремля. // Архитектурное наследство. Вып. 38. М., 1995. С. 214–235.

[158] Цит. по: *Фроянов И. Я.* Драма русской истории. С. 303.

[159] *Мокеев Г. Я. Села и грады на Самотеке.* URL: (Дата обращения 15.01.2010).

[160] К истории московских пожаров 1547 г. С. 225.

[161] *Бойцов И. А.* Реконструкция ландшафтов средневековой Москвы. В кн.: Природа, № 4. М., 1997. С. 49.

[162] Первое послание Ивана Грозного. С. 78.

[163] Никоновская летопись. С. 155.

[164] *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М. АСТ, 2001. С. 38.

[165] Продолжение Хронографа редакции 1512 г. (Цит. по *Фроянов И.Я*. Драма русской истории. С. 303).

[166] Книга степенная Царского родословия. // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI. С. 638.

[167] Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. С. 621.

[168] Донесение Фейта Зенга, 1582 г. / Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства. // Материалы по истории СССР. 1955. т. II. С. 257.

[169] Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 г. Пер. А. И. Виноградовой и Г. П. Мельникова. М. Наука. 1989. С. 81.

[170] *Peake, Elizabeth.* History of the German Emperors and Their Contemporaries. Philadelphia. 1874., p. 263.

[171] Письмо Ганса Шлитте к королю датскому Христиану III./ Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства. // Материалы по истории СССР. 1955. Т. II. С. 291.

[172] К делу Ганса Шлитте. / Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Первый выпуск 1326–1569 гг. // ЧОИДР. № 4. М., 1915. С. 308, 316.

[173] Пискаревский летописец. С. 183, 184.

[174] Донесение Фейта Зенга, 1582 г. С. 257–258.

[175] *Pierling, P.* Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. Revue des Questions Historiques. Paris. 1898. т. XIX., p. 204.

[176] *Fiedler, Joseph.* Sitzungsberichte Der Philosophisch — Historische Klass. Wien. 1862. Pp. 78, 79.

[177] Донесение Фейта Зенга. С. 258.

[178] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Примечания к т. VIII. Гл. III. Сноска № 206. Стб. 32.

[179] *Pierling, P.* Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. P. 204. Note № 2.

[180] *Pierling, P.* Ibid., pp. 205–206; Письмо Ганса Шлитте. С. 292.

[181] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. 45.

[182] *Pierling, P.* Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. Pp. 206–208; *Helmont, Hans Ferdinand.* The World's History: A Survey of Man's Record. London. 1907. Vol. V, p. 573.

[183] Пискаревский летописец. С. 185.

[184] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Стб. 75.

[185] Пискаревский летописец. С. 185.

[186] Донесение Фейта Зенга… С. 259.

[187] *Fiedler, Joseph.* Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. Pp. 78–83.

[188] *Schaff, Philip.* The Creeds of Christendom, with a History and Critical Notes. New York. 1877. Vol. 1, pp. 239–240. Note 1.

[189] *Haring Clarence H.* Trade and Navigation between Spain and the Indies in the Time of the Habsburgs. Harvard University Press. 1918, pp. 158–159.

[190] Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного (Пер. Е. Ф. Шмурло) // Журнал Министерства народного просвещения. № 5–6. 1891. С. 131. Прим. 31.

[191] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Стб. 77.

[192] Пискаревский летописец. С. 186.

[193] *Turducci, Francesco.* John and Sebastian Cabot: Biographical Notice, with Documents. Detroit. 1893., p. 285.

[194] Dictionary of National Biography. Ed. Lee, Sidney. London. 1900. Vol. LXIII, p. 335.

[195] *Polnitz, Gotz Freiherrn von.* Anton Fugger. Stuttgart. 1958. Anhang I.

[196] *Fiedler, Joseph.* Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. Pp. 83–87.

[197] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Стб. 88, 97.

[198] *Fiedler, Joseph*. Hans Schlitte d'apres les Archives de Vienne. Pp. 59–60. (Перевод И. Загрековой).

[199] Автор не располагает сведениями о дальнейшей судьбе Иоганна Штейнберга. Граф Филипп фон Эберштейн в августе 1561 г. находился в свите Вильгельма Молчаливого, принца Оранского, во время свадебных торжеств последнего. (*Putnam, Ruth.* The Silent Prince of Orange; William the Silent. New-York. 1895. Vol.1., p. 367.).

[200] Письмо Ганса Шлитте к датскому королю / *Полосин И. И.* Из истории блокады. С. 293.

[201] Письмо Берварда Бернера к королю Христиану III касательно поручения Шлитте. // Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 гг. Приложения. Пер. Ю. Н. Щербачева. М., 1893. С. 296–298.

[202] *Peake, Elizabeth.* History of the German Emperors and Their Contemporaries. Philadelphia. 1874, p. 264.

[203] Грамоты от 15 июля 1555 г. №№ 2–5. / *Полосин И. И.* Из истории блокады. С. 268–271.

[204] *Sargent, Thomas J.; Velde François R.* The Big Problem of Small Change. Princeton University Press. 2002, pp. 55–65.

[205] К делу Ганса Шлитте. С. 292, 313–316.

[206] Служба сбора новостей была создана дядей Антона Фуггера, Якобом Фуггером (1459–1525). Сотрудники многочисленных представительств фирмы в различных европейских странах собирали и передавали в Аугсбург, где находилась главная контора компании, информацию о политических и коммерческих делах. На их основе вырабатывались стратегические решения компании. Позднее такие сообщения, определенным способом скомпонованные и аккуратно переписанные, распространялись в кругу клиентов Дома Фуггеров. «Письма новостей» имели хождение в Европе в 1568–1605 гг. (*Matthews G. T.* News and Rumor in Renaissance Europe; the Fugger Newsletters. New York. 1959, p. 13–27.).

[207] С 1518 по 1556 г. ставки по ссудам, выданным Габсбургам банком Фуггеров, составляли от 10 % до 14 %. Ставки по отдельным краткосрочным ссудам в тот же период могли достигать 24–52 %. (*Homer, Sidney.* A History of Interest Rates. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press. 1996, pp. 114–115.).

[208] Донесение о Московии второй половины XVI века. (Пер. В. И. Огородникова) // Императорское общество истории и древностей Российских. М., 1913. С. 28–29.

[209] *Arrighi, Giovanni.* The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London. 1994, p. 124.

[210] Донесение Фейта Зенга. С. 161.

[211] *Sargent, Thomas J.; Velde François R.* The Big Problem of Small Change.Pp. 55–65.

[212] Два письма Иоганна Таубе. // Исторический архив. № 3, 1962. С. 152, 154.

[213] Salomon Henning's Chronicle. Translated: William L. Urban, Jerry C. Smith.; J. Ward Jones. Madison. 1992, p. 78.

[214] *Ueborsberger, Hans.* Veroffentlichungen der Kommission fur Neuere Geschichte Osterrichs: Osterrich und Russland (1488–1605). Wien-Leipzig. 1906. bd. 2, f. 303.

[215] *Polnitz, Gotz Freiherrn von.* Anton Fugger. Stuttgart. 1958. Anhang I.

[216] *Ueborsberger, Hans.* Veroffentlichungen der Kommission fur Neuere Geschichte Osterrichs. P. 304. (Перевод Н. Загрековой).

[217] *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб. 1889. С. 70–84 (№ 31); 84–98 (№ 33); 98–99 (№ 35), 115–116 (№ 42).

[218] *Baumann, Wolf-Rudiger.* The Merchants Adventurers and the Continental Cloth-trade (1560s-1620s). Berlin-New York. 1990, pp. 301, 303.

[219] *Klarwill, Victor.* The Fugger News-letters. London. 1873. P. 13.

[220] Донесение Фейта Зенга. С. 263.

[221] *Аделунг Фридрих.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г.а. Москва. 1864. Ч. I. С. 176.

[222] *Emerich, John; Dalberg, Edward.* The Cambridge Modern History. New York, London. 1905. Vol. 3. p. 706.

[223] Донесение Фейта Зенга. С. 259, 265, 257 (предисловие).

[224] *Matthews G. T.* News and Rumor in Renaissance Europe; the Fugger Newsletters. Pp.14–16.

[225] *Титов Л. Л.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 10.

[226] Царская грамота датскому королю Фредерику II с укоризною. Июля 1582 г. // Русская историческая бибилиотека. СПб., 1897. Стб. 202, 203.

[227] *Андреев А. И.* К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни. Пг. 1920. Кн. 1. С. 23–36.

[228] *Raleigh, Walter.* Observations Touching Trade and Commerce with the Hollander and Other Nations. // Select Collection of Scarce and Valuable Tracts on Commerce. London. 1859. P. 15.

[229] *Иовий Павел.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII (Пер. М. Михайловского) // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб., 1836. С. 31, 41.

[230] *Церетели Елена.* Елена Иоанновна великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская. СПб. 1898. С. 257.

[231] *Соловьев С.* Географические известия о древней России. // Отечественные записки. СПб., 1853. т. LXXXVIII. С. 53–54.

[232] *Hooper, Wilfrid.* The Tudor Sumptuary Laws. P. 435.

[233] *Highmore, Anthony.* The History of the Honourable Artillery Company. London, 1804., p. 44.

[234] *Fox Bourne, H.R.* English Merchants. London, 1866. Vol. I, pp. 117–119.

[235] *Tomlins, T. E.* The Law-dictionary, Explaining the Rise, Progress, and Present State of the British Law. London, 1835. Vol. I, p. 631.

[236] *Hooper, Wilfrid.* The Tudor Sumptuary Laws. Pp. 435–436.

[237] Домострой. (Подг. издания В. В. Колесов, В. В. Рождественская). СПб.: Наука, 1994. С. 132.

[238] Царственная книга. // ПСРЛ. СПб. 1904. Т. XIII. С. 528.

[239] Постниковский летописец. // ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 26.

[240] *Костомаров Николай.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. С. 331–332.

[241] Озорий короля Альфреда. // Английские средневековые источники IX–XIII вв. (Пер. В. И. Матузовой). М. Наука. 1979. С. 24.

[242] *Лурье Я. С.* «Открытие Англии» русскими в начале XVI в. // Географический сборник. Вып. III. М.-Л., 1954. С. 185–187.

[243] *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л. Наука. 1983. С. 44–52.

[244] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. London, 1896., p. 318–319.

[245] Calendar of State Papers, Colonial Series. East Endies, China and Japan, 1513–1616. Ed. Sainsbury, W. Noel. London. 1862. Vol. II. Pp. 10–11.

[246] ААЭ. СПб., 1836., Т. 1. С. 182–183 (№ 204).

[247] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow. 1903. Vol. II, p. 394.

[248] *Костомаров Николай.* Очерк торговли. С. 291.

[249] *Штаден, Генрих.* О Москве Ивана Грозного. (Пер. И. И. Полосина). 1925. С. 66.

[250] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.: АН СССР. 1958. С. 44 (прим.).

[251] *Hooper, Wilfrid.* The Tudor Sumptuary Laws. Ibid. P. 436.

[252] *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. М. «Красная площадь», 2004. С. 34.

[253] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. London, 1896., p. 320–327.

[254] *Барберини Рафаэль.* Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. Часть III, № 7. 1842. С. 24, 30.

[255] *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб. 1875. С. 106.

[256] *Толстой Ю. В.* Указ. соч. С. 110.

[257] *Мейер М.* Исторические сведения об огнестрельном оружии. С. 59–75.

[258] *Nicholl, John.* Some Account of the Worshipful Company of Ironmongers. London, 1851, p. 528.

[259] Journal of the House of Commons. London, 1802. Vol. I., p. 20.

[260] *Strype, John.* Ecclesiastical Memorials Relating Chiefly to the Religion and the Reformation of It. Oxford, 1822. Vol. II, part I, pp. 555–557.

[261] Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: АН СССР. Наука., 1977. Том I. Часть II. С. 440.

[262] Патриаршая или Никоновская летопись. // ПСРЛ. М.: Наука, 1965. С. 209; *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. (Пер. А. Морозова). М., 1936. С. 23; *Казанский М.В.* Путеводитель по Казани. Казань. 1899. С. 28 (примечание).

[263] *Garret, Christina H.* The Marian Exiles. Cambridge, 1938. Pp. 102–103.

[264] *Grosart, Alexander B.* The Poems of John Marston. Blackburn (Lancashire), 1879. P. viii (Introduction).

[265] Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow. 1903–1905. Vol. II, p. 212.; Путешествие Хью Уиллоуби. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке (Пер. Ю. В. Готье). М. Соцэкгиз. 1937. С. 41.

[266] Journal of the House of Lords. London, 1802. Vol. I., p. 439.

[267] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. P. 226, 228.

[268] Sir John Pollard, Speaker of the House of Common // Notes and Queries. No. 262, 1909 (Jan. 2), p.1.

[269] Journal of the House of Commons. P. 27.

[270] *Hooper, Wilfrid.* The Tudor Sumptuary Laws. P. 436.

[271] Journal of the House of Lords. P. 362.

[272] Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Т. XIII. С. 70–71.

[273] *Маясова Н. А.* Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья. // Материалы и исследования. Гос. музеи Московского Кремля. М. 1973. С. 111–130.

[274] *Read Jr., John Meredith.* A Historical Inquiry concerning Henry Hudson, his Friends, Relatives and Early Life, his connection with the Muscovy Company and Discovery of Delaware Bay. Albany, NY.: Joel Munsell, 1866. Pp. 32–35.

[275] *Dictionary of National Biography*. London, 1901. Vol. II, p. 428. (Chistopher Hudson.).

[276] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. P. 213–214.

[277] *Ellesmere, F.E., Collier, J.P.* The Egerton Papers. London, 1840. p. 338.

[278] *Read Jr., John Meredith*. A Historical Inquiry concerning Henry Hudson. P. 28.

[279] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. P. 291.

[280] *Hamel, Joseph.* England and Russia; Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and Others, to the White Sea. London, 1854. P. 137.

[281] Царственная книга. // ПСРЛ. СПб., 1906. Т. XIII. Ч. II. С. 526.

[282] Постниковский летописец. // ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 18–23.

[283] *Пресняков А.* Завещание Василия III. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 71–72.

[284] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Подготовка к печати Л. В. Черепнина). М.-Л.: АН СССР., 1950. С. 358.

[285] *Зимин А. А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI века // Исторические записки. Т. 27. 1948. С. 285–286.

[286] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. Ч. I. С. 451–452. (№ 163).

[287] Духовные и договорные грамоты. С. 363.

[288] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Кн. 10. 1941. С. 85–88.

[289] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. I. Ч. II. С. 40.

[290] *Герберштейн С.* Записки о Московии. (Пер. А. В. Назаренко). М., МГУ. 1988. С. 192.

[291] Постниковский летописец. С. 25–26; Царственная книга. С. 528.

[292] *Смиров И.* Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. Т. II. М.-Л., 1939. С. 57–60; Летописец начала царства. // ПСРЛ. Т. XXIX. М.-Л., 1965. С. 322.

[293] *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 115.

[294] Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: АН СССР. Наука., 1977. Т. I. Ч. II. С. 323, 349, 371.

[295] Древняя российская вивлиофика. М., 1790. т. XIII. С. 46; Разрядная книга. С. 368.

[296] Пискаревский летописец. // ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 185.

[297] Духовные и договорные грамоты. С. 59.

[298] Там же. С. 199.

[299] Разрядная книга. С. 413, 422, 248, 440.

[300] Жития русских святых (сентябрь-декабрь). М., 1908. С. 572.

[301] Духовные и договорные грамоты. С. 362.

[302] Пискаревский летописец. С. 189; Царственная книга. С. 522.

[303] Летописец Русский. // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 3 (174). С. 4–5.

[304] «Не бывайте мудри о себе. Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да будет, яко да упремудрится от Бога». См.: Послания старца Артемия, XVI в. // РИБ. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 1216–1217.

[305] Царственная книга. С. 523.

[306] *Юзефович Л. А.* Путь посла. С. 284.

[307] Возрастное ограничение закреплено в Соборном уложении 1649 г.: «…А возрастом бы те люди были, кому целовати крест, в дватцать лет, а меньши дватцати лет не целовать и ко кресту таких не припускать… А которым людем исцом, или ответъчиком доведетца целовать крест, и ко кресту приводить самим, а людей у них нет, и те исцы и ответчики сами будут меньши дватцати лет, лет в пятнатцать, а переменитца им будет неким, и тем исцом и ответчиком по неволе крест целовать…» См.: Соборное уложение 1649 г. (Под ред. В. И. Буганова). Л.: Наука., 1987. С. 70–72.

[308] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I Ч. I. С. 460–461 (№ 167).

[309] *Курбский М.* Сказания князя Курбского. (Изд. Н. Устрялова). СПб., 1868. С. 36, 41.

[310] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 482.

[311] Библиотека литературы Древней Руси. XVI век. СПб.: Наука, 2001. Т. XI. С. 350.

[312] *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. (Каталог). М. «Красная площадь». 2004. С. 121.

[313] *Свирелин А.* Описание Переславского Никитского монастыря в прошедшее и нынешнее время. М., 1878. С. 6.

[314] Древняя российская вивлиофика. С.73.

[315] Собрание Государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. Ч. I. С. 462–464 (№ 168).

[316] *Альшиц Д. Н.* Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного. // История СССР. АН СССР. Институт истории. М., 1959. № 4 (июль-август). С. 147.

[317] Духовные и договорные грамоты. С. 440.

[318] Собрание Государственных грамот и договоров. С. 465–469 (№ 169).

[319] Там же. С. 452 (№ 163).

[320] Летописец Русский. С. 15.

[321] Пискаревский летописец. С. 189.

[322] Летописец Русский. С. 33.

[323] Временник Ивана Тимофеева. (Пер. О. А. Державиной). М.-Л. АН СССР, 1951. С. 185.

[324] Первое послание Ивана Грозного. // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1979. С. 43.

[325] Летописец Русский. С. 34.

[326] Согласно Родословным книгам, княгиня Евдокия Александровна умерла в 1557 г. По другим сведениям, она была пострижена под именем Евдоксии и прожила в монашестве до 1597 г., похоронена в усыпальнице Покровского собора. В 1578 г. трудами инокини Евдоксии был создан покров на гроб епископа Ивана, а в 1581 г. — покров на гроб епископа Федора. Известен еще один вклад в ризницу монастыря — серебряное блюдо с надписью: «Сие блюдо велела сделати в дом к Пресвятой богородице честного и славного ея Покрова, благоверного князя Владимира Андреевича княгиня старица Евпраксия». Покровы и блюдо хранятся в Суздальском музее.

[327] Древняя российская вивлиофика. С. 83.

[328] Разрядная книга. С. 492.

[329] Летописец Русский. С. 57.

[330] Первое послание Грозного. С. 33.

[331] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки соц. — экон. и полит. истории середины XVI в. М.: Наука, 1960. С. 414.

[332] Летописец Русский. С. 67–68.

[333] Там же. С. 121, 127.

[334] Там же. С. 136–137.

[335] *Архангельский А. С.* К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 76.

[336] Там же. С. 140, 141–142.

[337] Разрядная книга. 1475–1605 гг. М.: АН СССР. Наука. 1977. Т. II. Ч. II. С. 93.

[338] Первое послание Ивана Грозного. С. 33.

[339] *Курбский М.* Сказания князя Курбского. С. 71.

[340] *Дженкинсон, Энтони.* Путешествие в Московию. / Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884. С. 58.

[341] Древняя российская вивлиофика. С. 91–92.

[342] *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. С. 129.

[343] Никоновская летопись. С. 368.

[344] *Шлихтинг А..*. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича. // Новое известие о времени Ивана Грозного. Л.: АН СССР, 1934. С. 17–18.

[345] ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII. Продолжение. С. 383.

[346] Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: АН СССР. Наука, 1977. Т. II. Ч. II. С. 170.

[347] *Шлихтинг А.* Указ. соч. С. 18.

[348] *Фроянов И. Я.* Драма русской истории. М. Парад, 2007. С. 843.

[349] ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 391.

[350] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе (Пер. М. Г. Рогинского) // Русский исторический журнал. Книга 8. 1922. С. 33.

[351] ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 392.

[352] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 35.

[353] Пискаревский летописец. С. 190.

[354] *Скрынников Р.Г.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. // Вопросы истории СССР (XVI–XVII вв.). Ученые записки ЛГПИ. Л., 1965. С. 22–65.

[355] *Веселовский С. Б.* Ликвидация Старицкого удела и расширение ведомства Опричного двора. // Исследования по истории опричнины. М.: АН СССР, 1963. С. 164–165, 174.

[356] Собрание государственных грамот и договоров. С. 557–558. (№ 193).

[357] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 89; Русский летописец. С. 141.

[358] Разрядная книга 1475–1605 гг. Том II. Часть II. С. 212; *Шлихтинг А.* Указ. соч. С. 62; *Штаден, Генрих.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925 С. 89.

[359] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 98; Пискаревский летописец. С. 191; Разрядная книга. С. 243.

[360] Послание Таубе и Крузе. С. 46–47.

[361] *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: АСТ. 2001. С. 464–465.

[362] Духовные и договорные грамоты. С. 436.

[363] Пискаревский летописец. С. 192.

[364] Соборное определение о четвертом браке царя Иоанна Васильевича. 29 апреля 1572 г. // ААЭ. Т. 1. С. 329–332 (№ 284).

[365] *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО. 2007. С. 180.

[366] Послание Таубе и Крузе. С. 46.

[367] *Александровская Е.И, Панова Т. Д.* Экологическая ситуация и здоровье людей в средневековой Москве // Природа. 2002, № 9. С. 31 (Табл. 4); *Манягин В.Г.* Правда грозного царя. М.: Алгоритм — Эксмо. 2006. С. 167 (Табл. 1).

[368] *Алисиевич В.* Череп Ивана Грозного // Записки криминалистов. Вып. 1. М. Юрикон. 1993. С. 160–166.

[369] Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича Всея Руси в Кириллов монастырь игумену Козьме со всей братиею во Христе. // Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.-Л., 1951. С. 355.

[370] British Library Manuscripts. Lansdowne. Vol. 18. f. 159. (перевод автора).

[371] *Carus-Wilson E. M.* The Origins and Early Development of the Merchant Adventurers' Organization in London as Shown in Their Own Medieval Records. // The Economic History Revew. Vol. 4., No. 2. (Apr., 1933). P. 150–151.

[372] *Carus-Wilson E. M.* Ibid. P. 164.

[373] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. London, 1896. P. 122.

[374] *Taylor, Eva.* Tudor Geography 1485–1583. London, 1930. Pp. 91–92.

[375] *Hart, Jonathan.* Representing the New World: The English and French Uses of the Example of Spain. London, 2001. P.52.

[376] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. P. 451.

[377] *Andrews, Kenneth R.* Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630. NewYork, 1984. P. 106.

[378] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. P. 332.

[379] *Andrew, Kenneth R.* Trade, Plunder and Settlement. P. 106.

[380] *Taylor, Eva.* Tudor Geography. P. 93.

[381] *Ченслер, Ричард.* Книга о великом и могущественном царе России // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю. В. Готье. М.: Соцэкгиз. 1937. С. 50.

[382] Сэр Хью Уиллоуби родился около 1495 г. Согласно одним источникам, он был дважды женат. От Маргарэт Молинэ, имел сына Джорджа (р. ок. 1520), от Джейн Стрелли — дочь Дороти. From: Willoughby of Eresby URL: http://www.tudorplace.com.ar/WILLOUGHBY1.htm (Accessed January 15th, 2010). По другим сведениям, сэр Хью был женат только на Джейн Стрелли, от которой имел сына Генри, король Яков I пожаловал ему рыцарское звание в 1611 г. From: The Penny Cyclopedia of the Society for the Diffussion of Useful Knowledge. Greate Britain. Vol. XXVII. London., 1843. P. 410.

[383] Willoughby Letters of the First Half of the Sixteenth Century // Nottinghamshire Miscellany. No.4. Thoronton Society.Vol.XXIV. Ed. *Mary A. Welch*. Nottingham, 1967. Pp. 79–82.

[384] *Walker, George Goold*. The Honourable Artillery Company, 1537–1947. Hampshire. 1954, p. 11.

[385] *Гамель И. Х*. Англичане в России в XVI–XVII столетиях. СПб., 1865. С. 5.

[386] Dictionary of National Biography. Ed. Sidney Lee. London. 1892. Vo, XXXII., p. 369.

[387] Calendar of state papers, Domestic series, of the reigns of Edward VI., Mary, Elizabeth, 1601–1603; with addenda, 1547–1565. Ed. *col1_0* London, 1870, p. 402.

[388] *Taylor, Eva*. Tudor Geography. P. 18.

[389] *Harrisse, Henry*. John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. P 343.

[390] *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. С. 161.

[391] Софийская Первая летопись // ПСРЛ. 1851. Т. V. С. 250.

[392] *Меховский Матвей*. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 117.

[393] Здесь и далее цитаты даны по: *Ченслер, Ричард*. Книга о великом и могущественном царе России // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю. В. Готье. М.: Соцэкгиз. 1937.С. 48–66.

[394] *Poulson, George*. The History and Antiquities of the Seigniory of Holderness: in the East-riding of the County of York. London, 1841. Vol. II. Pp. 409–410; *Catz, Berele*. The Constable of Halsham and Burton // The Tudor Court. URL: http://www.tudorplace.com.ar/CONSTABLE2.htm (Accessed January 15th, 2010).

[395] The Diary of Henry Machyn: Citizen and Merchant-Taylor of London (1550–1563). Ed. *Nichols J. G*. London. 1848, p. 34.

[396] *Cornford, Margaret E*. A Legend concerning Edward VI // The English Historical Review. Vol. 23, No. 90. (Apr., 1908), pp. 286–290.

[397] *McDermott, James*. Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. Yale University Press. 2001., p. 440. note 28.

[398] *Дмитриев Л. А*. Повесть о житии Варлаама Керетского // Памятники русской литературы: X–XVII вв. Ин-т рус. лит-ры. М.-Л., 1970. С.192.

[399] Здесь и далее цитаты даны по: *Уиллоуби, сэр Хью*. Путешествие Хью Уиллоуби (Пер. Ю. В. Готье) // Английские

путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 30–47.

[400] *Nordenskiold A. E.* The Voyage of the Vega Round Asia and Europe. London. 1885. Vol. I, p. 49.

[401] Доки на Темзе располагались в направлении течения в следующем порядке: Рэтклиф (Ratcliffe), Детфорд (Deptford), Блэквол (Blackwall), Вулвич (Woolwich), Грейвзенд (Gravesend), Гринвич (Greenwich). From: «Rotherhithe», Old and New London. Vol. 6. 1878., pp. 134–142.

[402] *Taylor, Eva*. Tudor Geography. P. 94.

[403] *Hobden, Heather.* Lady Jane Grey's Clocks // The Cosmic Elk URL: http://www.cosmicelk.net/LadyJaneGreyClocks.htm (accessed: January 15th, 2010).

[404] В переводе Готье фраза о празднике Троицы отсутствует: «28 мая. В день Троицы около 7 часов утра мы подняли наши якоря…» (Здесь и далее поправки даны по: *Hakluyt, Richard.* Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow.1903–1905. Vol. II, p. 212–224.).

[405] В переводе Готье неточность, в источнике речь идет не о «жителях», а только об одном островитянине: «there came a skiffe of the island aboord of us, of whom we asked many questions».

[406] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. P. 306.

[407] *Гамель. И.Х.* Англичане в России в XVI–XVII столетиях. СПб., 1865. С. 7.

[408] *Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе России. С. 51. В комментариях высказывается предположение, что имелись в виду Лофотенские острова.

[409] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. II, p. 254.

[410] Крест находился на «Большом Айновом острове» еще в 1909 г. С *Пинегин Н. В.* Айновы острова: Из путевых воспоминаний о Севере // Изв. Архангельского о-ва изучения Русского севера. 1909. № 13. С. 63.

[411] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. P. 290.

[412] *Taylor, Eva*. Tudor Geography. P. 94.

[413] *Rundall, Thomas.* Narratives of Voyagers towards the North-West, in Search of a Passage to Cathay and India. 1496 to 1631. London. 1849, p. V (Introduction).

[414] *Гамель И. X.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 10.

[415] В переводе Готье допущена ошибка. В источнике говорится только об одном корабле: «2. Our shippe being at an anker in the harbour called Sterfier in the Island Lofoote».

[416] Летопись Двинская. С. 10.

[417] *Ченлер Р.* Книга о великом и могущественном царе России. С. 55.

[418] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. II., p. 269, 271–272.

[419] Летопись Двинская. С. 11.

[420] *Kerr, Robert.* A General History and Collection of Voyages and Travels. London, 1824. Vol. VII., p. 225. Note. 11.

[421] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America, and Sebastian, his Son. P. 454.

[422] *Kerr, Robert.* A General History and Collection of Voyages and Travels. Pp. 219–229.

[423] Однако ежегодная плата в 250 фунтов ни разу не была выплачена С. Каботу. До конца своих дней он продолжал получать пансион в размере 166 фунтов 13 шилингов 4 пенса. См.: *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North-America, and Sebastian, his Son. Pp. 454–458.

[424] *Willan T. S.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester University. 1953., p. 10.

[425] *Willan T. S.* The Early History of the Russia Company. 1553–1603. N.Y. 1968., p. 25.

[426] *Hakluyt Richard.* The Principal Navigations. Vol. II., p. 278–290.

[427] *Harrisse, Henry.* John Cabot, the Discoverer of North America, and Sebastian, his Son. P. 351.

[428] Летопись Двинская. С. 12.

[429] Там же. С. 11.

[430] *Гамель И. X.* Англичане в России в XVI–XVII столетиях. С. 21.

[431] Дженкинсон миновал Нордкап 2 июля, через шесть дней был возле Нокуевской губы, а 12 июля корабли уже подошли к монастырю св. Николая. См.: *Дженкинсон, Энтони*. Путешествие из Лондона в Москву. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. (Пер. Ю. В. Готье). М.: Соцэкгиз, 1937. С. 74–75.

[432] *Harrisse, Henry.* John Cabot the Discoverer of North-America and Sebastian, His Son. P. 348.

[433] Московия Джона Мильтона (Пер. Ю. В. Толстого.). // Императорское общество истории и древностей Российских. М. 1875. С. 32.

[434] *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI–XVII столетиях. С. 23–24.

[435] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. II., p. 291;Vol. III., p. 331.

[436] *Hakluyt, Richard.* Ibid. p. 224 (note).

[437] *Nordenskiold A.E.* The Voyage of the Vega Round Asia and Europe. London. 1885. Vol. I, p. 62.

[438] *Gordon, Eleonora*. The Fate of Sir Hugh Willoughby and His Companions: A New Conjecture // The Geographical Journal. Vol. 152, No.2, July 1986, pp. 243–247.

[439] Calendar of State Papers, Colonial Series. East Indies, China and Japan, 1513–1616. Ed. *Sainsbury W. N.* London, 1862. Vol. 1, p. 3.

[440] «Then sent we three men Southeast three dayes three dayes journey, who in like sorte returned without finding of people, or any similitude of habitation». From: *Hakluyt, Richard*. Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Imprinted at London. By G. Bishop, R. Newberie, and R. Barker. 1598. Vol. 1. p.237.

[441] The Penny Cyclopaedia of the Society for the Diffusion of Useful Knolege. Great Britain. Vol. XXVII. London. 1843, p. 410.

[442] *Gordon, Eleonora*. The Fate of Sir Hugh Willoughby and His Companions. P. 244.

[443] *Hakluyt Richard*. The Principal Navigations. Vol. II, p. 224.

[444] *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. С. 19. (1 верста = 1,066 км.).

[445] «Следует заметить, что на шестой день нашего пути мы прошли около места, где погиб сэр Х. Уиллоуби со всем своим

экипажем; место это называется Арзина река (Arsina reca that is to say, the river Arsina)». *Дженкинсон, Энтони*. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 75.

[446] *Пошман А. фон.* Замечание о Белом море, а паче о береге его от местечка Плотны до Лумбовского селения с вернейшим описанием внимания достойных островов, их жителей, промыслов, нравов и прочих предметов // *Пошман А.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении… составленное в 1802 году. Архангельск, 1873. Т. II. С. 83.

[447] Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей, по Мурманскому берегу, и данному владению, в подробном описании становищ и расстояний. Подг. изд. А. В. Фрейганг // Морской сборник. 1866. Т. LXXXV, № 7 (июль). С. 142. (Отд. III).

[448] *Державин В. Л.* Северный Мурман в XVI–XVII вв.: к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове. Научный мир. М.: 2006. С. 28.

[449] *Державин В. Л.* Указ. соч. С. 26.

[450] *Лашук Л. П.* «Сиртя» — древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. 1968. С. 178–193.

[451] *Новицкий Гр.* Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941. С. 55.

[452] *Плотников Ю. А.* «Клады» Приобья как исторический источник. // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск. 1987. С. 126.

[453] *Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970. С. 127.

[454] *Шавров В.* Краткие записки о жителях Березовского уезда. СПб., 1871. С. 12.

[455] *Hakluyt, Richard*. The Principal Navigations. Vol. III. Pp. 347–348.

[456] *Лэт, Юлий Помпоний.* Комментарии к «Георгикам» Вергилия, 1480-е годы // Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. (Под ред. Алексеева М. П.). Иркутск, 1932. С. 70.

[457] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. II, p. 271–272.

[458] Летопись Двинская. С. 11.

[459] *Руссов, Бальтазар.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 341.

[460] Летопись Двинская. С. 11.

[461] *Purchas, Samuel.* Purchas his Pilgrimes. Glasgow. 1906. Vol. XIV, p. 293.

[462] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 106.

[463] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. II, p. 320–321.

[464] *Hakluyt, Richard.* Ibid. p. 389–390.

[465] *Hakluyt, Richard.* Ibid. p. 394.

[466] *Hakluyt, Richard.* Ibid. p. 383–384.

[467] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. III, p. 198.

[468] *Willan T. S.* The Early History of the Russia Company. P. 136.

[469] Здесь и далее цитаты по: *Горсей, Джером.* Записки о России XVI — начало XVII. (Пер. А. А. Севастьяновой). М. МГУ. 1991. С. 50–172.

[470] *Archbold W. A.J.* Horsey, Sir Jerome // Dictionary of National Biography. Ed. Sidney Lee. London — New York, 1891. Vol. XXVII, pp. 378–379; *Горсей, Джером.* Записки. С. 12 (Предисловие).

[471] 1 «мера» (weigh) = 40 бушелей (bushels); 1 бушель = 60 фунтов = 27,216 кг.

[472] *Hughes, Edward.* The English Monopoly of Salt in the Years 1563–1571 // The English Historical Review. Vol. 40. No. 159 (Jul., 1925), pp. 334–350.

[473] *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском Государстве XVI века. М-Л. АН СССР, 1951. С. 71.

[474] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. II, p. 295.

[475] Царская грамота в Соль Вычегодскую, 18 апреля 1558 г. // Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. I. С. 277 (№ 254).

[476] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. P. 410.

[477] *Jenkins, Rhys.* Links in the History of Engineering and Technology from Tudor Times. Freeport, N.Y., 1971. Pp. 198–199.

[478] *Hughes, Edward.* Studies in administration and finance, 1558–1825, with special reference to the history of salt taxation in England. Manchester. 1934. Pp. 31–37.

[479] *Coleman D. C.* Textile Growth // Textile History and Economic History: Esseys in Honour of Miss Julia de Lacy Mann. Manchester, 1973. Pp. 40–41.

[480] Документы по истории гражданских войн во Франции 1561–1563 гг. М.-Л.: АН СССР, 1962. С. 267–290.

[481] *Strype, John.* Annals of the Reformation. Oxford, 1824. Vol. II. Part I, p. 363.

[482] Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. Том I. Кн. III. СПб., 1901. С. 300–301.

[483] Русские акты Ревельского городского архива. (Под ред. А. Барсукова). СПб., 1894. Стб. 139–142 (№ 77).

[484] *Hughes, Edward.* The English Monopoly of Salt. P. 340.

[485] *Мейер М.* Исторические сведения об огнестрельном оружии. СПб., 1841. Ч. 1. С. 98.

[486] РИО. Т. 129. С. 125.

[487] *Hughes, Edward.* The English Monopoly of Salt. P. 345.

[488] *James, Edward Boucher.* Letters, Archaeological and Historical: Relating to the Isle of Wight. London, 1896. Pp. 541–551.

[489] Русские в Лапландии в XVI веке. С. 305.

[490] *Calendar of the Manuscripts at Hatfield House, 1572–1592. London, 1888. Vol. II, p. 288.*

[491] *Карамзин Н. М.* Примечания к IX тому Истории государства Российского. СПб., 1853. С. 122 (прим. 348).

[492] *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. (Пер. И. И. Полосина). Москва, 1925. С. 59.

[493] Concerning the burning of Moscow by Crimi-tartar by John Stow. // British Library Manuscripts. Harley catalog. Vol. 247, f. 208.

[494] Описание Штадена дает ясное представление, где находился Опричный двор Ивана IV (*Штаден, Генрих.* О Москве. С. 108–110). Дворец стоял с западной стороны Кремля, но его северные ворота смотрели на Кремль — это дает нам юго-западный сектор города. Двор располагался на самом высоком месте (данного сектора), но из-за сырости его территорию покрывал песок. Фундамент церкви покоился на 8 дубовых сваях. Церковь стояла непокрытой 3 года, видимо, давая усадку на слабом грунте. Из сообщения Штадена следует, что

Опричный дворец располагался с юго-западной стороны Кремля — на Болоте, за Москвой-рекой.

495 *Карамзин Н. М.* Примечания к IX тому. С. 122.

496 Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе (Пер. М. Г. Рогинского) // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 54.

497 *Лурье Я. С.* Известие о Варфоломеевской ночи в русских «Посольских делах» XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. М.: АН СССР, 1958. Т. 6. С. 216–230.

498 Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth, 1572–1574. Ed. *Crosby, Allan James*. London, 1876. Vol. X. P. 360.

499 *Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth, 1572–1574. Pp. 482–483.*

500 *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 151 (№ 36).

501 *Baumann, Wolf-Rudiger.* The Merchants Adventurers and the Continental Cloth-trade (1560s-1620s). Berlin-New York. 1990, p. 306.

502 *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. Ч. 1. Москва, 1864. С. 186; Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века (пер. В. Ф. Домбровского) // Журнал министерства народного просвещения. № 9. 1842. с. 152.

503 Acts of the Privy Council of England, 1577–1578. Ed. J. R. Dasent. London, 1895. Vol. X. Pp. 142, 159–161.

504 *Маньков А. Г.* Цены и их движение. С. 64–65, 69 (Табл. XVIII, XXI).

505 Calendar of State Papers Domestic, 1581–1590. Edit. *Lemon, Robert*. London, 1865. Vol. CLIX. P. 103.

506 *Джером, Горсей.* Записки. С. 218–244.

507 *Smith, Brian.* Origins of Whitstable. URL: http://www.simplywhitstable.com/towc_history/worigins.htm (Accessed January 15th, 2010).

508 Горсей, Джером. Записки. С. 108, 140.

509 Базовое обучение в Кембридже, включавшее грамматику, логику, геометрию, географию, музыку, астрономию, теологию, продолжалось семь лет. По окончании третьего года студенту присваивалась степень бакалавра, еще через четыре года — степень магистра гуманитарных наук. Изучение медицины и права требовало

дополнительных 8–10 лет учебы, два года из которых отдавались практическим занятиям, после чего выдержавшим экзамен присваивалось звание доктора. Лицензия, дававшая право открыть частную практику, выдавалась тем, кто успешно прошел экзаменацию в Королевской медицинской коллегии. From: *Mullinger, J.B.* A History of the University of Cambridge. London, 1888. Pp. 22–25.

[510] *Munk, William.* Lives of the Fellows of the Royal College of Physicians, 1518–1800 (2nd Ed.). London, 1878. Vol. I. P. 56.

[511] Calendar of State Papers and Manuscripts Relating to English Affairs Existing in the Archives and Collections of Venice. London, 1884. Vol. VI, pt. I. P. 143; pt. II. P. 1005.; *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow. 1903. Vol. II. P. 357. *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею, 1553–1593. СПб., 1875. С. 16–17 (№ 4).

[512] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. P. 358; *Munk, William. Lives of the Fellows*. P. 56.

[513] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. P. 397.

[514] Первое послание Грозного. // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1979. С. 33.

[515] *Munk, William. Lives of the Fellows.*P. 56.

[516] *Гамель И. Х.* Англичане в России. С. 77.

[517] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 35–36 (№ 10).

[518] При поступлении студенты вносили вступительный взнос, во время учебы они оплачивали из своих средств проживание и питание. From: *Mullinger, J.B.* A History. Pp. 69, 95.

[519] *Bishop, W.J.* English Physicians in Russia in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1929. Vol. 23 (2). Dec. P. 145.

[520] A gratulatory epistle of Richard Reynolds to Sir W. Cecil, being a scholar maintained by him. Nov. 6, 1552. // British Library Manuscripts. Lansdowne. Vol. 3. f. 12.

[521] *Bishop, W.J.* English Physicians. P. 145.

[522] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 66 (№ 18).

[523] Letter from Humphrey Lock to W. Cecil, Jul. 1, 1568. // Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth: 1566–1568. Ed. *Crosby, A. J.* London. 1871. Vol. 8. P. 492.

[524] *Smith, C.F.* Reynolds, Richard. // The Dictionary of National Biography. Ed. Lee, Sidney. London. 1896. Vol. 48. P. 68.

[525] *Bishop, W.J.* English Physicians. P. 145.

[526] *Smith, C.F.* Reynolds, Richard. // The Dictionary. P. 68.

[527] *Lee, Sidney.* Eliseus Bomelius. // The Dictionary of National Biography. Ed. Stephen, Leslie. New York. 1908. Vol. II. P. 796.

[528] История побега Катерины и Ричарда Бертье из Англии и их скитания на континенте описана самим Ричардом и опубликована в «Книге Мучеников» Джона Фокса. From: John Fox's Book of Martyrs. London, Ed. 1570. Book XII. Pp. 2283–2286.

[529] Герцог Чарльз Брандон первым браком был женат на Марии Тюдор, сестре короля Генриха VIII.

[530] *Coofer, Thompson.* Bertie, Richard. // The Dictionary of National Biography. Ed. Stephen, Leslie. New York, 1885. Vol. IV. Pp. 407–408.

[531] *Lee, Sidney.* Eliseus Bomelius. P. 796.

[532] *Cooper, C.H., Cooper, T.* Athenae Cantabrigienses. Cambridge, 1858. Vol. I. P. 454.

[533] *Lee, S.L.* Bertie, Peregrine. // The Dictionary of National Biography. Ed. Stephen, Leslie. New York, 1885. Vol. IV. P. 404.

[534] *Bishop, W.J.* English Physicians. P. 146.

[535] *Pelling, M., White, F.* Physicians and Irregular Medical Practitioners in London, 1550–1640. Oxford: Oxford University Press, 2004. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17251 (Accessed January 15th, 2010).

[536] *Strype, John.* The life and acts of Matthew Parker, first archbishop of Canterbury in the reign of Queen Elizabeth. London, 1711. Book IV. P. 294.

[537] *Pelling, M., White, F.* Physicians and Irregular Medical Practitioners. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17251 (Accessed January 15th, 2010).

[538] *Lee, Sidney.* Eliseus Bomelius. // The Dictionary. P. 796.

[539] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 79 (№ 21).

[540] *Толстой Ю.* С. Первые сорок лет. 80 (№ 21).

[541] *Pelling, M., White, F.* Physicians and Irregular Medical Practitioners. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17251 (Accessed January 15th, 2010).

[542] *Strype, John.* The life and acts of Matthew Parker, first archbishop of Canterbury in the reign of Queen Elizabeth. London. 1711. Vol. IV. P. 97. (Пер. с лат. Дм. Чепеля).

[543] *Read, Connyers*. Lord Burghley and Queen Elizabeth. New York, 1960. Pp. 38–50.

[544] Queen Elizabeth and her Times: a Series of Original Letters. Ed. Wright, Thomas. London, 1838. Vol. I, p. 361–362.

[545] *Strype, John.* The life and acts of Matthew Parker. Book IV. Chapter I. p. 294.

[546] *Hamel, J*. England and Russia; Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and Others, to the White Sea. London, 1854. Pp. 203–205.

[547] *Толстой Ю*. Первые сорок лет. С. 89 (№ 24), 87 (№ 23).

[548] Там же. С. 84 (№ 22), 99–101 (№ 26).

[549] *M. Pelling, F. White*. Physicians and Irregular Medical Practitioners. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17251 (Accessed January 15th, 2010).

[550] *Stock, A…* Stow's Survey and the London Playwrights // John Stow (1525–1605) and the Making of the English Past. London, 2004. P. 90–95.

[551] *Hiatt, A.* Stow, Grafton, and fifteenth-century historiography // John Stow (1525–1605) and the Making of the English Past. P. 51.

[552] The Bishop of London, to Sir Wm. Cecill; that he has sent to the Concil a catalogue of J. Stowe's unlawful books, Feb. 24, 1568. A letter to the Bishop of London, from Mr. T. Watts, his Chaplain; of what books he found at Mr. Stowe's house, in consequence of his search, Feb. 21, 1568. A catalogue of such unlawful books as were found in the house of Mr. J. Stowe, Feb. 21, 1568. // London. British Library. Manuscripts. Landsdoune. Vol. 11., №№ 2, 3, 4.

[553] *Willan. T.S.* The Early History of the Russia Company 1553–1603. New York. 1968. Pp. 136–137.

[554] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 103–105 (№ 27), С. 109 (№ 26), С. 118 (№ 30).

[555] *Дженкинсон, Энтони.* Путешествия м. Антона Дженкинсона. Пер. С. М. Середонина. / Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884. С. 74.

[556] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 55.

[557] *Штаден, Генрих*. Записки о Московии. С. 151.

[558] Псковский летописец. // ПСРЛ. Т. 34, М., 1978. С. 191–192.

[559] Concerning the burning of Moscow by Crimi-tartar by John Stow. // British Library Manuscripts. Harley catalog. Vol. 247, f. 208. (Перевод автора).

[560] *Hakluyt, Richard*. The Principal Navigations. Vol. III. Pp.169–170.

[561] *Archer, Ian W.* John Stow: Citizen and Historian // John Stow (1525–1605) and the Making of the English Past. London, 2004. P. 14.

[562] *Coward, Barry*. The Stanleys, Lords Stanley, and Earls of Derby, 1385–1672. Manchester, 1983. P. 145.

[563] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 55–56.

[564] *Толстой Ю*. Первые сорок лет. С. 123 (№ 30).

[565] Разрядная книга 1475–1605 гг. Том II. Часть II. М.: АН СССР. (Институт истории). Наука. 1982. С. 291–292.

[566] *Принтц, Даниил*. Начало и возвышение Московии // Императорское общество истории и древностей Российских. М., 1877. С. 29.

[567] Соборное определение о четвертом браке царя Иоанна Васильевича. 29 апреля 1572 г. // ААЭ. Т. 1. С. 329–332 (№ 284).

[568] *Панова Т. Д*. Уж приготовлен яд, пощады не проси… // Знание — сила. М. № 7 (1998) URL: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_129.html (Дата обращения 15 января 2010).

[569] РИО. Т. XIII. СПб., 1892. С. 271.

[570] Пискаревский летописец. // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С.191.

[571] *Карамзин Н.М*. История государства Российского. Т. IX. С. 273, прим. 294.

[572] *Kennedy, Gerry & Churchill, Rob*. The Voynich manuscript: the mysterious code that has defied interpretation for centuries. Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2006; *Pelling, Nicholas John*.The curse of the Voynich: the secret history of the world’s most mysterious manuscript. Surbiton, Surrey: Compelling Press, 2006; The most mysterious manuscript: the Voynich «Roger Bacon» cipher manuscript. Ed. Robert S. Brumbaugh. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1978, etc.

[573] *French, Peter J.* John Dee: the World of an Elizabethan magus. London, 1972. P. 45.

[574] *Willan T. S.* The Early History. P. 141.

[575] Calendar of State Papers Foreign,1575–1577. Edit. *Crosby, Allan James*. London, 1880. Vol. XI. P. 91.

[576] *Штаден, Генрих.* О Москве Ивана Грозного. С. 124.

[577] Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Elizabeth, 1581–1590. Ed. *Robert Lemon*. London. 1865. Vol. CXLVIII, p. 16.

[578] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 182 (№ 39).

[579] *Горсей Джером.* Записки о России XVI — начало XVII. Пер. и вступ. ст. А. А. Севастьяновой. М.: МГУ, 1991. С. 75.

[580] *Lee, Sidney.* Eliseus Bomelius // The Dictionary. P. 796.

[581] Первая Псковская летопись // ПСРЛ. СПб, 1848. Т. IV. С. 318.

[582] Московский летописец // ПСРЛ. М, 1978. Т. XXXIV. С. 226.

[583] Пискаревский летописец // ПСРЛ. М, 1978. Т. XXXIV. С. 192.

[584] Московский летописец. С. 226.

[585] *Аделунг Фридрих.* «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений». Москва, 1864. Ч. 1. С. 191.

[586] *Goodwin, Gordon.* Jacob, Richard. // The Dictionary of National Biography. Ed. Lee, Sidney. London. 1892. Vol. 29. P.122.

[587] *Munk, William.* Lives of the Fellows. P. 88.

[588] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею // РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 2.

[589] *Furdell, Elizabeth Lane.* The Royal Doctors, 1485–1714: Medical Personnel at the Tudor and Stuart Courts. New York, 2001. P. 73.

[590] *Горсей, Джером.* Записки о России. С. 80.

[591] *Bishop, W.J.* English Physicians. P. 147.

[592] *Поссевино, Антонио.* Московия // Исторические сочинения о России XVI в. (Пер. Л. Н. Годовиковой). МГУ. 1983. С. 24.

[593] Разрядная книга 1475–1605 гг. (Под ред. Буганова В. И.) Том III. Часть I. М. АН СССР. (Институт истории). Наука. 1984. С. 170–176.

[594] *Поссевино, Антонио.* Московия. С. 51.

[595] *Жаринов Г. В.* Записи о расходе лекарственных средств 1581–1582 гг. // Архив русской истории. № 4. 1994. С. 122–124. (№№ 1–6, 7).

[596] *Hamel, J.* England and Russia. P. 236.

[597] *Pelling M.,* White F. Physicians and Irregular Medical Practitioners in London 1550–1640. 2004; *Pumfrey, Stephen. William Gilbert //* Cambridge Scientific Minds. Cambridge University Press. 2002. P. 2–19; *Bern, Dibner.* Doctor William Gilbert. N.Y. 1947; *Гилберт Уильям.* О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле. Новая физиология, доказанная множеством аргументов и опытов. (Пер. А. И. Доватура). М.: АН СССР, 1956; и др.

[598] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 35.

[599] *Андреев А., Белецкая В.* Загадки гробницы Ивана Грозного. Журнал Огонек, № 12, 1964. С. 30.

[600] *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР. 1965. Вып. 100. С. 139–142.

[601] *Горсей, Джером.* Записки. С. 86–87.

[602] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М. 1963; *Скрынников Р. Г.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Вопросы истории СССР (XVI–XVII вв.)Ученые записки ЛГПИ. Л. 1965. Т. 278. С. 22–65; его же Опричный террор. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

[603] См. Приложение: Структура Синодика опальных (Реконструкция автора).

[604] РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 3.

[605] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 195–196 (№ № 42, 43).

[606] *Толстой Ю.* Первые сорок лет. С. 209 (№ 45), 226 (№ 51).

[607] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. III. P. 323.

[608] *Горсей, Джером.* Записки. С. 85.

[609] *Hakluyt, Richard.* The Principal Navigations. Vol. III. P. 324.

[610] *Масса, Исаак.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. (Пер. А. Морозова). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 33.

[611] Донесение кардинала А. Болоньетти от 24 (14) августа 1584 г. // Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек д. ст. сов. А. И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 7.

[612] РИО. Т. 38. С. 138.

[613] *Chester, Joseph Lemuel. Alligations for Marriage Licences issued by the Bishop of London, 1520 to 1610. London, 1887. Vol. 25, p. 155.*

[614] Calendar of State Papers Foreign, August 1584 — August 1585. Ed. *Lomas S. C.* London. 1916. Vol. XIX. Pp. 218–219.

[615] *Furdell, Elizabeth Lane.* The Royal Doctors. P. 75.

[616] *Толстой Ю*. Первые сорок лет. С. 249–250 (№ 56).

[617] *Munk, William*. Treasurers and Registrars of the Royal College of Physicians of London. // Notes and Queries. London. 1857. 2nd Series. Vol. 3 (January-June). P. 88.

[618] Calendar of State Papers Foreign, September 1585 — May 1586. Edit. *Lomas, Sophie Crawford*. London, 1921. Vol. XX. Pp. 53–55.

[619] *Bishop, W.J.* English Physicians. P. 147.

[620] *Keen, D.J; Harding, Vanessa*. Historical Gazetteer of London before the Great Fire. London, 1987. P. 597.

[621] *Толстой Ю*. Первые сорок лет. С. 285 (№ 59).

[622] Russia at the Close of the Sixteenth Century. Ed. Edward A. Bond. New York, 1856. P. 332.

[623] *Цветаев Д*. Мария Владимировна и Магнус Датский // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1878. № 3. С. 84.

[624] *Горсей Джером.* Записки. С. 223.

[625] *Hamel, J*. England and Russia. P. 234.

[626] *Ridlan G. T.* History of the Ancient Ryedales. Munchester, N. Hemp. 1884. P. 419, 424.

[627] *Любименко И*. История торговых сношений России с Англиею. Юрьев. 1912. С. 162–164 (№ 15).

[628] *Munk, William. Lives of the Fellows.* P. 106.

[629] *Keevil, John J*. Hamey the Stranger. London, 1952. P. 23.

[630] *Keevil, John J*. Hamey the Stranger. P. 45, 58, 63.

[631] *Bishop, W.J.* English Physicians. P. 148.

[632] *Pelling, M., White, F.* Physicians and Irregular Medical Practitioners. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17506 (Accessed January 15th, 2010).

[633] *Munk, William*. Treasurers and Registrars of the Royal College of Physicians of London. // Notes and Queries. London. 1857. 2nd Series. Vol. 3 (January-June). P. 304.

[634] *Munk, William. Lives of the Fellows.* P. 153.

[635] *Любименко И.* История торговых сношений. С. 170–171 (№ 17).

[636] *Stone, Geral.* A Dictionarie of the Vulgar Russ Tongu, Attributed to Mark Ridley. Köln. 1996. Pp. 18–19. (Introduction).

[637] *Evans, Norman.* Doctor Timothy Willis and his Mission to Russia, 1599. // Oxford Slavonic Papers. No.2 (1969). P. 40.

[638] *Munk, William. Lives of the Fellows.* P. 74.

[639] *Porter, Bertha.* Willis, Timothy. // The Dictionary of National Biography. Ed. Lee, Sidney. London. 1900. Vol. LXII. P. 26.

[640] *Pelling, M., White, F.* Physicians and Irregular Medical. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17931 (Accessed January 15th, 2010).

[641] *Evans, Norman.* Doctor Timothy Willis. Pp. 57–61.

[642] РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 271–277, 290.

[643] *Evans, Norman.* Doctor Timothy Willis. P. 53.

[644] *Spedding, James.* The Letters and the Life of Francis Bacon. London. 1890. Vol. II. P. 364.

[645] *Pelling, M., White, F.* Physicians and Irregular Medical. URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=17931 (Accessed January 15th, 2010).

[646] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Голос, 1994. Кн. 4. Т. VII. С. 362.

[647] *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865; *Любименко И. И.* Торговые сношения России с Англией при первых Романовых. // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. серия. Ч. LXVI (ноябрь, декабрь). Петроград, 1916; *Anderson, M.S.* Britain’s Discovery of Russia, 1553–1815. New York. 1958; *Bisson, D. R.* The Merchant Adventurers of England: the Company and the Crown, 1474–1564. London. 1993; *Brenner, Robert.* Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London’s Overseas Traders, 1550–1653. Princeton, N.J… 1993; *Willan, T.S.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953; *Idem.* The Early History of the Russian Company, 1553–1603. New York. 1968.

[648] *Горсей Джером.* Записки. С. 130.

[649] *Кузнецов Б.* За наукой в чужедальние края // Родина. (2000, № 10). С. 34–38; *Szulinski, Cathi*. The First Russian Students in England. URL: http://www.krotov.info/engl/library/szulinsk.html (Accessed January 15th, 2010).